ПАНЧАТАНТРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

पञ्चतन्त्र

ПАНЧАТАНТРА

ПЕРЕВОД С САНСКРИТА
И ПРИМЕЧАНИЯ
А. Я. СЫРКИНА

СТАТЬЯ
В. В. ИВАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

академики: *В. П. Волгин* (председатель), *В. В. Виноградов*, *Н. И. Конрад* (зам. председателя), *И. А. Орбели*, *С. Д. Сказкин*, *М. Н. Тихомиров*, члены-корреспонденты АН СССР: *Д. Д. Благой*, *В. М. Жирмунский*, *Д. С. Лихачев*, профессора: *И. И. Анисимов*, *А. А. Елистратова*, *С. Л. Утченко*, кандидат исторических наук *Д. В. Овнобишин* (ученый секретарь)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. В. ИВАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Древний сборник индийских басен «Панчатантра» («Пять книг») был составлен в наиболее ранней редакции в III—IV вв. н. э. неизвестным автором. Первоначально он служил педагогическим целям — это была «наука житейской мудрости», по которой обучались юноши.

Каждая из пяти книг памятника представляет собой самостоятельный рассказ, герои которого по ходу действия рассказывают басни, иллюстрирующие обычно то или иное поучение. Текст изобилует стихотворными вставками. Сборник написан хорошим литературным языком и является одним из лучших образцов прозы классического санскрита. Известен ряд версий «Панчатантры»: Кашмирская версия, Джайнская версия, версия Пурнабхадры и т. д.

Созданная свыше полутора тысяч лет назад, «Панчатантра» является выдающимся памятником не только индийской, но и мировой литературы. Она давно уже вышла за пределы своего первоначального назначения и стала одной из популярнейших и любимых книг в Индии, где легла в основу ряда позже возникших индийских сборников рассказов («Хитопадеша» и др.). В многочисленных обработках и пересказах этот памятник получил широкое распространение и за пределами Индии. Уже в VI в. делается перевод «Панчатантры» на пехлеви. Арабский пересказ последнего, широко известный под заглавием «Калила и Димна», в свою очередь, подвергается многочисленным переделкам. Благодаря греческому переводу «Стефанит и Ихнилат», эта книга стала в XIII в. известна на Руси, а латинский перевод познакомил с ней Западную Европу. Достаточно сказать, что насчитывают свыше двухсот переводов «Панчатантры» более чем на шестидесяти языках.

Недавняя постановка в Индии балета «Панчатантра», представляющего собой инсценировку второй книги сборника, — еще одно свидетельство популярности, которой по сей день пользуется этот памятник у индийцев.

До настоящего времени на русский язык была переведена лишь часть «Панчатантры»[1]. Данное издание, предпринимаемое Академией наук СССР, содержит первый полный перевод на русский язык этого выдающегося памятника индийской литературы. Оно поможет нашим читателям еще лучше ознакомиться с замечательной культурой дружественного нам великого индийского народа.

---

[1] «Панчатантра. Избранные рассказы». Перевод Р. О. Шор. М., 1930.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МАТЕРИ
Мириам Вениаминовны
СЫРКИНОЙ-НЕЙМАН
ПОСВЯЩАЮ СВОЙ ПЕРЕВОД

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящий перевод сделан с текста одной из наиболее полных версий «Панчатантры» — версии Пурнабхадры, критически изданной И. Хертелем (The Panchatantra. Text of Purnabhadra, ed. I. Hertel. Harvard Oriental series. Vol. 11—12, Cambridge Mass., 1908—1912).

Ставя себе задачей дать по возможности точный литературный перевод памятника, а не подстрочник, переводчик отказался в большинстве случаев от сохранения характерного для санскритского строя предложения порядка слов, позволил себе разбить некоторые чрезмерно длинные периоды на отдельные предложения (например, в описании царствования Пингалаки). При передаче отдельных неясных мест подлинника, не преодоленных до конца и другими переводчиками (Das Pancatantram, üb. von R. Schmidt, Leipzig, 1902; The Panchatantra, transl. by A. Ryder, Chicago, 1942), были учтены толкования и конъектуры Т. Бенфея, О. Бётлингка, И. Хертеля.

Некоторые слова переведены условно. Это относится, например, к передаче ряда слов из животного и растительного мира. Там, где найти приблизительный эквивалент в русском языке оказывалось невозможным, имена остались без перевода, с ссылкой на примечания. Не удалось передать и богатую синонимику языка подлинника в названиях животных (слон, лев, шакал, верблюд, змея и т. д.). Принципы перевода стихов изложены ниже в «Объяснении стихотворных размеров». Здесь отметим лишь, что передача отдельных поэтических приемов (например, в 50-м и 147-м стихах I книги, целиком построенных на игре слов, или в 69-м и 234-м стихах I книги, представляющих собой сплошную звукопись) была не под силу переводчику, и все такие случаи приведены и разобраны в примечаниях.

В примечаниях также дается перевод собственных имен, как правило, прозрачных по этимологии и часто связанных с характеристикой героя (в особенности в 17-й и 26-й баснях I книги и 4-й басне V книги). В самом тексте собственные имена не переводятся.

Настоящий перевод «Панчатантры» был начат во время занятий санскритом в Московском Государственном университете под руководством проф. Михаила Николаевича Петерсона, которому переводчик приносит свою глубокую благодарность.

А. Я. Сыркин

ПАНЧАТАНТРА

ВСТУПЛЕНИЕ

Достойно! Ом! Слава божественной Сарасвати![1]

От всех учений на земле
Взял Вишнушáрман [2] самое полезное |
И создал в пяти книгах
Науку, что нам радует сердца. (1)
ār*

Вот как все произошло. Есть в южной стране город под названием Махиларопья [3]. Жил там царь по имени Амарашакти [4], сведущий во всех науках житейской мудрости [5]. Множество драгоценных камней из диадем лучших царей покрывали сиянием его ноги, и несравненного уменья достиг он во всех искусствах. Было у него три необычайно глупых сына: Васушакти, Уграшакти и Ананташакти [6]. И видя, что они отвернулись от наук, царь созвал министров и сказал: «Увы! Известно вам, что сыновья мои отвернулись от наук и лишены разума. Гляжу я на них, и даже царство, избавленное от врагов, не радует меня. Хорошо ведь говорится:

Безвреден тот, кто не рожден, безвреден тот, кто встретил смерть, |
Но тот, кто родился глупцом, — всю жизнь мученья нам несет. (2)

---

* Принятые в стихах обозначения разъяснены в «Объяснении стихотворных размеров» (см. стр. 324—325).

А также:

Что нам корова принесет, недойная, бесплодная? |
Что толку в сыне, если нет ни знаний, ни почтенья в нем? (3)

Поэтому надо найти какой-нибудь способ пробудить их разум».

Тогда они стали говорить друг за другом: «Божественный![7] Ведь двенадцать лет изучают грамматику. Когда она с трудом пройдена, то изучают науки закона [8] и житейской мудрости. Тогда-то и пробуждается разум» Тогда выступил среди них советник по имени Сумати [9] и сказал: «Божественный! Не вечно длится эта жизнь. Много времени уходит на изучение науки речи [10]. Поэтому как можно скорее надо придумать что-нибудь, чтобы они пробудились. Сказано ведь:

Воистину наука слов безбрежна,
А жизнь мгновенна и препятствий много. |
Важнейшее всегда найти старайтесь,
Как гуси молоко в воде находят [11]. (4)

upa

Есть здесь брахман [12] по имени Вишнушарман, прославленный за свое совершенство во многих науках. Передай их ему. Наверно, он быстро пробудит их разум». Услышав это, царь призвал Вишнушармана и сказал ему: «О блаженный! Если можешь сделать так, чтобы дети мои превзошли остальных в науке житейской мудрости, то исполни это из милости ко мне. Сотней даров награжу я тебя». Тогда Вишнушарман ответил лучшему из царей: «Божественный! Послушай мою правдивую речь. И за сотню даров не продам я знание. Но если через шесть месяцев они не станут сведущими в науке разумного поведения [13], то я откажусь от своей славы. К чему много слов? Пусть услышат мой голос, подобный рыку льва. Не ради корысти я говорю. Мне восемьдесят лет, я оставил все чувственные побуждения, — откуда же у меня может быть стремление к выгоде? Но, чтобы исполнить твое желание, я примусь за ремесло Сарасвати. Поэтому пусть запишут сегодняшний день. Если через шесть месяцев дети твои не превзойдут других в науке разумного поведения, пусть божественный покажет мне дорогу богов» [14].

Услышав это необычайное обещание брахмана, удивленный царь, окруженный министрами, передал ему сыновей и почувствовал полное успокое-

ние. А Вишнушарман, взяв детей, пошел к себе домой, сочинил для них пять книг: «Разъединение друзей», «Приобретение друзей», «О воронах и совах», «Утрата приобретенного» и «Безрассудные поступки» и дал царским детям прочитать эти книги. И изучив их, они стали такими, как было обещано. С тех пор эта наука разумного поведения, называющаяся «Панчатантрой»[15], служит в мире для обучения юношей. Одним словом:

Кто изучает ревностно науку поведения, |
Того и Ша́кра [16] никогда не будет в силах погубить. (5)

Таково вступление к повествованию.

I

РАЗЪЕДИНЕНИЕ ДРУЗЕЙ

Здесь начинается первая книга под названием «Разъединение друзей». Вот ее первый стих:

Сошелся лев с быком в лесу, и их привязанность росла, |
Но жадный клеветник-шакал навек ту дружбу погубил. (*1*)

Вот что произошло. Есть в южных странах город под названием Махиларопья, соперничающий с городом Пурандары [1], одаренный всеми достоинствами, лучшее сокровище земли, подобный вершине Кайласы [2]. Его городские ворота и сторожевые башни наполнены разнообразным, искусно сработанным оружием и повозками. Сами ворота, огромные и очень прочные, подобны по величине горе Индракила [3] и снабжены засовами, листовидными створками и задвижками. На площадях и перекрестках его много прекрасно устроенных храмов, много в нем конюшен, и подымающийся ввысь круг стен, схожий видом с Гималаями, опоясывает его. Жил там купец по имени Вардхамана [4]. Своим благочестивым поведением в прошлом существовании он заслужил множество богатств и был наделен всевозможными достоинствами. Как-то среди ночи он впал в раздумье, и думы его были таковы: «Даже великое добро тает, словно глазная мазь, если тратить его, и даже малое растет, как муравейник, если его приумножать. Итак, пусть даже дорогой ценой, надо увеличивать его. Не добытое добро надо добывать, добытое — охранять, сохраненное — приумножать, а умно-

женное богатство пусть достается владельцу. Но многочисленны бедствия, и, как ни охраняй добро, оно всегда может внезапно погибнуть. Не пользоваться богатством, когда придет нужда, — все равно, что не иметь его. Поэтому, приобретя добро, надо хорошо его охранять, приумножать и пользоваться им. Сказано ведь:

Кто отдает свое добро, тот только сбережет его. |
Так орошаются поля водою, взятой из пруда. (2)

Деньгами деньги ловятся, как ловится слонами слон. |
Не может торговать бедняк, как ни желает он того. (3)

Когда богатый человек
Нисколько не стремится к удовольствиям |
И в мир другой уйти не хочет,
То он — глупец, сокровища хранящий». (4)

ār

Поразмыслив так, он приготовил ценные товары для посылки их в Матхуру [5] и в благоприятный день, под счастливой звездой, с позволения родителей вышел из города вместе со свитой. Его сопровождали родственники, и в пути перед ним играли на раковине и турье [6]. Дойдя до берега, он отпустил друзей и отправился дальше.

Повозку его тянули два быка, которых звали Нандака и Сандживака [7]. Они были отмечены счастливыми признаками, белоснежны, как облака, и золотые колокольчики опоясывали их груди. Так достигли они леса, который радовал сердце своими деревьями дхава, кхадира, палаша, шала [8] и многими другими, тесно растущими и приятными для глаз, и наводил великий страх множеством слонов, гайялов [9], буйволов, антилоп, яков, кабанов, тигров, пантер и медведей. В нем набралось много воды, стекающей со склонов гор, и он изобиловал пещерами и непроходимыми местами. И тут у одного из этих быков — Сандживаки — нога завязла в трясине, что возникла от воды падавшего вдали водопада. Измученный негодной повозкой и чрезмерным грузом, он разорвал упряжь и упал. Видя, что он свалился, встревоженный возница слез с повозки, поспешно подошел к находившемуся поблизости купцу и, почтительно сложив ладони, сказал ему: «Сын благородного! Утомленный дорогой, Сандживака упал в трясину». Услышав это, купец Вардхамана сильно опечалился. На пять ночей прервал

он свое путешествие и, видя, что тот не поправляется, передал его слугам, имевшим при себе пищу, и сказал: «Если выживет Сандживака, возьмите его с собой, а если умрет, похороните его и возвращайтесь».

Приказав так, он, как и намеревался, отправился в глубь страны. А те, боясь оставаться в лесу, изобилующем опасностями, на следующий же день вернулись к господину и солгали ему: «Умер Сандживака. Мы похоронили его, совершив сожжение и другие установленные обряды». И услышав это, купец погоревал некоторое время, совершил из благодарности к быку погребальную церемонию и другие обряды и беспрепятственно достиг Матхуры.

Между тем волею судьбы изможденный Сандживака, которому суждено было остаться в живых, подкрепив свое тело каплями воды от водопада, потихоньку спустился на берег Ямуны [10]. И там, поедая кончики побегов молодой травы, подобные смарагдам, он стал через несколько дней жирным, как бык Хары [11], высоким и сильным. Каждый день он разрывал муравьиные кучи остриями своих рогов и стал похожим на слона.

И как-то раз лев по имени Пингалака [12], окруженный всеми зверями, спустился на берег Ямуны напиться воды и услышал могучий рев Сандживаки. Слыша его, он сильно встревожился сердцем и, скрыв свое состояние, поместился под образующей окружность смоковницей в положении, которое называется «четыре круга».

Вот как называются круги в положении «четыре круга»: лев, свита льва, трусы и неосторожные [13]. Во всех городах, столицах, селениях, деревнях, торговых местах, поселках, пограничных землях, участках, пожалованных брахманам, монастырских участках и колониях лишь кто-нибудь один занимает положение льва. Некоторые находятся в свите льва, в том числе соглядатаи. Трусы — в середине толпы. Неосторожные живут на окраинах леса и делятся на три группы: высшие, средние и низшие.

Что же касается Пингалаки, то он, окруженный советниками и друзьями, без страха и забот, высоко неся голову, наслаждался царской властью в лесу. Он воздерживался от чрезмерного употребления зонтов, опахал [14], вееров, колесниц и не злоупотреблял наслаждениями. Он возвышался безыскусственным и разумным поведением и необычайной отвагой. Он в избытке был наделен гордостью и безупречным достоинством и не терпел высокомерия. Царская власть не знала цепей, и ей охотно подчинялись. Не слышно было жалобных речей простых подданных. Нетерпимость, гнев, беспокойные желания и высокомерие исчезли, и великодушие стало всеобщей целью. Ладони были сложены вместе. Не было ни печали, ни страха, и лесть не была

в ходу. Процветали решительность, отвага, чувство своего достоинства и настойчивость. Подданный был предан одной цели, не зависел от других и, вместе с тем, заботился не об одном себе. Плодом мужественных поступков была радость от помощи ближнему. Отчаяние, бедность и унижение исчезли. Пришедшие в упадок крепости заботливо восстанавливались, а обилие богатств не ставилось ни во что. Не было противоречий и зависимости. Достижение чрезмерной власти считалось опасным. Никто не думал о шести способах ведения войны [15] и не украшался оружием. Пищи было необычайное изобилие. Ничего не делалось за спиной, и не из-за чего было беспокоиться. Крики негодных женщин, следовавших по пятам, оставлялись без внимания. Некого было упрекать. Метательные орудия не употреблялись, и никого не обучали пользоваться ими. Желания не встречали преград, и подданные были удовлетворены, получая, независимо от своего положения, пищу и жилье [16]. Сказано ведь:

Живя в лесу, не знает лев
Ни блеска, ни науки поведенья. |
Бесстрашный господин зверей
По праву величается царем. (5)

ār

И также:

Обряды незачем свершать, чтоб льва на царство посадить. |
Своим могуществом он сам владыкой стал среди зверей. (6)

Привыкнув пожирать слонов, что истекают мускусом[17], |
Когда желанной пищи нет, не станет лев щипать траву. (7)

Было у него два шакала, которых звали Каратака и Даманака [18], дети советников, отстраненные им от службы. Они начали советоваться друг с другом, и Даманака сказал: «Дорогой Каратака, ведь наш господин Пингалака отправился отсюда за водой. Почему же он остановился здесь в подавленном состоянии?» Тот ответил: «Дорогой, какое нам до этого дело? Сказано ведь:

Кто лезет не в свои дела, тот терпит наказание. |
Так обезьяна, вырвав клин, погибла по своей вине». (8)

Даманака спросил. «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

«Есть в одной стране город. Недалеко от него в роще некий купец строил храм. Ежедневно в полуденное время зодчий и все рабочие отправлялись в город за едой. И как-то раз стая обезьян приблизилась к этому наполовину выстроенному храму. А один работник оставил там большое полурасколотое бревно из дерева анджаны [19], вставив в него клин из кхадиры. Обезьяны начали весело играть, где им хотелось: на верхушках деревьев, на возвышающихся частях постройки и на кучах поленьев. И тут одна из них, близкая к гибели, безрассудно уселась на бревно. «Кто вставил этот клин в неподходящее место?» — подумала она и, схватив обеими лапами, начала его вытаскивать. Между тем яйца ее попали в щель полурасколотого бревна, и ты поймешь без лишних слов, что произошло, когда она вытащила клин.

Поэтому я и говорю, что разумные должны остерегаться неподходящих дел». Затем он сказал: «Мы ведь поддерживаем жизнь лишь тем, что поедаем остатки пищи». Даманака ответил: «Неужели ты служишь повелителю из-за одной только пищи, не стремясь к отличию? Хорошо ведь говорится:

Чтоб помочь в беде всем друзьям своим,
Чтоб нести бедствия всем врагам своим, |
Повелителю служат мудрые.
А живот наполнять — каждому легко. (9)

viyo

И еще:

Лишь тот действительно живет, кто помогает жить другим. |
Не служит разве птицам клюв, чтоб тело пищей насыщать? (10)

Когда живешь без состраданья ты в этом мире
К друзьям своим, или к учителю, или к сыну, |
К тому, кто слаб, или к слуге, — твоя жизнь бесплодна.
Так ворон, жертвы [20] поедая, весь век проводит. (11)

vasa

Хоть радуется пес, когда разыщет кость, ||
лишь жилами и жиром

Покрытую слегка, где мяса даже нет, ||
не утолит он голод. |
А лев, шакала невредимым отпустив, ||
слона убить стремится.
Все твари и в нужде желают получить ||
достойную награду. (12)
çārdū

К ногам хозяина собака ложится смирно,
Хвостом виляет и, раскрыв свою пасть, ждет пищи. |
Когда же кормишь ты слона, то он долго смотрит
И лишь возьмется за еду после сотни ласок. (13)
vasa

Легко наполнить ручеек, мышонку лапки отягчить, |
Легко насытить бедняка, привыкшего к лишениям. (14)

Кто не может отличить вреда от пользы,
Кто законы древние исполнять не хочет, |
Кто стремится лишь наесться до отвала,
Чем тот отличается от тупой скотины? (15)
puṣpi

Или же:

И быка, когда он тащит воз тяжелый,
Тянет плуг с усердием, поедает зелень, |
Всем приносит пользу, чист и благороден,
Разве можно сравнивать с человеком низким?» (16)
puṣpi

Каратака сказал: «Мы ведь невысокого звания. Какое нам до этого дело?» Тот ответил: «Дорогой, и невысокий может возвыситься с течением времени. Сказано ведь:

Незнатный может знатным стать, коль служит повелителю, |
А знатный — знатность потерять, когда не хочет он служить. (17)

Никто еще одной могучей силой
Не стал велик и не бывал унижен. |
Ведь в этом мире лишь дела людские
Несут почет или ведут к презренью. (18)
upa

А также:

С трудом мы тащим в гору груз, а вниз легко он катится. |
Нас так же вверх иль вниз влекут заслуги иль провинности». (19)

Каратака спросил: «Что же ты хочешь сказать?» Тот ответил: «Ведь наш господин испугался, испугалась его свита, и он пребывает в смятении». Тот спросил: «Откуда ты это знаешь?» Даманака сказал: «Да разве это не ясно?

Услышав речь, даже скотина все поймет.
Лишь подан знак, — лошадь и слон везут свой груз. |
Но кто учен, тот и без слов узнает все,
В чужом лиц много прочтут разумные. (20)
vaṁça

А также:

По виду, поведению, лицу, походке и речам |
И по движеньям глаз и рта узнаешь мысли скрытые. (21)|

Поэтому сегодня же я подчиню его себе силой своего разума». Каратака сказал: «Ты ведь не искушен в служебных обязанностях. Объясни же, как ты подчинишь его себе?» Тот ответил: «Дорогой, как же я не знаком со службой? Да ведь я изучил все обязанности подданных, изложенные у великого мудреца Вьясы [21] в рассказе о вступлении пандавов в город Вираты [22]. Сказано ведь:

Что трудно для могучего? Что далеко для смелого? |
Что край чужой ученому? Кто враг сладкоречивому?» (22)

Каратака сказал: «Как бы он не стал презирать тебя, когда ты займешь неподобающее место». Тот ответил: «Ты прав. Однако я умею выбирать подходящее место и время. Сказано ведь:

Когда бы сам Бриха́спати [23] стал говорить не вовремя, |
Он потерял бы свой почет и ненавистным сделался. (23)

А также:

Пусть облечен доверьем муж,
Все ж не войдет он, если царь разгневан, |

Ведет беседу, хочет быть один,
Иль занят украшеньем тела. (24)
ār

И еще:

Не станет вежливый входить,
Когда лекарство принимают, бреются, |
Ведут секретную беседу
И с женщиной вкушают наслажденья. (25)
ār

Придя к царю, будь осторожен в его покоях.
Храни молчанье, у наставника обучаясь. |
Кто неразумно поступает, тот быстро гибнет,
Словно вечерняя лучина в жилище бедном. (26)
vasa

И также:

Когда придет удобный случай,
Узнав о царском гневе и других делах, |
Склонившись, подвязав одежды,
Входите во дворец, не торопясь. (27)
ār

И кроме того:

Властитель тянется к тому, кто стоит у трона,
Будь тот невежда, иль чужой, иль бедняк безродный. |
Владыки, жены и лианы друг с другом схожи:
Стремятся все они опутать того, кто близко. (28)
vasa

И еще:

Следит с вниманьем подданный, разгневан царь иль милостив, |
И, если тот колеблется, к нему подходит медленно. (29)

И также:

Лишь трое соберут плоды с земли цветочно-золотой: |
Герой, ученый и слуга, который в службе опытен. (30)

Послушай же, как надо служить:

Явись к царю лишь с помощью людей, которых любит он, |
Чьи речи сладки для него, чьи благородны помыслы. (31)

Не ценит кто чужих заслуг, того не любят мудрые: |
Ведь сколько ни трудись над ним, бесплоден он, как солончак. (32)

Служи достойному царю, пусть всякой власти он лишен[24]. |
Так жизнь свою поддержишь ты и будешь щедро награжден. (33)

Ведь самый худший — тот слуга, который враг хозяину. |
Не зная где ему служить, не враг он разве сам себе? (34)

Царицу, принца, мать царя и первого советника, |
Жреца и стража царского, как самого владыку, чти. (35)

Кто среди первых в бой идет, среди последних — в городе, |
А во дворце — всегда слуга, к тому владыка милостив. (36)

Кто говорит царю: «Живи!», кто знает как вести себя, |
Кто не колеблясь действует, к тому владыка милостив. (37)

Кто, принимая дар царя, достойным деньги раздает, |
А одеянья носит сам, к тому владыка милостив. (38)

Кто не вступает в спор с царем, кто не смеется рядом с ним, |
Запретных слов не говорит, к тому владыка милостив. (39)

Кто разговоров не ведет со слугами гаремными, |
С наложницами царскими, к тому владыка милостив. (40)

Кто, зная, что любим царем, в тяжелых даже случаях |
Не смеет преступать границ, к тому владыка милостив. (41)

Кто ненавидит всех людей, враждебных повелителю, |
И любит всех друзей его, к тому владыка милостив. (42)

Кто никогда не сходится с врагами повелителя |
И не вступает с ними в спор, к тому владыка милостив. (43)

Кто весь исполнен мужества, считает битву отдыхом |
И на чужбине не грустит, к тому владыка милостив. (44)

Кто видит яд [25] в хмельном питье, в костях игральных — смерти знак[26], |
Непрочность — в женской красоте, к тому владыка милостив». (45)

Каратака сказал: «Как же ты начнешь разговор, придя к нему? Расскажи об этом». Тот ответил:

«За словом слово следует, и речь родит другую речь. |
Так на возделанной земле зерно родится от зерна. (46)

И еще:

Как неудача порождает горе,
И как удача счастье порождает, |
Как связано все это с поведеньем, —
Разумный муж в речах своих покажет. (47)

upa

Когда твои достоинства
В собранье мудрых громко прославляются |
И доставляют средства к жизни,
Их надо охранять и множить. (48)

ār

Сказано ведь:

Не медля подавай совет, кому желаешь ты добра, |
Таков обычай праведных. Лишь враг того не делает». (49)

Каратака сказал: «Но трудно одолеть царей. Сказано ведь:

Подобно змеям, все цари стремятся к наслаждениям, |
Мрачны, капризны, скрытны, злы, и наставленья им нужны [27]. (50)

Подобно горам, все цари тверды, неровны, высоки, |
Дают преступникам свой кров и привлекают хищников. (51)

Вооруженному, зверям, коль когти иль клыки у них, |
Царю, реке и женщине всегда опасно доверять». (52)

Тот ответил: «Это правда. Но все же:

Узнав характер ближнего, проникнув в замыслы его, |
Благоразумный человек им овладеет без труда. (53)

Хвали царя, когда разгневан он,
Люби его друзей и ненавидь врагов, |
Всегда благодари за милость
И овладеешь им без колдовства. (54)

ār

Все же:

Стремись к тому, кто знаменит делами,
Велик в речах или велик в познаньях, |
Но покидай немедля господина,
Когда узнаешь о его бессилье. (55)

upa

Лишь там произносите речь, где принесет она плоды |
И сохранится, как узор на белоснежном полотне. (56)

Когда не знаешь сил врага, бесплодны все труды твои, |
Подобно свету лунному над снежными вершинами». (57)

Каратака сказал: «Если таково твое желание, то иди к стопам царя. Счастливый путь[28]! Да исполнятся твои замыслы!

Не действуй опрометчиво в покоях повелителя. |
Ведь если счастлив будешь ты, мы сможем жизнь поддерживать». (58)

И тот, поклонившись ему, отправился к Пингалаке. Увидев подходящего Даманаку, Пингалака сказал стражу: «Убери камышовую трость[29]. Это Даманака. Он сын нашего старого министра и может беспрепятственно входить. Пусть же он войдет, как принадлежащий ко второму кругу». И Даманака вошел, поклонился Пингалаке и сел на предложенное место. А тот протянул к нему правую лапу, украшенную когтями, подобными громовым стрелам, и, свидетельствуя уважение, сказал: «Здоров ли ты? Почему тебя давно не видно?» Даманака ответил: «Если и нет до меня нужды

стопам божественного [30], все же я должен говорить, когда приходит время. Нет такой вещи, которая не смогла бы пойти на пользу царю. Сказано ведь:

Владыке и соломинка поможет,
Чтоб в ухе почесать, почистить зубы, |
Но тот, кто телом наделен и речью,
Намного больше помощи окажет. (59)

upa

И, кроме того, я ведь по наследству служу стопам божественного и даже в несчастьях следую за ним. Нет у меня другого пути. Сказано ведь:

Слуга и платье хороши, коль на своих они местах. |
Не носят на ногах того, что украшает голову. (60)

Пусть царь богат и родовит, по праву занимает трон, |
Но не пойдут к нему служить, когда не ценит он заслуг. (61)

Коль равные не чтут слугу,
А те, кого он выше, с ним равняются, |
И нет ему почетных мест,
То может он властителя покинуть. (62)

ār

И еще:

Если вставляют в оправу свинцовую
Жемчуг, достойный оправы из золота, |
Прежнего блеска лишится сокровище,
А ювелир порицанью подвергнется. (63)

druta

«Разумен тот, кто предан мне, а кто не предан, тот глупец» —
Держась такого мненья, цари имеют много слуг. (64)

А если господин говорит, что меня давно не было видно, то пусть выслушает причину:

Где между правой стороной и левой нет различия, |
Не станет оставаться там благоразумный человек. (65)

Коль одинаков господин со всеми подчиненными, |
Тогда у лучших среди них усердье быстро пропадет. (66)

Где не способны отличить рубин от красных кубиков [31], |
Там камни драгоценные никто не станет покупать. (67)

Нет повелителя без слуг, нет слуг без повелителя. |
Ведь и слуга и господин друг с другом крепко связаны. (68)

К тому же особенности слуг зависят от достоинств господина. Сказано ведь:

Наука, конь, кинжал,
Мужчина, лютня, женщина и речь |
Приносят пользу или вред
В зависимости от владельца [32]. (69)

ār

И если меня презирают из-за того, что я шакал, то это несправедливо. Сказано ведь:

Дает нам шерсть коровья ду́рву [33], черви — шелк,‖ ·
в камнях находим злато,
В грязи — цветок, в навозе — лотос голубой, ‖
а ро́чана [34] — из желчи. |
От дерева — огонь, а жемчуг — от змеи [35], ‖
луна встает из моря.
Достоинства одни должны нести почет, ‖
а не происхожденье. (70)

çārdū

А также:

Хоть в доме мыши родились, вредят они, и мы их бьем. |
Приносит кошка пользу нам, и с ней всегда мы ласковы. (71)

И кроме того:

Нет пользы в друге немощном, нет пользы в сильном недруге. |
Царь! Я предан и могуч. Не надо презирать меня. (72)

Достигших знанья высшего || не надо ставить низко,
Нельзя связать богатством их, || оно для них — былинка. |
Слона, чьи щеки в мускусе, || блестящем, темном, свежем,
Не может удержать канат, || из лотосов сплетенный [36]». (73)

māli

Пингалака сказал: «Не надо так говорить. Ты ведь сын нашего старого министра». Даманака ответил: «Божественный! Мне надо кое-что сказать». Тот ответил: «Дорогой, поведай, что лежит у тебя на сердце». Даманака сказал: «Почему господин, отправившись за водой, вернулся и остановился здесь?» Пингалака, скрывая свое состояние, ответил: «Даманака, тут нет ничего особенного». Тот сказал: «Божественный! Если не следует этого рассказывать, да будет так.

Одним всегда с супругами делитесь,
Другим — с друзьями, третьим — с сыновьями, |
Но, хоть достойны все они доверья,
Нельзя поведать каждому все тайны». (74)

indra

Вслед за этими словами Пингалака подумал: «По-видимому, он может принести пользу. Поэтому я открою ему свое намерение. Сказано ведь:

Коль хочешь снова стать счастливым,
Достойному слуге, жене благочестивой, |
Властителю могучему
И другу о печали расскажи. (75)

ār

О Даманака! Слышишь ли ты издали могучий рев?» Тот ответил: «Господин, я слышу. Что же тут такого?» Пингалака сказал: «Дорогой, я хочу уйти из этого леса». Даманака спросил: «Почему?» Пингалака сказал: «Ведь в наш лес проникло какое-то необычайное существо, могучий рев которого мы слышим. Его природа должна соответствовать его реву и сила должна соответствовать природе». Даманака сказал: «Неужели из-за одного только рева господин впал в страх? Сказано ведь:

Плотина гибнет от воды, решенье — от беспечности, |
Любовь — от злостной клеветы, трусливый гибнет из-за слов. (76)

Не годится ведь, чтобы господин вдруг оставил лес, который приобрели его предки и которым он владеет по праву наследства. Ведь:

Одной ногой готов идти, другой — еще стоит мудрец |
И не оставит старых мест, пока не видит новых он. (77)

К тому же здесь слышны всякого рода звуки, и это всего лишь звуки, а не причина для страха. Слышны ведь звуки грома, флейт, лютен, панав, мриданг [37], раковин, цимбал, повозок, дверных засовов, всяких сооружений и другие звуки, которых нечего бояться. Сказано ведь:

Не знает гибели тот царь, который полон мужества, |
Когда подходит враг к нему, пускай могуч и страшен он. (78)

А также:

Даже когда творец разгневан,
Не покидает мужество отважных. |
Пруды за лето высыхают,
А Си́ндху [38] станет полноводней. (79)

ār

А также:

Не часто мать рождает сына,
Который не печалится в несчастье, |
Доволен в счастье, смел в сраженье
И служит украшеньем этих трех миров [39]. (80)

ār

А также:

У существа без гордости единый путь с былинкою: |
Оно бессильно согнуто и так же незначительно. (81)

Зная это, господин должен действовать смело и решительно. Нечего бояться одного лишь рева. Сказано ведь:

Сначала показалось мне, что жиром эта вещь полна, |
Но лишь проникнул я туда, увидел кожу с деревом». (82)

Пингалака спросил: «Кто это?» Даманака рассказал:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

«Жил в одной местности шакал с исхудавшей от голода шеей [40], который, бродя в поисках пищи, увидел в лесу место, где царь дал сраженье. Остановившись там на мгновенье, он услышал громкий звук. Слыша его и сильно встревожившись сердцем, он глубоко опечалился и сказал: «Увы! Несчастье обрушилось на меня. Теперь я погиб. Чей это звук? Что это за существо?» Когда же он последовал дальше, то увидел барабан, похожий на верхушку горы, и подумал: «Возникает ли этот звук сам собой или вызван чем-нибудь другим?» Между тем барабан этот издавал звуки, когда его касались кончики травы, колеблемые ветром, а в другое время был беззвучен. Видя, что барабан ни к чему не пригоден, он приблизился к нему, сам от любопытства стал ударять по обеим сторонам и радостно подумал: «Да! Наконец-то мне попалась еда. Несомненно, эта вещь окажется наполненной мясом и жиром!» Подумав так, он разорвал его в одном месте и проник внутрь. Барабан был обтянут грубой кожей, от чего он едва не сломал себе зубов. И вот, потеряв надежду и видя там остатки дерева и кожи, он прочел стих:

«Услышав этот страшный [41] звук, решил, что жир внутри найду, |
Но лишь проникнул я туда, увидел кожу с деревом». (83)

Тут он выбрался наружу и, смеясь про себя, сказал: «Сначала показалось мне. . .».

Поэтому я и говорю, что не следует тревожиться из-за одного только рева». Пингалака сказал: «Увы! Ведь свитой моей овладел страх, и она хочет бежать. Как же я проявлю стойкость и отвагу?» Тот ответил: «Господин, они в этом не виноваты, потому что слуги походят на своих господ. Сказано ведь:

Наука, конь, кинжал,
Мужчина, лютня, женщина и речь |
Приносят пользу или вред
В зависимости от владельца[42]. (84)

ār

Прояви же стойкость и мужество и оставайся здесь, пока я не вернусь, узнав, что представляет собой это существо. Тогда надо будет действовать

«образно обстоятельствам». Пингалака сказал: «Неужели ты отважишься пойти туда?» Даманака ответил: «Разве станет сколько-нибудь сомневаться хороший слуга, исполнять ему или не исполнять приказ господина? Сказано ведь:

Не трусит преданный слуга, услышав приказание. |
Готов он броситься в огонь и через море переплыть. (85)

Пусть трудно выполнить приказ, пускай легко он выполним. |
Слуге должно быть все равно — иначе пользы нет царю». (86)

Пингалака сказал: «Дорогой! Если так, то иди. Счастливый путь!»

И Даманака, поклонившись ему, отправился туда, откуда раздавался рев Сандживаки. Когда же Даманака ушел, Пингалака, испытывая в сердце страх, подумал: «Ах! Плохо сделал я, что доверился ему и рассказал о своем намерении. Может быть, за то, что его отстранили от службы, этот Даманака причинит мне зло, извлекая выгоду с обеих сторон. Сказано ведь:

Кто был сначала в милости, а вслед затем унижен был, |
Пусть даже знатен род его, всегда желает зла царю. (87)

Поэтому перейду-ка я на другое место и останусь там, чтобы узнать, каковы его замыслы. Может быть, Даманака вернется вместе с ним, чтобы погубить меня? Сказано ведь:

Коль осторожны слабые, не страшен им и сильный враг, |
Но коль беспечны сильные, их даже слабый победит». (88)

Поразмыслив так, он перешел на другое место и остался там один, наблюдая за дорогой, по которой пошел Даманака. Между тем Даманака приблизился к Сандживаке и, увидав, что это бык, с радостью подумал: «Да! Вот счастье привалило! Сделав их друзьями или посеяв между ними раздор, я, таким образом, подчиню Пингалаку своей власти. Сказано ведь:

Всегда министрам выгодно, чтоб господин несчастлив был. |
Поэтому хотят они иметь несчастного царя. (89)

Тот, у кого болезни нет, не станет звать к себе врача, |
А царь, избавленный от бед, не станет звать советника». (90)

С такими мыслями он отправился к Пингалаке. А Пингалака, видя, что тот возвращается, вернулся на прежнее место, чтобы скрыть свое состояние. И Даманака приблизился к Пингалаке, поклонился и сел. Пингалака спросил: «Дорогой, видел ли ты это существо?» Даманака сказал: «Видел, благодаря милости господина». Пингалака сказал: «Правда ли это?» Даманака ответил: «Как я могу сказать неправду у стоп господина? Сказано ведь:

Кто лжет владыкам, божествам и своему учителю, |
Пусть ложь его невелика, все ж гибнет он за этот грех. (91)

А также:

«Царь — воплощенье всех богов» — поют святые мудрецы, |
Как бога почитай его и никогда ему не лги. (92)

А также:

У воплощенья всех богов с богами разница одна: |
Он сразу воздает за все, а те — в другом рождении». (93)

Пингалака сказал: «Должно быть, ты действительно видел его. Великие не гневаются на ничтожных. Сказано ведь:

Не страшен вихрь нежным побегам зелени,
Лишь дуть начнет, — низко они склоняются. |
А между тем даже деревья губит он.
Могучий муж только с могучим борется». (94)

vaṁça

Даманака сказал: «Я и раньше знал, что господин так скажет. К чему много слов? Я приведу его к стопам божественного». И когда Пингалака услышал это, радость выразилась на его лице, подобном лотосу, и он исполнился высшего душевного удовлетворения.

А Даманака, снова подойдя к Сандживаке, презрительно окликнул его: «Иди, иди сюда, негодный бык! Тебя зовет наш господин Пингалака. Почему ты то и дело понапрасну ревешь, не боясь его?» Услышав это, Сандживака сказал: «Дорогой, кто это такой — Пингалака?» Услышав это, Даманака с удивлением спросил: «Как! Ты даже не знаешь нашего господина Пинга-

лаку?» И, негодуя, он продолжал: «Ты узнаешь его по тому, что постигнет тебя. Ведь он окружен всеми зверями. Он находится под смоковницей, образующей окружность. Его сердце возвеличено гордостью. Он господин жизней и богатств. Это и есть великий лев по имени Пингалака!» И слыша это, Сандживака счел себя уже погибшим, глубоко опечалился и сказал: «Дорогой, ты кажешься приятным в обращении и искусным в речах. Поэтому, если необходимо отвести меня к нему, ты должен доставить мне безопасность и милость у господина». Даманака ответил: «О, ты сказал правду. Это соответствует правилам разумного поведения. Ведь:

Известен нам предел земли, предел морей и даже гор, |
Но никогда нельзя узнать предела царских помыслов. (95)

Поэтому оставайся здесь, а я склоню его на милость и после этого приведу тебя к нему».

Затем Даманака подошел к Пингалаке и сказал так: «Господин, это — не обычное существо. Это — упряжное животное великого Махешвары [43]. Вот что ответил он на мой вопрос: «Милостивый Махешвара разрешил мне поедать кончики травы в окрестностях Калинди [44]. К чему много слов? Этот лес отдан мне владыкой для развлечений». Пингалака со страхом сказал: «Теперь мне понятно. Лишь по милости божества станут травоядные без страха бродить в диком лесу, издавая такой рев. Как же ты на это ответил?» Даманака сказал: «Господин, я ответил так: «Лес этот является владением Пингалаки, упряжного животного Чандики [45]. Ты здесь — гость. Поэтому иди к нему. Пусть проходит у вас вместе время в братской любви, в еде, в питье, в развлечениях и совместном житье». Он со всем этим согласился и сказал: «Пусть господин обещает мне безопасность». Пусть же решает теперь господин».

Услышав это, Пингалака с радостью сказал: «Хорошо, умница! Хорошо! Ты ответил так, посоветовавшись с моим сердцем. Я обещаю ему безопасность. Приведи его скорей, но после того, как и он даст мне клятву. Хорошо ведь говорится:

Когда советник крепок, прям, испытан, полон верности,
Все царство держится на нем, как на колоннах прочных дом [46]. (96)

Также:

В леченье виден ум врача, в раздорах — ум советника. |
Ведь всякий сможет помогать в счастливых обстоятельствах». (97)

А Даманака, направившись к Сандживаке, подумал: «Да! Господин милостив ко мне и склоняется к моим речам. Так нет никого счастливее меня! Ведь:

Как нектар [47] — нам огонь зимой, как нектар — друга увидать, |
Как нектар — милость царская, как нектар — молока питье». (98)

И, подойдя к Сандживаке, он почтительно сказал: «О друг! Я склонил господина на милость к тебе и побудил его пожаловать тебе безопасность. Поэтому можешь спокойно идти. Но, удостоившись царской милости, живи в согласии со мной и не веди себя высокомерно, достигнув могущества. А я, вступив в должность советника, по соглашению с тобой понесу на себе все бремя царских дел. Тогда оба мы будем наслаждаться счастьем царской власти. Ведь:

Охотясь за богатствами, бесчестно люди действуют: |
Один затравит ближнего, другой убьет его, как лань. (99)

А также:

Кто из-за гордости своей не почитает царских слуг, |
От службы будет отстранен, подобно Да́нтиле [48] купцу». (100)

Сандживака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Есть здесь на земле город под названием Вардхамана [49]. Жил там купец по имени Дантила, поставленный над всем городом. Он исполнял и городские, и царские дела и радовал всех жителей этого города. К чему много слов? Такого умелого человека никто еще не видал и не слыхал. Хорошо ведь говорится:

Кто служит повелителю, || того народ не любит,
Кто хочет подданным служить, || того цари не терпят. |
Между царем и подданным || всегда раздоров много,
И трудно отыскать того, || кто б мог служить обоим. (101)

māli

Так жил он, и как-то раз справлялась у него свадьба дочери. Он пригласил на нее всех жителей города и приближенных царя, оказал им внимательный прием, накормил их и пожаловал им одежды и другие подарки. После свадьбы он ввел в дом царя с его гаремом и выразил ему свое почтение.

А у этого царя был дворцовый подметальщик по имени Горабха[50]. Придя в этот дом, он уселся на неподобающее ему место, впереди царского советника, и, когда это увидели, его выгнали в шею[51]. Сердце его опечалилось от этого унижения, и с тех пор он даже ночью не мог успокоиться и размышлял: «Как бы мне лишить этого купца царской милости? А иначе, зачем я напрасно изнуряю свое тело, раз не могу ему ничем повредить? Хорошо ведь говорится:

Кто не способен отомстить,
Пускай стыдится обнаруживать свой гнев. |
Не разобьется сковородка,
Коль прыгает на ней горох». (102)
ār

И как-то на рассвете, подметая возле ложа чуть задремавшего царя, он сказал: «Да! Такова дерзость Дантилы, что он обнимает первую супругу царя». И слыша это, царь вскочил в сильном возбуждении и сказал ему: «Эй, эй, Горабха! Правда ли то, что ты пробормотал? Неужели Дантила обнимает царицу?» Горабха сказал: «Божественный! Увлекшись игрой в кости, я не спал эту ночь, и, хотя усердно подметал, ко мне подступил крепкий сон. Поэтому не ведаю я, что сказал». Царем овладела ревность, и он подумал: «Ведь он беспрепятственно входит в мой дворец. Так же и Дантила. Должно быть, он увидел как-то царицу в его объятиях. Сказано ведь:

Что человек в теченье дня желает, видит, делает, |
То по привычке и во сне он говорит и делает. (103)

А также:

Все злое, все хорошее, что спрятано в сердцах людей, |
Они во сне откроют нам и в сильном опьянении. (104)

Да разве можно сомневаться, когда дело касается женщин?

С одним заводят болтовню, с другим играют взглядами, |
А сердце третьим занято. Кого же любят женщины? (105)

А также:

Огонь не утолят дрова, потоки — океан большой, |
Смерть [52] — все живые существа, мужья — прекрасноглазую. (106)

Коль места нет и времени, и не стремится к ней никто, |
Тогда лишь только, На́рада [53], бывает женщина чиста. (107)

А также:

Глупец, который думает: «Верна моя любимая», |
Всегда, как сойка синяя, для развлеченья служит ей». (108)

Так, причитая на все лады, он лишил Дантилу своей милости. К чему много слов? Тому запретили входить в ворота дворца.

А Дантила, видя, что повелитель без причины лишил его милости, подумал: «Увы! Хорошо ведь говорится:

Какой богач не горд? Какой распутник жизнь ||
проводит без несчастий?
Чье сердце на земле не знает женских чар? ||
Кто для царя приятен? |
Кто может избежать быстротекущих лет? ||
Какой бедняк в почете?
Кто смог бы ускользнуть без всякого вреда ||
из западни злодея? (109)

çārdū

А также:

Кто увидит, || стал чтобы ворон чистым,
Змей стал добрым, || стала жена бесстрастной, |
Евнух смелым || или игрок правдивым,
Пьяный умным || и чтобы царь стал другом? (110)

çāli

Ведь я ни во сне, ни единым словом не причинил зла ни этому царю ни кому-либо другому. Так за что же владыка отвернулся от меня?»

И как-то раз, видя, как Дантилу отгоняют от ворот дворца, подметальщик Горабха со смехом сказал привратникам: «Эй, эй, привратники! Ведь этот Дантила испорчен царской милостью и собственноручно распределяет наказания и награды. Если вы прогоните его, то еще чего доброго вроде меня сподобитесь подзатыльников».

Услышав это, Дантила подумал: «Несомненно, это дело рук Горабхи. Хорошо ведь сказано:

Пусть родом невысок слуга, лишен достоинства и глуп, |
Но всюду встретит он почет, коль служит повелителю. (111)

Когда даже ничтожный трус идет на службу царскую, |
Не вызовет презренья он ни у кого из подданных». (112)

Так горюя, устыдившись в душе и обеспокоившись, он вернулся домой, призвал в начале ночи Горабху и, почтив его парой одежд[54], сказал: «Дорогой! Не по собственному желанию я выгнал тебя. Ведь ты уселся на неподобающее место, впереди домашнего жреца[55], и, увидев это, тебя унизили» А тот, приняв эту пару одежд, словно небесное царство, ощутил высшее блаженство и сказал ему: «О начальник купцов! Я простил это. За такой почет ты скоро увидишь царскую милость и другие награды». Сказав это, он с радостью удалился. Хорошо ведь говорится:

Чуть что — он вверх возносится, чуть что — опять низвергнут вниз.
Да! Коромыслу от весов подобен низкий человек. (113)

И на следующий день этот Горабха, придя в царский дворец и подметая возле чуть задремавшего царя, сказал: «Да! Такова рассудительность нашего царя, что он кушает огурцы во время отделения нечистот». Услышав это, царь в удивленье вскочил и сказал ему: «Эй, эй! Горабха! Зачем ты говоришь несуразные вещи? Помня, что ты исполняешь домашние дела, я не стану губить тебя. Неужели ты видел меня когда-нибудь за подобным делом?» Тот сказал: «Божественный! Увлекшись игрой в кости, я не спал эту ночь, и, хотя стал подметать, мной овладел крепкий сон. Поэтому, что пробормотал я, того не ведаю. Пусть же господин будет милостив ко мне, находившемуся во власти сна». Царь подумал: «Да я от роду не съел ни одного

огурца, занимаясь такого рода делом. Несомненно, что и про Дантилу этот дурак сказал такую же несообразную чепуху, как и про меня. Поэтому несправедливо поступил я, что лишил милости этого несчастного. У таких людей не может быть ничего подобного. Из-за его отсутствия запущены и царские и городские дела».

Поразмыслив и так и этак, он призвал Дантилу, одарил его украшеньями со своего тела и одеждами и восстановил его в прежней должности.

Поэтому я и говорю: «Кто из-за гордости своей. . .». Сандживака ответил: «Дорогой, ты сказал правду. Так и надо поступать».

Вслед за этими словами Даманака, взяв его с собой, пришел к Пингалаке и сказал: «Божественный! Я привел Сандживаку. Теперь божественный должен решить». А Сандживака, почтительно поклонившись, скромно остановился перед ним. Тогда Пингалака протянул к нему свою неодолимую правую лапу, толстую, округлую, украшенную когтями, подобными громовым стрелам, и сказал: «Здоров ли ты? Почему ты живешь в этом безлюдном лесу?» И расспрашиваемый им Сандживака рассказал о том, как он отстал от купца Вардхаманы, и о случившемся вслед за тем. Услышав это, Пингалака сказал: «Друг, не надо бояться. Живи, как тебе нравится в этом лесу, хранимом моими лапами. И кроме того, всегда находись рядом со мной, потому что лес этот наполнен многочисленными хищниками и изобилует опасностями». Сандживака ответил: «Как будет угодно божественному».

Вслед за этими словами повелитель зверей спустился на берег Ямуны, вдоволь искупался, напился воды и свободно вернулся обратно в лес.

Так каждый день во взаимной дружбе проходило у них время. Благодаря Сандживаке, изучившему многие науки и мудрому в суждениях, Пингалака, хоть и был наделен ограниченным умом, в короткое время приобрел рассудительность. Оставив лесные нравы, он стал жить по-сельски. К чему много слов? Каждый день Сандживака и Пингалака уединялись и вели беседы друг с другом.

А вся остальная свита зверей находилась поодаль от них. Что же касается тех шакалов, то они не могли даже входить к царю. И лишившись покровительства льва, все звери и те шакалы оставались на одном месте, мучимые голодом и болезнями. Сказано ведь:

Коль царь наград не раздает, уходят слуги от него. |
Не остаются птицы жить на дереве засохнувшем. (114)

А также:

Пусть окружает слуг почет, пусть знатны и верны они, |
Но покидают все царя, когда им пищи не дают. (115)

И затем:

Коль царь всегда заботится о пропитанье подданных, |
Хоть угрожай слуге его, — от господина не уйдет. (116)

Ибо весь этот мир, существующий ради взаимного пожирания, держится на четырех способах [56], из которых первый — дружба. И происходит это так:

Над странами цари стоят, над заболевшими — врачи, |
Купец — над покупателем, над дураками — мудрецы. (117)

Над невнимательными — вор, и нищий — над даятелем. |
Распутницы — над страстными, над всеми — мастер знающий. (118)

Расставив сети, день и ночь они добычу стерегут |
И поедают жертв своих, как рыбы поедают рыб. (119)

И вот Каратака и Даманака, чьи шеи исхудали от голода, лишенные милости господина, стали советоваться друг с другом. Тогда Даманака сказал: «Благородный Каратака! Ведь мы оказались в подчиненном положении. Этот Пингалака, поддавшись речам Сандживаки, забросил свои дела, и вся свита разбрелась кто куда. Что же делать?» Каратака сказал: «Даже если господин не внимает твоим речам, все равно надо говорить с ним, чтобы снять с себя вину. Сказано ведь:

Пусть не внимает царь речам, все ж надо наставлять его, |
Так перед сыном Áмбики Видýра [57] снял с себя вину. (120)

А также:

Достоин порицания слуга, что отступается |
От властелина иль слона, желаньем ослепленного [58]. (121)

Ведь соединив этого поедателя травы с господином, ты словно стал таскать своими руками горячие угли». Даманака сказал: «Это правда. Здесь виноват я, а не господин. Сказано ведь:

Шакал баранами убит, мне горе из-за жулика, |
А сводне — из-за дел чужих. Три горя по своей вине». (122)

Каратака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

«В одной стране в уединенной местности находился монастырь. Жил там нищенствующий монах по имени Девашарман [59]. Он продавал тонкие одежды, подаренные ему многочисленными жертвователями, и со временем у него накопилась большая сумма денег. Никому не доверяя, он ни днем ни ночью не выпускал их из-под мышки. Право же, хорошо говорится:

Несчастье деньги собирать, хранить, другому отдавать, |
Несчастье, если пропадут. Да! С горем деньги связаны. (123)

И как-то один жулик по имени Ашадхабхути [60], похищавший чужое добро, заметил у него под мышкой деньги и подумал: «Как бы мне похитить у него это добро? Ведь стена здесь в монастыре сложена из крепких камней, и проломить ее нельзя. Нет и входа через ворота: так высоко они расположены. Поэтому я завоюю его доверие с помощью речей и стану его учеником. Тогда, доверившись мне, он очутится в моей власти. Сказано ведь:

Коль нет страстей — и власти нет, коль нет любви — к чему наряд? |
Коль нет ума — нет сладких слов, коль честность есть — не будет лжи. (124)

Решив так, он подошел к нему и произнес: «Ом! Слава Шиве!», совершил восьмичленный поклон [61] и смиренно сказал: «Господин, ничтожен этот мир. Точно течение горного потока наша юность. Горению травы подобен остаток жизни. Теням облаков подобны наслаждения. Сновидению подобна связь с детьми, друзьями, слугами и женами. Все это я постиг. Что же сделать мне, чтобы переправиться через океан сансары [62]?» Слыша это, Девашар-

ман почтительно сказал: «Дитя! Счастлив ты, что уже в раннем возрасте стал равнодушен к существованию. Сказано ведь:

Лишь тот бесстрастным может быть, кто смолоду лишен страстей. |
Кто не почувствует покой, когда лишится сил своих? (125)

А также:

Сначала мысли старятся, потом уж тело у благих. |
Злодей — лишь телом старится, а помыслами — никогда. (126)

И если ты спрашиваешь о средстве переправиться через пучину сансары, то слушай:

Коль шудра или чáндала [63], неся косичку, весь в золе, |
Пред Шивой выполнит обет, — дваждырожденным [64] станет он. (127)

Молитву шестисложную [65] прочтя, кто сам одним цветком |
Украсит Линги [66] голову, — тот больше не родится вновь». (128)

Услышав это, Ашадхабхути обхватил его ноги и смиренно сказал: «Господин! Будь же милостив и наложи на меня обет»[67]. Девашарман сказал: «Дитя! Я помогу тебе, однако ты не должен проникать ночью внутрь монастыря, потому что отшельники, как и мы с тобой, восхваляют одиночество. Сказано ведь:

Род губит блудный сын, царя — дурной совет, ||
аскета — узы с миром,
Ребенка — баловство, а добрый нрав — злодей, ||
жреца — в науках леность, |
Друзей — неверье их, успех — несчастный рок, ||
жен — пьянство и беспечность,
Любовь — в разлуке жизнь, богатство — мотовство ||
и пашню — нерадивость. (129)

çārdū

Поэтому, приняв обет, тебе надо будет лежать наверху у ворот монастыря в травяном шалаше». Тот сказал: «Господин! Пусть будет по твоему

указанию. Ведь этим я достигну того мира». После этого, условившись о месте для лежания, Девашарман оказал ему милость посвящения и взял в свои ученики. И тот доставлял ему высшую радость, растирая руки и ноги, принося листья для письма и оказывая другие услуги. Но несмотря на это, тот не выпускал денег из-под мышки.

Так проходило время, и как-то Ашадхабхути подумал: «Увы! Ведь он не оказывает мне никакого доверия. Что если умертвить его кинжалом, пусть даже днем, или дать ему яда, или убить, как скотину?»

Пока он так размышлял, из деревни пришел один сын ученика Девашармана, чтобы передать ему приглашение, и сказал: «Блаженный! По случаю праздника Павитрароханы [68] приди в мой дом». Услышав это, Девашарман отправился в путь вместе с Ашадхабхути. И когда он шел, ему впереди повстречалась река. Увидев ее, он вытащил деньги из-под мышки, тайком спрятал их в платье и, поклонившись божеству, сказал Ашадхабхути: «Ашадхабхути, тщательно охраняй это одеяние наставника [69], пока я не вернусь, совершив отделение нечистот». Так сказав, он ушел, а Ашадхабхути, лишь тот скрылся из виду, забрал деньги и поспешно скрылся.

Между тем, когда Девашарман сидел, восхищенный многочисленными достоинствами ученика и полный доверия, он увидел, как в стаде баранов два барана вели битву. Отступая и вновь сходясь, они в ярости так сталкивались лбами, что на землю обильно лилась кровь. Увидавший это шакал, исполненный надежды, из жадности к мясу поместился между ними и наслаждался их кровью. Когда Девашарман заметил это, он подумал: «Да! Безрассуден этот шакал. Как бы то ни было, если он очутится между их лбами, то, по-моему, неминуемо погибнет». И в другой раз, когда тот, стремясь насладиться кровью, не отошел, он очутился между их столкнувшимися головами и был убит. Тогда Девашарман сказал: «Шакал баранами убит. . .». И, пожалев его, он отправился за деньгами.

Когда же он постепенно приблизился, то не увидел Ашадхабхути. С нетерпением совершив очищение, он поглядел на одежду и не нашел в ней денег. Тогда, бормоча: «Ой, ой! Обокрали меня!», — он без чувств упал на землю. И вскоре снова придя в сознание, он поднялся и начал кричать: «Эй, эй, Ашадхабхути! Куда ты ушел, обманув меня? Дай мне ответ». Так, причитая на все лады, он произнес: «Мне горе из-за жулика» и медленно пустился в путь, отыскивая следы его ног.

И вот в пути Девашарман увидел некоего ткача, идущего вместе с женой в соседний город выпить хмельного питья, и сказал: «Эй, дорогой! Я при-

близился к тебе, как гость, приведенный заходящим солнцем. Здесь в деревне я никого не знаю. Исполни же закон гостеприимства. Сказано ведь:

Коль на закате гость придет, не надо прогонять его. |
Гостеприимный человек вкусит блаженство в будущем. (130)

А также:

Травой, землею и водой, а также речью дружеской |
Да будут полными всегда жилища праведных людей! (131)

А также:

Огонь приветствием мы чтим, Шата́крату [70] — сидением, |
Говинду [71] — омовеньем ног и трапезой — Праджа́пати [72]». (132)

Услышав его, ткач сказал жене: «Милая, иди домой вместе с этим гостем. Почти его омовением ног, пищей, ложем и другими услугами и оставайся там. Я принесу тебе много вина и мяса». Сказав так, он пошел дальше.

А эта распутная жена, взяв с собой Девашармана, отправилась домой, улыбаясь и думая в сердце о Девадатте [73]. Хорошо ведь говорится:

Ненастье, ночь безлунная,
Глухие городские закоулки |
И муж, отправившийся вдаль,
Всегда лишь радуют развратную жену. (133)
ār

Диван, ковром покрытый,
Супруга нежного, прекраснейшее ложе |
Не больше, чем былинку, ценит
Та, что любви запретной ищет. (134)
ār

А также:

Молва дурная, гибель рода,
Оковы и опасности смертельные — |
Всё нипочем дурной жене,
Привязанной к чужому человеку. (135)
ār

И вот, войдя в дом, она указала Девашарману на сломанную кровать и сказала: «Эй, эй, блаженный! Оставайся в нашем доме и будь внимателен, а я тем временем поговорю со своей подругой, возвратившейся из деревни, и скоро вернусь». Сказав так, она надела украшения и пошла к Девадатте, но встретилась лицом к лицу со своим супругом. От опьянения тот не владел своими членами, волосы его были растрепаны, он спотыкался на каждом шагу и держал в руках сосуд с вином. Увидя его, она как можно скорей вернулась назад, вошла в дом, сняла украшения и приняла прежний вид. А ткач, еще раньше слыхавший дурные речи о ней, видя ее бегущей в украшениях, вошел в дом с обеспокоенным сердцем и охваченный гневом, сказал ей: «Эй, негодница! Распутница! Куда это ты отправилась?» Она ответила: «Я никуда не выходила после того, как ушла от тебя. Зачем же ты, напившись, говоришь несуразные вещи. Хорошо ведь говорится:

Ослаб, на землю падает, все время мелет чепуху — |
Вот признаки надежные того, кто опьянен вином. (136)

А также:

Даже у солнца гаснет луч, когда оно на западе, |
Оно краснеет, блеск отдав, и покидает небосвод»[74]. (137)

А он, услышав эту дерзкую речь и заметив, что она переменила одежду, сказал: «Давно уже, распутница, я слышу о тебе дурные речи. Сегодня я сам убедился в этом и как следует накажу тебя». Подумав так, он избил ее дубинкой, привязал крепкой веревкой к столбу и заснул, обессилев от опьянения.

Между тем ее подруга, жена цирюльника, видя, что ткач спит, пришла и сказала: «Дорогая, Девадатта ожидает тебя в том месте. Иди же скорей». Та ответила: «Погляди, в каком я состоянии. Как я пойду? Пойди и передай любимому: «Как нам встретиться с тобой в таком положении?» Жена цирюльника сказала: «Дорогая, не говори этого. Не так поступают неверные жены. Сказано ведь:

Кто не бежит опасных мест
И, как верблюд, неутомимо гонится |
За сладкими плодами, —
Благословен с рожденья тот. (138)

ār

А также:

Наш мир сомнений полон,
А люди без конца на все лады злословят. |
Лишь та счастлива, что с другим
Любовником проводит юность. (139)
āı

А затем:

Пускай любовник — не мужчина,
Пускай наружность отвратительна его, |
И все ж распутница не станет
Любить законного супруга». (140)
ār

Та сказала: «Если так, то скажи, как пойду я, связанная крепкой веревкой. К тому же рядом находится мой негодный муж». Жена цирюльника ответила: «Дорогая, он обессилел от опьянения и проснется, лишь когда его коснутся лучи солнца. Поэтому я освобожу тебя и сама займу твое место. Ты же побудь с Девадаттой и скорей возвращайся». Через некоторое время, когда это было исполнено, ткач, у которого немного прошел гнев, поднялся и сказал ей в опьянении: «Эй, эй, дерзкая! Если с сегодняшнего дня ты перестанешь выходить из дому и говорить дерзости, я отвяжу тебя». А жена цирюльника, боясь, как бы ее не выдал голос, ничего не ответила. Он снова повторил ей то же самое и, когда она не дала ответа, то, разгневавшись, взял острый нож, отрезал ей нос и сказал: «Оставайся теперь так, развратница. Больше я не буду угождать тебе». Пробормотав это, он снова заснул. А Девашарман, у которого после потери денег исхудала от голода шея и пропал сон, видел все эти женские проделки.

Между тем жена ткача, досыта вкусив радость любовного наслаждения с Девадаттой, вернулась через некоторое время домой и спросила жену цирюльника: «Эй! Все ли у тебя в порядке? Не вставал ли этот злодей, пока я уходила?» Жена цирюльника ответила: «Все тело у меня в порядке, не считая носа. Скорей же освободи меня от веревки, пока он не проснулся, чтобы я пошла домой, а то он еще хуже накажет меня: обрежет уши или сделает еще что-нибудь».

Тогда жена ткача, освободив жену цирюльника, заняла прежнее положение и с презрением сказала: «Тьфу, тьфу! Великий глупец, способный насильничать и калечить меня, уважаемую и преданную жену! Пусть же услышат хранители мира [75]:

Солнце, и месяц, и огонь, и ветер,
Земля, вода и небо, сердце, Яма [76], |
День, ночь, рассвета час, вечерний сумрак
И Дха́рма [77] знают все дела людские. (141)

upa

Если я добродетельна, пусть эти боги снова сделают мне нос такой же, как был прежде. Если же я хоть в мыслях пожелаю другого мужчину, пусть они обратят меня в пепел». И, произнеся эти слова, она снова обратилась к нему: «Эй, злодей, посмотри: силой моей добродетели нос стал таким же, как прежде». И когда он взял головню и поглядел, то увидел у нее такой же самый нос, а на земле — большую лужу крови. Тогда в изумлении он освободил ее от веревки и начал услаждать сотнями ласк.

А Девашарман, видя все это, произнес с изумленным сердцем:

«Вся мудрость безграничная Бриха́спати с Уша́насом [78] |
Уступит ухищреньям жен. Как нам за ними углядеть? (142)

Поспешность, хитрость, глупость, ложь и жадность безграничная, |
Жестокость и нечистота — врожденные пороки жен. (143)

Не увлекайтесь женами чрезмерно,
Не допускайте, чтоб росла их сила, |
Ведь все они мужчиною влюбленным
Играют, как бескрылою вороной. (144)

upa

Ведь из уст ее сладкий мед течет,
А в груди женщина сильный яд [79] хранит. |
Потому и пьют из желанных губ,
А рукой сжатою ударяют в грудь. (145)

viyo

Пучину опасений, || нескромности обитель, ||
поспешностей собранье,
Вместилище пороков, || дом сотни злых обманов ||
и поле подозрений, |
Ту, что сильней героев, || корзину дел коварных, ||
смесь нектара и яда,

Жену, что с куклой схожа, || кто создал в этом мире ||
на гибель добрым нравам? (146)
srag

Газелеоких жен, чья добродетель — грех, ||
прославленных повсюду
Упругостью грудей, живым сияньем глаз, ||
прелестными устами, |
Кудрявой головой, размерностью в речах, ||
великолепьем бедер,
Пугливостью своей и чарами в любви, — ||
пусть их скоты лишь любят [80]. (147)
çārdū

Они смеются и грустят, чтоб достигнуть цели,
И, пробудив к себе доверье, не верят сами. |
Пускай же каждый человек из семьи достойной
Обходит их, как на кладбищах обходят урны. (148)
vasa

Цари зверей с косматой гривой и страшной пастью,
Слоны, что в мускусе обильном сияют блеском, |
Герои мудрые и стойкие в страшных битвах —
Близ женщин все они теряют свою отвагу. (149)
vasa

А также:

Внутри они скрывают яд, снаружи — блещут красотой. |
Кто создал в этом мире жен, подобных гунджи [81] ягодам?» (150)

Так размышляя, этот странствующий монах кое-как провел ночь.

А сводня с отрезанным носом подумала, придя домой: «Что теперь делать? Как скрыть эту большую рану?» Пока она так размышляла, муж ее проводил ночь, занятый делами, в царском дворце. На заре он пришел домой и, озабоченный многочисленными делами, предстоящими ему в городе, сказал ей, остановившись в дверях: «Дорогая, скорей принеси футляр с бритвенным ножом — я отправляюсь в город по делам». А она, стоя внутри дома с отрезанным носом, сохранила присутствие духа и бросила ему в лицо один только нож. Тогда цирюльник, разгневанный, что не получил ножа вместе с футляром, кинул ей нож в лицо. И вслед за этим дурным поступком зло-

дейка выбежала из дома с воздетыми руками и завопила: «Ах! Глядите, этот злодей отрезал нос у меня, ведущей добродетельную жизнь! Защитите!»

В то же мгновенье явились царские служители, сильно избили цирюльника, связали его крепкой веревкой и вместе с безносой повели на место суда. И вот судьи спросили его: «Почему ты так жестоко поступил со своей женой?» И когда, ошеломленный от удивления, он не дал ответа, сидящие в собрании произнесли согласно с законом:

«Бледнеет, с дрожью говорит,
Испуганно глядит, теряет весь свой блеск — |
Так выглядит всегда злодей,
Когда он преступленьем устрашен. (151)

ār

А также:

Переменился цвет лица, и ноги спотыкаются, |
По лбу его струится пот, и заикаясь говорит. (152)

Дрожит и вниз глядит всегда, кто злое дело совершил. |
По этим явным признакам легко найдешь преступника. (153)

И затем:

С уверенностью держит речь невинный человек в суде, |
Нет страха на его лице, горит негодованьем взор. (154)

Поэтому он кажется человеком дурного поведения. За насилие над женщиной полагается казнь. Пусть же его посадят на кол».

Между тем Девашарман, видя, как того ведут на место казни, подошел к судьям и сказал: «Эй! Несправедливо осужден этот бедный цирюльник, ведущий достойный образ жизни. Выслушайте мою речь:

Шакал баранами убит, мне горе из-за жулика, |
А сводне — из-за дел чужих. Три горя по своей вине». (155)

Тогда те судьи сказали ему: «Эй, блаженный! Как это?» И Девашарман подробно рассказал им обо всех трех происшествиях. И выслушав его, все они, изумившись, отпустили цирюльника и сказали:

«Брахмана, женщину, дитя, больного и отшельника |
Нельзя казнить. За тяжкий грех калечить их предписано. (156)

Ведь по собственной вине ей отрезали нос. Пусть же в наказание от царя ей отрежут и уши». И когда это было исполнено, Девашарман, укрепив свое сердце двумя этими примерами, отправился в свой монастырь.

Поэтому я и говорю: «Шакал баранами убит. . .». Каратака сказал: «Что же нам делать в таком тяжелом положении?» Даманака ответил: «Несмотря на подобное стечение обстоятельств, я разлучу Сандживаку с господином благодаря блеску своего разума. К тому же наш господин Пингалака предается очень дурной наклонности. Ведь:

Коль впавший в заблужденье царь дурною страстью ослеплен, |
То слуги всеми средствами должны ему препятствовать». (157)

Каратака сказал: «Какой же дурной наклонности предается наш господин Пингалака?» Даманака ответил: «Имеется семь дурных влечений. Это:

Охота, жены, кости, хмель и в пятых — речи злобные, |
Насильем оскорбление и жадность до чужих богатств. (158)

Это составляет одну дурную наклонность, называющуюся «привязанностью и состоящую из семи членов». Каратака спросил: «Как это: «одна дурная наклонность?» Разве есть еще другие?»

Даманака сказал: «Ведь имеется пять основных дурных наклонностей» Каратака сказал: «Какая между ними разница?» Тот ответил: «Это — «недостаток», «возмущение», «привязанность», «мучение» и «ошибки в способах ведения войны». Первую, называющуюся «недостатком», следует видеть в недостатке одной из составных частей государства: господина, министров, подданных, крепостей, казны, войска, союзников. Когда составные части чужой или составные части собственной страны порознь или все вместе приходят в волнение, то эта дурная наклонность — «возмущение». О «привязанности» сказано уже раньше: «Охота, жены, кости, хмель. . .». Здесь женщины, игра в кости, охота и пьянство — группа влечений, порожденных любовью, а оскорбление речью и остальные — группа влечений, порожденных гневом. При этом люди, отвернувшиеся от влечений, порожденных любовью, склоняются к влечениям, порожденным гневом. Легко понять те влечения, которые порождены любовью. Те же, которые порождены гневом, делятся на три вида и называются различными именами. У того, кто стре-

мится оскорбить другого и, не подумав, наделяет его несуществующими пороками, — оскорбление речью. Такие жестокие и неподобающие действия, как калечение, связывание, нанесение ран, — оскорбление насилием. Бессердечная жадность к имуществу — посягательство на чужое богатство. Такова семичленная дурная наклонность, называющаяся «привязанностью». «Мучение» состоит из восьми членов: мучения, посланные богами, огненный жар, наводнение, недуг, чума, бегство, голод и дождь Асури [82]. Необычайно сильный дождь называется дождем Асури. И эта дурная наклонность должна считаться «мучением». Затем говорится об «ошибках в способах ведения войны». Когда в шести способах ведения войны: мире, раздоре, походе, остановке, союзе и двуличии происходят ошибки, то во время мира ведут военные действия, а во время раздора — соединяются. Если и в остальных способах войны происходят ошибки, то эта дурная наклонность — «ошибки в способах ведения войны».

А наш господин Пингалаки предается самой первой дурной наклонности — «недостатку». Ведь попав под влияние Сандживаки, он не обращает внимания ни на министров и других подданных, ни на один из шести способов ведения войны. Он же совсем почти усвоил нравы и обычаи травоядных. Что тут долго говорить? Так или иначе, Пингалаку надо разлучить с Сандживакой. Когда нет светильника, нет и света».

Каратака сказал: «Ты ведь бессилен. Как же ты их разъединишь?» Тот ответил: «Дорогой, хорошо сказано по этому поводу:

Где не хватает сил твоих, там надо хитрость применить. |
Ворона цепью золотой сгубила черную змею». (159)

Каратака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

«В одной стране росло большое баньяновое дерево [83]. Жили на нем ворон с женой, свившие себе гнездо. И черный змей [84], пробираясь туда через дупло дерева, поедал рождавшихся птенцов, когда те были совсем еще маленькими. А ворон, даже несмотря на это мучительное бедствие, не мог оставить давно принадлежащий ему баньян и переселиться на другое дерево. Потому что:

Ворона, антилопа, трус не оставляют мест своих, |
Лев, слон и добрый человек идут туда, где их не чтут. (160)

И вот однажды ворона упала в ноги супругу и сказала: «Господин, много птенцов съел у меня этот злой змей. И теперь, измученная несчастьем с птенцами, я хочу хоть куда-нибудь уйти. Поэтому поселимся на другом дереве. Потому что:

Здоровья лучше друга нет, болезни злее нет врага, |
Сильней, чем к детям, нет любви, нет бедствий хуже голода. (161)

И кроме того:

Как может быть спокоен тот, чье поле около реки, |
В чьем доме змеи завелись и чья жена сошлась с другим? (162)

Ведь мы живем так, подвергая жизнь опасности». Тогда ворон, сильно страдая от печали, сказал: «Дорогая, давно мы живем на этом дереве и не можем его оставить. Ведь:

Повсюду сможет антилопа
Найти глоток воды и горстку пищи, |
Но любит лес она родной
И не уйдет в места чужие. (163)
ār

И, несмотря на это, с помощью хитрости я погублю этого злого и сильного врага». Ворона сказала: «Очень ядовит этот змей. Как же ты ему повредишь?» Он ответил: «Дорогая, если я и бессилен причинить ему зло, то все же у меня есть ученые друзья, сведущие в науке разумного поведения. Обратясь к ним, я применю хитрость и сделаю так, что этот злоумышленник погибнет в недалеком будущем». Гневно произнеся это, он отправился к другому дереву, почтительно позвал своего любимого друга — шакала, жившего под деревом, поведал ему все свои горести и сказал: «Дорогой, что хорошего придумаешь ты при таких обстоятельствах? Ведь из-за убийства птенцов мы с женой сами как убитые». Шакал ответил: «Дорогой, я все обдумал. Тебе тут нечего печалиться. Этот злой черный змей из-за своей низости сам, должно быть, близок к гибели. Ведь:

Не надо никогда вредить тому, кто зло тебе чинит. |
Он сам падет, как дерево, на берегу растущее. (164)

И говорят ведь:

Немало съела цапля рыб, хороших, средних и плохих, |
Но из-за жадности своей от клешней рака умерла». (165)

Ворон спросил: «Как это?» Шакал рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

«В одной местности на берегу пруда жила когда-то цапля. Состарившись и желая без труда поедать рыбу, чтобы поддерживать свою жизнь, она оставалась на берегу того пруда, делая вид, что полна беспокойства, и не поедая даже близко подплывавших рыб. А там среди рыб жил один рак. Приблизившись к ней, он сказал: «Тетушка [85], что же ты сегодня не ешь и не развлекаешься, как прежде?» Та ответила: «Когда я была сыта и довольна, поедая рыбу, то приятно проводила это время, наслаждаясь твоим обществом. Однако теперь вас ожидает большое несчастье. Из-за него на старости лет прервется этот приятный образ жизни. Вот я и печальна». Тот спросил: «Тетушка, что это за большое несчастье?» Цапля ответила: «Сегодня много рыбаков прошло мимо пруда, и я услышала их разговор: «В этом большом пруду много рыбы. Сегодня мы пойдем к тому озеру, что возле города, а завтра или послезавтра закинем сети и сюда». Когда все это произойдет и вы погибнете, то погибну и я, потому что прервется мой образ жизни. Опечалившись этим, я потеряла сегодня охоту к пище». И услышав эту зловещую речь, все обитатели воды, боясь за свою жизнь, обратились к цапле: «Тетушка! Матушка! Сестрица! Подружка! Умница! Где слышат о несчастье, там знают и средства против него. Поэтому ты должна вырвать всех нас из пасти смерти». Цапля сказала: «Я птица и не могу бороться с людьми. Однако у меня хватит сил перенести вас из этого пруда в другой глубокий пруд». Тогда они, обманутые этой лживой речью, заговорили: «Тетушка! Подружка! Бескорыстная родственница! Меня, меня понеси первого! Разве ты не слыхала?

Кто стоек сердцем, страсти обуздал,
Кто держит в памяти всегда лишь добрые дела, |
Тот даже жизнь готов отдать,
Чтоб другу своему в беде помочь». (166)

ār

Тогда эта злодейка, втайне посмеявшись, подумала про себя: «Завладев этими рыбами благодаря своему уму, я с удовольствием съем их». Подумав так, она согласилась на просьбы стаи рыб, подняла их клювом и, принеся в другое место — на поверхность одной скалы, съела их. Так ежедневно она насыщалась и испытывала высшую радость, а приходя к рыбам, успокаивала их каждый раз лживыми сообщениями.

И вот рак, чувствуя в сердце страх перед смертью, стал все время просить ее: «Тетушка! Ведь ты должна вырвать и меня из пасти смерти». Тогда цапля подумала: «Надоело мне все одно и то же рыбье мясо. Наслажусь-ка я и его мясом, совсем новым и особенным». Подумав так, она подняла рака и полетела по воздуху. Когда, миновав все водоемы, она хотела нести его к сверкающей скале, рак спросил ее: «Тетушка, где же тот глубокий пруд?» Тогда она со смехом ответила: «Погляди на эту широкую сверкающую скалу. Все обитатели воды обрели здесь блаженство. Обрети же и ты теперь блаженство». Тогда рак поглядел вниз и, увидя большую скалу, страшную из-за покрывавшей ее груды рыбьих костей и служившую местом для убийства, подумал: «Увы!

Чтобы целей своих достичь искусными уловками, |
Друг принимает вид врага, враг другом притворяется. (167)

Также:

Уж лучше жить рядом с коварным недругом
Иль без забот игры вести со змеями, |
Чем быть вдвоем с другом своим испорченным,
Несведущим, злобным и легкомысленным. (168)

vaṁça

Несомненно, она съела этих рыб, от которых повсюду остались груды костей. Что же мне теперь делать, раз пришло время? Да что тут раздумывать?

Даже ученый человек потерпит наказание, |
Коль в ослеплении своем пойдет по ложному пути. (169)

Также:

До тех лишь пор страшись беды, покуда не пришла она, |
Когда ж нагрянула беда, смелее наноси удар. (170)

Поэтому, пока она не бросила меня сюда, схвачу-ка я ее за шею четырьмя острыми клешнями». Когда он так и сделал, цапля полетела было дальше, но по своей глупости не знала, как ей избавиться от рака, обхватившего ее клешнями, и тот отрезал ей голову. Затем, взяв шею цапли, похожую на корень лотоса, рак потихоньку вернулся в тот пруд к рыбам. Те спросили: «Братец, почему ты вернулся?» Тогда он, показав им в подтверждение ту голову, сказал: «Все обитатели воды, обманутые ее лживой речью и затем унесенные, были брошены на поверхность скалы недалеко отсюда и съедены. Так как мне суждено было остаться в живых, я узнал, что она — убийца тех, кто ей доверился, и принес с собой ее голову. Поэтому довольно тревожиться. Теперь среди всех обитателей воды настанет мир».

[*Окончание рассказа пятого*]

Поэтому я и говорю: «Немало съела цапля рыб. . .». Ворон ответил: «Дорогой, скажи, как придет к гибели этот злой змей?» Шакал сказал: «Отправляйся в то место, где живет повелитель, возьми там у какого-нибудь невнимательного богача золотую цепочку или нитку жемчуга и брось ее к змею, чтобы его убили, когда возьмут эту цепочку».

Ворон и ворона тотчас же полетели, каждый куда ему захотелось. И достигнув одного пруда, ворона увидела, как в середине его играли в воде гаремные женщины некоего царя, оставив золотые цепочки, нити жемчуга, одежды и украшения около воды. Тут ворона взяла одну золотую цепочку и направилась к своему дереву. Тогда смотрители женских покоев и евнухи, видавшие, как она унесла ее, схватили дубинки и поспешно бросились за ней. А ворона бросила золотую цепочку в дупло, где жил змей, и уселась подальше. Когда царские слуги забрались на это дерево, то там в дупле лежал черный змей с раздувшимся капюшоном. Тогда они убили его ударами дубинок, взяли золотую цепочку и, как намеревались, отправились обратно. А ворон с женой зажили в полном счастье.

Поэтому я и говорю: «Где не хватает сил твоих. . .».

А также:

Коль люди, ослепленные гордыней,
Пренебрегают недругом бессильным, |
То тот, терпя вначале пораженье,
Непобедимым станет, как болезнь. (171)

upa

Ведь для разумных нет ничего неодолимого. И сказано ведь:

Разумен кто, тот и силен, — где взяться силам у глупца? |
Гордыней опьяненный лев погиб в лесу от зайчика». (172)

Каратака спросил: «Как это?» Даманака рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

«В одной местности в лесу жил опьяненный гордостью лев по имени Мандамати [86]. Без устали уничтожал он зверей и, лишь завидя зверя, уже не щадил его. И вот все рожденные в этом лесу антилопы, кабаны, буйволы, гайялы, зайцы и другие животные собрались, полные тревоги, встали на колени и, склонив головы, стали смиренно умолять владыку зверей: «Божественный! Покончи с беспричинным уничтожением всех существ. Действие это враждебно тому миру и чрезвычайно жестоко. И говорят ведь:

Чтоб насладиться жизнью,
Глупцы свершают тяжкие грехи |
И терпят беды вслед за тем
В теченье тысячи рождений [87]. (173)

ār

Также:

Не станет мудрый делать так, чтоб вызвать недоверие, |
Молву дурную породить и в ад сойти преступником. (174)

И к тому же:

Глупцы лишь совершают грех для тела нечестивого, |
Вместилища всех нечистот, несчастного и бренного. (175)

Зная это, ты не должен уничтожать наш род. Оставайся на своем месте, а мы тогда каждый день по очереди будем присылать по одному лесному жителю в пищу господину. Таким образом питание божественного не нарушится и род наш не погибнет. Пусть же исполняется эта царская обязанность! Сказано ведь:

Когда с умеренностью царь господством наслаждается, |
Как эликсиром жизненным, ему блаженство суждено. (176)

Коль неразумный господин слуг убивает, словно коз, |
Лишь в первый раз он будет сыт, потом уж больше никогда. (177)

Коль хочет быть счастливым царь, пусть чтит и охраняет слуг, |
Как садовод хранит цветы и поливает их водой. (178)

Как вовремя доят коров и стерегут их, — так и слуг. |
Сперва лиану оросят, потом уж соберут плоды. (179)

Светильнику подобен царь и блеск берет от подданных, |
Но незаметно это нам, когда достоинств полон он. (180)

Как на возделанной земле приносят семена плоды, |
Так люди, если их беречь, вознаградят хранителя. (181)

Хлеб, золото, сокровища, напитков изобилие |
И множество других вещей идет к царю от подданных. (182)

Цари, творящие добро, достигнут процветания, |
А те, что губят подданных, идут дорогой гибели». (183)

Услышав эту речь, Мандамати ответил: «Да! Вы сказали хорошо. Я останусь здесь, но если ко мне не будут присылать по одному животному, то без сомнения я съем всех вас». Тогда они согласились с ним и, наслаждаясь покоем, стали без страха бродить в том лесу. И ежедневно в середине дня из каждого рода по очереди в пищу ему посылали кого-нибудь одного, достигшего старости, утомленного жизнью, охваченного печалью или боящегося смерти детеныша или жены.

Так чередовался род за родом, и вот как-то пришла очередь зайца. И когда все стаи зверей указали ему на это, он подумал: «Как погубить этого злого льва? Да ведь:

Что трудно для разумного?
Кого не победит решимость твердая? |
Кто не покорен сладкой речи?
Чего нельзя усердием достичь? (184)

Так я погублю льва». И медленно-медленно он пустился в путь, оттягивая время и с тревогой в сердце обдумывая способ погубить льва. И в конце дня он направился к нему. А лев, у которого за прошедшее время исхудала от голода шея, полный гнева, подумал, облизывая уголки рта: «Да! Утром мне надо будет перебить всех зверей». Пока он так думал, заяц медленно-медленно подошел к нему, поклонился и стал перед ним. И видя, как поздно тот пришел и каким он оказался маленьким, пылающий гневом лев грозно сказал: «Эй, ничтожный! Будучи маленьким, ты пришел один и к тому же с опозданием. За это, убив тебя, я уничтожу утром все породы зверей». Тогда склонившийся заяц почтительно ответил: «Господин, ни я, ни другие звери не виноваты в этом. Выслушай, какова причина». Лев сказал: «Скорей же рассказывай, пока не очутился между моими клыками». Заяц рассказал: «Господин, сегодня все звери, видя, что в чередовании родов настал мой черед, послали вместе со мной еще пять зайцев, потому что я оказался очень маленьким. Когда мы были в пути, из большой ямы в земле вылез лев и сказал: «Куда вы идете? Вспомните вашего бога-хранителя»[88]. Тогда я ответил: «Согласно договору мы посланы в пищу нашему господину льву Мандамати». Он сказал: «Если так, то знайте, что этот лес принадлежит мне. Поэтому согласно договору все звери должны иметь дело со мной. Этот Мандамати похож на вора. Поэтому позови его и скорее возвращайся. Кто из нас окажется царем по своей силе, тот и съест всех этих зверей». Тогда, получив от него приказание, я пошел к господину. По этой причине я и опоздал. Теперь пусть решает господин». Услышав это, Мандамати ответил: «Дорогой, если так, то скорей покажи мне этого мошенника-льва. Тогда я вымещу на нем свой гнев на зверей и успокоюсь. Сказано ведь:

Земля, друзья и золото — вот три плода сражения. |
Коль нет ни одного из них, не надо начинать войны. (185)

Где нет награды стоющей, где суждены лишь бедствия, |
Не вступит там в сражение благоразумный человек». (186)

Заяц сказал: «Господин, ты прав. Ведь воины вступают в бой за свою землю, когда их оскорбляют. Однако он живет в крепости. Ведь и послал он меня, выйдя из нее. Трудно одолеть врага, укрывающегося в крепости. Сказано ведь:

Ни с тысячей больших слонов, ни с сотней тысяч лошадей |
Не сможет царь достичь того, чего достигнет с крепостью. (187)

Стрелок, стоящий на стене, сильнее сотни воинов. |
Наука поведенья нам рекомендует крепости. (188)

Послушавшись наставника, руками Вишвака́рмана [89] |
Сам Шакра крепость основал, боясь Хираньяка́шипу [90]. (189)

И пожелал он вслед за тем: «Царь, крепостью владеющий, |
Да победит!» Поэтому повсюду крепости стоят». (190)

Услышав это, Мандамати сказал: «Дорогой, даже если он находится в крепости, покажи мне этого вора, чтобы я его погубил. Сказано ведь:

Борись с болезнью и с врагом, как только обнаружишь их. |
Ведь коль усилятся они, тебя сумеют погубить. (191)

А также:

Кто силу сознает свою и хочет славу приобресть, |
Один всех перебьет врагов, как Бха́ргава [91] воителей». (192)

Заяц сказал: «Это так. Но все же он показался мне сильным. Не следует идти господину, не зная его сил. Сказано ведь:

Кто сил не знает собственных и сил своих противников, |
Тот гибнет в столкновении, как гибнет мотылек в огне. (193)

А также:

Ведь если слабый в бой пойдет, чтоб сильного врага убить, |
Бесславно возвратится он, как слон, чьи сломаны клыки». (194)

Мандамати сказал: «Какое тебе до этого дело! Покажи мне его, даже если он находится в крепости». Заяц ответил: «Если так, пусть господин идет». Сказав это, он пошел вперед и, достигнув колодца, обратился ко льву: «Господин, кто же может вынести твой блеск? Ведь даже издали завидя тебя, этот вор забрался в крепость. Подойди же, чтоб я показал тебе его». Услышав это, Мандамати сказал: «Дорогой, покажи скорее». И тот показал ему этот колодец. А лев, совсем лишенный разума, увидев в воде свое

отражение, издал рев. Тогда благодаря эху из колодца послышался рев вдвое громче прежнего. Услышав этот рев и подумав: «Он очень силен», лев бросился вниз и лишился жизни. А довольный заяц обрадовал всех зверей и, прославляемый ими, счастливо зажил в том лесу.

Поэтому я и говорю: «Разумен кто, тот и силен. . .». Каратака сказал: «Это вроде сказки о вороне и плоде пальмы [92]. Хоть заяц и достиг успеха, все же человек, лишенный могущества, не должен обманывать великих». Даманака сказал: «И могучий и немощный — всякий должен быть решительным в своих усилиях. Сказано ведь:

Кто был решительным, того ожидает счастье.
«Судьба, судьба!» — так говорят ведь одни лишь трусы. |
Судьбу себе ты подчини и смелее действуй,
А коль удача не придет, — где ж проступок в этом? (195)
vasa

К тому же сами боги сопутствуют тому, кто всегда предприимчив. Сказано ведь:

К исполненным решимости сам бог идет в союзники. |
Так Вишну, диск [93] и Гарутма́н [94] ткачу в сраженьи помогли. (196)

И кроме того:

Сам Брахма разобрать не смог обмана, ловко скрытого. |
Принявший облик Вишну ткач царевной наслаждается». (197)

Каратака спросил: «Как же это благодаря уверенно и ловко проведенному обману был достигнут успех в предприятии?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

«Есть в стране гаудов [95] город под названием Пундхравардхана. Жили там два друга, ткач и тележник, каждый из которых достиг совершенства в своем ремесле. Они без конца тратили заработанные ими деньги, носили мягкие, пестрые и чрезвычайно ценные одежды, украшались цветами и бете-

лем [96] и благоухали ароматом камфары, алоэ и мускуса. Проработав три четверти дня, они в последнюю четверть обычно украшали тело и гуляли вдвоем по площадям, храмам и другим местам. Обойдя различные зрелища, собрания, посетив праздники по случаю рождений и другие людские сборища, они возвращались в сумерки к себе домой. Так проходило у них время. И как-то в один большой праздник все городские жители, нарядившись кто как мог, стали бродить вокруг храмов и других мест. И вот наряженные ткач и тележник, глядя на разукрашенные лица собравшихся повсюду людей, увидели дочь царя, сидевшую на большом балконе верхнего этажа дворца и окруженную подругами. Область сердца ее была украшена парой упругих и выдающихся вперед грудей, цветущих первой молодостью. Ее округлые ягодицы отличались пышностью, и талия ее была стройна. Волосы ее, темные, как грозовая туча, были мягкие, умащенные и волнистые. Золотые украшения, покачивающиеся в ее ушах, соперничали со сладостными качелями бога любви. Лицо ее было прекрасно, как недавно распустившийся нежный цветок лотоса, и, подобно сну, она овладевала глазами всех людей.

И видя эту несравненную красоту, ткач, со всех сторон пораженный в сердце пятью стрелами Манасиджи [97], скрыл, сохранив присутствие духа, свое состояние и кое-как добрался до дому, всюду видя перед собой царскую дочь. Испуская длительные и горячие вздохи, он упал на непокрытую постель и остался на ней. Представляя царевну такой, какой она явилась ему, и думая о ней, он, находясь в таком состоянии, прочел стихи:

«Где красота живет, там — добродетель».
Увы! Нет правды в этом изреченье. |
Ведь красота ее вошла мне в сердце,
А тело все горит в разлуке с нею. (198)

upa

И также:

Одно любовью сожженно, другое унесла она, |
В сознанье третье держится. Так сколько ж у меня сердец? (199)

И также:

Всегда достоинства должны всем людям счастье приносить. |
За что ж газелеокая меня сжигает красотой? (200)

Ведь каждый — нет сомненья в этом —
Всегда стремится охранять свое жилище. |
А ты в мое вселилась сердце
И безрассудно сжечь его желаешь. (201)

ār

Уста, как пурпур бимбы[98], || младых грудей сосуды, ||
что гордо выступают,
А также пуп глубокий, || и вьющиеся кудри, ||
и стан изящный, тонкий |
Приносят без сомненья || немалые страданья ||
мечтателям влюбленным.
Но как несправедливо, || что щек ее блистанье ||
всего меня сжигает! (202)

srag

Прижавшись к влажным от шафрана грудям любимой,
Буграм подобным, что на лбу у слона вспухают[99], |
В ее объятья заключен, утомленный страстью,
Я на мгновенье бы уснул, сладким сном объятый. (203)

vasa

Ведь если мне самой судьбой погибнуть предназначено, |
Пускай хоть смерть нашел бы я не от газелеокой той. (204)

Хоть милая вдали, но видишь ты ее ||
перед собой, о сердце,
Так научи глаза такому волшебству, ||
коль утомилось видом. |
Ведь одиноко ты, и даже встречи час ||
тебе печаль приносит.
Кто любит лишь себя, тот радостей лишен, — ||
лишь благодетель счастлив. (205)

çārdū

Воистину с небес похитила красу ||
ты у луны холодной,
А лотос голубой всей прелестью своей ||
глаза твои украсил. |

От страсти пьяный слон не знает, что взяла ||
ты у него походку,
Но как сумела ты, чьи члены так стройны, ||
мое похитить сердце? (206)
çārdū

На небе, в воздухе, средь нас — везде присутствует она. |
Зовут ее в опасностях, как Нараяну [100] самого. (207)

«Мгновенны состоянья все» — неверно Буддой [101] сказано: |
Когда я думаю о ней, все время предо мной она». (208)

Так с возбужденным умом он причитал на все лады, пока, наконец, не настала ночь. На следующий день опять в условленное время тележник нарядился и пришел в дом ткача. Он увидел ткача лежащим на непостланной постели с вытянутыми руками и ногами, испускающим длительные и горячие вздохи, с бледными щеками и проливающим слезы. Видя его в таком положении, он сказал: «Эй, друг! Отчего сегодня твое тело в таком состоянии?» И когда тот, снова спрашиваемый им, ничего не ответил от стыда, то тележник, охваченный печалью, прочел стихотворение:

«Разве можно || гнева друзей бояться?
Помогать им, || чувствуя недоверье? |
Тот, кому ты, || матери словно, веришь,
Вот кто — друг твой. || Всякий другой — лишь встречный». (209)
çāli

И затем, умея разбираться во внешних признаках, он приложил руку к его сердцу и другим частям тела и сказал: «Приятель, как мне кажется, это состояние вызвано у тебя не лихорадкой, а любовью». Когда же таким образом он сам дал ему возможность говорить, тот, усевшись, прочел стихотворение:

«Коль хочешь снова стать счастливым,
Достойному слуге, жене благочестивой, |
Властителю могучему
И другу о печали расскажи»[102]. (210)
ār

Сказав так, он поведал ему все о своем состоянии, начав с того, как увидел царскую дочь. Тогда тележник, подумав, сказал: «Ведь царь этот — кшатрий. Не боишься ли ты совершить нечестивый поступок? Ты ведь вайшья [103]». Тогда тот ответил: «По закону кшатрий может иметь жен от трех каст. Наверно, она — дочь вайшийки. Поэтому я и чувствую к ней склонность. Сказано ведь:

Уверен я — кшатрию подойдет она,
И оттого сердце мое стремится к ней. |
Ведь у людей, что благородством славятся,
В таких делах голос решает внутренний». (211)

vaṁça

Тогда, узнав его решение, тележник сказал: «Приятель, что же теперь делать?» Ткач ответил: «Почем я знаю? Я рассказал тебе как другу». Сказав это, он умолк. Тогда тележник обратился к нему: «Встань, умойся, поешь и перестань горевать. Я придумаю для тебя такое средство, благодаря которому ты сможешь непрерывно вкушать с ней радость любовного наслаждения».

Тогда ткач, возрожденный обещанием друга, поднялся и взялся за все обычные дела. И на следующий день тележник взял только что сделанное им из дерева сооружение в виде Гаруды, раскрашенное разными красками и поднимавшееся вверх с помощью клина, пришел к ткачу и сказал ему: «Приятель, если ты влезешь на него и вставишь клин, то сможешь отправиться, куда захочешь. Когда же ты вытащишь клин, сооружение опустится. Поэтому возьми его. Сегодня ночью, когда люди уснут, прими облик Нараяны, украсив свое тело, и, сев на Гаруду, созданного силой моего знания, опустись на крышу дворца в покои девушки и поступи с царской дочерью, как пожелаешь. Я убежден, что царевна спит одна на крыше дворца».

Сказав это, тележник ушел, а ткач провел остаток дня, обуреваемый сотней желаний. Когда же наступила ночь, он, благоухая от ароматной воды, курений, пудры, притираний, бетеля, благовоний для рта, цветов и других средств, надев разнообразные венки и одежды и блистая диадемой и другими украшениями, так и поступил. И когда царская дочь, чье сердце лишь слегка затронул Мадана [104], лежала одна на постели на крыше дворца, залитой лунным блеском, и с улыбкой глядела на месяц, она внезапно увидела ткача в облике Нараяны, сидящего на Вайнатейе [105]. Увидя его, она в волнении поднялась с постели, почтительно приветствовала его и спросила: «Боже-

ственный! По какой причине почтена я здесь твоим приходом? Укажи поэтому, как мне поступить». Когда царевна сказала так, ткач медленно ответил ей глубоким нежным голосом: «Дорогая, ради тебя явился я сюда». Она сказала: «Я ведь дочь человека». Он ответил: «Ты — моя прежняя супруга, изгнанная из-за проклятия. Долгое время охранял я тебя от сношений с мужчиной и поэтому теперь женюсь на тебе по обряду гандхарвов»[106]. Тогда, подумав: «Это ведь такое недосягаемое желание», она согласилась, и он взял ее в жены по обряду гандхарвов.

Так проводили они время, с каждым днем все больше любя друг друга и вкушая радости любовного наслаждения. В конце каждой ночи ткач влезал на искусственного Гаруду, говорил ей на прощание: «Я отправляюсь на небо Вайкунтха»[107] и, незамеченный, возвращался в свой дом.

И однажды стражники женских покоев заметили на теле царевны следы наслаждений с мужчиной. Боясь, как бы им не лишиться жизни, они в страхе обратились к господину: «Божественный! Соверши милость, даровав нам безопасность. Мы должны кое-что сообщить». Когда царь согласился, хранители женских покоев рассказали: «Божественный! Несмотря на то, что покои усердно охраняются от доступа мужчин, царевна Сударшана[108] выглядит так, словно ею наслаждается мужчина. Мы здесь ничего не можем сделать. Пускай здесь решает божественный».

Получив такое известие, царь с тревогой в сердце подумал:

«Дочь родилась» — большое размышленье.
«Кому дать в жены?» — вновь сомнений много. |
«Счастливой будет в браке иль несчастной?»
Да! Много горя дочь отцу приносит. (212)

indra

Также:

Лишь родится дочь, — || лишает мать рассудка,
И пока растет || друзьям приносит горе, |
Замуж выдадут — || ведет себя беспутно.
Дочерей иметь — || большое наказанье. (213)

prami

Также:

«Достанется ль достойному?
Понравится ль ему? Свободна ль от грехов?» — |
Так беспокоится поэт
За новую поэму, как за дочь». (214)

ār

И вот, размышляя и так и этак, он пришел к царице и сказал: «Божественная! Пусть тебе в точности сообщат, о чем говорят слуги. На кого теперь гневается Кританта [109], что послал такое зло?» И когда те рассказали, что произошло, царица с обеспокоенным сердцем поспешно отправилась в покои девушки и увидела, что губы ее дочери искусаны, а тело исцарапано ногтями. Тогда она сказала: «Эй, негодница, позорящая свой род! Зачем ты нарушила добродетель? Кто это, отмеченный Критантой, приходит к тебе? Раз такое дело, скажи правду». И та, опустив лицо от стыда, рассказала ей всю историю про ткача в облике Вишну.

Услышав это, царица с улыбающимся лицом и с поднявшимися на всем теле волосками [110] поспешно отправилась к царю и сказала: «Радуйся, божественный! Ведь сам блаженный Нараяна каждую полночь приходит к девушке. Она стала его женой по обряду гандхарвов. Так этой ночью мы с тобой пойдем к окну и в полночь должны увидеть его. Ведь он не разговаривает с людьми». Услышав это, царь возрадовался сердцем и с трудом провел этот день, показавшийся ему за сто лет. И вот, когда ночью царь с женой, спрятавшиеся у окна, обратили взор на небо, они увидели, как тот, отмеченный подобающими знаками, сидя на Гаруде и держа в руках раковину, диск и палицу [111], спускался из воздушного пространства. Тогда царь, чувствуя себя погруженным в нектар, сказал царице: «Никто другой в мире не сравнится с нами счастьем. Ведь нашу дочь посещает и услаждает сам блаженный Нараяна. Исполнились все желания наших сердец. Теперь, благодаря могуществу зятя, я покорю всю землю».

Между тем прибыли к нему за ежегодными свидетельствами почтения послы живущего на юге славного Викрамасены [112], под властью которого находилось девять миллионов девятьсот тысяч деревень. А царь, гордясь своим зятем Нараяной, не оказал им почтения, как бывало прежде. Тогда они с гневом сказали: «О царь! Ведь миновали дни, назначенные для приношения. Почему же ты не послал должных свидетельств уважения? Или ты неожиданно получил откуда-то необычайную силу, что гневаешь великого и славного Викрамасену, подобного огню, ветру, ядовитой змее и Кританте?» Когда они сказали так, царь показал им дорогу богов [113]. И вернувшись в свою землю, они рассказали о происшедшем, преувеличив его в сто тысяч раз, и разгневали своего господина. Тогда, окруженный могущественной свитой и войском из четырех частей [114], он двинулся на него, гневно произнеся при этом:

«Пускай он в море заберется,
На Меру[115] влезет пусть, хранимый Шакрой,

И все ж негодного царя
Я погублю — вот мой обет». (215)

ār

И затем, двигаясь непрерывным маршем, Викрамасена достиг той страны и опустошил ее. Тогда спасшиеся от смерти жители пришли к дворцу царя Пундхравардханы и подняли крик. Но слыша их, он даже нисколько не опечалился.

И на следующий день, когда подошли войска Викрамасены и осадили город Пундхравардхану, министры, домашний жрец и знатные люди сообщили царю: «Божественный! Сильный враг приблизился и осадил город. Почему же божественный остается спокойным?» Тогда царь сказал: «Будьте и вы спокойны. Я придумал способ уничтожить этого врага. Завтра утром вы увидите, что я сделаю с его войском». Сказав так, он приказал хорошо охранять стены и ворота. Затем, позвав Сударшану, он почтительно сказал ей ласковым голосом: «Дитя, надеясь на мощь твоего супруга, я начал войну с врагом. Так скажи сегодня ночью блаженному Нараяне, когда тот придет, чтобы утром он уничтожил нашего врага».

И ночью Сударшана подробно передала тому всю речь отца. Услышав это, ткач с улыбкой сказал: «Дорогая! Что значит эта война между людьми? Ведь в былые времена я, играючи, убил Хираньякашипу, Кансу, Мадху, Кайтабху [116] и тысячи других великих демонов, наделенных волшебной силой. Пойди же и скажи царю: «Не тревожься. Утром Нараяна уничтожит своим диском войско твоих врагов». И пойдя к царю, она с гордостью все ему рассказала. Тогда в великой радости он приказал стражнику объявить по городу с барабанным боем: «Те, кто в утренней битве захватят драгоценности, хлеб, золото, слонов, коней, оружие и другую добычу, находящуюся в лагере убитого Викрамасены, получат их в свое владение». И услышав под барабанный бой это объявление, обрадованные горожане советовались друг с другом и говорили: «Сколь бесстрашен наш господин, который не тревожится даже, когда подошли вражеские силы. Несомненно, утром он погубит противника».

Между тем ткач, оставив начатые любовные наслаждения и чрезвычайно обеспокоившись, подумал в своем сердце: «Что мне теперь делать? Если я сяду на это сооружение и улечу в другое место, то не встречусь больше с этой женщиной-сокровищем. Ведь Викрамасена убьет моего тестя и возьмет ее из женских покоев. Если же я вступлю в битву, то смерть положит конец всем желаньям. Но и без нее мне смерть. К чему много слов? Ведь

в обоих случаях здесь смерть. Так лучше действовать мужественно. К тому же, увидя, как я вступаю в бой верхом на Гаруде, враги, может быть, примут меня за Васудеву [117] и обратятся в бегство. Сказано ведь:

Пусть будет смелым человек достойный.
Герой, который верит в свои силы, |
И в горе, и в нужде, и в затрудненье
Препятствия трудом преодолеет». (216)

indra

И когда ткач решил таким образом вступить в битву, Вайнатейя сообщил Вишну на небе Вайкунтха: «Божественный! На земле, в городе под названием Пундхравардхана, ткач, принявший облик божественного, наслаждается царевной. И вот более сильный царь южной страны пришел истребить царя и повелителя Пундхравардханы. Ткач решил помочь тестю. Поэтому вот что следует сообщить: если тот погибнет в битве, то в мире смертных пойдет молва, что царь южной страны погубил блаженного Нараяну, и вслед за тем прекратятся жертвоприношения и другие обряды. Существующие храмы будут разрушены неверующими. Преданные блаженному аскеты с тремя палками [118] оставят свое отшельничество. В таком положении пусть божественный решит». Тогда блаженный Васудева, тщательно подумав, ответил ему: «Царь птиц! Справедливо это. Бог воплотился в этом ткаче. Он должен убить того царя. Вот средство для этого: раз мы с тобой должны помочь ему, то я вселюсь в его тело, ты вселишься в его Гаруду и мой диск вселится в его диск». «Да будет так»! — согласился Гаруда.

Между тем ткач, воодушевленный Нараяной, указал Сударшане: «Дорогая, когда я вступлю в бой, пусть совершат все, что принесет мне благословение, начиная с огненной церемонии». Сказав так, он совершил надлежащую огненную церемонию, украсился воинским убранством и принял горочану [119], черную горчицу, цветы и другие почетные приношения. И вот, когда взошло великое светило, друг лотосного водоема, украшение на девичьем лике восточного небосклона, наделенное тысячью лучей, когда забили в барабаны, предвещающие победу, когда царь, выйдя из города, достиг поля боя, когда оба войска выстроились в боевом порядке на своих местах и пехота вступила в сражение, ткач сел на Гаруду, раздавая золото, драгоценности и другие богатые дары, поднялся с верхнего этажа дворца в воздух на глазах у любопытных горожан, почтительно приветствовавших его, и, находясь за городом над своим войском, затрубил в громкозвучную раковину Панчаджанья [120].

Услышав звук раковины, слоны, кони, возницы и пешие в страхе бросились бежать. Одни из них неоднократно обмочились, другие издавали ужасные крики, третьи, чье тело разбила немощь, катались по земле, а некоторые в испуге остановились на месте, неподвижно устремив взор к небу.

Тогда все боги собрались из любопытства посмотреть на битву, и Девараджа [121] сказал Брахме: «Брахма! Неужели здесь должен быть убит какой-нибудь полубог или демон, раз сам блаженный Нараяна, сев на Нагари [122], вступил в битву?» Вслед за этими словами Брахма подумал:

«Не обратит Ха́ри [123] на смертных жителей
Свой грозный диск, кровью омытый вражеской. |
Не станет лев бить комара ничтожного,
Когда слонов он убивает лапою. (217)

vaṁça

Что же это за чудо?» Так даже Брахма пришел в изумление. Поэтому я и говорю:

Сам Брахма разобрать не смог обмана, ловко скрытого. |
Принявший облик Вишну ткач царевной наслаждается. (218)

В то время, как боги с любопытством думали об этом, ткач метнул диск в Викрамасену. И тот, разрубив этого царя надвое, снова вернулся в его руки. Увидя это, все цари спустились со своих колесниц, склонились в почтительном приветствии и обратились к принявшему облик Вишну: «Божественный! Погибло войско без вождя. Подумай об этом и пощади наши жизни. Укажи, что нам следует делать». Когда вся толпа царей сказала так, принявший облик Вишну ответил: «Отныне вы в безопасности. Исполняйте все без промедления, что прикажет вам Супративарман[124]». Все цари ответили: «Как велит господин», и подчинились этому приказанию. Вслед за тем ткач сам отдал во власть Супративармана людей, слонов, колесницы, коней, драгоценности и всю другую вражескую добычу и, прославленный победой, зажил, наслаждаясь полным счастьем с царевной.

Поэтому я и говорю: «К исполненным решимости. . .». Услышав это, Каратака сказал: «Если и ты твердо решил, то иди к желанной цели. Счастливый путь!» И после этих слов тот пошел ко льву. Когда он поклонился и сел, лев спросил: «Почему тебя давно не было видно?» Он ответил: «Боже-

ственный! Сегодня у меня есть к господину важное дело. Несмотря на то, что оно неприятно, я пришел рассказать о нем ради твоего блага. Хотя подданные и не желают того, все же о подобных вещах рассказывают из боязни потерять время в неотложном деле. Сказано ведь:

Когда уволенный слуга, добра желая, держит речь, |
То это — верность высшая, любовью порожденная. (219)

А также:

Всегда легко найти, о царь, сладкоречивых подданных, |
И трудно тех найти, чья речь горька, но исцелительна». (220)

Вслед за этой речью, внушающей доверие, Пингалака почтительно спросил его: «Что ты хочешь сказать?» Тот ответил: «Божественный! Сандживака, замышляющий зло против тебя и вошедший к тебе в доверие, будучи наедине со мной, доверчиво сказал мне, когда представился удобный случай: «Хоть твой господин и трижды силен, я выведал его сильные и слабые стороны. Поэтому я убью его и сам легко захвачу царскую власть». Сегодня этот Сандживака хочет исполнить свое намерение. Вот я и пришел сообщить об этом тебе, господину моего отца».

И услышав эту невыносимую речь, подобную удару грома, ошеломленный Пингалака чрезвычайно встревожился сердцем и ничего не ответил. А Даманака, видя его состояние, сказал: «Ведь министры в особенности отличаются этим большим пороком. Хорошо ведь говорится:

Коль слишком вознесутся царь с министром,
Богиня счастья [125] шаг свой остановит |
И, не привыкши к тяжести чрезмерной,
Кого-нибудь покинет непременно. (221)

upa

И поэтому:

Занозу, зуб расшатанный и скверного советника, |
Для безопасности всегда полезно с корнем вырывать. (222)

А также:

Ведь если господин министра одного ||
возвысит над другими,

То в глупости своей тот, славой опьянен, ||
пренебрегает службой, |
Когда забудет долг, то в сердце у него ||
растет стремленье к власти,
А к власти устремясь, владыку своего ||
он погубить стремится. (223)
çārdū

Этот Сандживака беспрепятственно участвует теперь по своему желанию во всех делах. Поэтому подходят сюда следующие слова:

Пусть верно служит подданный, но коль деньгами он сорит, |
Терпеть его не должен царь, благополучья жаждущий. (224)

И такова природа владык. Как говорят:

Даже добро || от преданных сердец ||
подчас к вражде приводит,
И даже зло, || творимое другим, ||
способно вызвать радость. |
Немалый труд — || постичь сердца царей, ||
подвластных многим чувствам,
И сам аскет || не сможет исполнять ||
обязанностей службы». (225)
mandā

Услышав это, Пингалака сказал: «Но он ведь мой слуга. Как мог он перемениться ко мне?» Даманака ответил: «Слуга он или не слуга, — здесь нет ничего исключительного. Сказано ведь:

Желает всякий подданный достичь благополучия. |
До тех лишь пор на службе он, пока могущества лишен». (226)

Лев ответил: «Дорогой! Несмотря на это, сердце мое не враждебно к нему. Ведь:

Пускай пороками полно, все ж тело дорого свое. |
Пусть боль любимый причинит, все ж будем мы его любить. (227)

А также:

Пусть злой поступок совершит, пусть речи дерзкие ведет, |
И все ж любимый человек всегда нам сердце радует». (228)

Даманака сказал: «Это и есть дурная сторона возвышения, что тот, на кого господин, оставив всех других зверей, обратил свое внимание, сам теперь устремился к господству. Сказано ведь:

Кто больше всех других почтен вниманьем повелителя, |
Будь знатен иль незнатен он, тот сердцем Лакшми завладел. (229)

И даже если он любим тобой, надо покинуть его потому, что он приносит вред своей порочностью. Право же, хорошо говорится:

Родного своего, любимое дитя, ||
товарища иль брата
Покинуть надлежит, коль безрассудно он ||
пороку предается. |
Известна на земле пословица одна, ||
что жены повторяют:
«Что делать с золотой иглой, которой мы ||
прокалываем ухо?» (230)
çārdū

А если ты думаешь, что он принесет пользу, обладая огромным телом, то и это неверно. Ведь:

Коль страстью опьяненный слон не хочет выполнять работ, |
То хуже слабых он людей, что трудятся с усердием. (231)

Несомненно, стопы божественного жалеют его. Но и это не годится. Ведь:

Кто, полный неразумия, оставит мысли умные, |
Тому несчастье суждено и разочарование. (232)

Кто не желает следовать советам знающих друзей, |
Лишится быстро должности и попадет во власть врагов. (233)

И также:

Лишен кто благородства,
Идет дорогой ложной и лишен ума, |
Тот глух всегда к советам,
Пусть мудрости исполнены они [126]. (234)

ār

И еще:

Где подают и слушают советы неприятные, |
Но счастье приносящие, — благополучье там царит. (235)

А также:

Нельзя царя слугам его обманывать,
Ведь он всегда держит шпионов бдительных. |
Внимай речам, тяжки они иль сладостны.
Благой совет редко нам сердце радует». (236)

vaṁça

Лев сказал: «Дорогой! Все же не говори так. Ведь:

Чтоб не нарушить слов своих, не следует чернить того, |
Кто перед тем в собрании прославлен за заслуги был. (238)

Ведь когда он раньше прибег к моей защите, я даровал ему безопасность. Как же может он оказаться неблагодарным?» Даманака сказал:

«Кто сердцем зол, тот во вражде проводит дни,
А кто хорош, — не оставляет добрых дел. |
Обоих их мы по природе различим,
Как нимбы [127] плод мы отличим от сахара. (239)

vaṁça

И еще:

Не переменится злодей, пусть угождаешь ты ему, |
Как хвост у пса ни умащай — не сможешь выпрямить его. (240)

А также:

Ведь у людей достойных
И малые достоинства приобретают блеск, |
Они подобны месяца лучам
Упавшим на вершины снежных гор. (241)

ār

Также:

И лучшие достоинства
Погибнут быстро у предавшихся порокам. |
Так угасают лунные лучи
Что падают на Анджаны [128] вершину. (242)

ār

Сто дел у недостойных гибнет,
И сто речей разумных гибнет у глупцов, |
Советов сотня — у глухих к советам,
И сто умов — у безрассудных всех. (243)

ār

Злодей подарок губит,
Невежа и дурак — полезные дела, |
Неблагодарный — все добро,
И неучтивый губит дружбу. (244)

ār

И еще:

Вести беседу с дураком — || что причитать в лесу пустынном,
Водою солончак полить, || сажать в сухую землю лотос, |
Хвост у собаки выпрямлять, || умащивать того, кто умер,
Глухому на ухо шептать || и украшать лицо слепого. (245)

pṛ

И также:

В неведенье своем || ничтожному глупцу служить с усердьем —
Не лучше, чем начать || быка доить, как тучную корову, |
Словно красавицу, || скопца со страстью заключать в объятья
И за кошачий глаз [129] || стекла осколок принимать блестящий. (246)

çikha

Поэтому господин ни в коем случае не должен оставлять без внимания мои полезные слова. К тому же послушай:

Хороший подали совет мне обезьяна, тигр и змей, |
Но не послушался я их и от злодея пострадал». (247)

Лев спросил: «Как это?» Даманака рассказал:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

«Жил в одном селении брахман по имени Яджнядатта [130]. Его жена, подавленная бедностью, каждый день повторяла ему: «Эх, беспомощный и жестокосердный брахман! Разве не видишь ты, как дети мучаются от голода, что остаешься беззаботным? Отправляйся куда-нибудь в путешествие, найди какой-нибудь способ добыть пищи, сколько сможешь, и скорее возвращайся обратно». И, устав от этих речей, брахман отправился в далекое путешествие. Через несколько дней он достиг большого леса. Блуждая в этом лесу и исхудав от голода, он пустился на поиски воды. И вот в одном месте он увидел большой колодец, поросший травой. Когда он заглянул туда, то увидел в нем тигра, обезьяну, змея и человека, и они тоже увидели его. Тогда тигр подумал: «Это человек» и обратился к нему: «Эй, эй, великодушный! Спасти живое существо — великая заслуга. Подумай об этом и вытащи меня, чтобы я смог встретиться с любимыми друзьями, женой, детьми и родственниками». Брахман ответил: «Даже услышав твое имя, все живые существа ощущают страх. Конечно, и я боюсь тебя». А тигр снова сказал:

«Убийца, лжец и пьяница, клятвопреступник и скопец |
Сумеют грех свой искупить. Неблагодарный — никогда». (248)

И снова он сказал: «Я клянусь тройной клятвой, что ты не потерпишь от меня зла. Будь же сострадателен и вытащи меня». Тогда дваждырожденный подумал про себя: «Если и случится несчастье из-за спасения живых существ, все же это принесет пользу». Подумав так, он вытащил его. Тогда обезьяна сказала: «О добрый человек! Вытащи и меня». Услышав это, дваждырожденный вытащил и ее. Тогда змей сказал: «О дваждырожденный! Вытащи и меня». Услышав это, брахман сказал: «Ведь люди трясутся, даже услышав твое имя. Как же тут трогать тебя?» Змей сказал: «Нет у нас своей

воли. Мы не кусаемся, когда нас к этому не вынуждают. Клянусь тройной клятвой, что тебе не будет от меня зла». Услышав это, он вытащил и его. Тогда они сказали: «Каждый человек — вместилище всех пороков. Подумав об этом, не вытаскивай того человека и не доверяй ему». И снова тигр сказал: «Вон виднеется гора с множеством вершин. В северной ее части среди пещер и непроходимых мест — мое логово. Туда ты должен прийти один раз из милости ко мне, чтобы я отблагодарил тебя и, свободный от бремени неисполненного долга, вступил в будущее существование». Сказав это, он отправился в логово. Тогда обезьяна сказала: «Там у логова, вблизи водопада, — мое жилище. Приходи ко мне туда». Сказав это, она ушла. Змей сказал: «Когда у тебя будет неотложное дело, вспомни обо мне». Сказав это, он отправился туда, откуда пришел.

Между тем человек, находящийся в колодце, снова и снова кричал: «Эй, брахман, вытащи и меня!» И дваждырожденный почувствовал жалость и, подумав: «Он — сородич», вытащил его. Тогда тот сказал: «Я — ювелир и живу в Бхригукаччхе [131]. Если тебе понадобится обработать какую-нибудь золотую вещь, приходи ко мне». Сказав это, он отправился туда, откуда пришел.

А брахман бродил, но так ничего и не нашел. И вернувшись домой, он вспомнил слова обезьяны. Он пошел к обезьяне и увидел ее. Она поделилась с ним плодами, сладкими, как нектар, и они оживили его. Затем обезьяна сказала: «Всегда приходи сюда, когда тебе понадобятся плоды». Дваждырожденный сказал: «Ты исполнила все. Теперь покажи мне тигра». Она повела его и показала ему тигра. Узнав его, тигр дал ему в благодарность искусно сделанное шейное украшение и другие сокровища и сказал: «Один царевич, унесенный лошадью, оказался рядом со мной, и я убил его. Все, что ему принадлежало, я тщательно спрятал и оставил для тебя. Возьми это и иди, куда хочешь». И взяв эти вещи, брахман вспомнил о ювелире. «Он окажет мне услугу и продаст это», — подумал он и отправился к нему. А ювелир с уважением принял его, предложил ему воду для омовения ног, почетное сиденье, еду, питье, угощения и, оказав всевозможные знаки внимания, сказал: «Пусть господин укажет, что мне делать». Дваждырожденный сказал: «Я принес золото, и ты должен продать его». Ювелир сказал: «Покажи золото». Когда тот показал его, ювелир, увидя золото, подумал: «Ведь я обработал его для царевича». Подумав так про себя, он сказал: «Оставайся здесь, а я его кое-кому покажу». Сказав так, он пошел в царский дворец и показал его царю. Увидя золото, царь сказал: «Где ты достал это?» Тот ответил: «В моем доме находится брахман, который это принес». Тогда

царь подумал: «Несомненно, этот злодей убил моего сына. Так я покажу ему, что за это следует». И он приказал стражникам: «Свяжите этого негодного брахмана и, когда пройдет ночь, посадите его на кол».

И вот связанный ими брахман вспомнил о змее. И едва он вспомнил о нем, тот явился к нему и сказал: «Какую услугу оказать тебе?» Дваждырожденный сказал: «Освободи меня от этих оков». Тот сказал: «Я укушу любимую жену царя и не исцелю ее от яда, несмотря на заклинания великого заклинателя и целебные противоядия других врачей. Лишь прикосновением твоей руки я исцелю ее от яда. Тогда ты будешь освобожден». Дав такое обещание, змей укусил царицу. Тогда в царском дворце поднялся плач, и весь город пришел в смятение. Были созваны врачующие от яда заклинатели, волшебники, люди, сведущие в тайном учении [132], и врачи, живущие в разных странах. Но, несмотря на все их усердие, ничьи усилия не могли освободить ее от яда. Тогда стали ходить и бить в барабан. И услышав это, дваждырожденный сказал: «Я исцелю ее от яда». Вслед за этими словами его освободили от оков, повели и доставили к царю. Тогда царь сказал: «Исцели ее от яда». И тот, подойдя к царице, одним прикосновением руки исцелил ее от яда.

И видя, что она снова ожила, царь отнесся к нему с уважением и вниманием и почтительно спросил его: «Расскажи правду. Каким образом получил ты это золото?» Тогда дваждырожденный рассказал, как произошло все случившееся с самого начала. И узнав о происшедшем, царь наказал ювелира, подарил брахману тысячу деревень и назначил его своим министром. И приведя свою семью, окруженный друзьями и родными, вкушая всевозможные наслаждения, приобретя множество заслуг благодаря обильным жертвоприношениям и управляя с заботливостью, простиравшейся на все царство, он счастливо проводил свою жизнь.

Поэтому я и говорю: «Тигр, обезьяна и змея. . .». И снова Даманака сказал:

«Если родственник, друг твой, царь, учитель,
Позабыв истину, впали в заблужденье,
Их от зла спасай, а коль сил не хватит,
Исполнять следует все, в чем есть нужда им. (249)

aupa

Божественный! Он ведь изменник. И все же:

Пусть друзей своих человек достойный
От страстей гибельных вдалеке удержит. |
Ведь друзей спасать — праведных обычай,
Лишь злодей в бедствиях покидает друга. (250)

aupa

Также:

Ведь любит только тот, кто от беды спасет, ||
то — подвиг, что безгрешно,
Лишь только та — жена, которая верна, ||
тот мудр, кто чтим благими, |
Тот истинно высок, кто гордости лишен, ||
тот рад, кто бескорыстен,
Тот — друг, кого не надо к дружбе принуждать, ||
тот смел, кто стоек в бедах. (251)

çārdū

И также:

Пусть друг на ложе спит средь змей иль сунув голову в огонь, |
Коль верен он — боязни нет. Лишь злого друга бойся ты. (252)

Поэтому, если общение с Сандживаком приносит несчастье, то стопы божественного лишатся трех благ [133]. Теперь божественный, обученный многим вещам, живет, как ему хочется, не обращая внимания на мои слова. И когда в будущем придет несчастье, нельзя будет обвинять слугу. Сказано ведь:

Ведь увлеченный царь || не думает о том, что надо делать.
Как опьяненный слон, || все прихотям своим он подчиняет. |
И если вслед за тем || срывается гордец в пучину бедствий,
Во всем винит слугу, || не зная, что он сам всему виною». (253)

çikha

Лев сказал: «Дорогой, если так, то надо ли предупредить его?» Даманака ответил: «Разве надо его предупреждать? Что это за образ действий? Ведь:

Предупрежденный недруг
Из страха сам тебе стремится повредить. |
Нет пользы здесь в речах, —
Предупреждай его делами». (254)
ār

Пингалака сказал: «Он ведь поедает траву, а я — мясо. Как же сможет он мне повредить?» Даманака ответил: «Это так. Он питается травой, божественный — мясом. Он является пищей, божественный — пожирателем. И все же, если сам он не причинит зла, то заставит сделать это другого. Сказано ведь:

Коль сил не хватит у злодея,
Пошлет другого он, чтоб нанести удар. |
Не режет камень ничего,
Но может наточить он грозный меч». (255)
ār

Лев спросил: «Как же?» Тот ответил: «Ведь от сражений с многочисленными слонами, пьяными от страсти, гайялами, буйволами, кабанами, тиграми и пантерами тело твое все время покрыто ранами от их клыков и когтей. А он, постоянно живя рядом с тобой, оставляет навоз и мочу. Со временем в них заведутся черви. И, находясь около тебя, они проникнут через раны внутрь твоего тела. Тогда ты и погибнешь. Сказано ведь:

Не следует давать приют тому, кто не знаком тебе. |
Так вошь Мандависа́рпини[134] погибла по вине клопа». (256)

Тот спросил: «Как это?» Даманака рассказал:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

«В покоях одного царя стояло несравненное ложе, наделенное всеми достоинствами. И там в одном месте покрывала жила вошь по имени Мандависарпини. Окруженная многочисленным потомством и наследниками — сыновьями, детьми сыновей, дочерями, детьми дочерей, — она все время питалась кровью спящего царя. И от нее она стала упитанной и приметной. Так она жила там, и вот однажды занесенный ветром клоп по имени Дундука[135] упал на это ложе. И увидя это необычайно мягкое и благоуханное ложе,

покрытое превосходным тончайшим покрывалом, с двумя подушками и подобное широкому песчаному берегу Джахнави [136], он достиг высшей радости. Прикосновение к нему похитило его разум, и как-то, бродя взад и вперед, он по воле судьбы повстречался с Мандависарпини. Она сказала: «Как ты попал в это жилище, предназначенное для царя? Скорей уходи отсюда». Тогда он ответил: «Почтенная! Не говори мне так. И вот почему:

Огонь дваждырожденный чтит, брахмана — касты низшие, |
Супруг — в почете у жены, пришельца каждый должен чтить. (267)

А я — твой гость. Ведь разного рода кровью наслаждался я: брахманов, кшатриев, торговцев и шудр. Она у них соленая, слизистая и не насыщает. Напротив, у того, кто находится на этом ложе, кровь, несомненно, услаждает сердце и подобна нектару. Он ведь не страдает от болезней, ибо постоянно и усердно принимает лекарства и другие целебные средства, предписанные врачами, и ветры, желчь и флегма [137] у него не несут ущерба. Он полон сил благодаря приятным, жидким, искусно приготовленным кушаньям, крепким от примеси сахара, граната и трех приправ [138] и состоящим из превосходного мяса обитателей земли, воды и воздуха. Впитавшая все это кровь кажется мне подобной жизненному эликсиру. Потому я и хочу отведать ее по твоей милости: ведь она приносит радость и насыщение, благоуханна и сладка». Та ответила: «Невозможно это для тех, кто, обладая, подобно тебе, огненным ртом, живет благодаря укусам. Сказано ведь:

Кто места, времени,
Других, себя и дел своих не знает |
И поступает безрассудно,
Тот не достигнет счастья никогда». (258)

ār

Тогда, упав к ее ногам, он снова начал умолять ее. И с великой милостью она сказала: «Да будет так!», выразив этим свое согласие. Потому что, когда царю читали однажды рассказ Карнисуты [139], она, находясь на своем месте в покрывале, услышала, что ответил Муладева [140] на вопрос Девадатты [141]. А именно:

Кто не почтил просителя коленопреклоненного, |
Тот Брахме, Хари и Шамбху́ [142] не оказал почтения. (259)

И вспомнив эти слова, она согласилась и сказала: «Но ты не должен приближаться к нему для питания в неподходящем месте и в неподходящее время». Он спросил: «Каковы же подходящие место и время? Я только что пришел и не знаю этого». Она ответила: «Когда телом царя овладеет опьянение, усталость или сон, ты можешь осторожно кусать его ноги. Вот — место и время». И он согласился с ней. И вот как-то вечером, не зная подходящего времени и мучимый голодом, он укусил едва задремавшего царя в спину. А тот, словно обожженный раскаленным камнем, словно ужаленный скорпионом, словно тронутый головней, мгновенно вскочил, схватился за спину и сказал, повернувшись: «Ой! Кто-то укусил меня. Изо всех сил ищите в кровати это насекомое». Услышав слова царя, испуганный Дундука убежал и залез в щель кровати. Тут пришли исполнители царских приказаний и, по приказу господина, взяв светильник, изо всех сил стали искать. Волею судьбы они настигли Мандависарпини, спрятавшуюся в шерсти одежды, и убили ее вместе с родственниками.

Поэтому я и говорю: «Не следует давать приют. . .». И кроме того, не подобает стопам божественного покидать своих наследственных слуг. Ведь:

Кто, бросив родичей своих, себя чужими окружил, |
Тот, как глупец Чанда́рава [143], идет дорогой гибели». (260)

Пингалака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

«Жил некогда шакал по имени Чандарава, обитающий в пещере в окрестностях города. Однажды, бродя с исхудавшей от голода шеей в поисках пищи, он, дождавшись ночи, вошел в город. Живущие в городе собаки искусали все его тело остриями своих зубов, и с дрожащим от их страшного лая сердцем он пустился в бегство, спотыкаясь на каждом шагу, и вбежал в дом какого-то ремесленника. Там он упал в большой котел, наполненный индиго, и свора собак вернулась назад. А он из последних сил выбрался из котла с индиго и ушел в лес. И когда все живущие поблизости стаи зверей увидели его тело, выкрашенное индиго, то сказали: «Что это за существо незнакомого цвета?» И жмуря глаза от страха, они убежали и рассказали остальным:

«Увы! Откуда-то явилось незнакомое существо. Неизвестно нам, каковы его повадки и какова его сила. Поэтому давайте уйдем подальше. Сказано ведь:

Благоразумный человек не должен доверять тому, |
Чьи силы, поведенье, род совсем ему неведомы». (261)

А Чандарава, видя, что страх привел их в смятение, сказал им: «Эй, эй, дикие звери! Почему вы дрожите и убегаете, завидя меня? Ведь узнав, что у диких зверей нет господина, Акхандала [144] помазал на царство меня, чье имя Чандарава. Живите же счастливо, огражденные моими лапами, подобными громовым стрелам». Услышав эту речь, стаи львов, тигров, пантер-обезьян, зайцев, газелей, шакалов и других зверей склонились перед ним и сказали: «Господин! Укажи, что нам делать». Тогда он поручил льву должность министра, тигру — охрану ложа, леопарду — шкатулку с бетелем, слону — должность привратника и обезьяне поручил держать зонт. А всех своих сородичей шакалов, бывших там, он выгнал в шею. Так наслаждался он радостью царствования, в то время как львы и другие звери приносили добычу и клали ее перед ним. А он раздавал ее, по-царски деля между всеми.

Так проходило время, и однажды, придя в царское собрание, он услышал воющую неподалеку стаю шакалов. Волоски поднялись на его теле, глаза его от радости наполнились слезами, он поднялся и завыл пронзительным голосом. Тогда львы и другие звери, услышав это, подумали: «Это — шакал» и, на мгновенье склонив головы от стыда, сказали: «Ох! Ведь шакал этот властвовал над нами. Так надо его убить». А он, услышав это, захотел бежать, но был разорван тигром на куски и погиб.

Поэтому я и говорю: «Кто, бросив родичей своих. . .». Пингалака сказал: «Как же я узнаю, что он замышляет зло? И каким способом он сражается?» Тот ответил: «Обычно он приближается к стопам божественного с расслабленными членами. Если же сегодня он станет боязливо подкрадываться, намереваясь нанести удар остриями своих рогов, то пусть знает божественный, что он замыслил зло».

Сказав это, Даманака поднялся и пошел к Сандживаке. Медленно подойдя к нему, он сделал вид, что полон нерешительности. Тогда тот сказал: «Дорогой, хорошо ли тебе?» Он ответил: «Как может быть хорошо подчиненному? По какой причине?

У царских слуг нет радости, тревога в сердце вечная, |
И даже в жизни собственной у них уверенности нет. (262)

Также:

Родиться — зло великое, затем — страдать от бедности |
И жизнь трудом поддерживать. Увы! Все это — бедствий цепь. (263)

«Больной, бедняк, глупец, слуга и на чужбине кто живет |
Даже при жизни — мертвецы», — так Вьяса говорит о них. (264).

Нет бодрости в нем после сна, и пища не приносит сил, |
Не говорит, что хочет он, — так жизнь свою влачит слуга. (265).

Поистине ошибся тот, кто службу с жизнью пса сравнил: |
Где хочет, может пес бродить, слуга — лишь там, где
царь велит. (266)

Спит на земле всегда слуга, худ и воздержан, как аскет, |
Но тот вкушает плод заслуг, а он — страдает за грехи. (267)

Как может счастлив быть слуга, когда своих желаний нет, |
Коль мыслям следует чужим и тело продает свое? (268)

Когда слуга, || внимательно следя, ||
к властителю подходит,
Чем больше он || приблизится к нему, ||
тем больше будет страха. |
Огонь и царь || названием одним ||
отличны друг от друга:
Ведь жар от них || лишь издали терпим, ||
вблизи же — нестерпимый. (269)

mandā

Пусть ароматно лакомство, пусть сладкое и нежное, |
Но нет ведь пользы от него, коль службой ты его добыл. (270)

И во всяком случае:

«Где место, время, где друзья, где прибыль, где лишения? |
Кто я и много ль сил во мне?» — Все время думать надо так». (271)

Услышав речь Даманаки, скрывающего в сердце свои замыслы, Сандживака сказал: «Дорогой, поведай, что тебе хочется сказать». Тот ответил: «Ты ведь — мой друг, и мне необходимо сообщить нечто полезное для тебя. Ведь наш господин Пингалака разгневан на тебя. Сегодня он сказал: «Убив Сандживаку, я смогу насытить всех плотоядных». Услышав это, я глубоко опечалился. Поэтому делай теперь то, что следует делать». И услышав эту речь, подобную удару грома, Сандживака глубоко опечалился. Слова Даманаки всегда внушали ему доверие, и от этого сердце его сильно обеспокоилось. Сандживакой овладел величайший страх, и он сказал: «Хорошо ведь говорится:

Цари негодных любят,
А женщины доступны для порочных, |
Текут богатства к жадным людям,
И льется дождь на горы и моря. (272)

ār

Увы! Горе мне, горе! Что же со мной случилось?

Когда владыка, пользуясь почетом,
Добра исполнен, — странного здесь нету. |
Но вовсе недоступно пониманью,
Когда к слуге он ненависти полон. (273)

upa

И также:

Кто никогда в гнев не впадает без причин,
Того легко снова на милость ты склонишь, |
Но как бы смог ты угодить тому царю,
Чье без причин сердце способно гневаться? (274)

vaṁça

Когда злодей полон вражды без повода,
То у кого страха не сможет вызвать он? |
Из уст его речи невыносимые
Всегда текут, с ядом змеиным схожие. (275).

vaṁça

За лотосным цветком || стремится гусь, ||
во мраке не видящий,
И отраженья звезд || хватает он, ||
их сходством обманутый. |
А после даже днем || в цветах ему ||
всё звезды мерещатся.
Пусть человек и добр — || внушит он страх ||
обмана боящимся. (276)

hari

Увы! Что плохого сделал я своему господину Пингалаке?» Даманака сказал: «Приятель, цари любят вредить без причины и ищут в других недостатки». Тот ответил: «Это так. Хорошо ведь говорится:

В сандаловых деревьях — змеи,
А в лотосном пруду — свирепый крокодил, |
Достойных злые убивают,
И не бывает счастья без помех. (277)

ār

Ведь на горе лотос не может вырасти,
Не совершит злой человек достойных дел, |
Характер свой не переменит праведник,
Не вырастет рис из зерна ячменного. (278)

vaṁça

Благочестивый человек с достоинством ведет себя; |
Не вспомнит о потерях он и о добре лишь думает. (279).

Но все же я сам виноват, что стал служить у плохого друга. Сказано ведь:

Старайтесь избегать ненужных действий,
Дурных друзей, опасного соседства. |
Средь лотосных цветов заснула птица,
И лучника стрела ее убила». (280)

upa

Даманака спросил: «Как это? Сандживака рассказал:

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

«В окрестностях одного леса находился просторный пруд. Жил там гусь по имени Мадаракта [145]. Много времени провел он во всевозможных забавах, и вот однажды пришла к нему приносящая конец смерть в образе совы. Увидя ее, гусь спросил: «Как ты оказалась в этом пустынном лесу?» Она ответила: «Я пришла, услышав о твоих достоинствах. Ведь:

Всю землю исходила я, чтобы найти достойного, |
Но всех других ты превзошел, и вот явилась я к тебе. (281)

Должна я здесь от всей души с тобою дружбу заключить. |
Даже в нечистый Ганг войдя, мы чистыми становимся. (282).

А также:

Лишь Хари раковину взял, — кость грязная очистилась. |
Кто духом не возвысится, общаясь с благородными?» (283)

Услышав эти слова, гусь согласился с ней и, ответив: «Да будет так!», сказал затем: «О верный друг! Живи, как тебе нравится, вместе со мной здесь у этого большого пруда, в лесу, приятном для посещения». Так стали они проводить время, наслаждаясь дружбой. И однажды сова сказала: «Я отправляюсь в свое жилище, которое называется «Заросли лотоса». Когда я смогу быть тебе полезной или ты почувствуешь любовь ко мне, обязательно приходи как гость». Сказав так, она отправилась в свое жилище.

И вот однажды гусь подумал: «Оставаясь здесь, в этом жилье, я состарился и не знаю даже никакого другого места. Пойду-ка я теперь к любимому другу — сове. Там у меня будет совсем новое место для развлечений и разнообразная пища». Подумав так, он отправился к сове. Он не нашел ее в «Зарослях лотоса» и когда стал усердно разыскивать, то увидел ее в каком-то дупле, ничего не видящую днем, и сказал: «Выходи, дорогая, выходи! Это я пришел, гусь, твой любимый друг!» Слыша это, она сказала: «Я не летаю днем. Мы встретимся, когда зайдет солнце». Услышав это, он долго ждал сову и ночью встретился с ней. Он рассказал ей о своем житье и о других вещах и заснул там, утомленный дорогой.

А у этого пруда остановился большой торговый караван. И когда настало утро, начальник каравана поднялся и раковиной дал сигнал к выступлению.

Тогда сова, издав громкий и неприятно звучащий крик, залезла в яму около реки. А гусь так и остался на месте. Между тем начальник каравана, чье сердце встревожилось из-да дурного предзнаменования, послал одного лучника, попадавшего в цель по одному лишь звуку. Тот поднял свой крепкий лук, до уха натянул тетиву и убил гуся, находившегося рядом с гнездом совы.

Поэтому я и говорю: «Старайтесь избегать ненужных действий. . .». И Сандживака продолжал: «Ведь раньше наш господин Пингалака был медоречив, а теперь сердце его уподобилось яду. Во всяком случае:

Неверный друг нам льстит в глаза и строит козни за спиной. |
Подобен чаше с ядом он, покрытой сверху молоком. (284)

И я пережил, как это бывает:

К тебе стремится он, глаза его влажны, ||
сиденье уступает,
Пытается обнять, неутомим в речах ||
и дружеских расспросах, |
Внутри скрывает яд, снаружи — словно мед, ||
непревзойден в коварстве —
Таков всегда злодей, словно обучен он ||
актерскому искусству. (285)

çārdū

Общение с дурным вначале нам несет ||
услуги, лесть и скромность,
Затем оно пестрит бесчисленных речей ||
бесплодными цветами, |
А под конец несет презрение с собой, ||
и клевету, и наглость.
Увы! Кто мог создать обычай этот злой, ||
к несчастью приводящий? (286)

çārdū

А также:

Склонился низко он || и, с места встав, ||
почтительно следует;

В нем преданность видна, || и от любви ||
вас душит в объятиях. |
Всегда его слова || сладки, как мед, ||
достоинства хвалит он,
Но никогда злодей || не совершит ||
того, что полезно нам. (287)
hari

Горе! О горе! Как мог я, поедающий траву, вступить в общение с этим львом, поедающим мясо? Хорошо ведь говорится:

Лишь те, кто меж собой равны богатствами и знатностью, |
Пусть дружат и вступают в брак. Бедняк — не пара богачу. (288)

Сказано ведь:

Когда светило дня || стоит, сияя над вершиной Асты [146],
Желая сок испить, || пчела в цветочный лотос проникает. |
И нет тревоги в ней, || что сумерки в цветке ее задержат.
Не чует тот беды, || кто, все забыв, к своей стремится цели. (289)
çikha

Оставив сладкий мед, || и аромат ||
жасмина цветущего,
И лотос голубой, || летит пчела ||
к слону опьяненному [147], |
Чтоб, сидя на висках, || упиться ей ||
живительной влагою.
Так часто человек || стремится к злу, ||
оставив достойное. (290)
hari

У щек слонов || рои скопились пчел, ||
чтоб утолиться влагой,
И медом их, || неведомым совсем, ||
желают насладиться. |
Когда же слон || их всех сдувает вниз, ||
едва махнув ушами,
То на земле || о лотосе они ||
с печалью вспоминают. (291)
mandā

Несомненно, в этом виноваты достоинства. Ведь:

Обилие плодов || сгибает вниз ||
ветвистое дерево.
Под тяжестью хвоста || идет павлин ||
походкой ленивою, |
А быстрого коня || всегда ведут, ||
как будто корова он.
Нередко терпит зло || достойный муж ||
за лучшие качества. (292)

hari

Ловить не стали б змей, чей темно-синий цвет ||
глазной подобен мази,
В реке Калинди [148] мы, которую сапфир ||
иссиня-черной сделал, |
Когда б их капюшон сокровищ не скрывал [149], ||
сверкающих, как звезды.
То, что должно нести достойному почет, ||
несчастья лишь приносит. (293)

çārdū

В обычае царей || немилостью наказывать достойных.
Богатый человек || стремится лишь к испорченным и глупым. |
«Награда — по делам» — || ни капли правды в этом изреченье,
Ведь мало кто из нас || оценит человека по заслугам. (294)

çikha

Сидящим в клетке львом, охваченным тоской, ||
лишившимся надежды;
Слоном, чья голова изранена бодцом; ||
змеей завороженной; |
Ученым, что сошел с достойного пути; ||
героем пострадавшим —
Играет всеми рок, и, как игрушки, их ||
он вертит своевольно. (295)

çārdū

Покинув пруд, где рос || опасность не несущий свежий лотос
От жадности пчела || стремится к мускусу слонов огромных, |
Не знает глупая, || что он ее сметет, махнув ушами.
Корыстный человек || на главное не обратит вниманья. (296)

çikha

Во всяком случае, попав в окружение низких, я лишился жизни. Сказано ведь:

И мудрый, если низок он, способен хитрость применить. |
Ворона и друзья ее с верблюдом поступили так». (297)

Даманака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

«Жил в одном городе купец по имени Сагарадатта [150]. Нагрузив на сотню верблюдов ценные одежды, он отправился в одну страну. И верблюд его по имени Виката [151], изнуренный непомерным грузом, лишился сил и упал, неспособный двигаться. Тогда купец разделил нагруженные на него одежды, взвалил их на других верблюдов и, подумав: «Опасна эта лесная местность. Нельзя останавливаться на этом месте», отправился дальше, покинув Викату. И когда начальник каравана ушел, Виката, еле-еле передвигаясь, начал поедать траву. Так через несколько дней к нему вернулись силы.

А в этом лесу жил лев по имени Мадотката [152], которому служили леопард, ворон и шакал. И бродя по лесу, они увидели этого верблюда, отставшего от начальника каравана. Увидя это дотоле незнакомое по виду существо, вызывающее смех, лев обратился к ним: «Спросите у этого невиданного в нашем лесу существа, кто он». Тогда ворон, знавший, в чем дело, сказал: «Это — верблюд, хорошо известный в мире». Лев спросил: «Эй, откуда ты?» И тот рассказал, как он отстал от начальника каравана. Тогда лев, пожелав помочь, даровал ему безопасность. И как-то после этого лев в битве со слоном был изранен его клыками и должен был оставаться в пещере. Так прошло пять или шесть дней, и лев со своими слугами впал в сильную нужду из-за недостатка пищи. Увидя, что они ослабели, лев сказал: «Из-за этой болезненной раны я не могу, как прежде, доставлять вам пищу. Так приложите усердие ради самих себя». Тогда они ответили: «Что нам пользы насыщаться, когда

стопы божественного находятся в таком состоянии?» Лев сказал: «Так! Вы ведете себя как хорошие подданные и преданы мне. Поэтому приносите мне пищу, пока я нахожусь в таком состоянии». И когда они ничего не ответили, он сказал: «Ну, довольно! Не робейте! Выследите какое-нибудь животное, и, несмотря на такое состояние, я доставлю пищу вам и себе».

Тогда те четверо стали бродить. Когда же они не нашли никакого животного, ворон и шакал стали советоваться. Тогда шакал сказал: «Эй, ворон! К чему долго бродить? Этот Виката доверяет нашему господину. Поэтому, убив его, мы добудем средства для поддержания жизни». Ворон ответил: «Ты верно сказал. Но ведь господин даровал ему безопасность и не может убить его». Шакал сказал: «Это верно. Все же я поговорю с господином и сделаю так, что он замыслит убить его. Поэтому оставайтесь здесь, а я тем временем пойду домой и принесу вам оттуда ответ господина». Сказав так, он быстро отправился к господину. И придя ко льву, он сказал: «Господин! Мы обошли весь лес и теперь, охваченные голодом, не в силах даже пошевелить ногой. А божественному нужна подходящая пища. Поэтому, если будет на то воля божественного, употребим для очередной трапезы мясо Викаты». Услышав эту жестокую речь, разгневанный лев сказал: «Тьфу, тьфу, низкий негодяй! Если ты еще раз повторишь это, я немедленно убью тебя. Как я могу сам убить его, когда даровал ему безопасность? Сказано ведь:

Ни дар земли, ни дар коровы тучной,
Ни пищи дар не будет самым высшим. |
Мудрец тот высшим из даров считает,
Что ближнему приносит безопасность». (298)

upa

Услышав это, шакал ответил: «Господин! Если, даровав ему безопасность, ты убьешь его, то будешь виноват. Если же он сам из преданности отдаст свою жизнь стопам божественного, то нет на тебе вины. Поэтому, если он сам предоставит себя для убийства, надо будет убить его. Иначе придется съесть одного из нас. Ведь господин нуждается в подходящей пище и вступит в другое состояние, если не утолит голода. Какая же польза тогда от наших жизней, если они не смогут принести пользу господину. Если со стопами божественного случится что-нибудь нежеланное, мы должны следовать за ним, пусть даже в огонь. Сказано ведь:

Кто в племени своем стоит всех выше,
Всегда усердно должен охраняться: |

Когда он гибнет, то племя гибнет.
Что пользы в спицах, если ось сломалась?» (299)

upa

Услышав это, Мадотката ответил: «Если так, поступай, как тебе нравится». Услышав это, тот быстро пошел и сказал им: «Увы! Господин на грани гибели. Его жизнь стоит у кончика носа. Кто без него станет защищать нас в этом лесу? Пойдемте же и сами отдадим ему свои тела, раз голод посылает его в другой мир. Тогда мы отплатим господину за его милости. Сказано ведь:

Нисходит в ад дурной слуга, когда спокойно смотрит он, |
Как на властителя его все бедствия обрушились». (300).

Тогда глаза их наполнились слезами, они все подошли к Мадоткате, поклонились и сели. И видя их, Мадотката сказал: «Эй, эй! Поймали вы или видели какое-нибудь животное?» Тогда ворон ответил: «Господин! Мы обошли все места, но не поймали и не видали никакого животного. Поэтому пусть господин поддержит сегодня свою жизнь, съев меня. Тогда божественный насытится, а я достигну неба. Сказано ведь:

Кто жизнью жертвует своей, чтоб повелителя спасти, |
Тот смерть и старость победит, достигнув блага высшего». (301)

Услышав это, шакал сказал: «Ты невелик телом, и, съев тебя, господин не сможет даже поддержать жизни. Кроме того, будет совершен проступок. Сказано ведь:

Объедки не приносят сил, негодно мясо ворона. |
Какая польза в пище той, что насыщенья не дает? (302).

Ты уже проявил преданность господину и приобрел почет в обоих мирах [153]. Отойди же, чтобы я поговорил с господином». Вслед за тем шакал почтительно поклонился и сказал: «Господин! Поддержи сегодня свою жизнь моим телом, чтобы я достиг обоих миров. Сказано ведь:

За деньги слуги куплены, их жизнь в руках хозяина, |
Нет преступленья у слуги отнять существование». (303)

Услышав это, леопард сказал: «Эй, хороша твоя речь. Однако и ты невелик телом, и нельзя ему тебя есть, потому что ты принадлежишь к той же породе и сражаешься когтями. Сказано ведь:

Пусть жизнь у горла держится — нельзя запретной пищи есть, |
Кто этот преступил закон, тот оба мира потерял. (304)

Ты показал уже свою преданность. Хорошо ведь говорится:

За то в почете у владык благочестивый человек, |
Что от начала до конца всё те же мысли у него. (305)

Отойди же в сторону, чтобы я умилостивил своего господина». Вслед за тем леопард поклонился и сказал: «Господин! Воспользуйся сегодня моей жизнью, чтобы поддержать свою жизнь. Доставь мне вечное обиталище на небе. Распространи по земле великую славу обо мне. Нечего здесь сомневаться. Сказано ведь:

Хороший, преданный слуга, на службе остающийся, |
На небе вечность обретет и на земле прославится». (306)

Услышав это, бедный Виката подумал: «Ведь они произнесли прекрасные речи и ни один не был убит господином. Обращусь-ка и я к нему, раз подошло время, чтобы эти трое возразили мне». Решив так, он сказал: «Эй, хороши твои слова. Но ведь и ты сражаешься когтями. Как же съест тебя господин? Сказано ведь:

Кто даже в помыслах своих захочет родича убить, |
Лишится этих двух миров и станет грязным червяком. (307)

Отойди же в сторону, чтобы я поговорил с господином». Вслед за тем Виката выступил вперед, поклонился и сказал: «Господин! Ведь ты не можешь съесть их. Пусть поэтому моя жизнь поддержит твою, чтобы я достиг обоих миров. Сказано ведь:

Ни жертвы приносящие, ни йо́гины [154] не превзойдут |
Тех слуг, что жизнью жертвуют за господина своего». (308)

Вслед за этими словами леопард и шакал с позволения льва распороли ему живот, ворон выклевал у него глаза, и бедный Виката лишился жизни. А они, мучимые все сильным голодом, съели его.

Поэтому я и говорю: «И мудрый, если низок он. . .». И закончив рассказ, Сандживака снова обратился к Даманаке: «Дорогой, этот царь, окруженный низкими, не доставляет счастья подданным. Пусть лучше царствует коршун, окруженный гусями, чем гусь, окруженный коршунами. Ведь у господина, окруженного коршунами, появляется множество пороков, и они достаточны для гибели. Вот почему следует предпочитать, чтобы из этих двух царствовал первый. Царь, обманутый дурными речами, не способен к размышлению. И говорят ведь:

Шакала вижу я с тобой и с острым клювом ворона. |
Опасны спутники твои — вот я и влез на дерево». (309)

Каратака спросил: «Как это?» Сандживака рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

«Жил в одном городе тележник по имени Девагупта [155]. Обыкновенно, захватив с собой еду, он шел с женой в лес рубить большие стволы анджаны. А в этом лесу жил лев по имени Вимала [156], которому служили двое плотоядных — шакал и ворон. И как-то, бродя один в лесу, он увидел того тележника. А тележник, увидя этого необычайно страшного льва, то ли счел себя погибшим, то ли сохранил присутствие духа, но решил, что лучше всего смело приблизиться. Он подошел к нему, поклонился и сказал: «Подойди, подойди, друг! Ты должен вкусить сегодня пищу, которую принесла жена твоего брата». Тот ответил: «Я ведь питаюсь мясом и не поддерживаю жизни вареной пищей. Однако из дружбы к тебе я все же попробую, что это за неведомая еда». Когда лев сказал так, тележник досыта накормил его ладдукой, ашокаварти, кхадьякой [157] и другими разнообразными превосходными яствами, приправленными сахаром, маслом, виноградным соком и четырьмя веществами [158]. А благодарный лев даровал ему безопасность и разрешил беспрепятственно бродить по лесу. Тогда тележник сказал: «Приятель, приходи сюда каждый день, но только один. Не приводи ко мне никого дру-

того». Так в дружбе проходило у них время. Каждый день лев получал таким образом разнообразную пищу и, насыщаясь ею, перестал даже развлекаться охотой. Тогда живущие чужой добычей шакал и ворон обратились к нему, охваченные голодом: «Господин! Куда это ты ходишь каждый день и, уйдя, возвращаешься в радостном настроении? Расскажи нам». Тот ответил: «Я никуда не хожу». Тогда те с великой почтительностью стали расспрашивать его, и он сказал: «В этот лес каждый день приходит мой друг. Жена его изготовляет множество превосходных кушаний, и я наслаждаюсь ими по праву друга». Тогда они сказали: «Пойдем туда, убьем тележника и долго будем насыщаться его кровью и мясом». Услышав это, лев сказал: «Эй! Я пожаловал ему безопасность. Как можно даже в мыслях готовить ему такую злую участь? Но я достану и вам от него разнообразную превосходную пищу». Тогда те согласились, и они отправились к тележнику. И увидев издали льва, сопровождаемого злыми спутниками, тележник подумал: «Меня не ждет ничего хорошего» и быстро влез с женой на дерево. А лев подошел и сказал: «Дорогой, почему, видя, что я подхожу, ты влез на дерево? Ведь это я, твой друг, лев, по имени Вимала. Не бойся». Тогда тележник, оставаясь там, сказал: «Шакала вижу я с тобой. . .».

Поэтому я и говорю: «Царь, окруженный низкими, не доставляет счастья подданным». И, закончив рассказ, Сандживака снова сказал: «Кто-то восстановил Пингалаку против меня. Ведь:

Омываемый нежною водою,
Под конец сгладится самый твердый камень. |
Так тем более быстро поддаются
Все сердца мягкие наговорам злобным. (310)

aupa

Как же теперь следует поступать в таких обстоятельствах? Что остается, кроме борьбы? Сказано ведь:

Обильем жертв, постом и подаяньем
Стремится всякий обрести блаженство, |
Но кто теряет жизнь свою в сраженье,
Мгновенно тот блаженства достигает. (311)

upa

А также:

Всегда в обоих случаях герою счастье суждено: |
Убив врага — победе рад. Убьют — достигнет неба он. (312)

А также:

Девы юные в нарядах драгоценных,
Трон, слоны и лошади, опахало, счастье, |
Зонт непревзойденный, словно лунный камень [159],
Трусу не достанутся, что страшится битвы». (313)

puṣpi

Услышав эти слова, Даманака подумал: «У него острые рога, и он очень упитанный. Вдруг по воле судьбы он еще убьет господина? А это не годится. Сказано ведь:

В бою даже для сильного всегда сомнителен исход. |
Так пусть мудрец перед борьбой три способа использует [160]. (314)

Поэтому, благодаря своему уму, я заставлю его отказаться от битвы». И он сказал: «Дорогой, это неверный способ. Потому что:

Глупец, затеявший вражду, не зная сил противника, |
Потерпит наказание, как от титтибхи [161] океан». (315)

Сандживака спросил: «Как это? Даманака рассказал:

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

«На берегу большого моря, изобиловавшего джхашами [162], макарами [163], черепахами, крокодилами, дельфинами, жемчужницами, улитками и множеством других животных, жила в одном месте пара титтибх. Титтибху звали Уттанапада [164], а жену его — Пативрата [165]. И как-то после очищений она понесла, и пришло ей время класть яйца. Тогда она сказала титтибхе: «Поищи какое-нибудь место, где бы я положила яйца». Титтибха ответил: «Ведь это место приобретено нашими предками и приносит счастье. Здесь и клади

яйца». Она сказала: «Оставим это опасное место. Здесь вблизи море, и его вал, подымающийся вдали, унесет когда-нибудь моих птенцов». Тот сказал: «Дорогая, оно знает меня, Уттанападу. Никогда великое море не сможет вступить со мною в такую непримиримую вражду. Разве ты не слыхала:

Кто бы осмелился искать
В змеином капюшоне камень дорогой? |
Кто станет раздражать того,
Чей взгляд один несет с собою смерть? (316)

ār

Пусть летний зной тебя палит,
Пускай кругом пустыня, нет деревьев, |
Не станешь ты скрываться
В тени, что слон бросает дикий. (317)

ār

И также:

Когда задует утром
Холодный ветер, приносящий град с собой, |
Какой разумный человек
Захочет в воду лезть, чтобы согреться? (318)

ār

Ведь льва, подобного Антáке [166],
Что дремлет, разорвав бугры на лбу слона, |
Никто не смеет разбудить,
Боясь сойти в обитель Ямы. (319)

ār

Кто может быть настолько смел,
Чтоб к Яме самому прийти и обратиться:
«Попробуй жизнь мою отнять,
Когда на это хватит сил твоих»? (320)

ār

В огонь, что всем внушает страх,
Что сотней языков покрыть стремится небо, |
Какой безумный человек
Захочет по желанию войти?» (321)

ār

Когда он сказал это, жена, знавшая, какова его сила, засмеялась и сказала: «Хорош этот стих и подходит ко многим:

Что толку в этом хвастовстве?
Царь птиц! У всех посмешищем ты станешь. |
Как может зайчик маленький
Вдруг наложить слоновью кучу? (322)

ār

Как же ты сам не знаешь своих сильных и слабых сторон? Сказано ведь:

Немалый труд определить, на что хватает сил твоих. |
Кто этим знаньем овладел, несчастьям не подвергнется. (323)

«Вот способ этого достичь и вот мои возможности» — |
Кто, так подумав, действует, с успехом все осуществит. (324)

И хорошо ведь говорится:

Кто преданных друзей своих не хочет слушать, гибнет тот, |
Как черепаха глупая, опору потерявшая». (325)

Титтибха спросил: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

«Жила в одном пруду черепаха по имени Камбугрива [167]. Были у нее двое друзей, гуси, которых звали Санката [168] и Виката. И вот однажды настала двенадцатилетняя засуха. Тогда у обоих возникли такие мысли: «Иссякла вода в этом пруду. Пойдем в другой водоем. Однако надо проститься с нашим дорогим другом Камбугривой, которого мы давно знаем». Когда это произошло, черепаха сказала: «Почему вы прощаетесь со мной? Я ведь водяной житель. Теперь от недостатка воды и от печали, вызванной разлукой с вами, я здесь скоро погибну. Поэтому, если вы сколько-нибудь любите меня, то должны вырвать меня из пасти смерти. Вы ведь испытываете только недостаток в пище в этом мелководном пруду, я же здесь мгновенно умру.

Так подумайте, чего тяжелей лишиться: пищи или жизни». Тогда они сказали: «Мы ведь не можем взять тебя, бескрылого водяного жителя». Черепаха ответила: «Есть средство. Принесите деревянную палку». Когда это было исполнено, черепаха ухватилась за середину палки, зажав ее зубами, и сказала: «Возьмитесь за нее клювами с обеих сторон, поднимитесь вверх и летите рядом по воздушной дороге до другого, лучшего водоема». Тогда они ответили: «Этот способ сопряжен с опасностью. Если как-нибудь ты заведешь хоть небольшой разговор, то перестанешь держаться за палку, упадешь с большой высоты и разобьешься на куски». Черепаха сказала: «С этого момента я даю обет молчать, пока мы будем лететь по воздуху». Так и было сделано. Гуси вынули черепаху из пруда и с трудом понесли ее. И вот, когда над соседним городом их увидели люди, внизу поднялся беспокойный крик: «Что это, похожее на повозку, несут по воздуху две птицы?» И слыша это, черепаха, близкая к гибели, неосторожно сказала: «О чем болтают эти люди?» И с этими словами глупая потеряла опору и упала на землю. И тут же люди, жаждущие мяса, разрезали ее на куски острыми ножами.

[*Продолжение рассказа пятнадцатого*]

Поэтому я и говорю: «Кто преданных друзей своих. . .». И она продолжала:

«Кто был предусмотрителен и кто отвагу сохранил, |
Те двое счастье обрели. Покорный року встретил смерть». (326)

Титтибха спросил: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

«В одном обширном пруду жили три большие рыбы: Анагатавидхатар, Пратьютпаннамати и Ядбхавишья [169]. И как-то один из них, Анагатавидхатар, подслушал там слова рыболовов, проходивших по берегу: «Много рыбы в этом пруду. Завтра мы будем ловить здесь рыбу». Услышав это, Анагатавидхатар подумал: «Тут нет ничего хорошего. Несомненно они придут сюда завтра или послезавтра. Поэтому, захватив Пратьютпаннамати и Ядбхавишью, я укроюсь в другом пруду, воды которого безопасны». Затем он позвал и расспросил их. Пратьютпаннамати сказал: «Давно жи-

вем мы в этом пруду и нельзя в одно мгновенье покидать его. Если сюда придут рыбаки, я оберегу себя каким-нибудь подходящим к случаю способом». А Ядбхавашья, близкий к гибели, сказал: «Есть ведь другие, еще более просторные пруды. Кто знает, придут они сюда или нет. Так не следует из-за одних подобных слухов покидать пруд, где мы родились. Сказано ведь:

Змея и низкий человек живут пороками чужих, |
Но рушатся их замыслы, — на этом мир наш держится. (327)

Поэтому я не уйду. Таково мое решение». И видя, что те двое стоят на своем, Анагатавидхатар отправился в другой водоем. И на следующий день, после того как он ушел, рыбаки вместе с помощниками запрудили воду и, закинув сети, поймали всех рыб без остатка. И в это время Пратьютпаннамати, находившийся в сетях, притворился мертвым. Тогда они подумали: «Эта большая рыба сама умерла», вытащили его из сетей и положили на берегу. И тогда он снова забрался в водоем. А Ядбхавишья, попавший головой в отверстие сети, начал биться. Тогда они избили его многочисленными дубинками, и он отошел в небытие.

[*Продолжение рассказа пятнадцатого*]

Поэтому я и говорю: «Кто был предусмотрителен. . .». Титтибха сказал: «Дорогая, почему ты думаешь, что я похож на Ядбхавишью?

Деревья, лошади, слоны, металлы, камни, жидкости, |
Одежды, женщины, мужи всегда различны меж собой. (328)

Не бойся. Кто сможет повредить тебе, когда я охраняю тебя?» Тогда самка положила яйца, а море, слушавшее этот разговор, подумало: «Да! Хорошо ведь говорится:

Титтибха лапки протянул, чтоб небо не обрушилось. |
Да! У какого существа не знает сердце гордости? (329)

Так я узнаю, какова его сила». И на следующий день, когда те отправились за пищей, оно из любопытства далеко протянуло свои руки-волны и унесло их яйца. Когда самка, возвратившись, увидела гнездо пустым, она ска-

зала супругу: «Погляди, что случилось со мной, несчастной. Сегодня море унесло яйца. Не раз говорила я тебе, чтобы мы ушли в другое место, но ты, неразумный, как Ядбхавишья, не пошел. Теперь, опечаленная гибелью своего потомства, я брошусь в огонь. Таково мое решение». Титтибха сказал: «Дорогая, ты увидишь мою силу, когда я высушу своим клювом это злое море». Самка сказала: «Сын благородного! Как сможешь ты бороться с морем? Сказано также:

Кто сил не знает собственных и сил своих противников, |
Тот гибнет в столкновении, как гибнет мотылек в огне»[170]. (330)

Титтибха сказал: «Милая, не говори мне этого.

И солнца юного лучи на горы сверху падают. |
Что значит возраст для того, кто в блеске родился на свет? (331)

Поэтому, высушив всю воду этим клювом, я превращу море в сухую землю». Самка сказала: «О, дорогой! Ведь непрерывно вливаются сюда Джахнави и Синдху[171], принявшие в себя девятижды девятьсот рек. Как же ты высушишь его клювом, вмещающим каплю? Зачем говорить невероятные вещи?» Титтибха сказал:

«Залог успеха — в мужестве, металлу клюв подобен мой, |
А дни и ночи — долгие. Как моря тут не высушить? (332)

Ведь:

Кто мужество свое проявит
И робость победит, достигнет блеска тот. |
Так солнце, стоя над Весами,
Все облака собою затмевает». (333)

ār

Самка сказала: «Если ты во что бы то ни стало должен сражаться с морем, то делай это после того, как созовешь и других птиц. Сказано ведь:

Когда совместно борются, то победят и слабые. |
Сплетают из травы канат, чтобы слонов им связывать. (334)

А также:

Лягушка, дятел и комар, придя на помощь воробью, |
Слона сумели погубить совместными усильями». (335)

Самец спросил: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

«В чаще одного леса жила пара воробьев, свивших гнездо на ветке тамалы [172]. С течением времени воробьиха положила яйца. И вот как-то один дикий и пьяный от страсти слон, мучимый жарой и стремящийся к тени, приютился под этой тамалой. Ослепленный страстью, он потянул концом хобота ветку, на которой жила пара воробьев, и сломал ее. Когда она сломалась, разбились воробьиные яйца. А пара воробьев, которой суждено было остаться в живых, с трудом избегла смерти. Тогда воробьиха, подавленная горем из-за гибели своих детей, стала сетовать. И тут, услышав сетования, к ней пришел ее лучший друг дятел и, опечаленный ее несчастьем, сказал: «Дорогая, зачем напрасно горевать? Сказано ведь:

О мертвом, об утраченном и о минувших временах |
Не станет мудрый горевать в отличие от глупого. (336)

А также:

К чему о смертных горевать? Глупец, горюющий о них, |
Получит новую печаль и терпит бедствия вдвойне. (337)

И кроме того:

Ведь слизь и слезы плачущих достанутся теням родных. |
Так лучше, чем оплакивать, свершить обряды должные». (338)

Воробьиха сказала: «Это так, но что из того?» Злой слон уничтожил в опьянении мое потомство. Поэтому, если ты мне друг, придумай какое-

нибудь средство уничтожить этого большого слона — тогда прекратится горе, причиненное гибелью потомства. Сказано ведь:

Тому, кто помогал в беде,
Тому, кто над твоим несчастьем насмехался, — |
Воздав обоим по заслугам,
Вторичного рожденья ты достиг». (339)

ār

Дятель ответил: «Хорошо ты сказала. Сказано ведь:

Кто друг в несчастье — тот лишь друг, пусть даже касты
он другой. |
Когда счастливо ты живешь, то всякий может другом стать. (340)

А также:

Кто друг в несчастье — тот лишь друг, лишь тот, кто кормит, —
твой отец. |
Кому ты веришь — близок тот, лишь та, что преданна, — жена. (341)

Узнай же силу моего разума! Однако и у меня есть друг — комар по имени Винарава [173]. Я позову его и приду с ним, чтобы погубить этого негодного злого слона». Затем он пришел с воробьихой к комару и сказал: «Дорогой, это — мой друг, воробьиха, опечаленная злым слоном, который разбил ее яйца. Поэтому, когда я употреблю средство, чтобы погубить его, ты должен мне помочь». Комар ответил: «Дорогой, что можно сказать в таком случае? Но у меня есть лучший друг — лягушка по имени Мегхадута [174]. Позвав ее, мы сделаем, что следует. Сказано ведь:

Коль добрые, достойные, ученые и мудрые |
Замыслят план какой-нибудь, всегда осуществится он». (342)

Затем они втроем пошли к Мегхадуте и рассказали ей обо всем, что произошло. Тогда она сказала: «Что значит этот бедный слон перед разгневанной толпой? Ты, комар, лети к этому опьяненному и жужжи ему в ухо, чтобы, услышав твой голос, он зажмурился от удовольствия. Тогда дятел клювом выколет ему глаза. Когда же его начнет мучить жажда, он услышит

мой голос, а я буду находиться на краю ямы. Подумав, что там водоем, он пойдет вперед, достигнет ямы, упадет в нее и отойдет в небытие». И когда это было исполнено, тот опьяненный слон зажмурился от сладкого жужжания комара, дятел выколол ему глаза, и бродя в полночь, мучимый жаждой, он последовал за голосом лягушки, достиг большой ямы, упал в нее и погиб.

[*Продолжение рассказа пятнадцатого*]

Поэтому я и говорю: «Лягушка, дятел и комар. . .». Титтибха сказал: «Пусть будет так. Вместе с друзьями я высушу море». Решив так, он созвал всех птиц и рассказал им о своем горе — о том, как у него похитили потомство. И, чтобы отомстить за причиненное ему зло, они стали бить море крыльями. Тогда одна птица сказала: «Не исполнятся таким путем наши желания. Давайте лучше наполним море комьями земли и песком». Вслед за этими словами все стали наполнять море, захватывая клювами комья земли и много песка. Тогда другая сказала: «Все же неспособны мы бороться с великим морем. Поэтому я посоветую, как здесь следует поступить. Есть один старый гусь, живущий у баньянового дерева. Он даст нам подходящий и полезный совет. Пойдем же и спросим его. Сказано ведь:

Ученость старцев велика, всегда словам их следуйте. |
В лесу попались гуси в сеть, но спас их мудрый старый гусь». (343)

Птицы спросили: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«В одном месте в лесу росла смоковница с развесистыми ветвями. Жила там стая гусей. И вот под этой смоковницей выросла лиана, называющаяся кошамби [175]. Тогда тот старый гусь сказал: «Эта лиана, которая поднимается по нашему дереву, очень опасна для нас. Надо удалить ее, пока она слаба и легко ломается». А те не обратили внимания на его слова и не сломали лиану. И со временем эта лиана обвилась со всех сторон вокруг дерева. И однажды, когда гуси отправились за едой, один охотник поднялся с помощью лианы на смоковницу, прикрепил сети к гнездам гусей и пошел к себе домой. И когда гуси после еды и развлечений вернулись ночью домой, то все попались в сети. Тогда старый гусь сказал: «Ведь это несчастье, связавшее

нас сетями, случилось оттого, что вы действовали, не слушаясь моих слов. Поэтому все мы теперь погибли». Тогда те гуси сказали ему: «Благородный! Раз так случилось, что теперь надо делать?» Тогда он сказал: «Если вы хотите послушаться меня, то притворитесь мертвыми, когда придет этот охотник. Тогда охотник подумает: «Они мертвы» и выбросит всех вас на землю. А вы, упав, тотчас взлетайте, пока он будет спускаться».

И когда наступило утро и подошедший охотник поглядел на них, все они были точно мертвые. Тогда, поверив этому, он высвободил их из сетей и выбросил на землю всех одного за другим. И видя, что тот собрался спускаться, все они, следуя совету, данному старым гусем, одновременно взлетели вверх.

[*Продолжение рассказа пятнадцатого*]

Поэтому я и говорю: «Ученость старцев велика. . .». И когда рассказ был окончен, все птицы пришли к старому гусю и рассказали ему о несчастье, — о том, как было похищено потомство. Тогда старый гусь сказал: «Над всеми нами, над птицами, царит Гаруда. Вот что надо сделать в подобном случае: все вы должны привести в ужас Гаруду, испуская одновременно горестные крики. И тогда он уничтожит нашу печаль». Решив так, они пошли к Гаруде. А Гаруда был призван блаженным Нараяной, чтобы участвовать в битве богов с асурами [176]. И в это время те птицы рассказали своему господину, царю птиц, о горестной разлуке по вине моря, которое похитило потомство: «Божественный! В блеске твоего могущества мы живем лишь тем, что может унести наш клюв, и море, презирая нас за скудность нашей пищи, похитило наших детей. И говорят ведь:

В уединенье надо есть, тем более коль беден ты. |
Узнав, чем кормится баран, убил его могучий лев». (344)

Гаруда спросил: «Как это?» Старая птица рассказала:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

«Жил в одном месте в лесу баран, отставший от своего стада. Наделенный густой шерстью, свисавшей с его шеи, рогами, подобными решетке, и могучим телом, бродил он по лесу. И как-то лев, окруженный всеми зверями, увидел его там в лесу. И глядя на это невиданное дотоле существо, шерсть на ко-

тором постоянно топорщилась во все стороны, так что нельзя было даже рассмотреть его тела, лев ощутил тревогу в сердце и со страхом подумал: «Несомненно, он гораздо сильней меня: он ведь беззаботно бродит здесь». Подумав так, он потихоньку удалился. И на следующий день, увидев в лесу, как баран этот поедает на земле траву, лев подумал: «Да он питается травой! Наверно, сила его должна соответствовать его пище». Подумав так, он мгновенно набросился на барана и убил его.

[*Окончание рассказа пятнадцатого*]

Поэтому я и говорю: «В уединенье надо есть. . . .». Пока они так разговаривали, второй раз пришел вестник Вишну и сказал: «Эй, Гарутман! Господин Нараяна приказал сообщить тебе, чтобы ты быстро явился к нему и отправился в Амаравати [177]». Услышав это, Гаруда с гордостью сказал ему: «Эй, вестник! На что господину такой плохой слуга, как я?» Вестник ответил: «О Гаруда! Разве говорил тебе когда-нибудь блаженный неподобающие слова? Почему же ты высокомерно ведешь себя по отношению к блаженному?» Гаруда сказал: «Море, служащее местопребыванием блаженного, похитило яйца у моего слуги титтибхи. Поэтому скажи господину, что если я не накажу море, то не буду слугой блаженного». И узнав из уст вестника, что Гарутман склонен к гневу, Вишну подумал: «Да! Сильно разгневан Вайнатейя. Поэтому я сам пойду, обращусь к нему и приведу его, оказав ему уважение. Сказано ведь:

Не презирай того слугу, что ловок, предан, родовит; |
Как сына береги его, и будешь без печалей жить. (345)

А также:

Как ни доволен господин, почет лишь слугам он дарит, |
А те за милости его готовы жизнью жертвовать». (346)

Поразмыслив так, он поспешно отправился к Гаруде. А тот, увидев своего господина, пришедшего к нему в дом, опустил голову от стыда и, поклонившись, сказал: «Погляди, блаженный! Возгордясь тем, что оно служит твоим местопребыванием, море нанесло мне оскорбление, похитив яйца у моего

слуги. Из-за стыда перед блаженным я медлил, а иначе сегодня же превратил бы его в сушу. Сказано ведь:

Достойный преданный слуга скорей захочет умереть, |
Чем стать презренным меж людьми и господина огорчить». (347)

Вслед за этими словами блаженный сказал: «О Вайнатейя! Ты сказал правду. Ведь:

Когда не гонит господин дурного, злобного слугу, |
Пускай наказан будет сам за преступления его. (348)

Иди же, чтоб, взяв у моря яйца и обрадовав титтибху, мы отправились в Амаравати исполнять божественные дела». Когда тот согласился, блаженный положил на лук огненную стрелу и, грозя морю, сказал: «Эй, негодное! Верни яйца этому титтибхе, иначе я превращу тебя в сухую землю». И услышав это, охваченное страхом и дрожащее от края до края море взяло эти яйца и на глазах блаженного передало их титтибхе.

Поэтому я и говорю: «Глупец, затеявший вражду. . .». И поняв, в чем суть дела, Сандживака спросил: «Приятель, расскажи, каков его способ сражаться». Тот ответил: «Обычно он лежит на каменистой почве, как всегда расслабив свои члены. Если же сегодня он первым делом подожмет хвост, сложит вместе все четыре лапы, навострит уши и уже издали будет глядеть прямо на тебя, ты сможешь узнать, что он враждебно настроен к тебе».

Сказав это, Даманака пошел к Каратаке. Тогда тот спросил: «Что ты сделал?» Он ответил: «Я разлучил их». Каратака спросил: «Правда это?» Даманака ответил: «Ты узнаешь по последствиям». Каратака сказал: «Что же тут удивительного? Сказано ведь·

Коль хорошо задуман план, и стойких он разъединит. |
Так пробивает путь поток между большими скалами». (349)

Даманака сказал: «Во всяком случае, вызвав раздор, следует позаботиться о собственной выгоде. Сказано ведь:

Кто все науки изучив
И в сущность их проникнув глубоко, |
Из них не извлекает пользы,
Тому от них одна усталость». (350)

ār

Каратака сказал: «Но в действительности нельзя из этого извлечь для себя пользы. Ведь:

Все наше тело — черви, прах и нечистот собрание, |
Что пользы насыщать его мученьями других существ?» (351)

Даманака сказал: «Ты не знаешь путей государственной мудрости, извилистых по своей природе и служащих источником наград для того, кто зовется министром. Эта мудрость говорит:

Пусть будет сердце каменным, а речь — как сахарный тростник. |
Оставь сомненья и убей того, кто оскорбил тебя. (352)

И кроме того, этот Сандживака принесет нам пользу, когда его убьют. Ведь:

Желанной цели кто достиг, другому горе причинив, |
Пускай разумно действует, как действовал Чату́рака [178]». (353)

Каратака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

«Жил в одном лесу лев по имени Ваджраданштра. Его сопровождали министры — волк, шакал и верблюд, которых звали Кравьямукха, Чатурака и Шанкукарна [179]. Однажды, после битвы с опьяненным слоном, разорвавшим его тело остриями своих клыков, льву пришлось уединиться. И тогда, измученный семидневным постом, с телом, исхудавшим от голода, он сказал своим советникам, которых также терзал голод: «Найдите в лесу какое-нибудь существо, чтобы я, даже находясь в таком состоянии, смог насытить вас». И едва он приказал, они стали бродить по лесу, но ничего не

нашли. Тогда Чатурака подумал: «Если будет убит Шанкукарна, все мы в течение нескольких дней будем сыты. Однако из-за дружбы с ним господин не станет убивать его. И все же с помощью своего разума я так подействую на господина, что он убьет его. Сказано ведь:

Ведь кто разумен, тот всегда любого сможет погубить, |
Всего достигнет, все свершит. Использую я разум свой». (354)

Подумав так, он сказал Шанкукарне: «О Шанкукарна! Лишенный подходящей пищи, господин мучается от голода. Если же не станет господина, то мы несомненно погибнем. Поэтому я скажу кое-что для твоей пользы и для пользы господина. Послушай же». Шанкукарна сказал: «О дорогой, скорей говори, чтобы я без колебания внял твоим словам. Кроме того, когда творится добро господину — творится сотня добрых дел». Чатурака сказал: «О дорогой! Доставь себе двойную прибыль, чтобы тело твое удвоилось и господин смог поддержать жизнь». Услышав это, Шанкукарна сказал: «Дорогой! Если так, то ведь это — и моя цель. Скажи об этом господину. Пусть так и будет сделано. Однако в таком случае надо призвать в поручители Дхармараджу [180]».

Решив так, все они пошли к царю. Тогда Чатурака сказал: «Божественный! Мы не нашли сегодня никакого существа, а блаженное солнце уже клонится к закату». Услышав это, лев сильно опечалился. Тогда Чатурака сказал: «Божественный! Вот Шанкукарна говорит: «Если господин вернет мне обратно тело вдвое увеличенным, представив поручителем Дхармараджу, я отдам ему свое тело». Лев сказал: «Дорогой, это прекрасно. Пусть так и будет сделано». И когда с этим согласились, лев поразил Шанкукарну лапой, волк с шакалом разорвали его внутренности, и тот отошел в небытие. После этого Чатурака подумал: «Как бы мне одному съесть его?» Раздумывая так, он увидел, что члены льва запачканы кровью, и сказал: «Пусть господин пойдет к реке, чтобы омыться и почтить божество. А я останусь с Кравьямукхой стеречь эту пищу». Услышав это, лев отправился к реке. Когда же лев ушел, Чатурака сказал Кравьямукхе: «О Кравьямукха! Ты голоден. Ешь же мясо этого верблюда, пока не вернулся господин. Я сделаю так, что ты будешь невиновен перед господином». И когда тот, следуя его словам, поел немного мяса, Чатурака сказал: «Эй, Кравьямукха, отойди подальше. Возвращается господин». Когда же вернувшийся лев увидел, что у верблюда вынуто сердце, он в гневе сказал: «Эй! Кто превратил этого верблюда в объедки? Я и его убью!». После этих слов Кравьямукха глянул на Чатураку,

как бы говоря: «Скажи же что-нибудь, чтобы он успокоился». Тогда Чатурака засмеялся и сказал: «Эй, что ты глядишь на меня, когда сам съел сердце верблюда?» Услышав это и боясь за жизнь, Кравьямукха пустился бежать в другое место. А лев, немного пробежав за ним, подумал: «Не следует мне убивать сражающегося когтями» и вернулся назад.

Между тем по воле судьбы той дорогой двигался большой караван нагруженных верблюдов, производивших звон большими колокольчиками, привешенными к их шеям. И услышав издали сильный шум колокольчиков, лев сказал шакалу: «Дорогой, узнай, что это за страшный шум». Услышав это, Чатурака немного углубился в лес и, поспешно вернувшись, с беспокойством сказал: «Уходи, уходи, господин, если можешь уйти!» Тот ответил: «Дорогой, зачем ты так меня пугаешь? Скажи, что это?» Чатурака сказал: «Господин, это идет разгневанный на тебя Джармараджа. Вот что он решил: «Раз, призвав меня в поручители, он убил в неподходящее время моего верблюда, я верну себе своего верблюда в тысячекратном размере». И вот, сильно разгневанный из-за верблюда, он хочет искать здесь даже его отца и предков. Он находится невдалеке и уже подходит сюда». И услышав это, лев оставил мертвого верблюда и убежал, боясь за свою жизнь. А Чатурака долгое время питался понемногу мясом того верблюда.

Поэтому я и говорю: «Желанной цели кто достиг. . .».

Между тем, когда Даманака ушел, Сандживака подумал: «Что мне делать? Ведь если я уйду в другое место, меня убьет другое жестокое существо, потому что лес этот пустынен. Нет никакого выхода, когда гневаются господа. Сказано же:

Пускай не думает беглец, что избежал опасности. |
Мудрец руками длинными настигнет беззаботного. (355)

Так лучше я приближусь ко льву. Может быть, он подумает: «Он искал убежища» и пощадит меня». Решив так про себя, он медленно-медленно отправился в путь с встревоженным сердцем и, увидя льва таким, как ему описал Даманака, присел в другом месте и подумал: «Увы! Каково непостоянство владык! Сказано ведь:

Как проникают в дом, что змеями кишит, ||
в лес, хищниками полный,

Или в прекрасный пруд, где лотосы цветут, ||
но много крокодилов, |
Так в замыслы царя, что столь осквернены ||
злодеями, лжецами
И низкими людьми, трепещущий слуга ||
с печалью проникает». (356)

çārdū

А Пингалака, увидя, что бык выглядит так, как сказал Даманака, тотчас напал на него. Острия его когтей, подобных громовым стрелам, разодрали тело Сандживаки, а тот, вонзив ему в живот острия своих рогов и с трудом отступив от него, снова приготовился к битве, намереваясь убить его рогами.

И видя, как оба они, подобные цветущим деревьям палаша [181], стремятся убить друг друга, Каратака с упреком сказал Даманаке: «О глупец! Нехорошо ты сделал, что поселил между ними раздор. Ведь весь этот лес ты привел в смятение. Поэтому ты не знаешь сущности разумного поведения. Сказано ведь:

Кто трудные дела, ведущие всегда ||
к страданью и насильям,
Спокойно и легко способен устранить, ||
тот может быть министром. |
Но кто в простых делах законам вопреки ||
к насилью прибегает,
Тот глупостью своей рискует погубить ||
благополучье царства. (357)

çārdū

Эх, неразумный:

Тот, кто разумно действует, мягкосердечным должен быть: |
Ведь не погибнет никогда успех, достигнутый добром. (358)

Эх, глупец! Ты стремишься к должности министра, а сам незнаком даже с дружеским обращением. Итак, напрасно это твое стремление, потому что оно проявляется в насилии. Сказано ведь:

Ведь дружба — лучшая из мер, что нам Свая́мбху [182] предписал, |
Насилье — худшая из них. Так избегайте же его. (359)

Не камни драгоценные, не солнца блеск и не огонь, |
Но дружелюбие одно рассеет тьму враждебную. (360)

И также:

Где дружба к цели приведет, не надо там насильничать. |
Коль сахар успокоит желчь, какая польза в огурцах? (361)

И кроме того:

Разлука, дружба, подкуп —
Вот мудрости открытые ворота. |
Четвертое же средство
Мужским поступком мудрые зовут. (362)

ār

Тот ум, что мужества лишен, подобен женскому уму, |
А храбрость безрассудная одним скотам лишь свойственна. (363)

Слон, лев, змей, вихрь, огонь, вода и солнце восходящее — |
Все эти силы не страшны, когда обезопасишь их. (364)

А если, подумав: «Я — сын министра», ты чересчур возгордился, то это — твоя собственная гибель. Сказано ведь:

В ученом пользы нет, когда не может он ||
обуздывать желанья,
Стремиться к доброте, разумно поступать, ||
вести себя достойно, |
Когда способен он в присутствии других ||
к одним речам бесплодным,
Не может никогда спокойствия достичь ||
и заслужить почтенье. (365)

çārdū

Ведь здесь, в книгах учения, излагается наставление в пяти частях. Вот они: способ начинать дела, нахождение пригодных людей и вещей, правильное использование места и времени, противодействие несчастью и до-

стижение цели. Большая опасность грозит теперь господину. Поэтому, если есть у тебя сила, подумай, как противодействовать этому несчастью. Ведь разум министров испытывается, когда надо примирить враждующих. Глупец! Ты неспособен это сделать, потому что наделен извращенным умом. Сказано ведь:

Все губит низкий человек
И не способен пользу делу принести. |
Хоть свалит шелковицу мышь,
Но посадить ее не сможет. (366)
ār

Да и не ты виноват в этом, а господин, который внял словам такого скудоумного, как ты. Сказано ведь:

Познанья к скромности ведут, глупец лишь горд ученостью. |
Всем помогает видеть свет, а совы слепнут от него. (367)

Ведь знанья учат скромности.
Что ж делать с тем, кто возгордился ими? |
Кто сможет исцелить больного,
Которому и нéктар словно яд?» (368)
ār

И видя, что господин находится в опасности, Каратака глубоко опечалился: «Горе, горе случилось с господином из-за неразумного совета. Хорошо ведь говорится:

Когда владыки слушаются низких
И не внимают наставленьям мудрым, |
То быстро попадают в сети бедствий,
Откуда трудно им бывает выйти. (369)
upa

Глупец! Ведь всякий идет на службу к господину, обладающему достойным окружением. Как же сможет господин радоваться достойным спутникам, имея такого дурного советника, как ты, подобного скотине и умеющего лишь разлучать? Сказано ведь:

Коль окружен дурными царь, то лучше избегать его, |
Как пруд с прекрасною водой и злыми крокодилами. (370)

А ты, вероятно, ради своего благополучия желаешь, чтобы царь был одинок. Глупец! Разве ты не знаешь:

Лишь в окруженье славен царь, нет блеска в одиночестве. |
Одни враги властителя хотят, чтоб был он одинок. (371)

А также:

Ищите в неприятном благ. Коль нет их — это яд для нас. |
Ищите в сладком хитростей. Коль нет их — нектар нам оно. (372)

И нехорошо, что ты печалишься даже при виде чужого счастья и могущества. Не годится поступать так по отношению к друзьям, достигшим своего назначения. Ведь:

Глупец лишь дружбы ждет за вероломство,
Стремится к добродетели обманом, |
Насильем — к счастью, к знаньям — без усилий
И к женщине — суровым обращеньем. (373)

upa

Также:

Коль радость чувствует слуга, пусть будет рад и господин. |
Что море без высоких волн, сокровищами блещущих? (374)

И кроме того, кто пользуется милостью господина, тем более должен быть скромным. Сказано ведь:

Чем больше в милости слуга у господина своего, |
Тем больше блеска придает ему походка скромная. (375)

Ты же легкомыслен по натуре. Сказано ведь:

Кто полон сил, тот не теряет стойкости.
Не замутит моря обвал у берега. |
Кто сил лишен, тот от всего меняется:
И ветерок клонит былинку[183] слабую. (376)

vaṁça

Ведь сам господин виноват в том, что, не обращая внимания на достижение трех благ [184], он стал советоваться с подобными тебе; ты же — министр лишь на словах и совершенно незнаком с шестью способами ведения государственных дел. Хорошо ведь говорится:

Коль слуги лестью заняты и не натягивают лук, |
Пусть не внимают им цари, — врагов лишь это радует. (377)

Известен же хороший рассказ. Сказано ведь:

Монаха Балабхáдра [185] сжег, владыку к милости склонил, |
И сам при этом он сумел добиться возвышения». (378)

Даманака спросил: «Как это?» Каратака рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

«Есть в стране кошалов город под названием Айодхья [186]. Жил там царь по имени Суратха [187], чья скамья для ног была отполирована венцами многочисленных вассалов, склоненных перед ним. И как-то хранитель леса сообщил ему: «Господин! Отпали все цари лесных областей. Во главе их — лесной житель по имени Виндхьяка. Пусть божественный решит, как научить его скромности». Услышав это, царь призвал советника Балабхадру и послал его наказать их. И когда тот отправился, в конце жаркого времени года в город вошел обнаженный нищенствующий монах [188]. Благодаря науке разрешения вопросов [189], гороскопу, гаданью по птицам, по точке захода солнца, по трети зодиака, по его девятой, двенадцатой и тридцатой частям и предсказанию жизни по исчезновению теней, по кулакам, металлам, кореньям, глоткам, бобам и другим астрологическим способам [190], он в несколько дней завладел всем населением, словно купил его. И услышав о нем такого рода молву, любопытный царь призвал его однажды в свое жилище, предложил ему сиденье и спросил: «Правда ли, что учитель — знаток чужих мыслей?» Тогда тот ответил: «Ты убедишься в этом по последствиям». Так, благодаря услышанным рассказам, царь этот проявил сильнейшее любопытство.

И однажды, пропустив назначенное для посещения время, тот вошел после полудня во дворец царя и сказал: «О царь! Я сообщу тебе очень приятное:

сегодня утром, находясь в келье, я оставил свое тело. Наделенный другим телом, приличествующим миру богов, и зная, что все бессмертные вспоминают меня, я отправился на небо и снова вернулся. Там боги сказали мне: «Спроси от нашего имени этого владыку о его благополучии». Слыша это, ошеломленный и испытывающий величайшее любопытство царь спросил: «Учитель, как же ты идешь на небо?» Тот ответил: «Великий царь! Каждый день я иду на небо». И царь этот, поверив ему по своей глупости, забросил все царские занятия и гаремные дела, думая лишь о монахе.

Между тем Балабхадра освободил лесное царство от врагов и вернулся к стопам царя. Он увидел, что господин совсем оставил свиту министров и, пребывая наедине с тем обнаженным монахом, произносил, словно учитель, какие-то заклинания, в то время как лицо его походило на распустившийся лотос. Тогда, узнав в чем дело, он поклонился и сказал: «Пусть побеждает божественный, любимый богами!» Тогда царь расспросил министра о его здоровье и сказал: «Знаешь ли ты этого учителя?» Тот ответил: «Как может быть неизвестен этот учитель из учителей, подобный Праджапати? Слыхал я и о посещении этим учителем мира богов. Правда ли это?» Царь сказал: «Все, что ты слыхал — правда». Тогда нищий монах сказал: «Если этот министр испытывает любопытство, пусть он посмотрит». Сказав так, он вошел в келью, закрыл дверь на засов и остался там. И спустя лишь мгновенье министр сказал: «Божественный! В какое время он вернется?» Владыка ответил: «Что ты спешишь? Он ведь оставил в келье свое тело и возвратится с другим, божественным телом». Тот сказал: «Если это правда, пусть принесут кучу топлива, чтобы я поджег эту келью». Царь спросил: «Для чего?» Советник ответил: «Божественный! Чтобы, когда сгорит это тело, он с телом, посещающим мир богов, пребывал рядом с тобой. Рассказывают ведь:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Жил в городе Раджагриха [191] брахман по имени Девашарман [192]. Его жена, не имевшая детей, сильно горевала, видя мальчиков соседа. И однажды брахман сказал: «Дорогая! Перестань печалиться. Послушай же: когда я приносил жертву, чтобы родился сын, то отчетливо услышал слова какого-то невидимого существа: «Брахман! Будет у тебя сын, который превзойдет всех людей красотой, мужеством и счастьем». После этих слов сердце брахманки исполнилось высшего блаженства, и она произнесла: «Да окажутся правдивыми его слова!» Со временем она понесла и, когда настали роды,

родила змея. И видя его, окружающие все без исключения сказали: «Надо его бросить». Но она не обратила на это внимания и, любя детеныша, взяла его, вымыла, уложила в большую чистую корзинку, стала укреплять его тело молоком, свежим маслом и другой пищей, и через несколько дней тот вырос. И однажды, когда брахманка увидела, как празднуется свадьба соседского сына, слезы потекли по ее лицу, и она сказала супругу: «Все же не уважаешь ты меня, раз не думаешь отпраздновать свадьбу моего сына». Услышав это, брахман сказал: «Благородная! Неужели мне следует отправиться в самую преисподнюю и просить Васуки [193]? Кто же другой, глупая, выдаст свою дочь за этого змея?» Сказав это, он увидел, что брахманка сильно опечалилась, и решил утешить ее. И вот он захватил с собой большой запас пищи на дорогу и из любви к жене отправился в другую страну. Через несколько месяцев он достиг селения под названием Куткутанагара [194], находившегося в отдаленной местности. Там, почтенный омовением, получив пищу и окруженный услугами, он провел ночь в доме одного родственника, у которого мог найти хороший приют, потому что оба они знали достоинства друг друга. Наутро он приветствовал того брахмана, и, когда собрался в путь, тот спросил его: «Для чего ты пришел сюда? Куда ты пойдешь?» На эти слова он ответил: «Я пришел, чтобы найти подходящую жену для своего сына». Услышав это, брахман сказал: «Если так, то у меня есть очень красивая дочь. Ты — мой повелитель. Возьми же ее для своего сына». И вслед за этими словами брахман взял его дочь вместе с ее служанками и вернулся в свой город. И, видя, что она в избытке наделена необычайной красотой, одарена высшей прелестью и чудесными достоинствами и что глаза ее широко раскрыты от любви, люди говорили ее спутникам: «Как можете вы отдать эту девушку-сокровище змею?» Слыша это, все ее старшие родственники, чувствуя тревогу в сердце, сказали: «Надо увести ее от этого парня, одержимого злым демоном». Тогда девушка сказала: «Довольно этих насмешек. Послушайте. Ведь:

Три вещи делают лишь раз: владыка держит речь свою, |
Достойный держит речь свою и деву замуж выдают. (379)

А также:

Коль смерть судьбой нам суждена, нельзя ее предотвратить. |
Ведь сами боги не смогли Пушпáку [195] сохранить в живых. (380)

Тогда все они спросили: «Кто это такой Пушпака?» Девушка рассказала:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Был у Индры попугай по имени Пушпака, наделенный высшей красотой и прекрасными достоинствами, чей разум был неодолим благодаря знанию многих наук. Однажды, находясь на ладони великого Индры и испытывая блаженство от сладостного прикосновения, он произносил различные хорошие изречения. Тут он увидел Яму, который в назначенное время приблизился исполнить свою обязанность, и отлетел. Тогда все собрание бессмертных спросило: «Почему ты отлетел, увидев его?» Попугай сказал: «Он ведь приносит зло всему живому. Как же можно не удаляться от него?» Услышав это, все они, чтобы прогнать его страх, сказали Яме: «Несомненно, вняв нашим речам, ты не убьешь этого попугая». Яма сказал: «Я не знаю. Здесь властвует Судьба». И тогда, взяв попугая, они пришли к Судьбе и сказали ей то же самое. Тогда и Судьба сказала: «Это знает Смерть. Обратитесь к ней». И когда это произошло, попугай при виде Смерти отошел в небытие. И видя это, все они, с тревогой в сердцах, спросили Яму: «Что это произошло?» Тогда Яма сказал: «От вида Смерти суждена была ему гибель». Услышав это, они отправились в свое жилище.

[*Окончание рассказа двадцать третьего*]

Поэтому я и говорю: «Коль смерть судьбой нам суждена. . .». Кроме того, да не смогут упрекнуть моего отца в лживости дочери». Вслед за этими словами она с согласия окружавших вышла замуж за змея. И затем, полная заботливости, она стала прислуживать этому змею, давая ему молоко, питье и оказывая другие услуги. И как-то ночью змей этот вышел из просторной корзины, стоящей в спальне, и поднялся на ее кровать. Тогда она сказала: «Кто это такой в облике мужчины?» И подумав, что это чужой мужчина, она встала, дрожа всеми членами, открыла дверь и намеревалась уйти, когда тот сказал: «Останься, дорогая! Я — твой супруг». И чтобы убедить ее, он проник в тело, находящееся в корзине, и снова вернулся, выйдя оттуда. А она, видя, что он украшен высоко поднимающейся диадемой, серьгами, запястьями, браслетами и кольцами на плечах, упала к его ногам. И затем они вкусили сладость любовного наслаждения. А его отец, брахман, видевший это, встал пораньше, взял то змеиное тело, лежащее в корзине, и, подумав: «Пусть не войдет он снова в него», положил его в огонь. И утром, полный радости, он показал всем людям своего сына, предававшегося вместе с женой любовным занятиям и ставшего прекрасным юношей».

Приведя царю этот пример, Балабхадра сжег келью, в которой находился обнаженный монах.

Поэтому я и говорю: «Монаха Балабхадра сжег. . .». Глупец! Вот какими бывают министры, которые не похожи на тебя, не являются министрами на одних лишь словах и сведущи в путях разумного поведения. Во всяком случае, своими дурными поступками ты ясно показал унаследованную тобой непригодность к должности министра. Должно быть, и отец твой был в том же роде. Ведь:

Всегда как делает отец, так станет поступать и сын. |
Ведь на кетáки [196] никогда миробалан [197] не вырастет. (381)

А в ученых, наделенных глубокими знаниями, даже много времени спустя не обнаруживаются присущие им слабости, если, сохраняя глубину, они не показывают недостатков своего рассудка. Ведь:

Кто прилагает силы,
Чтоб разглядеть получше зад павлиний, |
Не станет разве тот дурак плясать,
Обрадованный громом с неба? (382)

ār

Как бы то ни было, нечего наставлять тебя, наихудшего. Сказано ведь:

Не может гнуться дерево, не входит в камень острый нож. |
Кто поучает дурака, как Сучимýкха [198], гибнет тот». (383)

Даманака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

«В окрестностях одного леса жила стая обезьян. И однажды зимой, совсем обессиленные, они заметили с наступлением ночи светлячка. Увидев его, они подумали: «Это — огонь», осторожно взяли его, покрыли сухой травой и, приблизив к нему руки, плечи, животы и груди, стали почесываться, как бы в действительности наслаждаясь счастьем желанного тепла. И была там одна

в особенности мучимая холодом обезьяна, которая то и дело поддувала траву, вся поглощенная этим. Тогда птица по имени Сучимукха спустилась, гонимая судьбой, с дерева и на свою погибель сказала ей: «Дорогая, не трудись. Это не огонь, это — светлячок». А обезьяна, не обращая внимания на ее слова, снова начала дуть и не прекращала этого, несмотря на неоднократные уговоры птицы. К чему много слов? Приблизившись к самым ее ушам, птица так досаждала ей, что обезьяна, наконец, схватила ее и раздробила ей ударом о камень клюв, глаза, голову и шею, так что та отошла в небытие.

Поэтому я и говорю: «Не может гнуться дерево. . .».
Также:

Не сможет пользы принести ученый, к злу стремящийся. |
Что толку нам в светильнике, коль сверху он горшком прикрыт? (384)

Несомненно, ты — неудавшийся сын. Сказано ведь:

Четыре сына в мире есть, — считают так ученые: |
Рожденный сын, подобный сын, достойный, неудавшийся. (385)

Рожденный — уродится в мать, подобный — на отца похож, |
Достойный — превзойдет отца, всех хуже — неудавшийся. (386).

Хорошо ведь говорится:

Кто разумом, богатствами или могучей силою |
Средь родичей прославится, — достойный сын у матери. (387)

И еще:

Нетрудно ведь найти того, кто лишь на первый взгляд красив, |
Но очень редок человек, всегда блистающий умом. (388)

И хорошо ведь говорится:

Известны оба мне они: злодей и добромыслящий. |
Из-за чрезмерной мудрости сын дымом погубил отца». (389)

Даманака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

«Жили в одном городе два друга, сыновья купцов, которых звали Дхармабуддхи и Душтабуддхи [199]. Чтобы нажить добро, они отправились в отдаленную страну. И там, вследствие восхода своей счастливой звезды, тот, кого звали Дхармабуддхи, нашел оставленный раньше каким-то добрым человеком горшок с тысячей динаров. Он посоветовался с Душтабуддхи, и решив: «Мы достигли цели. Пойдем в свою страну», они вернулись назад. И около их города Дхармабуддхи сказал: «Дорогой! Половинная доля принадлежит тебе. Возьми ее, чтобы, придя теперь домой, мы с блеском были встречены перед лицом друзей и врагов». Тогда Душтабуддхи, чье коварное сердце жаждало увеличить свое богатство, сказал ему: «Дорогой! Пока это добро будет у нас общим, до тех пор не прервется наша преданная любовь. Поэтому возьмем по одной сотне, зароем остальное в землю и пойдем домой. Пусть, уменьшаясь или возрастая, богатство это явится испытанием нашей добродетели». Тогда Дхармабуддхи, не разгадавший из-за врожденного благородства эту тайную злонамеренность, согласился с этим, и оба они, взяв кое-что, зарыли остальное в землю и вошли в город.

И вот Душтабуддхи, делавший ненужные расходы и потакавший дурным страстям, истратил из-за непрочности своего счастья принадлежавшую ему долю. Тогда они снова поделились, взяв каждый по второй сотне. И затем в течение года она исчезла у него таким же образом. Тогда Душтабуддхи подумал: «Если мы снова поделимся, взяв по сотне, то что пользы, если мне и удастся похитить оставшиеся незначительные четыре сотни? Так я унесу все шесть сотен». Подумав так, он один унес деньги и сравнял землю в том месте. И едва прошел месяц, он сам явился к Дхармабуддхи и сказал: «Дорогой, поделим поровну оставшееся богатство». Сказав это, он пошел вместе с Дхармабуддхи в то место, и они начали копать. Когда же, выкопав землю, они не увидели добра, Душтабуддхи в своем бесстыдстве стал ударять себя по голове пустым горшком и сказал первый: «Где это сердце Брахмы? [200] Несомненно, ты, Дхармабуддхи, похитил его. Возврати же мне половину, а иначе я обращусь в царский дворец». Тот ответил: «О злодей! Не говори этого. Я действительно добромыслящий и не занимаюсь подобными воровскими делами. Сказано ведь:

В чужой жене он видит мать, в чужом добре — комок земли,
И на других, как на себя, взирает добромыслящий». (390)

Так, споря, оба они пошли в суд и рассказали о том, как было похищено добро. Услышав это, судьи решили подвергнуть их божественному право-

судию [20]. Тогда Папабуддхи сказал: «Увы! Неправильным кажется это решение. Сказано ведь:

Ищите письменных улик, когда их нет — свидетелей, |
А нет и их, пусть бог решит, — так поучают мудрецы. (391)

А в этом деле у меня есть свидетель — лесное божество. Оно вам объявит, кто из нас прав и кто неправ». Тогда они ответили: «Хороши твои слова. Сказано ведь:

Когда свидетель предстает, пусть даже низок родом он, |
Не надо прибегать к богам. А здесь свидетель — божество. (392)

Мы также чувствуем большое любопытство к этому делу. Завтра утром оба вы должны пойти с нами в то место леса». И, взяв с них залог, они отпустили их домой.

И, придя домой, Душтабуддхи попросил отца: «Батюшка! Эти динары — в моих руках. Теперь они ждут одного лишь твоего слова. Поэтому сегодня ночью я незаметно посажу тебя в дупло дерева шами [202], находящегося вблизи того места, откуда я раньше вырыл сокровище. Утром в присутствии судей ты должен будешь представить свидетельство». Тогда отец сказал: «Сын! Мы погибнем, потому что это — неверный путь. Хорошо ведь говорится:

Коль думаешь о пользе ты, подумай также о вреде. |
У глупой цапли на глазах съел ихневмон [203] всех родичей». (393)

Душтабуддхи спросил: «Как это?» Отец рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

«В окрестностях одного леса росла смоковница, служившая приютом для стаи цапель. И там в дупле жил черный змей, который проводил время, поедая детенышей цапли, прежде чем у тех отрастали крылья. И вот одна цапля, уставшая от жизни, потому что змей поедал ее детенышей, подошла к берегу пруда и остановилась там с опущенной головой, проливая горькие слезы. Видя ее в таком состоянии, один рак спросил ее: «Тетушка! Отчего ты сегодня так плачешь?» Цапля сказала: «Дорогой! Что мне делать? Я несчастна.

Змей, живущий в дупле смоковницы, поедает моих детенышей и детей моих родственников. Вот я и плачу, опечаленная этим горем. Поэтому скажи мне, какое есть средство, чтобы погубить его?» Услышав это, рак подумал: «Ведь она — прирожденный враг нашего рода. Поэтому я дам ей такой полезный и в то же время вредный совет, чтобы погибли и другие цапли. Сказано ведь:

Пусть, словно масло, будет речь, а в сердце жалость пропадет, |
И так наставишь ты врага, что он с потомством встретит смерть». (394)

И он сказал: «Тетушка! Если так, то разбросай куски рыбьего мяса от входа в нору ихневмона до змеиного дупла, чтобы, идя этим путем, он погубил злого змея». Когда это произошло, ихневмон, следуя по дороге, где лежали куски рыбы, убил того злого змея, а затем постепенно съел и всех цапель, живущих у этого дерева.

[*Окончание рассказа двадцать шестого*]

Поэтому я и говорю: «Коль думаешь о пользе ты. . . ». А Душтабуддхи, не обратив внимания на речь отца, тайно посадил его ночью в дупло того дерева. И вот утром Папабуддхи, омывшись и надев чистую накидку, подошел, сопровождаемый Дхармабуддхи, вместе с судьями к тому шами и громким голосом произнес:

«Солнце, и месяц, и огонь, и ветер,
Земля, вода и небо, сердце, Яма, |
День, ночь, рассвета час, вечерний сумрак
И Дхарма знают все дела людские[204]. (395)

upa

Блаженное лесное божество! Скажи, кто из нас вор?» Тогда находящийся в дупле отец Папабуддхи сказал: «О! Дхармабуддхи похитил это богатство». Услышав это, все царские слуги вытаращили от удивления глаза. И пока они размышляли, какому бы наказанию, установленному согласно закону за кражу имущества, им подвергнуть Дхармабуддхи, тот вложил в дупло шами горючее вещество и поджег его. И когда разгорелся огонь, из дупла шами выскочил, жалобно крича, отец Папабудхи с наполовину сожженным телом и полопавшимися глазами. Тогда все они спросили: «Эй! Что это?» На это он ответил: «Все это — проделки Папабуддхи». Тогда царские слуги повесили этого Душтабуддхи на ветке шами и прославили Дхармабуддхи, порадовав его царской милостью и другими дарами.

Поэтому я и говорю: «Известны оба мне они . . .».

И когда рассказ был окончен, Каратака продолжал: «Тьфу, глупец! Излишней мудростью ты погубил собственный род. Хорошо ведь говорится:

Семью погубит сын дурной,
А реки гибнут от воды соленой. |
Сердца родных — от женских ссор,
И тайны от измены гибнут. (396)

ār

И кроме того, кто доверится человеку, у которого в одном рту два языка! Сказано ведь:

Два языка таящие, жестокие и грубые |
Уста злодея и змей приносят всем один лишь вред. (397)

Поэтому даже во мне возник страх от твоего поведения. Потому что:

Злодеям знаю я цену и им не стану доверять: |
Как ни прислуживай змее, всегда готова укусить. (398)

И еще:

Пусть служит топливом сандал — не перестанет жечь огонь. |
Пусть родом славится злодей — злодеем он останется, (399)

И такова ведь природа негодяев. Сказано ведь:

Осуждать хотят всех других они
И свои качества восхваляют лишь. |
Ведь судьба сама предназначила,
Чтоб служил разум их на погибель всем. (400)

viyo

Воистину алмазу
Подобен тот язык, который |
На сто частей не разорвется,
Когда клевещет злобно на других. (401)

ār

Пусть зла избегнет тот герой,
Который счастлив услыхать о радостях других, |
И чей язык всегда приучен
Молчать о недостатках ближних. (402)
ār

Поэтому, во всяком случае, вступать в общение следует, произведя испытание. Сказано ведь:

Стремись к тому, кто мудр и прям;
Кто и умен и лжив — с тем будь настороже; |
Кто глуп и честен — тех жалей;
И избегай глупцов коварных. (403)
ār

Ты ведь стремишься теперь не только к гибели собственного рода, но также и к гибели господина. Для тебя, доведшего господина до такого положения, другое существо — все равно, что сухая трава. Сказано ведь:

Где может маленькая мышь сожрать весы железные, |
Там сокол унесет слона, а мальчика — тем более». (404)

Даманака спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

«Жил в одном городе купец по имени Надука[205]. Истратив свое состояние, он задумал отправиться в другую страну. Ведь:

Кто, все богатства потеряв, желает в том же месте жить, |
Где прежде он в довольстве жил, — тот самый низкий из людей. (405)

А также:

Кто жить остался бедняком там, где он долго перед тем |
В веселье время проводил, — тот всеми порицается. (406)

А дома у него были весы, сделанные из тысячи пал[206] железа, доставшиеся ему в наследство от предков. И, отдав их на хранение начальнику купцов

Лакшмане[207], он отправился в другую страну. Долго бродил он по собственному желанию в других странах и, снова вернувшись в свой город, обратился к тому начальнику купцов: «О Лакшмана! Верни мне весы, отданные на хранение». Тогда Лакшмана ответил: «О Надука! Твои весы съели мыши». Услышав это, Надука сказал: «Не виноват ты, Лакшмана, в том, что их съели мыши. Таков ведь круговорот этой жизни. Ничто здесь не вечно. Однако я пойду к реке совершить омовение. Так пошли со мной своего сына по имени Дханадева[208], чтобы он понес принадлежности для омовения». А этот Лакшмана, обеспокоенный своим мошенничеством, сказал сыну Дханадеве: «Дитя! Этот Надука, брат твоего отца, пойдет к реке совершить омовение. Иди же вместе с ним, захватив принадлежности для омовения». Да! Хорошо ведь говорится:

Никто не делает добра, одной любовью движимый, |
Без страха, искушения иль без особых поводов. (407)

А также:

Где без особенных причин забота проявляется, |
Там надо быть настороже, чтоб избежать опасности. (408)

И вот обрадованный сын Лакшманы пошел вместе с Надукой к реке, захватив принадлежности для омовения. А Надука, омывшись в реке, посадил сына Лакшманы Дханадеву в горную пещеру, загородил вход в нее большим камнем и вернулся в дом Лакшманы. Тогда Лакшмана спросил его: «О Надука! Скажи, где остался сын мой Дханадева, который ушел с тобой?» Надука ответил: «О Лакшмана! Сокол унес его с берега реки». Лакшмана сказал: «О лживый Надука! Как мог сокол унести Дханадеву, который велик телом?» Надука сказал: «О Лакшмана! Неужели мыши съели весы из железа? Так верни мне весы, если тебе нужен сын». Так, споря, оба они подошли к воротам дворца. Там Лакшмана громким голосом произнес: «Увы! Несправедливость, несправедливость совершается! Этот Надука похитил у меня сына Дханадеву». Тогда судьи сказали Надуке. «Эй, верни сына Лакшманы». Надука ответил: «Что мне делать? На моих глазах сокол унес его с берега реки». Они сказали: «О Надука! Неправду ты говоришь. Как может сокол похитить пятнадцатилетнего мальчика?» Тогда Надука сказал, смеясь: «О, послушайте мои слова:

Где может маленькая мышь сожрать весы железные, |
Там сокол унесет слона, а мальчика — тем более». (409)

Те спросили: «Как это?» И Надука рассказал им историю с весами. Услышав ее, они со смехом вернули одному весы, а другому — мальчика.

Поэтому я и говорю: «Где может маленькая мышь. . .». И Каратака снова сказал: «Глупец! Ты сделал это, не будучи в силах выносить милости Пингалаки к Сандживаке. Потому что хорошо ведь говорится:

Всегда готов ругать незнатный человек ||
того, кто славен родом,
Мошенник — честных всех, несчастливый в любви — ||
любовников счастливых. |
Ругает храбрых трус, красивого — урод, ||
корыстолюбец — щедрых,
Страдающий от бед — удачливых людей, ||
и глупый — просвещенных. (410)

[çārdū

Также:

Дурак не любит умного, бедняк — обогащенного, |
Порочный — благонравного, распутница — стыдливую. (411)

Также:

Все люди благородные и все живые существа |
Своей природе следуют. Что толку в наказаниях? (412)

Того следует наставлять, кто с первого раза схватывает сказанное. А ты, словно камень, бессердечен и отличаешься косностью. Зачем же тебя учить? Да с тобой, глупец, и жить-то вместе не следует. Еще как-нибудь связь с тобой принесет и мне несчастье. Сказано ведь:

Коль в доме, в городе, в стране живешь ты вместе с дураком, |
Пусть избегаешь встречи с ним, — все ж может горе принести. (413)

Уж лучше в море утонуть, сойти в могилу, в ад, в огонь, |
Но не общаться с дураком, совсем лишенным разума. (414)

Общенье с разными людьми
В нас доброе иль злое порождает. |
Так ветер с мест различных
В себя вбирает смрад иль ароматы. (415)
ār

Хорошо ведь говорится:

Одна у нас на свете мать, один отец нас породил, |
Но я с отшельниками жил, а он — к охотникам попал. (416)

Охотников одних он слышал речи,
А я, о царь, всегда внимал аскетам. |
Теперь ты ясно видишь, как общенье
Достоинства родит в нас и пороки». (417)
upa

Тот спросил: «Как это?» Каратака рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

«В одном месте на горе самка попугая положила яйца, и у нее родились два попугая. И однажды, когда она отправилась за пищей, охотник унес обоих птенцов. Одному из них по воле судьбы кое-как удалось улететь. Другого же посадили в клетку и стали учить говорить. Между тем первого попугая увидел странствующий отшельник. Он взял его, принес в свое жилище и вскормил. И вот с течением времени некий царь, унесенный лошадью от своего войска, достиг того места в лесу, где жили охотники. Увидев приближающегося царя, сидящий в клетке попугай тотчас поднял беспокойный крик: «Эй, эй, господин мой! Приближается какой-то всадник. Так свяжи его, свяжи! Убей, убей!» Услышав эти слова попугая, царь быстро погнал коня в другую сторону. И достигнув другой отдаленной части леса, царь увидал жилище отшельников. И там сидящий в клетке попугай произнес: «Подойди, царь, подойди! Отдохни! Отведай прохладной воды и сладких плодов. Эй, эй, отшельники! Окажите ему достойный прием под этим деревом, дающим прохладу, и поднесите ему воды для омовения ног». Услышав это, царь широко раскрыл глаза и, изумившись, подумал: «Что это?» И он сказал попугаю: «Ведь в той части леса я видел еще одного попугая, похожего на тебя. Вот что сказал он с жестоким видом: «Свяжите его, свяжите!

Убейте, убейте!» И услышав эти слова царя, попугай рассказал ему о случившихся с ним событиях.

Поэтому я и говорю: «. . . Общенье достоинства родит в нас и пороки». Итак, нехорошо даже общаться с тобой. Сказано ведь:

Пусть лучше будет умный враг, чем друг, лишенный разума. |
Вор отдал жизнь за жертв своих, царь обезьяною убит». (418)

Даманака спросил: «Как это?» Каратака рассказал:

РАССКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

«Был у одного царя сын, друживший с сыном торговца и с сыном ученого. Они радостно проводили каждый день, прогуливаясь по площадям и садам и предаваясь веселью, развлечениям и играм. И день за днем царевич пренебрегал искусством стрельбы из лука, ездой на слонах и конях, не правил колесницей и не развлекался охотой. И однажды отец высмеял его и сказал: «Ты отвернулся от занятий, приличных царю». Тогда он рассказал своим друзьям об обиде, нанесенной его достоинству, и они ответили: «Также и нам, забросившим свои занятия, отцы постоянно болтают чепуху. Осчастливленные дружбой с тобой, мы столько дней не замечали этого горя. Теперь же, видя, что и ты опечален этим горем, и мы сильно опечалены». Тогда царевич сказал: «Ведь не подобает, чтобы мы, будучи унижены, оставались здесь. Поэтому, опечаленные общим горем, уйдем все отсюда и направимся в какое-нибудь другое место. Ведь:

Ученость, силу, преданность, отвагу, благочестие |
Проявит гордый человек, оставив родину свою». (419)

Вслед за тем они подумали: «Куда же следует идти?» Тогда сын купца сказал: «Нигде ведь нельзя достигнуть желанного, не имея денег. Отправимся к горе Рохана[209]. Достав там сокровища, мы насладимся всем желанным». Все согласились с этим подходящим планом и отправились к горе Рохана. И там по воле судьбы каждый нашел по бесценному и несравненному камню. Тогда они начали размышлять: «Как нам сохранить эти драгоценности, когда мы отправимся по лесной дороге, изобилующей опасностями?» Тогда сын ученого сказал: «Я же сын советника. Вот я и придумал способ.

Понесем их, отправив в свои желудки. Так мы не привлечем к себе внимания караванщиков, воров и других людей». Решив так, они положили их в куски пищи и проглотили во время еды. А пока это происходило, некий человек, отдыхавший у подножья горы и незамеченный ими, увидел их и подумал: «Да! Много дней и я искал драгоценности на горе Рохана, но, лишенный удачи, ничего не нашел. Пойду-ка я вместе с ними, чтобы, когда они заснут в дороге от усталости, разрезать им животы и унести все три драгоценности». Решив так, он спустился с горы и, следуя за ними по пятам, обратился к ним: «Эй, эй, почтенные люди! Не могу я один перейти этот большой страшный лес и достичь своей страны. Поэтому я присоединюсь к вашему обществу и пойду с вами». А они, желая увеличить число друзей, согласились и пошли вместе с ним.

А в этом лесу находилась деревушка Бхилла[210], расположенная возле дороги в окрестностях непроходимых гор. В доме начальника этой деревни держали для забав разного рода птиц, и, когда путники проходили мимо, одна старая птица, сидевшая в клетке, издала крик. Тогда этот начальник деревни, разбиравшийся во всех птичьих голосах, поразмыслил над тем, что мог означать этот крик, и, ощутив радость в сердце, сказал своим слугам: «Ведь вот что, несомненно, говорит эта птица: «У этих путешественников, идущих по дороге, находятся сокровища огромной ценности. Возьмите же их, возьмите!» Поэтому задержите и приведите их». И когда это было исполнено, начальник деревни сам усердно обыскал путников и ничего не нашел. Он отпустил их, и они отправились в путь, прикрытые лишь повязкой вокруг бедер. Тогда та птица снова издала тот же самый крик. Услышав это, начальник деревни снова вернул их и, со всей тщательностью обыскав, снова отпустил. Но когда они пошли, та птица еще громче произнесла то же самое, и, слыша это, начальник деревни спросил их: «Ведь птица эта всегда была достойна доверия и никогда не лгала. Она говорит, что у вас есть драгоценности. Где же они?» Тогда те ответили: «Если бы у нас были драгоценности, неужели вы не нашли бы их даже после тщательного обыска?» Начальник деревни сказал: «Если птица эта снова и снова говорит об этом, то, несомненно, драгоценности находятся в ваших животах. Теперь уже наступили сумерки. Утром я обязательно распорю вам животы, чтобы найти драгоценности». Произнеся эту угрозу, он бросил их в тюремное помещение.

Тогда вор подумал: «Несомненно, когда начальник деревни распорет им утром животы и обнаружит такие драгоценности, то этот злодей, исполненный жадности, обязательно распорет живот и мне. Тогда, что бы ни случилось, я погиб. Что же мне теперь делать? Сказано ведь:

Кто жизнью бренною своей приносит пользу ближнему, |
Тому, великодушному, как нектар, будет смерть[211] сладка. (420)

Так лучше я первый дам ему распороть свой живот и спасу тех, кого сам хотел убить. Ведь когда этот злодей, тщательно осмотрев сначала мой распоротый живот, ничего в нем не найдет, то исчезнет его уверенность в существовании драгоценностей, и, несмотря на свою бессердечность, он из жалости, естественно, не станет распарывать им животы. Когда же это произойдет, я, даровав им жизнь и даровав богатства, прославлюсь в этом мире за благодеяния и удостоюсь чистого рождения в другом мире. Ведь такая смерть по собственному побуждению в надлежащее время походит на смерть мудреца».

И когда прошла ночь и настало утро, начальник деревни приготовился распарывать им животы. Тогда грабитель, сложив ладони, обратился к нему: «Я не могу видеть, как будут распарывать животы моим братьям. Будь же милостив: пусть мне первому распорют живот». Тогда начальник деревни согласился из сострадания к нему и, когда живот того был распорот, не нашел в нем никаких драгоценностей. Тогда он стал сокрушаться: «Горе! Увы, горе! В своей жадности, укрепленной одним лишь размышлением о птичьем крике, я совершил великое зло. Как у него в животе, так и у остальных, я ничего не найду». Сказав это, он отпустил их невредимыми, и быстро пройдя лес, они достигли одного города.

Поэтому я и говорю: «Вор отдал жизнь за жертв своих... Пусть лучше будет умный враг».

И в этом городе они послали сына купца продать те три драгоценности. Он принес большую сумму денег и положил их перед царевичем. А тот назначил сына ученого на должность советника и, решив, как ему уничтожить власть правителя той страны, поручил сыну купца должность казначея. И платя двойную цену, этот царевич собрал большое количество превосходных слонов, коней, пехотинцев и затем с помощью своего министра, сведущего в шести способах ведения войны, начал войну, убил в сраженье царя, захватил ту страну и стал царем. Взвалив на двух друзей все бремя забот о царстве, он стал проводить жизнь в веселье, вкушая радость и наслаждения. И однажды, отдыхая в гареме, он забавы ради взял себе в приближенные обезьяну, жившую возле конюшни. Ведь попугаи, чакоры[212], горлицы, бараны, обезьяны и некоторые другие животные по природе своей бывают приятны царям. И с течением времени обезьяна, получая от царя различные кушанья, выросла и стала пользоваться почетом у всех царских слуг. И царь из-за необычайного доверия и любви к ней поручил ей носить свой меч.

А около царского дворца находился лес для развлечений, украшенный группами разнообразных деревьев. И как-то с наступлением весны, увидя, что лес этот наполнен роями пчел, поющих славу Мадане[213], благоухает ароматом многочисленных цветов и восхищает сердце, царь, полный страсти, вошел в него вместе с первой супругой. Вся же свита осталась у входа. А царь бродил по этому лесу, предназначенному для развлечений, с любопытством рассматривал его и, устав, сказал обезьяне: «Я усну на мгновенье в этом цветочном покое. Внимательно и усердно стереги, чтобы никто не потревожил меня». Сказав это, царь заснул. Между тем пчела, привлеченная запахом цветов и ароматом мускуса и других благовоний, приблизилась и села ему на голову. Видя это, обезьяна с гневом подумала: «Как? На моих глазах это низкое существо жалит царя!» и стала отгонять ее. И затем, когда пчела, несмотря на то, что ее отгоняли, снова и снова подлетала к царю, обезьяна, ослепленная гневом, вытащила меч и ударила им по пчеле. И удар этот расколол царю голову. Тогда спящая вместе с ним царица в страхе поднялась и, увидев такое немыслимое дело, стала горевать и сказала: «Ах ты, глупая обезьяна! Что ты сделала с доверчивым царем?» И обезьяна рассказала, что произошло. Тогда все собравшиеся люди выругали и прогнали ее.

Потому и говорится: «Не следует заводить глупого друга... Ведь царь обезьяною убит». Поэтому я и говорю:

Пусть лучше будет умный враг, чем друг, лишенный разума. |
Вор отдал жизнь за жертв своих, царь обезьяною убит». (421)

И Каратака снова сказал:

«Где слушают предателей и злобных разлучителей, |
Где чтутся схожие с тобой, там лишь несчастья суждены. (422)

А также:

Что б ни случилось с праведным, достойно он ведет себя |
И никогда среди людей дурной молвы не вызовет. (423)

Также:

И в тяжком положенье
Достоинств не утратит чистый человек. |
Пусть раковину жжет огонь,
Но белизна с нее не сходит. (424)

Сказано ведь:

Пусть воздержится каждый праведный
От всего низкого, недостойного. |
Как ни сильно нас жажда мучает,
Но не пьем воду мы среди улицы. (425)

viyo

И также:

Пусть жизнь у горла держится, — стремись достойно поступать. |
Пусть жизнь у горла держится, — не делай недостойного». (426)

И когда это было сказано, Даманака вследствие лживости своего ума счел за яд эту речь, соответствующую путям государственной мудрости, и удалился.

Между тем Пингалака и Сандживака, чей разум был ослеплен гневом, снова вступили в бой. И затем, убив Сандживаку, Пингалака, гнев которого утих, ощутил жалость при воспоминании об их прежней дружбе и, вытирая обагренной кровью лапой мокрые от слез глаза, произнес с раскаянием: «Увы! Горе! Это — тяжелое преступление! Ведь убив Сандживаку, который был словно моим вторым телом, я причинил вред самому себе. Сказано ведь:

Участка плодородного лишиться
И умного слуги — две разных вещи: |
Легко вернуть потерянную землю,
Но смерть слуги ничем не возместима». (427)

indra

И видя, что Пингалака проявляет слабость, Даманака в своей чрезмерной дерзости потихоньку приблизился к нему и сказал: «Господин! Какая это мудрость проявлять малодушие после убийства соперника? Сказано ведь:

Когда отец твой или брат, товарищ или сын родной |
Тебя стремится погубить, то лучше уничтожь его. (428)

И также:

С царем безвольным и брахманом алчным,
Женой строптивой, спутником коварным, |

Плохим слугой, хозяином беспечным
И с безрассудным — лучше не общаться. (429)

upa

Вдаль идите, || если счастье там вас ждет.
Детям верьте, || если сведущи они. |
Жизнь отдайте, || если просят помощи.
Руку режьте, || если зло она творит. (430)

rath

И царю ведь не закон то, что свойственно простым людям. Сказано ведь:

Не может человек простой, как царь, страною управлять. |
Что — недостаток для простых, то для царя — достоинство. (431)

И еще:

В ней ложь и правда, сладкоречие и обида,
Корысть и щедрость, сострадание и жестокость, |
Расходы делает она и считает прибыль.
Да! Как распутница, политика переменна». (432)

vasa

И тогда Каратака подошел к Даманаке, который не возвращался к нему, и сказал ему, сев возле льва: «Не умеешь ты исполнять должность министра. Ведь когда двое наслаждаются взаимной привязанностью, то разрушающий ее прибегает к разлучению. Когда же министры, стремясь к целям, достижимым с помощью ласковых речей, подкупа и разлучения, подвергают господина опасности, советуя ему вступить в борьбу с собственным слугой, то это неправильный образ действий. Сказано ведь:

Сила Дха́нады [214], сила Па́ваны [215],
Самого Ва́джрина [216] и Джале́швары [217] |
Поколеблена в битвах яростных.
Не всегда в битве нам счастье суждено. (433)

viyo

И также:

Не может быть разумным столкновенье,
Одни глупцы лишь битву затевают. |
Кто просвещен, тот следует законам,
А те нас учат поступать с любовью. (434)
upa

Поэтому министр никогда не должен советовать господину вступать в битву. Сказано ведь:

Коль советники, что живут с владыкой,
Все скромны, преданны, лишены корысти |
И противников губят беспощадно,
То царя этого враг не одолеет. (435)
aupa

И поэтому:

Пусть неприятна речь твоя, коль есть в ней польза — говори. |
Не подобает подданным одно приятное твердить. (436)

И также:

Коль речи сладостно звучат, а пользы нет в них никакой, |
То этим слуги льстивые лишь губят славу царскую. (437)

И кроме того, господин должен по отдельности расспрашивать министров. Когда же они спрошены, пусть он сам обдумает все, сказанное ими: кто сказал полезное для него, кто — бесполезное, и что лучше. Ведь часто заблуждается наш разум, и вещи представляются нам иными, чем в действительности. Сказано ведь:

Нам небо плоским кажется, светляк нам кажется огнем. |
Но небо ведь не плоское, а светлячок — не из огня. (438)

И еще:

Мы видим истину во лжи, считаем ложью истину. |
Так уж устроен этот мир. Так будьте осмотрительны. (439)

Итак, господин не должен внимать речам слуги, отступившегося от мудрости, по той причине, что ради достижения своей цели коварные слуги с помощью разнообразных речей представляют господину события иными, чем они есть на деле. Вот почему господин должен браться за дело, поразмыслив о нем. Сказано ведь:

Кто, вняв друзьям, тщательно все обдумавшим,
И обсудив каждое слово, действует, |
Сомнений нет — тот обладает разумом.
Таким путем к счастью и славе он придет. (440)
vaṁça

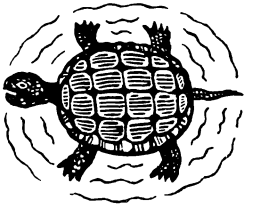
Пусть поэтому рассудок господина не затмевается чужими речами. И при всех обстоятельствах господину следует хорошо поразмыслить о разнице между людьми, подумать о том, что полезно и что бесполезно, о вопросах и ответах, об изменчивости времени и, сохраняя здравый рассудок, самому всегда браться за всевозможные дела».

И здесь окончена первая книга под названием «Разъединение друзей», первый стих которой гласит:

Сошелся лев с быком в лесу, и их привязанность росла,
Но жадный клеветник-шакал навек ту дружбу погубил. (*1*)

II

ПРИОБРЕТЕНИЕ ДРУЗЕЙ



Достойно!

Здесь начинается вторая книга под названием «Приобретение друзей». Вот ее первый стих:

Когда умны и сведущи бессильные и бедные, |
Достигнут цели все они, как ворон и друзья его. (*1*)

Царевичи спросили: «Как это?» Вишнушарман рассказал:

«Есть в южной стране город под названием Прамадаропья [1]. Недалеко от него стояло баньяновое дерево, очень высокое, с большим стволом и ветвями, дававшее всем приют. Сказано ведь:

Покрыли сотни птиц всю темную листву, ||
в тени газели дремлют,
Приютом служит ствол для стаи обезьян, ||
дупло — для насекомых, |
И пчелы на цветах спокойно влагу пьют. — ||
То дерево в почете,
Что всем несет добро. А иначе оно ||
обременяет землю. (2)

çārdū

И жил там ворон по имени Лагхупатанака [2]. Как-то утром он отправился в город за едой и увидел, как к дереву подошел один охотник, живший в том городе и вышедший на ловлю птиц. Страшный на вид, с исцарапанными руками и ногами, крепкими икрами, очень грубой кожей на теле, глазами, налитыми кровью, высоко подвязанными волосами, сопровождаемый собаками и с сетью и дубинкой в руках, он был — к чему много слов? — точно второй Кала [3] с петлей в руке, точно воплощение греха, точно средоточие несправедливости, точно наставник во всех дурных делах, точно друг смерти. И видя его, ворон подумал с обеспокоенным сердцем: «Что задумал этот злодей? Мне ли грозит бедой или у него какое-нибудь другое намерение?» Так, полный любопытства, он полетел за ним по пятам и остановился. А охотник расставил там в одном месте сеть, рассыпал зерна и спрятался неподалеку. И тогда находившиеся там птицы, удержанные предостерегающей речью Лагхупатанаки, сочли эти рисовые зерна за смертельный яд и остались на своих местах.

Между тем бродящий в поисках пищи царь голубей по имени Читрагрива [4], окруженный сотнями голубей, уже издали увидел эти рисовые зерна. Тогда, несмотря на предостережения Лагхупатанаки, он из-за своего ненасытного языка опустился на ту большую сеть, чтобы съесть их, и едва успел спуститься, как тут же вместе со спутниками попал в западню. Так ведь и случается при неблагоприятной судьбе. Нет за ним никакой вины. Сказано ведь:

Жену чужую смог Паула́стья [5] увести, ||
не видя в том проступка.
А Рама [6] в заблужденье как-то был введён ||
газелью золотою. |
Невзгоды без конца Юдхи́штхира [7] терпел ||
из-за костей игральных.
Кто близкою бедой в смятенье приведен, ||
теряет тот рассудок. (3)

çārdū

А также:

И у великих мудрецов, попавших в сети гибели, |
Судьбою пораженный ум идет путями ложными. (4)

Тогда, радуясь сердцем, охотник побежал к ним с поднятой дубинкой. А Читрагрива, попавший со своими спутниками в сеть и опечаленный этим

несчастьем, сохранил присутствие духа, видя, как тот подходит, и сказал голубям: «Эй, не бойтесь! Не бойтесь! Ведь:

Кто, несмотря на бедствия, не потерял душевных сил, |
Невзгоды все преодолев, достигнет счастья высшего. (5)

Так будем единодушны и унесем сеть, взлетев все в одно время. Иначе, не действуя одновременно, нельзя унести сеть. А неединодушных ждет смерть. Сказано ведь:

Живот — один, а шеи — две, и пища разная у них. |
Раздор меж ними начался и погубил бхару́нду [8] он». (6)

Голуби спросили: «Как это?» Читрагрива рассказал:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

«Жили здесь в одном озере птицы под названием бхарунда. У каждой из них был один живот и две шеи. И как-то одна из этих птиц, бродя, где ей хотелось, достала одной своей шеей нектар. Тогда вторая сказала: «Дай и мне половину». И когда та не дала, то вторая шея, найдя где-то яд, в гневе съела его, и из-за общего живота обеих постигла смерть.

Поэтому я и говорю: «Живот — один, а шеи — две. . .». Ведь сила — в единстве». Услышав это, голуби, желавшие сохранить жизнь, подняли одновременно сеть, взлетели вверх на высоту полета стрелы и, образовав в воздухе балдахин, смело пустились в путь. А задравший голову охотник увидел, как птицы уносят сеть, и, подумав с полным изумления сердцем: «Когда это было видано!», прочел стих:

«Соединившись силами, уносят птицы сеть мою, |
Но коль начнется спор у них, — легко мне ими овладеть». (7)

Подумав так, он стал следовать за ними. А Читрагрива, видя, что этот злодей преследует их, и зная его намерение, сохранил спокойствие духа и стал лететь над трудно проходимыми горными и лесистыми местами. Тогда Лагхупатанака, дивясь разумному поведению Читрагривы и злобной реши-

мости охотника и постоянно глядя то вверх, то вниз, оставил мысль о пище и полный любопытства последовал за стаей голубей, думая: «Что сделает этот великодушный и что — этот злодей?» И вот охотник, видя, что стая голубей отделена от него непроходимой дорогой, потерял надежду и повернув назад, сказал:

Что суждено, то и случится,
А что не суждено — к тому ты не стремись. |
Из самых рук добыча ускользает
У тех, кому она не суждена. (8)

ār

И также:

Когда гонимому судьбой богатство вдруг достанется, |
Оно, как Ша́нкха [9], пропадет, взяв все добро его с собой. (9)

Итак, надо оставить охоту на дичь. Даже сеть эта, поддерживавшая жизнь семьи, пропала у меня».

Между тем Читрагрива, видя, что тот потерял надежду и повернул назад, сказал голубям: «Эй! Летите спокойно. Злой охотник ушел. Поэтому теперь нам лучше всего отправиться в город Прамадаропью. Ведь там в северо-восточной части живет мой любимый друг — мышь по имени Хиранья [10]. Она без промедления перегрызет сети и сможет спасти нас от несчастья» И после его слов все они, желая видеть мышь Хиранью, достигли ее укрепленной норы и опустились на землю. Ведь:

Предвидя все опасности, умевшая вести себя |
Там обитала мышь в норе, снабженной сотней выходов. (10)

И при таких обстоятельствах Хиранья, чье сердце встревожилось от шума хлопающих крыльев, отползла в глубь своей укрепленной норы так, чтобы ее не могла достать кошачья лапа и, подумав: «Что это?», стала наблюдать. А Читрагрива, став у входа в нору, сказал: «Дорогая Хиранья! Скорей иди сюда. Погляди, в каком я состоянии».

И услышав это, Хиранья сказала, оставаясь в убежище: «Дорогой, кто ты? Зачем пришел? Что у тебя за несчастье? Расскажи». Слыша это, Читрагрива сказал: «О! Я — царь голубей по имени Читрагрива, твой друг.

Скорей подойди!» Услышав это, она с поднявшимися на теле волосками и обрадованным сердцем сказала, поспешно выходя:

«Друзья, приятные для глаз, несущие любовь с собой, |
Всегда прийти готовы в дом к достойному хозяину». (11)

И видя, что Читрагрива вместе со спутниками связан сетью, она с печалью сказала: «Дорогой! Что это? Из-за чего? Расскажи». Тот ответил: «Дорогая, зачем ты спрашиваешь меня, когда сама знаешь? Сказано ведь:

Когда, и как, и почему, и какой великий,
Дурной ли, добрый ли поступок мы совершаем, |
Тогда, и так, и потому, и такой великий
Нам плод несет он по веленью судьбы всесильной. (12)

vasa

И также

Всю жизнь павлин тысячей глаз глядит на мир.
И каждый глаз с лотосом схож раскрывшимся, |
Когда ж пред ним смерть разевает пасть свою,
То никнет он, словно слепой с рождения. (13)

vaṁça

За сотню йоджан с четвертью[11] добычу птица разглядит |
И не увидит рядом сеть, коль такова судьба ее. (14)

И еще:

Солнце и месяц страдают от демона[12].
Слон, змей и птица в силки попадаются, |
Мудрые бедствуют, — глядя на все это,
Думаю я: «О судьба всемогущая!» (15)

druta

И также:

Высоко в небесах пернатые парят, ||
но стерегут их беды
И рыб, что глубоко таятся под водой, ||
рыбак искусный ловит. |

Какая польза нам держаться мест своих? ||
Что значат ум и глупость?
Капризная судьба протянет длань свою ||
и всюду нас настигнет». (16)

çārdū

Вслед за этими словами Хиранья начала перегрызать сеть Читрагривы, но тот удержал ее и сказал: «Дорогая! Неправильно это. Перегрызи сначала сеть не у меня, а у моих спутников». Услышав это, рассерженная Хиранья ответила: «Эй! Неверно ты говоришь. Ведь слуги — вслед за господином». Тот сказал: «Дорогая! Не говори так. Оставя других, все эти бедняги служат мне. Неужели я не окажу им даже такой почести? Сказано ведь:

Коль постоянно властелин почетом окружает слуг,— |
И в бедности они его не покидают никогда. (17)

А также:

Доверье — корень всех удач. Газель над стадом властвует, |
А льву, хоть он и царь зверей, газели не хотят служить [13]. (18)

Кроме того, у тебя еще заболят зубы, когда ты перегрызешь у меня сеть или подойдет этот злодей охотник. Тогда я несомненно попаду в ад. Сказано ведь:

Коль слуги верные — в беде, а царь их — в безопасности, |
Несчастлив будет в жизни он, а после смерти — в ад сойдет». (19)

Услышав это, Хиранья сказала: «О! Знаю я эту обязанность господина, но говорила так, чтобы испытать тебя. Теперь я у всех перегрызу сеть. А у тебя благодаря им будет много приверженцев. Ведь:

Коль господин жалеет слуг и с ними делится всегда, |
То сможет он по праву стать всех трех миров хранителем». (20)

Сказав это и перегрызя у всех сети, Хиранья обратилась к Читрагриве: «Друг! Лети теперь к себе домой». И Читрагрива вместе со спутниками отправился к себе домой. Хорошо ведь говорится:

Всего добиться сможет тот, кому друзья сопутствуют. |
Стремись приобрести друзей — в них счастье ты свое найдешь. (21)

А Лагхупатанака, видевший все — как Читрагрива был пойман и освобожден, подумал с изумленным сердцем: «Каков разум у этой Хираньи! Какова сила! Сколь совершенное убежище! Поэтому следует и мне заключить дружбу с Хираньей. Пусть у меня непостоянный нрав, пусть я никому не внушаю доверия и никем не могу быть обманут, — все равно следует завести друга. Сказано ведь:

Кто хочет изобилия, — и в счастье ищет пусть друзей. |
Хоть море доверху полно, — от Сва́ти [14] ждет оно воды». (22)

Подумав так, он слетел с дерева, приблизился к входу в нору и позвал Хиранью, чье имя он узнал еще раньше: «Дорогая Хиранья, выйди сюда!»

Услышав это, Хиранья подумала: «Что это? Еще какой-нибудь попавший в сети голубь, который призывает меня?» И сказала: «Эй! Кто ты?» Ворон ответил: «Я — ворон по имени Лагхупатанака». Услышав это, Хиранья ответила, тщательно укрывшись: «Дорогой! Уходи с этого места». Тот возразил: «Я пришел к тебе по важному делу. Поэтому мне надо увидеть тебя». Хиранья сказала: «Мне не следует с тобой общаться». Тот ответил: «О! Видя, как благодаря тебе Читрагрива освободился из сетей, я почувствовал большое доверие. Так ведь когда-нибудь и я, попав в сети, смогу освободиться благодаря тебе. Так заключи со мной дружбу». Хиранья ответила: «О! Ты — поедатель, а я — пища. Какая же у нас с тобой дружба? Сказано ведь:

Кто из-за глупости своей с неравным дружбу заключит, |
Будь ниже или выше тот, — посмешищем становится. (23)

Так уходи же». Ворон сказал: «О! Я уселся у входа в твое убежище. Если ты не станешь со мной дружить, я перестану поддерживать свою жизнь». Хиранья сказала: «О! Как я с тобой, врагом, стану дружить? Сказано ведь:

Как сильно ни страдает враг, нельзя союз с ним заключать. |
Ведь как вода ни горяча, всегда зальет она огонь». (24)

Ворон сказал: «О! Откуда вражда? Мы даже не виделись с тобой. Зачем же ты ведешь неподобающие речи?» Хиранья ответила: «О! Вражда бывает двоякая: природная и случайная. А у нас с тобой — природная вражда. Между тем:

Вражда случайная пройдет от средства подходящего, |
Но прирожденная вражда лишь вместе с жизнью кончится». (25)

Ворон сказал: «О! Я хочу услышать о признаках двоякой вражды». Та ответила: «О! Случайная возникает по определенному поводу. Поэтому, если оказать должное благодеяние, она прекратится. Естественную же никак нельзя прекратить. И вот между ихневмонами и змеями, травоядными и хищниками, водой и огнем, богами и дайтьями [15], собаками и кошками, женами-соперницами, львами и слонами, охотниками и газелями, воронами и совами, умными и глупыми, верными женами и распутницами, добрыми и злыми царит вечная вражда. И если даже ни у кого никто никого не убил, все равно они стремятся лишить друг друга жизни». Ворон сказал: «Это ничего не значит. Послушай мои слова:

Всегда причина дружбы есть, всегда причина есть вражды, |
И подобает мудрому стремиться к дружбе, не к вражде». (26)

Хиранья сказала: «Как могу я общаться с тобой? Послушай о сущности разумного поведения:

Коль оказался низким друг, погибнешь ты, дружа с ним вновь. |
Как самка мула от плода погибнет, забеременев [16]. (27)

А также:

Растерзан грозным львом грамматики творец — ||
сам Па́нини [17] великий,
А Джа́ймини [18]-мудрец, мима́нсу что создал, ||
погиб; слоном растоптан, |
Чудовищем морским [19] был Пи́нгала [20] убит — ||
просодии светило.
Рассвирепевший зверь, чей разум затемнен, ||
достойного не ценит». (28)

çārdū

Ворон сказал: «Это—правда. Однако послушай:

Услуга сводит всех людей, особый повод — птиц, зверей, |
Боязнь и жадность — дураков, достойных сводит первый взгляд. (29)

А также:

Злодеев, как горшок из глины,
Легко разъединить, свести же трудно. |
Достойных, словно золотую чашу,
Скрепить легко, разбить же трудно. (30)

ār

И еще:

Чем дальше от верхушки,
Тем слаще сок у тростника всегда бывает. |
Так дружат и благие.
У злых людей — всегда наоборот. (31)

ār

И во всяком случае я правдив. Кроме того, клятвами я освобожу тебя от страха». Хиранья сказала: «Не верю я твоим клятвам. Сказано ведь:

Не доверяйте недругу, пусть даже клятвой связан он: |
Сам Шакра клятву данную нарушил, Вритру[21] погубив. (32)

А также:

Коль нет доверья у врага — и бог его не победит: |
Плод Дити[22] Индра разорвал, ее доверьем пользуясь. (33)

Довольно щели маленькой, чтоб к нам сумел проникнуть враг, |
И мы погибли от него, как судно с течью — от воды. (34)

Пускай озолотят тебя — не надо доверять врагу |
И женщинам нелюбящим, иначе ждет тебя конец». (35)

А Лагхупатанака, услышав это и ничего не ответив, подумал: «Как надежны ее суждения, касающиеся разумного поведения. Поэтому-то я и желаю дружить с ней». И сказал:

«Учили люди мудрые, что дружба — на семи шагах.[23] |
Невольно стала другом ты, так выслушай мои слова. (36)

Вступи теперь со мной в дружбу. Иначе здесь же на месте я расстанусь с жизнью». Вслед за этими словами Хиранья подумала: «Не видно по его речам, чтобы он был глуп:

Коль нет ума — нет сладких слов, коль нет любви — к чему наряд?
Коль нет страстей — и власти нет, коль честность есть — не будет лжи [24]. (37)

Поэтому я непременно должна вступить с ним в дружбу». Поразмыслив так, она сказала ворону: «Дорогой! Ты внушил мне доверие, и я говорила так, только чтобы испытать твой разум. Теперь я кладу свою голову тебе на грудь». Сказав так, она начала выходить, но, едва выйдя наполовину, снова остановилась. Тогда Лагхупатанака сказал: «Неужели и теперь есть у тебя основание не доверять мне, раз ты не выходишь из убежища?» Она ответила: «Узнав твои мысли, я не боюсь тебя. Но когда-нибудь, доверившись, я погибну от твоего нового друга». Тогда тот сказал:

«Когда от друга нового погибнуть должен старый друг, |
Ты друга нового оставь: не отдавай за просо рис». (38)

Услышав это, она поспешно вышла, и оба почтительно приветствовали друг друга. Спустя мгновение Лагхупатанака сказал Хиранье: «Иди в свое жилище. Я поищу еды». Сказав это, он покинул ее, углубился немного в чащу леса и, увидев там убитого тигром дикого буйвола, досыта наелся, взял с собою кусок мяса, подобный цветку киншука [25], вернулся к Хиранье и позвал ее: «Выходи, выходи, дорогая Хиранья! Покушай мяса, которое я принес». А она, тоже будучи внимательной и заранее приготовив ему много проса и рису, сказала: «Дорогой! Покушай рис, который я достала, как могла». И они, несмотря на то, что были сыты, стали есть, чтобы показать взаимную дружбу. Ибо это — зерно дружбы. Сказано ведь:

Шесть признаков у дружбы есть: давать свое, у друга брать, |
Делиться тайной, спрашивать, вкушать еду и угощать. (39)

Без доброты ни у кого не будет дружбы никогда. |
Ведь сами боги счастливы, встречая добрые дела. (40)

До тех пор дружба в мире есть, пока приносятся дары. |
Когда иссякнет молоко, теленок оставляет мать. (41)

К чему много слов?

Как ногти у живых существ от мяса трудно отделить, |
Так стали мышь и ворон тот друзьями неразлучными. (42)

И сердце этой мыши так было восхищено его услужливостью, что она постоянно забиралась ему под крылья и оставалась там.

И вот однажды ворон с полными слез глазами пришел и сказал, запинаясь: «Дорогая Хиранья! Мне надоела эта страна. Поэтому я отправлюсь в другие места». Хиранья спросила: «Дорогой, почему она тебе надоела?» Тот сказал: «Дорогая, послушай: в этой стране настала большая засуха и все горожане, мучимые голодом, не могут даже совершать жертвоприношений. Кроме того, в каждом доме расставлены сети для ловли птиц. Мне суждено было остаться в живых, и я не попал в сети. Вот я и проливаю слезы, уходя на чужбину. Вот почему я отправлюсь в другую страну». Хиранья сказала: «В таком случае расскажи, куда ты отправишься». Тот ответил: «Есть в южной стране в чаще леса большое озеро. Там живет мой лучший друг, даже больший, чем ты, — черепаха по имени Мантхарака [26]. Она даст мне легко перевариваемые куски рыбы. Наслаждаясь радостью общения с ней и хорошими изречениями, я счастливо буду проводить время. Не могу же я смотреть на подобное уничтожение птиц. Сказано ведь:

Тот счастлив лишь, кто не видал захват земли, угасший род, |
Жену свою в чужих руках и друга в тяжком бедствии». (43)

Хиранья сказала: «Если так, то и я пойду. Ведь и у меня большое несчастье». Тот спросил: «Какое несчастье?» Хиранья ответила: «О! Тут долго рассказывать. Придя туда, я все тебе расскажу». Ворон сказал: «Я ведь двигаюсь по воздуху, а ты — по земле. Как же ты пойдешь со мной туда?» Она ответила: «Если есть польза в сохранении моей жизни, то подними меня на свою спину и неси потихоньку». Услышав это, ворон с радостью сказал: «Если так, то я счастлив. Нет никого счастливее меня. Пусть так и будет сделано. Я ведь знаю восемь способов полета, первый из которых — совместный полет. Поэтому я легко понесу тебя». Хиранья сказала: «О! Я хочу услышать названия полетов». Ворон сказал:

«Полет совместный, перелет, большой полет и вниз полет, |
Полет по кругу, вкось, и вверх, и легкий, наконец, полет». (44)

Тогда, услышав это, Хиранья взобралась на его спину, и он отправился «совместным полетом». Так постепенно она добралась с ним до того озера. Между тем умевшая вести себя сообразно месту и времени Мантхарака увидела ворона с сидящей на нем мышью и, подумав: «Кто это?», поспешно

залезла в воду. А Лагхупатанака опустил Хиранью в дупло стоявшего на том берегу дерева, взлетел на кончик ветки и сказал громким голосом: «Эй, Мантхарака, подойди! Я — твой друг, ворон, после долгого времени пришел с тоскующим сердцем. Так подойди и обними меня. Сказано ведь:

К чему сандал и камфора, и снег, нас охлаждающий? |
Не стоят вместе все они частицы [27] друга нашего». (45)

Услышав это и окончательно узнав его, Мантхарака, с поднявшимися на теле волосками и глазами, полными радостных слез, поспешно вышла из воды и, сказав: «Прости мне мою вину. Я не узнала тебя», обняла спустившегося с дерева Лагхупатанаку. И после объятий оба они, с поднявшимися на теле волосками, уселись под деревом и рассказали друг другу о том, что с ними раньше произошло.

А Хиранья, поклонившись Мантхараке, тоже уселась там. Тогда, увидя ее, Мантхарака спросила Лагхупатанаку: «Эй, кто эта мышь и почему ты поднял ее на спину и принес сюда, хотя она служит тебе пищей?» Слыша это, Лагхупатанака сказал: «О! Эта мышь по имени Хиранья — мой друг, и она для меня словно вторая жизнь. К чему много слов?

Подобно каплям дождевым, подобно звездам на небе |
Или пылинкам на земле, неисчислимым никогда, (46)

Бесчисленны достоинства у ней, что благородна так, |
Но мир наш опостылел ей, и вот пришла она к тебе». (47)

Мантхарака спросила: «Какова причина ее равнодушия к миру?» Ворон сказал: «Еще там я спросил ее, но она ответила: «Тут долго рассказывать. Придя туда, я расскажу», и не сказала мне. Так поведай нам сейчас, дорогая Хиранья, причину твоего равнодушия к миру». Хиранья сказала:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

«Есть в южной стране город под названием Прамадаропья. Недалеко от него стоял храм Махешвары [28]. Рядом с ним в келье жил нищенствующий монах по имени Бутакарна [29]. Во время сбора милостыни он наполнял сосуд для подаяний превосходными яствами из того города, содержащими сахарный

песок, патоку и гранаты, маслянистыми, текучими и приятными, а возвратившись в келью, поддерживал, согласно предписанию, свою жизнь, прятал остававшуюся пищу в сосуд для подаяний и вешал его на колышек в стене для приходящих утром слуг. А я жила там вместе с товарищами. Так проходило время. Несмотря на то, что сосуд заботливо вешали на место, я ела оттуда, и монах, которому надоело это, из страха передо мной перевесил его со старого места на новое, более высокое. И все равно я без усилий достигала его и насыщалась. И вот однажды пришел туда гость, аскет, по имени Брихатспхиг [30]. Бутакарна приветствовал его, оказал ему почтительный прием и прогнал его усталость. Вслед за тем ночью оба они улеглись на одно ложе и стали рассказывать благочестивые истории. Между тем Бутакарна, чьи мысли были заняты тем, как бы отогнать мышь, постукивал расщепленным тростником по сосуду для подаяний и дал Брихатспхигу, рассказывавшему благочестивую историю, бессмысленный ответ. Тогда этот гость сильно разгневался и сказал ему: «О Бутакарна! Хорошо я тебя узнал: прошла твоя дружба. Поэтому ты без радости говоришь со мной. Так, несмотря на ночь, я покину твою келью и уйду в другое место. Сказано ведь:

«Иди сюда! Приблизься! Сядь, прошу тебя. ||
Что долго пропадал ты?
Что нового? Ты слаб? Будь счастлив, дорогой! ||
Как рад тебя я видеть!» — |
Кто гостя своего, исполненный любви, ||
такой встречает речью,
К такому человеку входят в дом всегда ||
с спокойною душою. (48)
çardū

И кроме того:

К тому, кто смотрит вбок иль вниз, встречая гостя своего, |
Не вздумай приходить домой, — иль бык ты, хоть лишен рогов. (49)

Где не встают навстречу нам, где нет для нас приятных слов, |
О злом и добром нет речей, — туда нам лучше не входить. (50)

Итак, приобретя одну лишь келью, ты из гордости перестал любить друга и не замечаешь, что твоя жизнь в келье — одна лишь видимость, а на самом деле ты заслужил ад. Сказано ведь:

Коль ум твой в ад тебя влечет — жрецом домашним год пробудь, |
Или еще скорей: три дня над кельей будь начальником. (51)

Глупец! Ты возгордился тем, что следует оплакивать». И, слыша это, Бутакарна с дрожащим от страха сердцем ответил: «О блаженный! Не говори так. Нет у меня другого друга, равного тебе. Так выслушай причину моей невнимательности в разговоре. Эта негодная мышь достигает одним прыжком сосуда для подаяний, несмотря на то, что он находится на высоком месте, и поедает остаток милостыни. Из-за его отсутствия лишенные пропитания слуги не совершают уборки и не выполняют других своих обязанностей. Поэтому, чтобы испугать мышь, я то и дело постукиваю этой тростью по сосуду для подаяний. Нет другой причины. К тому же любопытно, как смогла эта злодейка превзойти в прыжках даже кошек, обезьян и других животных?» Брихатспхиг сказал: «Но известно ли, в каком месте ее нора?» Бутакарна ответил: «О блаженный! Не знаю». Тот сказал: «Несомненно, ее нора находится над кладом. Благодаря жару, исходящему от клада, она, должно быть, и прыгает. Сказано ведь:

От денег исходящий жар приводит нас к величию, |
Но чтоб еще счастливей быть, богатство ближним раздавай. (52)

А также:

Не без причины Ша́ндили дает очищенный сезам |
За неочищенный совсем. Должно быть, это неспроста». (53)

Бутакарна спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Как-то в некотором городе я попросил приюта у одного брахмана, чтобы провести в доме дождливое время года [31]. Тогда брахман предоставил мне приют. Там я жил, занятый почитанием божества и другими делами. И однажды, проснувшись рано утром, я с вниманием стал слушать разговор брахмана с брахманкой. Брахман сказал: «Брахманка! Сегодня утром будет безмерно благодетельное летнее солнцестояние [32]. Поэтому я пойду в деревню принять подношения. А ты в честь солнца должна по силам угостить какого-нибудь брахмана». И услышав это, брахманка ответила, понося его бранными словами: «Откуда ты, бедный брахман, достанешь угощение? Да разве тебе не стыдно так говорить? Ведь:

Не знаю радости с тех пор, как за руку тебя взяла [33], |
Забыла вкусную еду, где о нарядах уж мечтать?» (54)

Слыша это, дваждырожденный, дрожа от страха, с трудом ответил: «Брахманка! Не следует так говорить. Сказано ведь:

Да почему бы не подать желающему полкуска? |
Кто сможет так разбогатеть, чтоб не стремиться к большему? (55)

А также:

Удел, который богачу неисчислимых стоил жертв,
Бедняк добудет за гроши. — Так говорит предание. (56)

Нам облако дает лишь воду,
И все же чтут его за то по всей земле. |
А друг с протянутой рукой [34]
Оставлен нами без вниманья. (57)
ār

Зная это, даже бедняки должны в надлежащее время наделять достойного хотя бы самым малым. Сказано ведь:

Дары, что люди мудрые согласно предписаниям |
Дают достойным вовремя, приносят благо вечное. (58)

А также говорят некоторые:

Желаний всех не подавляй, не будь и жадным чересчур:
На голове у жадного бывает сверху хохолок». (59)

Брахманка спросила: «Как это?» Брахман рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Жил в некоторой стране один пулинда [35]. Отправился он на охоту и встретил в пути кабана, подобного вершине горы Маханджана [36]. И видя его, он натянул до уха тетиву и прочел следующий стих:

Не видит он лук со стрелой натянутый,
Но все равно чует опасность близкую. |

И вижу я, судя по замыслу его,
Что, верно, сам Яма послал его ко мне. (60)

vaṁça

И поразил его острой стрелой. А вепрь, полный ярости, острием клыка, сияющего, как молодой месяц, разорвал живот пулинды, и тот бездыханным упал на землю. И убив охотника, вепрь сам отошел в небытие от боли в ране, нанесенной стрелой. Между тем один близкий к смерти шакал, бродя взад и вперед, подошел к тому месту. И когда он увидел кабана и охотника, обоих отошедших в небытие, то с радостью подумал: «Благосклонна ко мне судьба. Она доставила мне это неожиданное пропитание. И хорошо ведь говорится:

По повелению судьбы без всякого усилья мы |
Вкушаем прежней жизни плод, хороший он или дурной. (61)

А также:

В какое время, где и как, чего бы мы ни делали, |
Все это — и добро и зло — нам принесет свои плоды. (62)

Поэтому я так буду питаться, что много дней у меня будет чем поддерживать жизнь. А пока я возьму в лапы эту тетиву и понемногу стану есть ее с конца. Сказано ведь:

Не надо сразу расточать добра приобретенного, |
Им понемногу пользуйся, как эликсиром мудрецы». (63)

Подумав так, он взял в рот конец лука и начал грызть тетиву. И когда жила была разорвана, конец лука разорвал ему нёбо и вышел из головы, словно хохолок. А он от причиненной этим боли лишился жизни.

[*Окончание рассказа третьего*]

Поэтому я и говорю: Желаний всех не подавляй. . .». И снова сказал: «Брахманка, разве ты не слышала:

Срок жизни, состояние, занятья, знания и смерть |
Предрешены у всех людей еще в утробе матери». (64)

И получив такое наставление, брахманка ответила: «Если так, то у меня дома есть немного сезама. Я помелю его и угощу брахмана сезамовой мукой». Услышав ее слова, брахман отправился в деревню. А она растерла тот сезам в горячей воде и, очистив его, положила на солнцепек. Между тем, пока она занималась домашними делами, какая-то собака помочилась на этот сезам. Увидя это, она подумала: «Ах! Поглядите на коварство отвратившей свой лик судьбы, которая даже этот сезам сделала несъедобным. Возьму-ка я его, пойду в чей-нибудь дом и обменяю очищенный сезам на неочищенный. Ведь всякий даст на таких условиях». И положив его в плетеную корзинку, она стала ходить из дома в дом, говоря: «Эй! Кто возьмет очищенный сезам за неочищенный?» И затем она с сезамом пришла в дом, в который я пришел за милостыней, и повторила прежние слова. Тогда та хозяйка, обрадовавшись, взяла очищенный сезам за неочищенный. И когда это произошло, пришел ее муж. Он спросил ее: «Дорогая, что это?» Она сказала: «Я достала дешевый сезам: очищенный за неочищенный». Тогда, подумав, он спросил: «Кому принадлежит этот сезам?» Тут его сын Камандаки сказал: «Матушке Шандили». Тот сказал: «Дорогая! Она очень хитра и ловка в сделках. Поэтому надо выбросить этот сезам. Не без причины Шандили дает очищенный сезам. . . ».

[*Продолжение рассказа второго*]

Поэтому, несомненно, она способна так прыгать благодаря жару от клада». Сказав это, он снова произнес: «А известно ли ее поведение?» Бутакарна сказал: «Известно, блаженный. Она ведь приходит не одна, а окруженная стаей». Брихатспхиг спросил: «Эй, есть ли какой-нибудь маленький заступ?» Тот ответил: «Конечно, есть. Вот лопатка, вся из железа». Гость сказал: «В таком случае мы с тобой должны проснуться рано утром, чтобы вдвоем пойти по ее следам на полу, загрязненном отпечатками ног». А я, услышав речь этого злодея, подобную удару грома, подумала: «Увы! Я погибла. Ведь его слова звучат решительно. Несомненно, как выведал он про клад, так и разузнает, где мое жилище. Это видно из его намерения. Сказано ведь:

Довольно одного лишь взгляда,
Чтоб мудрый человека разузнал. |
А опытным руки довольно,
Чтоб без весов определить вес в палу [37]. (65)

ār

А также:

Известно будущее нам по одним желаньям,
Как плод поступков, совершенных в рожденье прошлом. |
Еще и признаков хвоста у птенца не сыщешь,
Но виден в нем уж по походке павлин хвостатый. (66)

vasa

Итак, с дрожащим от страха сердцем я свернула с дороги в убежище и вместе со спутниками направилась по другой дороге.

И вот большая кошка, оказавшаяся впереди, увидев перед собой нашу стаю, прыгнула к нам в середину. И уцелевшие от избиения мыши, ругая меня за то, что я пошла по плохой дороге, направились в то убежище, обагряя землю кровью. И хорошо ведь говорится:

Плененная газель все сети разорвав ||
и избежав ловушки,
Без всякого вреда промчавшись через лес, ||
охваченный пожаром, |
И с быстротой от стрел охотников уйдя, ||
упала вдруг в колодец.
Когда сама судьба несчастья нам сулит — ||
усилья бесполезны. (67)

çārdū

И я одна пошла в другое место, остальные же по своей глупости забрались в то убежище. А отшельник, видя, что земля покрыта каплями крови, пришел по этой дороге к убежищу и начал рыть лопаткой. И так, роя, он достиг того клада, над которым я всегда жила и благодаря жару которого я достигала даже труднодостижимых мест. Тогда с обрадованным сердцем гость сказал: «О Бутакарна! Спи теперь спокойно. Благодаря жару этого клада мышь будила тебя». Сказав так и взяв клад, он отправился в келью. А я, когда вернулась туда, не могла даже смотреть на то безрадостное, вызывающее печаль место. И подумала: «Увы! Что мне делать? Куда идти? Как успокоить свое сердце?» Так размышляя, я в большой печали провела этот день.

И когда зашло солнце с тысячами своих лучей, я вместе со спутниками, опечаленная и бессильная, проникла в ту келью. Тогда, услышав, как шумят мои спутники, Бутакарна снова и снова начал постукивать расщепленным тростником по сосуду для подаяний. Тогда тот гость сказал: «Друг! Почему

и сегодня ты не можешь спокойно заснуть?» Тот ответил: «Блаженный! Несомненно пришла негодная мышь со своими спутниками. Из страха перед ней я делаю это». Тогда гость ответил, улыбаясь: «Друг! Не бойся. Вместе с богатством пропала у нее способность прыгать. Таков ведь путь всех существ. Сказано ведь:

Коль силой смертный наделен, коль подчиняет он других |
И речи смелые ведет, знай: от богатства это все». (68)

И услышав это, я, полная гнева, изо всех сил прыгнула к сосуду для подаяний, но, не достигнув его, упала на землю. Тогда, увидев меня, мой враг сказал Бутакарне: «Друг! Гляди, гляди на это удивительное зрелище! Сказано ведь:

Всегда богатые сильны и за ученость славятся. |
Гляди: слаба без клада мышь, как все ее сородичи. (69)

И хорошо ведь говорится:

Змей без зубов — уже не змей, и слон без мускуса[38] — не слон. |
Так и богатства кто лишен, лишь по названью — человек». (70)

Слыша это, я подумала: «Увы! Правду сказал мой враг. Ведь нет у меня теперь сил прыгнуть и на длину пальца. Будь она проклята, жизнь человека, лишенного богатства! Сказано ведь:

Кто в бедности проводит дни и слаб к тому же разумом, |
Дела все гибнут у того, как гибнут летом ручейки. (71)

«Ячмень вороний» — не ячмень, и не сезам — «лесной сезам»[39]. |
Так и бедняк, подобно им, — лишь по названью человек. (72)

Пусть добродетелен бедняк — его заслуги не видны. |
Богатство лишь осветит их, как солнце освещает мир. (73)

Не так страдает на земле всю жизнь проведший в бедности, |
Как разорившийся богач, привыкший к изобилию. (74)

Лишь только поднимаются желанья в сердце бедняка, |
Бессильно сразу падают, как груди старые вдовы. (75)

Пусть перед нами в ясный день стоит достойнейший бедняк, |
Не замечаем мы его, окутанного тьмой нужды». (76)

Так горюя, лишившись сил и видя, что клад мой сделали подушкой, я пошла утром в свое убежище.

И тогда слуги мои, сойдясь, стали все говорить: «Эй! Не может она наполнить наши желудки. Следуя за ней по пятам, мы только станем жертвами кошек и подвергнемся другим несчастьям. К чему тогда ее милость? Сказано ведь:

Когда одни лишь бедствия приносит слугам господин, |
Пусть избегают все его, а воины — тем более». (77)

И услышав по дороге их слова, я забралась в убежище. Когда же никто из спутников не вошел вместе со мной из-за отсутствия клада, я стала размышлять: «Увы! Будь проклята эта бедность! И хорошо ведь говорится:

Коль беден человек, то из родных никто ||
его не станет слушать.
Вся добродетель, как луна, теряет блеск, ||
и сломлена гордыня, |
Несчастие одно приходит за другим, ||
товарищи уходят,
И стоит лишь кому проступок совершить — ||
за все он отвечает. (78)
çārdū

Коль человек, гнев у Крита́нты вызвавший,
В пучину бед будет низвергнут тягостных, |
Врагами все станут его приятели
И даже друг старый покинет бедного. (79)
vaṁça

А также:

Без друга в сердце пусто,
А без детей пустынно в твоем доме. |
Страна пуста для глупых,
Для бедняка пустынно все. (80)
ār

Да ведь:

Пускай и чувства неизменны, и то же имя,
И тот же ум неповрежденный, и те же речи, |
Но если вдруг блеска богатства лишится смертный,
Совсем другим станет тогда. Непонятно это! (81)

vasa

К чему же подобным мне богатство, приносящее такие плоды? Да лучше уж, лишившись добра, я поселюсь теперь в лесу. Ведь сказано:

Живи лишь там, где чтут тебя, а где тебе почета нет, |
Беги оттуда, будь хоть ты на колеснице средь богов. (82)

Уж лучше бедствия терпеть, храня достоинство свое, |
Чем наслаждения вкушать, бесчестьем оскверненные». (83)

И затем я подумала: «Смерти подобно горе нищеты. Ведь:

Изгрызли черви дерево, и опалил его огонь, |
Скривился ствол его, и все ж оно счастливей бедняка. (84)

И также:

Потеря разума, обитель многих бед ||
и тщетных размышлений,
Синоним слова «смерть», пристанище тоски, ||
забот бездонный кладезь, |
Ничтожество само, убежище невзгод, ||
утрата блеска славы —
Для мудрых — нищета. В ней с адом никакой ||
я разницы не вижу. (85)

çārd

А также:

Рождает бедность стыд; охваченный стыдом, ||
свой блеск теряет смертный,
Без блеска — униженье, а из-за него ||
он устает от мира; |

Уставшего от мира мучает тоска, ||
тоска рассудок губит,
Безумца ж гибель ждет. Увы! Нужда в деньгах — ||
начало всех несчастий. (86)

çārdū

И кроме того:

Уж лучше, выпив яд, || навек уснуть ||
у Смерти в обители,
Иль руки положить || в ужасный рот ||
змеи, полной ярости, |
Или с крутой горы || сорваться вниз, ||
разбившися вдребезги,
Чем радости вкушать, || нажив добро ||
путями порочными. (87)

hari

И еще:

Пусть лучше бросится в огонь бедняк, лишившийся добра, |
Чем станет помощи просить у бессердечного скупца. (88)

Уж лучше со зверьми бродить среди непроходимых гор, |
Чем слово жалобное «дай» печальным голосом твердить. (89)

И как же еще можно жить при таких обстоятельствах? Что пользы воровать? Поступать так — еще хуже, от того что присваивается чужое. Ведь:

Уж лучше век молчать, || чем речи лживые вести бесстыдно,
Уж лучше быть скопцом, || чем с похотью к чужой жене стремиться, |
Уж лучше умереть, || чем наслаждаться клеветой на ближних,
Уж лучше нищим быть, || чем забирать себе добро чужое. (90)

çikha

Но, может быть, мне насыщаться чужой едой? Горе мне! О горе! И это подобно вратам смерти. Сказано ведь:

Кто болен, на чужбине,
Чужую пищу ест и в доме спит чужом, |

Подобна смерти жизнь того,
А смерть ему покой приносит. (91)

ār

Поэтому я непременно верну себе клад, который похитил Брихатспхиг. Ведь я видела ларец с кладом рядом с подушкой этих злодеев. Пусть уж лучше я погибну, унося свое добро! Ведь:

Коль кражу своего добра безмолвно терпит жалкий трус, |
Не примут предки от него пригóршни жертвенной воды». (92)

Поразмыслив так, я направилась туда, когда им овладел сон. Но лишь проделала я в ларце отверстие, как тот отшельник проснулся и ударил меня по голове расщепленной тростью. И я едва избежала гибели, потому что мне суждено было остаться в живых. Ведь:

Что суждено, то и получит смертный,
Сам бог ему препятствовать не в силах. |
Вот я и не дивлюсь, и не печалюсь:
Что нам дано, не перейдет к другому». (93)

upa

Ворон и черепаха спросили: «Как это?» Мышь рассказала:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

«Жил в одном городе купец по имени Сагарадатта [40]. Сын его достал книгу, купив ее за сто рупий [41]. И в ней было написано:

«Что суждено, то и получит смертный».

Увидев ее, Сагарадатта спросил сына: «Мальчик, за какую цену ты достал эту книгу?» Тот ответил: «За сто рупий». Услышав это, Сагарадатта сказал: «Тьфу! Дурак ты, что за сто рупий достал книгу, в которой написана лишь часть стиха. Как ты наживешь богатство с таким разумом? Не смей входить в мой дом с сегодняшнего дня». Так отругав, он прогнал его из дома.

А тот с печалью отправился в другую отдаленную страну и, достигнув одного города, остановился в нем. И через несколько дней какой-то горожанин спросил его: «Откуда ты пришел? Как тебя звать?» Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Затем, спрошенный другим, он ответил то же самое. И когда кто-нибудь спрашивал его, он давал один и тот же ответ. Так и сделался он известен под именем «Что суждено» [42].

И вот однажды царская дочь по имени Чандрамати [43], наделенная красотой ранней юности, в сопровождении подруги осматривала город. И по воле судьбы ей попался там на глаза некий царевич, наделенный необычайной красотой и прелестью. И только она увидела его, как, пораженная стрелой Кусумабаны [44], сказала подруге: «Дорогая! Постарайся сегодня же сделать так, чтобы я с ним встретилась». Услышав это, подруга быстро подошла к тому и сказала: «Меня послала к тебе Чандрамати. Она говорит тебе: «В самое тяжелое состояние поверг меня Манобхава [45] от того, что я тебя увидела. Поэтому, если ты быстро не придешь ко мне, я погибла». Услышав это, он ответил: «Если необходимо мне идти туда, скажи, каким способом следует проникнуть?» Тогда подруга сказала: «Ты должен подняться туда ночью по крепкому ремню, спускающемуся с крыши дворца». Он сказал: «Если таково твое решение, я так и сделаю». Порешив так, подруга пошла к Чандрамати. Когда же настала ночь, этот царевич подумал про себя:

«С женою друга согрешить, хозяина или слуги,
Иль с дочерью учителя — что у брахмана жизнь отнять. (94)

Кроме того:

Не надо совершать того, что навлечет на нас позор, |
Дорогой ада поведет и цели жизненной лишит». (95)

Так правильно рассудив, он не пошел к ней. Между тем «Что суждено», бродя ночью, увидел ремень, висящий около дворца, и с сердцем, полным любопытства, ухватился за него и поднялся наверх. А та царская дочь подумала доверчиво: «Это — он», почтила его омовением, едой, питьем, одеждами и другими знаками внимания, взошла с ним на ложе и, в то время как волоски на ее теле поднялись от блаженства прикосновения к нему,

сказала: «Полюбив тебя с одного лишь взгляда, я отдалась тебе. Даже в мыслях не будет у меня другого супруга. Почему же, зная это, ты не разговариваешь со мной?» Тот сказал:

«Что суждено, то и получит смертный».

И услышав это, она с остановившимся сердцем быстро спустила его вниз по ремню. А он пошел и лег спать в разрушенном храме. Между тем начальник стражи назначил там свидание с одной распутницей и, придя, увидел его, еще раньше заснувшего там. Тогда он спросил, чтобы сохранить тайну: «Кто ты?» Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Услышав это, начальник стражи сказал: «Этот храм пуст. Поэтому иди и спи в моей постели». Тот согласился с ним, но по ошибке лег спать в другую постель. Между тем у этого начальника стражи была взрослая дочь по имени Винаявати [46], наделенная красотой молодости; она была влюблена в одного человека и, назначив ему свидание, спала на этой постели. Тогда, видя, что тот пришел, она, обманутая густым мраком ночи, подумала: «Это — он, мой любимый», поднялась и вышла за него замуж по обряду гандхарвов. И находясь с ним в постели, она, чьи глаза и лицо уподобились распустившимся лотосам, спросила его: «Почему даже теперь ты не говоришь доверчиво со мной?» Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Услышав это, она подумала: «Подобные плоды приносит неосмотрительно выполненное дело». С такими мыслями, обеспокоенная, она отругала и прогнала его.

И когда тот пошел по улице, ему вышел навстречу под шумные звуки музыки жених по имени Варакирти [47], родом из другой страны. Тогда «Что суждено» стал идти вместе с ним. И когда при наступлении благоприятного сочетания созвездий [48] дочь купца в приносящих счастье праздничных одеждах стояла у снабженных беседкой и алтарем дверей купеческого дома, расположенного на главной улице [49], пьяный от страсти слон, убивший наездника и убежавший под беспокойные крики людей, пугая народ, достиг того места. Увидя его, все спутники жениха вместе с женихом разбежались в разные

стороны. И в этот момент, видя оставленную одну девушку с тревожными от страха глазами, «Что суждено» смело стал ободрять ее , говоря: «Не бойся. Я — твой защитник», и взял ее за руку правой рукой, угрожая слону дерзкими словами. Итак, когда по воле судьбы слон удалился и Варакирти вместе с друзьями и родственниками вернулся, пропустив благоприятное сочетание созвездий, девушка стояла, взятая за руку другим. Видя это, Варакирти сказал: «Эй, свекор! Неправильно поступил ты, выдав обещанную мне дочь за другого». Тот ответил: «Да ведь я сам убежал, испугавшись слона, вернулся вместе с вами и не знаю, что тут произошло». Сказав так, он стал спрашивать дочь: «Дитя! Нехорошо ты поступила. Так расскажи, что тут произошло». Та ответила: «Он спас меня от смертельной опасности. Поэтому, пока я жива, никто, кроме него, не возьмет моей руки». Так в этом удивительном событии прошла ночь.

И утром, когда собралось много народу, царская дочь услыхала об этом удивительном событии и пришла к тому месту. Также и дочь начальника стражи, узнав об этом по слухам, пришла туда. Вслед за тем и сам царь, услышав о большом сборище народа, пришел туда и спросил «Что суждено»: «Расскажи без утайки, что тут произошло». Тот ответил:

«Что суждено, то и получит смертный».

Тогда царская дочь, вспомнив, сказала:

«Сам бог ему препятствовать не в силах».

Затем дочь начальника стражи сказала:

«Вот я и не дивлюсь, и не печалюсь».

И слыша все это, дочь купца сказала:

«Что нам дано, не перейдет к другому».

Тогда царь даровал им всем безопасность, подробно расспросил о происшедшем и узнав суть дела, с большим почетом отдал ему свою дочь вместе с тысячей деревень и, подумав: «Нет у меня сына», помазал его в наследники престола. И тот жил в счастье со своей семьей, наслаждаясь многочисленными радостями.

Поэтому я и говорю: «Что суждено, то и получит смертный...». И снова Хиранья сказала: «Подумав так, я избавилась от ослепления деньгами. Право же хорошо говорится:

Не глаз, а знанье видит.
Не предки — признак благородства, — добрый нрав. |
В борьбе с пороком — мудрость.
Кто всем доволен, тот один богат. (96)

ār

Также:

Всегда удача у того, в чьем сердце недовольства нет. |
Так для обутого земля всегда покрыта кожею. (97)

И сотня йоджан нипочем тому, кто жаждою гоним. |
А кто доволен участью, добра не видит под рукой. (98)

Богиня жажды [50] славная! Ты губишь осмотрительность. |
Владыку Вишну самого ты превратила в карлика [51]. (99).

Ничто не трудно для тебя, владычица бесчестия! |
Толкаешь даже мудрых ты в объятья наслаждения. (100)

Невыносимое я нес и речи тягостные вел, |
И у дверей чужих стоял. О если б жажда стихнула! (101)

И еще:

Питьем зловонным жажду || я утолял, несчастный, ||
спал на тернистом ложе,
Друзей своих покинул, || чтоб не болел живот мой, ||
пред всеми унижался, |
Пешком бродил подолгу, || и переплыл я море, ||
нес черепок разбитый.
О Жажда, что же делать || еще ты мне прикажешь? ||
Скажи скорей, злодейка. (102)

srag

Пускай разумны речи,
Никто не станет слушать бедняка. |
Пусть речь груба и бесполезна,
Всегда внимают богачу. (103)

ār

Везде почет для богача, пусть даже низок родом он. |
И всюду гонят бедняка, пусть, как луна, он родовит. (104)

Пусть позади осталась юность,
Но все равно всегда богатый молод. |
Кто ж не имеет денег,
Тот даже в юности — старик. (105)

ār

От бедняка друзья его уходят,
И дети, и жена, и все родные. |
Но чуть разбогатеет, — все вернутся.
Богатство — лучший друг наш в этом мире. (106)

upa

И когда, поразмыслив так, я отправилась в свое жилище, ко мне в то же мгновение пришел Лагхупатанака и предложил переселиться сюда. Так вместе с ним я пришла к тебе.

Вот я и поведала вам причину своей печали. И хорошо ведь говорится:

У змей, слонов и антилоп, богов, асуров и людей — |
У всех к полудню в трех мирах должна быть трапеза своя. (107)

Завоевал ли ты весь мир или от бедствий изнемог, |
Коль наступило время есть, пригоршню[52] риса надо взять. (108)

Но разве мудрый человек захочет ради этого |
Дурной поступок совершить, несущий беды тяжкие?» (109)

И слыша это, Мантхарака стала успокаивать ее: «Дорогая! Не следует проявлять слабость, если ты покинула свою родину. Зачем же, несмотря на свой разум, ты заблуждаешься, занимаясь недостойным делом? Ведь:

Глупца учить наукам бесполезно,
Лишь умный применить сумеет знанья. |
Да разве сможет стать больной здоровым,
Когда лишь назовут ему лекарство? (110)

indra

Для храброго — одно: родная сторона ||
и дальняя чужбина,
Куда бы ни пошел, там власть добудет он ||
своею дланью мощной. |
Так лев приходит в лес, и всем внушая страх ||
клыками и когтями,
В крови царя слонов, убитого в бою, ||
он жажду утоляет (111)

çārdū

Поэтому, дорогая, надо всегда проявлять величайшее усердие. Куда уйдут тогда деньги и наслаждения? Ведь:

Как манит птицу полный пруд или лягушку водоем, |
Так привлекает рвение богатства и друзей к себе. (112)

А также:

Кто тверд в делах, кто никогда не медлит,
Кто просвещен, свободен от пороков, |
Кто верный друг, герой, кто благодарен, —
К тому сама идет богиня Ла́кшми[53]. (113)

upa

А также:

К правдивым, щедрым, постоянным людям,
Героям, смелым, мудрым, изворотливым |
Коль Шри[54] не будет благосклонна,
То значит в заблуждении она. (114)

ār

И еще:

Кто нерешителен, кто робок,
Бездеятелен кто, покорен кто судьбе — |
Все ненавистны они Лакшми,
Как старый муж жене цветущей. (115)

ār

Когда в тебе отсутствует решимость,
И малой пользы не приносят знанья. |
Что толку для слепого в свете лампы,
Пусть он хоть на ладонь ее поставит. (116)

upa

Даятель сам начнет просить, убийцу немощный убьет, |
И нищий станет богачем, коль переменится судьба. (117)

И ты не должна думать:

В зубах, ногтях и волосах, и людях — пользы никакой,
Когда они не на местах. . .

Ведь это трусы считают, что:

. . . нельзя уйти со старых мест. (118)

А для мужественных нет никакой разницы между своей страной и чужбиной. Сказано ведь:

Герои, и ученые, и женщины прекрасные |
В какое б место ни пришли, везде найдут себе приют. (119)

Если потрудился умный человек,
Ждет всегда успех его и богатство ждет. |
Не пройдут усилья даром у того,
Кто умом Бриха́спати равен самому. (120)

apa

Поэтому, если ты и лишена богатства, то зато наделена знанием и отвагой и не похожа на обыкновенных людей. Ведь:

Пусть беден человек, || коль он отважен — будет жить в почете,
Пусть он богаче всех, || но коль труслив — презренье всюду встретит.
Как сможет жалкий пес, || пусть золотой одет на нем ошейник,
Затмить сияньем льва, || достойного и полного величья. (121)

çikha

И также:

Кто блещет мужеством, решителен, полон силы,
Кто в океане видит лужицу небольшую, |
А в Гималаях [55] — незначительный муравейник, —
К таким лишь людям благосклонна богиня Лакшми. (122)

vasa

И еще:

Не слишком Меру [56] высока, и не глубок бездонный ад, |
Не слишком море широко для всех людей решительных. (123)

Также:

К чему гордишься ты богатством?
К чему печалишься, когда оно уходит? |
Ведь словно мячик, брошенный рукой,
Летим мы все то вверх, то вниз. (124)

ār

И во всяком случае, словно пузыри на воде, недолговечны богатство и юность. Ведь:

Любовь злодея, тени туч, побеги свежей зелени, |
Богатство, юность, женщины недолго услаждают нас. (125)

Поэтому, приобретя преходящее богатство, разумный должен с пользой истратить его на подаяния и наслаждения. Сказано ведь:

Добро, приобретенное несчетными усильями, |
На подаянья пусть идет, иль горе принесет оно. (126)

И еще:

Кто денег ближним не дает
И сам не тратит, — у того богатства нет. |
Как дева в доме у отца,
Оно чужого ждет владельца. (127)

ār

А также:

Кто хочет лишь копить добро, тот для другого трудится. |
Одними собран сладкий мед, другими — выпивается. (128)

И как бы то ни было, все здесь решает судьба. Ведь сказано:

Иль в бою, || людям смерть несущим, или до́ма,
Иль в огне, || иль в пещере горной, в океане, |
Иль средь змей — || всюду люди жить должны спокойно:
Что нас ждет, || то случится с нами неизбежно. (129)
praha

Поэтому лучшее достояние — это то, что ты здорова и удовлетворена. Сказано ведь:

Тот, в чьих руках семь островов[57], считаться должен бедняком, |
Коль жадностью охвачен он. Кто всем доволен — тот лишь царь. (130)

А также:

Что может быть ценнее подаянья?
Лишенного желаний кто богаче? |
Какой наряд сравнится с благородством?
Где есть добыча, равная здоровью? (131)
upa

И не следует так думать: «Как стану я существовать, лишившись имущества?» Ведь богатство непрочно, а мужество постоянно. Сказано ведь:

Когда случается упасть, отважный падает, как мяч, |
А жалкий трус, как глины ком, всегда бессильно падает. (132)

К чему много слов? Выслушай суть дела: Одни люди вкушают здесь наслаждение от денег, другие стерегут деньги. А также сказано:

Приобретя богатство, он им насладиться не сумел, |
Как глупый ткач Соми́лака, забравшийся в дремучий лес». (133)

Хиранья спросила: «Как это?» Мантхарака рассказала:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

«Жил в одном городе ткач по имени Сомилака. Он изготовлял разнообразные красивые одежды, пригодные для царских слуг, однако никак не мог заработать больше денег, чем нужно было на пищу и одежду. И видя, что другие ткачи, делающие грубые одежды, наделены большими богатствами, он сказал жене: «Дорогая! Посмотри, какое множество богатств приобрели эти выделыватели грубых тканей. Поэтому не могу я выносить этого города и пойду в другое место». Его жена сказала: «О дорогой! Напрасно говорят, что ушедшим в другое место достаются деньги. Сказано ведь:

Что суждено, то и случится,
А что не суждено — к тому ты не стремись. |
Из самых рук добыча ускользает
У тех, кому она не суждена [58]. (134)

ār

И еще:

Как среди тысячи коров всегда найдет теленок мать, |
Так дело совершенное за совершившим следует. (135)

И также:

Как тень и свет между собой нерасторжимо связаны, |
Так дело и творец его друг с другом связаны всегда. (136)

Поэтому оставайся здесь и занимайся своим трудом». Он сказал: «Дорогая! Неправильно ты сказала. Дело не приносит плодов, если нет решительности. Сказано ведь:

Не может как одной рукой в ладоши хлопать человек, |
Так, если нет усердия, бесплодны все его дела. (137)

А также:

Работою усердною себе мы пищу достаем, |
Ведь без усилья наших рук ничто нам в рот не попадет. (138)

И также:

Чтоб цель осуществить свою, нужны дела, а не мечты. |
Когда в безделье дремлет лев, не влезет в пасть ему газель. (139)

И еще:

Кто трудится по мере сил, и все ж бесплоден труд его, |
Того не надо порицать: уж, видно, такова судьба. (140)

Поэтому я непременно пойду в другую страну». Сказав так, он пошел в город Вардхаману[59]. Там он пробыл три года, заработал триста золотых монет и снова отправился к себе домой.

И вот на половине пути, когда он шел по большому лесу, блаженное солнце зашло. Тогда, боясь за себя, он забрался на крепкий сук смоковницы и, когда уснул, то услышал в полночь сквозь сон разговор двух людей с красными от гнева глазами. И вот один сказал: «Эй, Картар! [60] Много раз говорили тебе, что этот Сомилака не должен иметь имущества сверх пищи и одежды. Поэтому ты никогда не должен наделять его. Зачем же ты дал ему триста золотых монет?» Тот сказал: «О Ка́рман! Непременно должен я наделять усердных соответствующим их усердию плодом. А исход зависит от тебя. Так унеси это!» Когда, услышав их, ткач проснулся и заглянул в узелок с золотом, то увидел его пустым и подумал: «Увы! С таким трудом приобрел я добро и потерял его в одно мгновение. Как явлюсь я после напрасных трудов нищим перед женой и друзьями?» Решив так, он снова пошел в город Вардхаману. И всего за год он добыл там пятьсот золотых монет и снова отправился домой по другой дороге.

И когда зашло солнце, он достиг той же самой смоковницы. Тогда он подумал: «Горе! Увы! Горе! Что предпринял я, гонимый судьбой? Снова пришел я к этому ракшасе [61] в образе смоковницы!» И он хотел лечь спать на ее ветви, когда увидел тех же двух людей. Один из них сказал: «Картар! Зачем дал ты этому Сомилаке пятьсот золотых монет! Разве ты не знаешь, что он не должен иметь ничего сверх пищи и одежды!» Тот сказал: «О Ка́рман! Непременно должен я наделять усердных. А исход зависит от тебя. Зачем же ты порицаешь меня»? Услышав это, Сомилака стал искать в узелке и увидел, что тот пуст. Тогда, охваченный великим отвращением к миру, он подумал: «Увы! К чему мне жить, лишившись имущества? Поэтому я повешусь на этой смоковнице и расстанусь с жизнью».

Решив так, он сделал веревку из травы дарбха [62], надел петлю на шею, влез на ветку и, привязав веревку, собрался броситься вниз, когда некий человек, находящийся в воздухе, сказал: «Эй, Сомилака! Не поступай так опрометчиво. Ведь это я похитил добро и не потерплю, чтобы у тебя была хоть ракушка [63] сверх пищи и одежды. Поэтому иди домой. Все же не напрасно ты увидел меня. Попроси поэтому желанный дар». Сомилака сказал: «Если так, даруй мне большое богатство». Тот ответил: «Дорогой! Что ты сделаешь с деньгами, не идущими на наслаждения и подаяния? Ведь нет у тебя наслаждений сверх пищи и одежды». Сомилака сказал: «Если даже не дано мне наслажденье, пусть все равно будут деньги. Сказано ведь:

Пусть безобразен человек, пусть родом низок он своим, |
Коль есть богатство у него, всегда почтенье он внушит. (141)

А также:

Хоть вяло оба свесились, да, видно, крепко держатся: |
Не знаю, упадут иль нет, но уж пятнадцать лет слежу». (142)

Человек спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

«Жил в одном городе бык по имени Праламбавришана [64]. От избытка семени он покинул стадо и стал бродить в лесу, разрывая рогами берега реки и вволю поедая кончики травы, подобные смарагдам. А в том лесу жил шакал по имени Пралобхика [65]. Как-то раз он беззаботно сидел с женой на берегу реки. В это время бык Праламбавришана спустился к тому берегу испить воды. И видя у него пару свисающих ядер, шакалка сказала шакалу: «Посмотри, господин, как висят у этого быка два комка мяса. Ведь через мгновенье или часа через три они упадут. Зная это, ты должен следовать за ним по пятам». Шакал сказал: «Дорогая! Неизвестно, упадут они когда-нибудь или нет. Зачем же ты поручаешь мне напрасную работу. Сидя здесь, мы с тобой будем поедать мышей, приходящих за водой. Ведь тут их дорога. Если же, напротив, я последую за ним, кто-нибудь другой придет сюда и займет место. Поэтому не следует так поступать. Сказано ведь:

Оставив дело верное, кто гонится за призрачным, |
Лишится верной прибыли, напрасно время потеряв». (143)

Та сказала: «Эх, ты, трус! Достигнув малого, ты уже доволен. Неправильно это. Человек всегда должен прилагать особенное усердие. Сказано ведь:

Где действуют с усердием, где нет безделья никогда, |
Где ум с отвагой заодно, там счастье обеспечено. (144)

А также:

Не прекращай трудов своих при мысли: «Все в руках судьбы». |
Ведь даже масло без труда не выжмешь из сезама ты. (145)

И если ты говоришь: «Упадут они или нет?», так и это неправильно. Сказано ведь:

Кто наделен решимостью, достоин быть прославленным.
Чата́ке [66], птичке крохотной, сам Индра воду подает. (146)

Кроме того, мне так надоело мышиное мясо. А эти комки мяса, по-видимому, скоро упадут. Поэтому ни в коем случае не следует поступать иначе». И слыша это, он оставил место, где ловил мышей, и пошел следом за Праламбавришаной. Хорошо ведь говорится:

До тех лишь пор бываем мы хозяевами дел своих, |
Пока стрекало женских слов нам в уши не вонзается. (147)

А также:

Считает добрым делом грех, доступным — недоступное, |
Съедобным — несъедобное кто женской речью завлечен. (148)

Так, следуя с женой за ним по пятам, он провел много времени. А те все не падали. И когда пошел пятнадцатый год, он с отчаянием сказал жене:

«Хоть вяло оба свесились, да видно, крепко держатся:
Не знаю, упадут иль нет, но уж пятнадцать лет слежу. (149)

Поэтому не упадут они и в будущем. Пойдем-ка туда, на дорогу, где есть мыши».

Поэтому я и говорю: «Хоть вяло оба свесились. . .». Ведь каждый богатый человек бывает предметом зависти. Так дай мне большое богатство». Человек сказал: «Если так, снова иди в город Вардхаману. Живут там два купеческих сына: Дханагупта и Бхуктадхана [67]. Узнай их поведение и избери себе образ жизни одного из них». Сказав это, он скрылся из виду. А Сомилака, с сердцем, полным изумления, снова пошел в город Вардхаману.

И к вечеру, утомленный, он спросил, где дом Дханагупты, с трудом отыскал его и вошел. Затем, несмотря на брань жены, детей и других домочадцев Дханагупты, он вошел во двор дома и уселся там. Когда настало время еды, он получил пищу, поданную без любви, и там же уснул. И вот ночью он увидел, как совещаются те же два человека. Один сказал: «Эй, Картар! Почему ты вызвал на лишний расход этого Дханагупту, когда он дал поесть Сомилаке? Неправильно ты поступил». Второй ответил: «О Ка́рман! Не моя это вина. Я должен посылать добычу и принуждать к расходам. А исход зависит от тебя». И когда он встал, Дханагупте, мучающемуся несварением желудка, пришлось на следующий день поститься.

Тогда, выйдя из этого дома, Сомилака пришел в дом Бхуктадханы. Тот оказал ему большой почет, встав с места, накормив, одарив его одеждами и проявив другие знаки внимания, и он заснул в его доме на удобной постели. И ночью он увидел, как те же двое людей совещаются друг с другом. Один сказал: «Эй, Картар! Сегодня этот Бхуктадхана сделал большие расходы, угостив Сомилаку. Как же он отдаст свой долг? Ведь все это он принес из дома ростовщика». Тот сказал: «О Ка́рман! Это должен был совершить я. А исход зависит от тебя». И наутро явился один из царских слуг, неся деньги — знак царской милости, и передал все Бхуктадхане.

Видя это, Сомилака подумал: «Этот Бхуктадхана, хоть и лишен богатства, лучше того жадного Гуптадханы. Сказано ведь:

Плод знаний — жизнь достойная, Вед [68] — возжигание огня,
Жена даст ласки и детей, даянье с тратой — денег плод. (150)

Пусть же блаженный Видхатар [69] сделает меня раздающим богатство и наслаждающимся им (Бхуктадханой). Не следует мне быть прячущим богатство (Дханагуптой)». И вслед за этими словами Видхатар сделал его таким.

Поэтому я и говорю: «Приобретя богатство, он. . .». И вот, зная это, дорогая Хиранья, ты не должна печалиться из-за богатства. Сказано ведь:

Сердца достойных в радости нежны, как лотоса цветок, |
И, как скала, тверды они, когда наступят бедствия. (151)

И также:

Коль должны || мы разбогатеть по воле рока,
Деньги нас || разыскать сумеют и в постели. |
А когда || не дано судьбой нам жить в довольстве,
Весь наш труд || неизбежно даром пропадает. (152)

praha

И еще:

К чему задумываться нам?
Что пользы глубоко таить в сердцах печаль? |
Судьба поступит с каждым так,
Как у него написано на лбу. (153)

ār

А также:

Из дальней части света,
С краев вселенной и из глубины морской |
Доставит все желанное судьба,
Коль суждено твоим исполниться мечтам. (154)

ār

И еще:

Разъединенное соединяет,
А то, что соединено, разъединяет он. |
И в голову придти не может людям,
Какие вещи сочетает рок. (155)

ār

Всегда несчастье тяжкое приходит неожиданно, |
И так же радость к нам идет. К чему заботы и печаль? (156)

И еще:

Добиться хочет своего разумный, стойкий человек, |
Но по-другому это всё решают прежние дела[70]. (157)

Судьбою белым сделан гусь, зеленым сделан попугай, |
А все павлины — пестрыми. В руках судьбы и наша жизнь. (158)

И хорошо ведь говорится:

В корзине съежилась голодная змея, ||
оставив все надежды,
Как вдруг, дыру проделав в той корзине, мышь ||
сама ей в рот упала. |
И голод утолив, поспешно уползла ||
она через отверстье.
Так будем выносить спокойно свой удел — ||
над всем судьба лишь властна. (159)

çārdū

Подумав об этом, следует размышлять о высшем благе. А также сказано:

Каждый день || с радостными мыслями должны мы
Плоть смирять, || пусть хоть небольшой обет давая. |
Ведь судьба || каждый миг уносит наши жизни,
Как бы мы || ни старались этого избегнуть. (160)

praha

Поэтому удовлетворенность всегда является высшим благом.

Как может жадный до богатств, то здесь, то там хлопочущий, |
Вкушать покой в своей душе — удел свободных от страстей. (161)

И еще:

Терпенья строже нет поста, нет счастья выше, чем покой, |
Нет дара, дружбе равного, нет свойства выше жалости. (162)

К чему много слов. Здесь — твое жилище. Спокойно и без тревог ты должна проводить время в дружбе со мной». И слыша эту речь Мантхараки, согласную с ученьем многих книг, сияющий Лагхупатанака сказал, полный радости: «Дорогая Мантхарака! Ты обладаешь прекрасными достоинствами, на которые можно положиться. Высшая радость возникла в моем сердце от того, что ты дружески приняла Хиранью. Сказано ведь:

Лишь тот вкушает высшее блаженство,
Лишь тот ведет достойный образ жизни, |
Кто, радуясь, вокруг счастливых видит,
Любя друзей и сам любим друзьями. (163)

upa

И еще:

Даже владыки беднякам подобны,
Усилья тщетны их и жизнь бесплодна, |
Когда с душой, охваченной корыстью,
Они не украшают власти дружбой. (164)

upa

Так, погруженная в море бедствий, она спасена тобой благодаря этим полезным наставлениям. И так и должно быть:

Достойных в тяжких бедствиях одни достойные спасут. |
Слонов, завязнувших в грязи, слоны лишь могут вытащить. (165)

И кроме того:

Тогда лишь похвалы достойны люди,
Тогда лишь долг свой до конца исполнят, |
Когда бедняк иль ищущий защиты
От них не отвернется безнадежно. (166)

indra

Хорошо ведь говорится:

К чему отвага без защиты слабых?
К чему богатство без поддержки бедных? |
К чему нам труд, с грехом соединенный?
К чему нам жизнь, ведущая к позору?» (167)

indra

И пока они так беседовали, газель по имени Читранга [71] с сердцем, дрожащим от летящих вслед за ней стрел охотника, и томимая жаждой, приблизилась к тому месту. И видя, как она подходит, Лагхупатанака взлетел на дерево, Хиранья забралась в тростник, а Матхарака нашла убежище в воде. Между тем Читранга, боясь за себя, остановилась неподалеку от

берега. Тогда Лагхупатанака, взлетев вверх, осмотрел местность на йоджану в окружности, снова опустился на дерево и позвал Мантхараку: «Выходи, выходи, дорогая Мантхарака! Здесь не видно никакой опасности для тебя. Я хорошо осмотрел этот лес. Тут только эта газель, пришедшая к озеру за водой». Вслед за этими словами они снова собрались втроем. Тогда расположенная к гостю Мантхарака сказала той газели: «Дорогая! Напейся и выкупайся. Вода здесь превосходна и прохладна». И поразмыслив над этими словами, Читранга подумала: «Ни малейшая опасность не грозит мне с их стороны. Ведь черепаха сильна, когда она в воде, а мышь и ворон питаются мертвечиной. Поэтому я подойду к ним». Подумав так, она приблизилась к ним. А Мантхарака со свидетельствами уважения почтительно приветствовала Читрангу и сказала ей: «Хорошо ли тебе? Расскажи нам, как ты забралась в эту лесную чащу». Тогда та сказала: «Надоело мне бродить так против своего желания. Теснимая отовсюду всадниками на конях, псами и охотниками, напуганная, я с великой быстротой оставила их всех позади и пришла сюда за водой. Поэтому мне хочется заключить с вами дружбу». Услышав это, Мантхарака сказала: «Мы невелики телом. Не годится тебе вступать с нами в дружбу. Ведь дружить следует с тем, кто способен оказать помощь». Услышав это, Читранга сказала:

«Пусть лучше вместе с мудрыми сойду я в преисподнюю, |
Чем среди низких буду жить в дворце Суре́ндры [72] самого. (168)

И зачем упрекать самого себя, говоря: «Невелик телом или велик телом»? Однако говорить такие речи приличествует достойным. Поэтому мне необходимо теперь заключить с вами дружбу. И ведь говорят:

Полезны сильные друзья, но и от слабых польза есть: |
Слоны, плененные в лесу, мышами были спасены». (169)

Мантхарака спросила: «Как это?» Читранга рассказала:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

«Есть на земле одно место, где люди, дома и храмы были уничтожены. Издавна там жили мыши, которые вместе с рождавшимися у них сыновьями, детьми сыновей, детьми дочерей и другими потомками населяли отверстия в постройках, сделав себе жилища в непрерывном ряде стоящих по соседству

домов. Так в праздниках, свадьбах, еде, питье и других удовольствиях проводили они время, предаваясь высшему счастью.

Между тем, окруженный тысячей слонов, их владыка пустился в путь со своим стадом на водопой к озеру, воду которого он перед этим заметил. Двигаясь среди мышиных жилищ, этот владыка слонов, по мере того как ему попадались мыши, давил им лица, глаза, головы и шеи. Тогда оставшиеся стали размышлять: «Эти негодные слоны убивают нас на своем пути. Если они еще раз придут сюда, то некому будет даже продолжать наш род. И ведь:

Даже коснувшись, слон убьет, даже понюхавши — змея, |
Даже улыбкой царь убьет, даже почтением — злодей. (170)

Поэтому надо подумать теперь, какое средство применить». И придумав средство, несколько мышей отправились к тому озеру и, поклонившись владыке слонов, почтительно сказали: «Божественный! Недалеко отсюда находится наше жилище, переходившее в нашем роду из поколения в поколение. Там, благодаря непрерывному рождению детей и внуков, мы достигли процветания. И вот, когда вы пришли сюда за водой, тысячи из нас погибли. Если вы еще раз пойдете этой дорогой, то некому будет даже продолжать наш род. Поэтому, если есть у вас сострадание к нам, идите другой дорогой. Ведь даже подобные нам существа, несомненно, могут принести со временем пользу». Слыша это, владыка стада подумал про себя: «Пусть будет так, как говорят эти мыши, а не иначе» и согласился с этим.

И с течением времени некий царь приказал охотникам на слонов поймать слонов. И запрудив воду, они поймали владыку стада вместе со стадом, в течение трех дней вытянули их оттуда крепкой привязью, сделанной из канатов и других приспособлений, и привязали в том лесу к деревьям с крепкими стволами. И когда охотники на слонов ушли, владыка стада стал думать: «Каким образом и от кого будет мне освобождение?» И вспомнил: «Нет у нас другого средства спастись, кроме этих мышей». И тогда начальник стада приказал своей служанке, слонихе, не попавшей в то место, где были пойманы слоны, и еще раньше знавшей, где живут мыши, рассказать мышам о происшедшем несчастье — о своем пленении. А те, услышав это, собрались тысячами и пошли к тому стаду, чтобы оказать помощь. И видя начальника стада, связанного вместе со стадом, они разгрызли — каждая на своем месте — петли, взобрались на стволы деревьев, перегрызли канаты, которыми слоны были привязаны к стволам, и освободили их от оков.

Поэтому я и говорю: «Полезны сильные друзья. . .». Услышав это, Мантхарака сказала: «Дорогая! Пусть будет так. Не бойся. Это — твой дом. Поэтому живи здесь, как тебе хочется, со спокойным сердцем».

Так, по своему желанию они отправлялись на поиски пищи, сходились в полдень около большого озера в тени густых деревьев и проводили время во взаимной любви, беседуя о законах, о житейской мудрости и различных других науках. И подходит к этому:

Мудрец досуг свой отдает наукам и поэзии, |
А глупый заполняет день страстями, сном и ссорами. (171)

А также:

Когда от сладостных речей встают на теле волоски, |
Блаженство чувствует мудрец и без общенья с женщиной. (172)

И однажды Читранга не пришла в установленное время. Не видя ее и чувствуя тревогу в сердце из-за случившегося в то время неблагоприятного предзнаменования, они стали думать, что с ней произошло несчастье, и пребывали в нерешительности. Тогда Мантхарака и Хиранья сказали Лагхупатанаке: «Дорогой! Мы медленно двигаемся и не в состоянии разыскать нашего любимого друга. Поэтому поищи и узнай, не съел ли ее лев, не опалил ли лесной пожар, не поймал ли охотник или еще кто-нибудь. Сказано же:

В увеселительном саду
И то опасность друг твой может встретить. |
Насколько же сильнее страх,
Когда в дремучем бродит он лесу. (173)

ār

Поэтому непременно пойди, разузнай, что случилось с Читрангой, и скорее возвращайся». Услышав это, Лагхупатанака пролетел небольшое расстояние и, увидев возле небольшого водоема Читрангу, попавшую в крепкие силки, привязанные к колышку из кхадиры, печально сказал: «Дорогая! Как с тобой случилось это несчастье?» Та сказала: «Друг! Сейчас не время медлить. Послушай мои слова. Как говорят:

Коль на пороге гибели предстанет друг перед тобой, |
То оба радость чувствуют — живой и умирающий. (174)

Поэтому прости, если во время бесед я, рассердившись, сказала что-нибудь обидное для друга. Передай также и Хиранье с Мантхаракой от моего имени:

Коль словом вас обидела нарочно иль нечаянно, |
Простить должны вы это мне с сердцами, полными любви». (175)

Слыша это, Лагхупатанака сказал: «Дорогая! Не надо бояться, имея таких друзей, как мы. Я возьму с собой Хиранью и быстрей возвращусь, чтобы разорвать твои петли». Сказав так, он прилетел с возбужденным сердцем к Мантхараке и Хиранье, рассказал, каким образом попалась в плен Читранга, и, взяв клювом Хиранью, снова вернулся к Читранге. И видя ее в таком состоянии, Хиранья с печалью сказала: «Дорогая! У тебя всегда пугливое сердце и опытный глаз. Как же случилось с тобой это несчастье, что ты попала в плен?» Та ответила: «Друг! К чему этот вопрос? Ведь судьба могущественна. Сказано же:

Пред судьбой, || что подобна океану бедствий,
Сам мудрец || отступает без сопротивленья. |
Да и впрямь, || что с ней делать, если невидимкой
День и ночь || всем удары грозная наносит? (176)
praha

Поэтому, достойная, тебе известны прихоти судьбы. Так разгрызи быстрей петли, пока не пришел сюда жестокий охотник». Хиранья сказала: «Не бойся, пока я рядом. К тому же в сердце моем глубокая печаль. Удали ее, рассказав, что с тобой случилось. У тебя опытный глаз. Как же ты попала во власть этих сетей?» Та ответила: «Если тебе непременно надо услышать это, то послушай, как, еще раньше вкусив горечь плена, я снова попала в сети по воле судьбы». Она сказала: «Расскажи, как ты в первый раз вкусила горечь плена. Я хочу подробно услышать обо всем». Читранга рассказала:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

«Раньше, когда мне было шесть месяцев, я из ребячества резвилась перед своим стадом и развлекалась, уходя далеко от него и поджидая его. А у нас есть два способа бега: «высокий» и «прямой». Из них я знала «прямой», а «высокого» не знала. И как-то раз, гуляя, я не увидела рядом стаи газелей.

С сильно обеспокоенным сердцем я подумала: «Куда они ушли?» и, оглядевшись вокруг, увидела их впереди. «Высоким» бегом они перепрыгнули через сеть и стояли все за ней, глядя на меня. А я, не зная «высокого» бега, попала в охотничью сеть и когда, желая приблизиться к своему стаду, потянула сеть, то свалилась вниз головой на землю, связанная со всех сторон охотником. А стадо газелей ушло, отчаявшись спасти меня. Когда же пришел охотник, в нем родилось сострадание, и подумав: «Это дитя пригодно для одних забав», он не подверг меня смерти. Заботливо отведя домой, он отдал меня царевичу для развлечений. И увидя меня, этот царевич очень обрадовался, вознаградил охотника и стал услаждать меня умащиванием, притираньями, купаньем, едой, благовониями, мазями, ласками и подходящими, радующими сердце угощениями. Однако, находясь среди полных любопытства гаремных женщин и детей, передававших меня из рук в руки, я очень мучилась оттого, что они хватали меня за шею, глаза, передние и задние ноги и уши. И однажды во время дождя, пребывая под ложем царевича и слыша гром, сопровождаемый молнией, я с тоскующим сердцем вспомнила свое стадо и сказала:

«Вот мчится стая антилоп, и ветер гонит их вперед. |
Когда смогу я, наконец, бежать за ними по следам?» (177)

Тогда царевич подумал: «Кто это сказал?» И с дрожащим сердцем, глядя во все стороны, увидел меня. Видя меня, он подумал: «Это сказал не человек, а газель. Здесь какое-то чудо. Как бы то ни было, я погиб». Так, словно в него вселился демон недуга, он, спотыкаясь, вышел кое-как из дома. И считая себя одержимым злым духом, он призвал за большое вознаграждение волшебников, заклинателей и других людей и сказал: «Тому, кто изгонит из меня болезнь, я окажу великий почет». Между тем люди, действующие без раздумья, стали избивать меня, ударяя кусками дерева, кирпичами и дубинками. Тогда один добрый человек сказал: «Зачем убивать это животное?» и спас меня, потому что мне суждено было остаться в живых. И узнав причину моего возбуждения, он сказал царевичу: «Дорогой! Томясь во время дождя, она вспомнила свое стадо и сказала:

«Вот мчится стая антилоп, и ветер гонит их вперед. |
Когда смогу я, наконец, бежать за ними по следам?» (178)

Зачем же без причины началась у тебя лихорадка?» Услышав это, царевич освободился от лихорадочного возбуждения и, придя в прежнее состоя-

ние, сказал своим людям: «Омойте получше голову этой газели водой и отпустите в тот лес». И они так и сделали.

Так, еще раньше претерпев плен, я снова попалась по воле судьбы». В это время Мантхарака, гонимая сердечной любовью к другу, пришла туда следом за ними, топча на своем пути тростник, кусты и кушу[73]. И видя, что она пришла, они ощутили сильное беспокойство в сердце. Тогда Хиранья сказала Мантхараке: «Дорогая! Нехорошо ты сделала, что пришла, оставив свое убежище. Ведь ты не сможешь защититься от охотника. Мы для него недостижимы, потому что, когда я перегрызу сеть, Читранга при приближении охотника убежит и скроется из виду, Лагхупатанака взлетит на дерево, а я, благодаря небольшому телу, залезу в отверстие пещеры. Что же станешь делать ты, попав ему на глаза?» Слыша это, Мантхарака сказала ей: «Не говори мне так. Ведь:

Никто не смог перенести бы
Разлуку с близкими, потерю денег, |
Коль не было б друзей с ним рядом,
Подобных животворному бальзаму. (179)
ār

А также:

Те дни, что с близкими друзьями
Проводим мы, вкушая счастье каждый миг, |
Подобны праздникам всегда
В пустыне жизни безотрадной. (180)
ār

Коль хочешь снова стать счастливым,
Жене благочестивой, другу верному |
И господину своему
Поведай все свои печали[74]. (181)
ār

Дорогая! Ведь:

Блуждает взгляд, тоски глубокой полный,
В смятеньи ум, охваченный тревогой, |
У тех, кого измучила разлука
С достойными и верными друзьями. (182)
upa

И еще:

Пусть лучше жизни я лишусь, чем разлучусь с тобой, мой друг! |
За смертью снова жизнь придет, но кто заменит мне тебя?» (183)

Между тем подошел охотник с луком в руке. Тогда Хиранья перегрызла на его глазах сеть и, как сказала раньше, забралась в отверстие. Лагхупатанака поднялся в воздух и улетел, а Читранга быстро убежала. А охотник, видя газель с разорванной сетью, сказал с изумленным сердцем: «Ведь никогда газели не разгрызают сетей. Несомненно газель эта перегрызла сеть по воле судьбы». И увидев черепаху, находившуюся на неподходящем для нее месте, он подумал, как это свойственно людям: «Если и ушла по воле судьбы газель, перегрызя сеть, то зато я нашел эту черепаху. Сказано ведь:

Взлететь ты можешь в небеса или всю землю обойти, |
Но не достичь тебе того, чего судьбой не суждено». (184)

Поразмыслив так, он срезал ножом кушу, сделал прочную веревку, вытащил лапы черепахи, крепко привязал ее и, повесив веревку на конец лука, направился туда, откуда пришел. И видя, как ту уносят, Хиранья с печалью сказала: «Горе! Увы, горе!

Еще до края первого несчастья
Я не дошла, как до пределов моря, — |
И вот уже обрушилось второе.
Коль уязвим ты, нет предела бедам! (185)

indra

На раненого сыплются удары,
Голодного огонь внутри сжигает, |
В несчастьях начинаются раздоры.
Коль уязвим ты, нет предела бедам! (186)

upa

Дорогой ровной мы идем, пока не оступаемся, |
Но лишь оступимся — нас ждут препятствия на всем пути. (187)

А также:

Достойных и податливых, не изменяющих в беде, |
Жену, товарища и лук нам очень трудно отыскать. (188)

Случайных много есть друзей, а настоящих не найти. |
Одна счастливая судьба такого друга нам пошлет. (189)

Ни матери и ни жене, ни брату и ни сыновьям |
Не доверяют люди так, как верному товарищу. (190)

Ведь дружба настоящая не иссякает в радостях, |
Не прекращается в беде и смертью лишь уносится. (191)

Отчего же судьба непрерывно преследует меня? Ведь сначала я лишилась богатства, и родные стали презирать меня за бедность. Опечаленная этим, я покинула родину. И теперь судьба разлучает меня с другом. Сказано ведь:

Не то печально, что богатство мое пропало:
Ведь переменится судьба и оно вернется. |
Но тем я мучусь, что достойного человека,
Коль обеднеет он, друзья норовят покинуть. (192)

vasa

И кроме того:

Ведь непрерывна цепь поступков наших,
И вижу я, как, добрые и злые, |
Они другого мира достигают
И словно возрождаются вторично. (193)

upa

И хорошо ведь говорится:

Опасность каждому грозит, за счастьем горе следует [75], |
За единением — распад. Непрочно все возникшее! (194)

О горе! Разлука с другом убила меня. Даже от родных своих нет пользы. Сказано ведь:

Защита в страхе и нужде, сосуд доверья и любви, |
Кем это дружба создана — сокровище из двух слогов? [76] (195)

И еще:

Общение с благими существами,
Несущее нам радость непрерывно |
И огражденное одной любовной цепью,
Лишь смерть невыносимая разрушит. (196)

upa

А также:

Привязанностям искренним, удачам, радующим нас, |
И разногласьям мудрецов — всему приносит смерть конец. (197)

А также:

Если б старости, смерти, рожденью не быть,
Если б страху пред горькой разлукой не быть, |
Если бы в мире всему преходящим не быть,
То кому бы из смертных блаженным не быть?» (198)

toṭa

И пока Хиранья, полная горя, говорила так, Читранга и Лагхупатанака, испускавшие жалобные крики, подошли к ней и собрались вместе. Тогда Хиранья сказала им: «Пока Мантхарака не скрылась с наших глаз, есть еще средство спасти ее. Ты, Читранга, иди перед охотником, так чтобы он не заметил тебя, и, достигнув местности, расположенной рядом с водой, упади и притворись мертвой. А ты, Лагхупатанака, расставь ноги в ограде рогов Читранги и сделай вид, будто выклевываешь у нее глаза. Тогда этот низкий охотник непременно подумает, охваченный жадностью: «Это — мертвая лань!» и, чтобы взять ее, пойдет туда, бросив черепаху на землю. А я, только он отойдет, мгновенно освобожу Мантхараку от привязи, чтобы она укрылась в находящемся поблизости водяном убежище, и заберусь в тростник. А затем, когда снова приблизится этот низкий охотник, надо будет постараться убежать». И когда план был выполнен и охотник увидел на берегу реки мертвую с виду лань, которую клевал ворон, то, обрадованный, он бросил на землю черепаху и побежал туда, подняв дубинку. Между тем Читранга, узнав по звуку шагов, что охотник подошел близко, помчалась изо всех сил и скрылась в чаще леса; Лагхупатанака взлетел и сел на дерево; черепаха, после того как Хиранья разгрызла веревку от привязи, залезла в водяное убежище, а Хиранья скрылась в тростнике.

Тогда охотник счел это обманом чувств и, подумав: «Что это?», пошел, потеряв надежду, к тому месту, где была черепаха. И там он нашел веревку от привязи, длиной всего в палец и разгрызенную на сто частей. Тогда, видя, что черепаха, словно волшебник, скрылась с глаз, он начал сомневаться в себе самом и, глядя с возбужденным сердцем по сторонам, быстрей пошел из этого леса к себе домой. А те четверо, оставшись невредимыми, снова собрались вместе и, считая себя словно вновь родившимися, счастливо зажили во взаимной любви. Поэтому:

Союз между животными — и тот достоин похвалы. |
Что уж о людях говорить, рассудком обладающих?» (199)

И здесь окончена вторая книга под названием «Приобретение друзей», первый стих которой гласит:

Когда умны и сведущи бессильные и бедные, |
Достигнут цели все они, как ворон и друзья его. (*1*)

III

О ВОРОНАХ И СОВАХ

Достойно!

Здесь начинается третья книга под названием «О воронах и совах», повествующая о мире, сражении и других делах. Вот ее первый стих:

Тому, кто прежде враждовал с тобою,
А ныне другом стал, — не доверяйся. |
Гляди, как принесли огонь вороны
И сов сожгли в их собственной пещере. (*1*)

upa

Царевичи спросили: «Как это?» Вишнушарман рассказал:

«Есть в южной стране город под названием Притхвипратиштхана [1]. Недалеко от него стояло большое баньяновое дерево, снабженное многочисленными ветвями. Жил там царь ворóн по имени Мегхаварна [2], окруженный многочисленными воронами. Там проводил он время, построив жилище. И еще жила в своей крепости в горной пещере окруженная несчетным множеством сов большая сова по имени Аримардана [3]. И когда царь сов, бродя повсюду, встречал какую-нибудь ворону, то в силу старой вражды он убивал ее и ухо-

дил. Постоянно действуя так, он постепенно со всех сторон окружил это баньяновое дерево убитыми воронами. И ведь так бывает. Сказано же:

Кто полон безмятежности, оставив без внимания |
Успех врага и свой недуг, тот гибнет, наконец, от них. (2)

И вот Мегхаварна созвал всех советников и сказал: «Ох! Могуч этот наш враг, полон рвения и знает, когда действовать. Ведь каждый раз он приходит с наступлением ночи и губит наших приверженцев. Как же ему противодействовать? Ведь ночью мы не видим и к тому же не знаем, где его крепость, чтобы пойти туда днем и сразиться. Что же здесь подходит: мир, сражение, поход, остановка, союз или обман?» Тогда те ответили: «Хорошо сказал господин, задав этот вопрос. Сказано ведь:

Советник должен говорить даже когда не спрошен он. |
Насколько ж речь его важна, когда советуются с ним! (3)

Кто речи сладкие ведет, лишенные правдивости |
И не ведущие к добру, подобен злейшему врагу. (4)

Поэтому сейчас следует уединиться и держать совет».

Тогда Мегхаварна стал по очереди спрашивать пятерых наследственных министров: Удждживина, Санджживина, Ануджживина, Праджживина и Чираджживина [4]. И первым среди них он спросил Удждживина: «Дорогой! Что думаешь ты при таких обстоятельствах?» Тот сказал: «Божественный! Не следует вести войну с сильным. А он силен и вовремя наносит удар. Поэтому надо помириться с ним. Сказано ведь:

Когда сильней тебя другой, умей склониться перед ним, |
И счастье за тобой пойдет, как по течению река. (5)

А также:

Кто справедлив, правдив, богат, в союзе с братьями, силен |
И многократно побеждал, с тем лучше жить в согласии. (6)

Мирися даже с низкими, коль жизнь твоя в опасности: |
Ведь если жизнь ты сохранишь, то царство будет спасено. (7)

А также:

Кто взял себе в союзники царя непобедимого, |
Тот быстро сможет подчинить всех остальных своих врагов. (8)

Пусть равен враг, будь в мире с ним — неясен ведь исход войны. |
«Не надо дел сомнительных» — так учит нас Бриха́спати. (9)

В сраженье между равными победу трудно предрешить. |
Вступайте в бой, лишь применив три остальные способа [5]. (10)

А также:

Кто не желает в мире жить, тот даже равного слабей |
И под ударами его, как глина, рассыпается. (11)

Земля, друзья и золото — вот три плода сражения. |
Коль нет ни одного из них, не надо начинать войны [6]. (12)

Когда начнет копаться лев в норе мышиной средь камней, |
Иль когти обломает он, или возьмет в награду мышь. (13)

Поэтому где нет плодов, а только битва ждет тебя, |
Там ты не должен никогда кровопролитье вызывать. (14)

Когда с сильнейшим встретишься, веди себя с ним, как тростник. |
Не будь похожим на змею, коль хочешь без печалей жить. (15)

Кто, как тростник, ведет себя, достигнет счастья высшего. |
Кто ж поступает, как змея, достоин только гибели. (16)

Лишь станут черепаху бить, под панцирь спрячется она. |
Когда ж опасность позади, — растянется, как черный змей. (17)

А также:

«Сражаться надо с сильными. . .» — не думаю я этого. |
Ведь против ветра сильного не может тучка двигаться». (18)

И услышав это, он сказал Сандживину: «Дорогой! Хочу я послушать и твое мнение». Тот сказал: «Божественный! Мне кажется иначе: если он же-

сток, жаден и лишен добродетели, ты тем более не должен вступать с ним в союз.

Сказано ведь:

Не надо заключать союз с порочными и лживыми: |
Из-за дурных союзников непрочным он окажется. (19)

Поэтому с ним надо бороться. Таково мое мнение. Сказано ведь:

Коль враг твой презирает бой, жесток, беспечен, вял, труслив, |
Нестоек, жаден, лжив и глуп — легко его ты победишь.(20)

Кроме того, он презирает нас. Поэтому, если вы заговорите о мире, он разгневается и еще больше покажет свою силу. Сказано ведь:

Коль склонен враг к насилию[7], с ним вредно дружелюбным быть. |
Кто станет омывать больных, которым надо пропотеть?[8] (21)

Кто в гневе, тот от мягких слов сильней лишь возбуждается, |
Как масло разогретое, мешаясь с каплями воды. (22)

А если тот говорит: «Враг силен», то это неосновательно:

Коль вступит малый в бой с большим, охваченный решимостью, |
Убьет его, как лев слона, и власть свою он укрепит. (23)

И затем:

Коль силой превосходит враг, обманом одолей его. |
Кичáку Бхима так убил, переодевшись женщиной[9]. (24)

А также:

Коль непреклонен царь, как смерть, то подчиняет он врагов. |
А если мягок чересчур, враги убить его хотят. (25)

Тот, кто теряет весь свой блеск, увидя блеск соперника, |
Напрасно родился на свет, похитив юность матери. (26)

Тогда лишь Лакшми дивная сердца разумных радует, |
Когда им члены умастит шафраном крови вражеской. (27)

Бесплодна жизнь того царя, чьи земли изобильные |
Не окропила кровь врагов и слезы жен их, плачущих». (28)

Услышав это, он спросил Ануджививина: «Дорогой! Скажи и ты свое мнение». Тот ответил: «Божественный! Он зол, необычайно силен и не знает границ. Поэтому с ним не следует ни мириться, ни сражаться. Необходим только поход. Сказано ведь:

С необычайно сильным, злым, ни в чем не знающим границ |
Ни мир не нужен, ни война. Поход лишь может тут помочь. (29)

Поход бывает двух родов: «защита» — при опасности |
И «нападение», когда хотят победу одержать. (30)

Кто, будучи сильней врага, стремится победить его, |
Пусть в чайтру лишь иль в карттику [10] ведет войска в его страну. (31)

Коль неудачи терпит враг и уязвить его легко, |
То подойдет любой момент, чтоб нападенье совершить. (32)

Свои владенья укрепив героями могучими, |
Пусть царь идет в страну врага, послав вперед лазутчиков. (33)

Поэтому необходим поход второго рода нам, |
А не союз или война с могучим и дурным врагом. (34)

И кроме того: отступление производят, принимая во внимание его цель и основание. Таково разумное поведение. Сказано ведь:

Готовясь нанести удар, || назад баран отходит,
А царь зверей перед прыжком || сгибается сначала. |
Ведь кто рассудком наделен || и действует с вниманьем,
Советы втайне держит тот, || вражду скрывая в сердце. (35)

māli

И затем:

Кто, видя сильного врага, уходит из своей страны, |
Тот, как Юдхи́штхира [11], опять при жизни обретет ее. (36)

Также:

Когда в порыве гордости вступает слабый с сильным в бой, |
Он только радует его и род свой к гибели ведет. (37)

Поэтому при нападении сильного не время для мира или сражения, а удобный случай отступить».

И выслушав его речь, он сказал Пражживину: «Дорогой! Скажи и ты свое мнение». Тот сказал: «Божественный! Все три способа: мир, сражение и поход не нравятся мне, и в особенности — поход. Ведь:

В своем жилище крокодил к себе затянет и слона, |
А выйдет из убежища — так даже пса не победит. (38)

И затем:

Коль нападает сильный враг, остаться надо в крепости |
И всех товарищей призвать, чтоб помогли они тебе. (39)

Кто, слыша, что подходит враг, не в силах страх преодолеть, |
Уходит из своей страны, тот больше не войдет в нее. (40)

Пускай сильны твои враги, пусть сотня их, а ты — один, |
Не покидай убежища и сможешь устоять тогда. (41)

Так выстрой крепость для себя, чтоб были в ней союзники, |
Запасы пищи и вода, орудья, стены, кладбище. (42)

В ней постоянно находясь и в бой с врагом решив вступить, |
Живя, достигнешь славы ты, а мертвый — на небо пойдешь. (43)

Сказано ведь:

Не страшен слабым сильный враг, коль вместе держатся они. |
Кустам, что рядом выросли, не страшен даже ураган. (44)

Даже большое дерево, корнями в землю вросшее, |
Способен вырвать ураган, когда одно оно стоит. (45)

Но если несколько стволов друг с другом рядом выросли, |
То даже буря сильная не может их поколебать. (46)

Итак, того, кто одинок, пускай отваги полон он, |
Считают слабым все враги и убивают, наконец». (47)

И выслушав его, он сказал Чирадживину: «Дорогой! Скажи и ты свое мнение». Тот сказал: «Божественный! Из шести способов мне нравится союз. Поэтому следует заключить его. Сказано ведь:

К чему могущество и блеск, коль нет с тобою спутников? |
Недолго держится огонь, когда безветрие стоит. (48)

Поэтому, оставшись здесь, ты должен взять какого-нибудь сильного союзника, который отомстит врагам. Если же, напротив, ты уйдешь, оставив свое место, то никто не поможет тебе ни единым словом. Сказано ведь:

Приходит ветер, словно друг, к огню, сжигающему лес, |
И смерть лучине он несет. Кто почитает слабого? (49)

Но прибегать к помощи сильного — это не единственный выход. Даже союз со слабым приносит защиту. Сказано ведь:

Когда растет один тростник, другими тесно окружен, |
Не вырвать из земли его. Таков всегда и слабый царь. (50)

Если же в союзники берется наилучший, то что здесь говорить? Сказано ведь:

Кого из нас не вознесет общение с великими? |
Попав на лотоса цветок, сверкает капля, как алмаз. (51)

Итак, божественный, без союза никак нельзя отомстить. Поэтому следует заключить союз. Таково мое мнение».

И вслед за этими словами Мегхаварна поклонился старому, дальновидному, сведущему во всех науках разумного поведения советнику своего отца

по имени Стхирадживин[12] и сказал: «Отец! Если я спросил их в твоем присутствии, то это для испытания, чтобы ты, выслушав все, указал мне, что подходит». Тот сказал: «Дитя! И они сказали все, что содержится в науке разумного поведения, и каждое из этого подходит в свое время. Теперь, однако, время для двуличия. Сказано ведь:

Будь недоверчивым всегда: и в мире и в сражении, |
И злого своего врага сам постарайся обмануть. (52)

Таким образом, те, кто сами недоверчивы и проявляют усердие, легко уничтожают доверившегося врага. Сказано ведь:

Сначала дай врагу расти и уничтожь его потом. |
Так слизь от патоки растет, а после — пропадает вся. (53)

А также:

Не будет жить тот человек, который правду говорит |
Дурным друзьям, жене, врагам, а главное — распутнице. (54)

В делах богов, наставника, брахмана и в своих делах |
Необходимо честным быть, а в остальном — двуличен будь. (55)

Приличествует искренность аскету просвещенному, |
Не людям, счастья ищущим, а менее всего — царям. (56)

И потом:

Огородясь двуличием, ты место укрепишь свое, |
А враг твой быстро встретит смерть из-за корысти собственной. (57)

К тому же, если у него появится какой-нибудь недостаток, то, разузнав об этом, ты его погубишь». Мегхаварна сказал: «Отец, я не знаю, где его жилище. Как же узнаю я его недостатки?» Стхирадживин ответил: «Дитя! Не только место жилища, но и недостатки обнаружу я с помощью соглядатаев. Ведь:

Коровы видят запахом, брахманы видят Ведами, |
Властитель — соглядатаем, все остальные — зрением. (58)

А также сказано об этом:

Коль царь через лазутчиков узна́ет лиц доверенных |
В своей стране и у врага, спасется от несчастья он». (59)

Мегхаварна сказал: «Отец! Кто эти доверенные лица? Сколько их? Какие тайные соглядатаи? Расскажи обо всем». Тот ответил: «Ведь еще Нарада[13], спрошенный Юдхиштхирой, сказал, что во вражеской партии — восемнадцать доверенных лиц, а в своей партии — пятнадцать. О них следует узнавать при помощи трех тайных соглядатаев для каждой стороны, и благодаря им держатся в подчинении своя и чужая стороны. Сказано ведь:

Их восемнадцать у врага, пятнадцать — среди слуг твоих, |
И три для каждой стороны бывает соглядатая. (60)

Название «доверенное лицо» означает здесь должность служащего. Если он достоин порицания, то ведет господина к гибели, а если безупречен, то доставляет царю успех. В чужой партии это: советник, домашний жрец, главнокомандующий, наследник, привратник, гаремный сторож, наставник, сборщик налогов, слуга, представляющий ко двору, главный судья, конюший, казначей, надсмотрщик над слонами, член совета, военный министр, комендант крепости, старший слуга, лесничий и другие. Если враг вступит с ними в раздор, его легко победить. А в своей партии это: царица, мать царя, смотритель женских покоев, садовник, хранитель царской опочивальни, начальник соглядатаев, звездочет, врач, водонос, поставщик бетеля, наставник, телохранитель, располагающий войска на постой, держатель зонта и наложница. По их вине может прийти к гибели собственная партия. И затем:

Наставник, врач и звездочет узна́ют все среди своих; |
Безумец, заклинатель змей должны шпионить у врагов». (61)

Лагхупатанака спросил: «Отец! По какой причине между воронами и совами царит смертельная вражда?» Тот ответил: «Послушай:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Однажды в былые времена гуси, цапли, кокилы, павлины, чатаки, совы, голуби, горлицы, куропатки, голубые сойки, стервятники, жаворонки, карайики, шьямы[14], дятлы и другие птицы собрались стаями и начали совето-

ваться: «Хоть и есть у нас повелитель Вайнатейя, но, занятый услужением святому Нараяне, он не заботится о нас. Так что толку в бесполезном господине, который не защищает нас, когда мы попадаем в сети и страдаем от других несчастий? Сказано ведь:

Кто б ни был он, тому служи, кто слугам обессиленным |
Все силы возвращает вновь, как солнце яркое — луне. (62)

А другой — лишь по имени господин. Как сказали:

Кто от насилий вражеских не защищает слуг своих, |
Тот бессердечный господин — Кританта в образе царя. (63)

А также:

Словно корабль, давший течь, опасны шестеро людей: |
Учитель необученный, непросвещенный знаньем жрец, (64)

Царь, слуг не охраняющий, жена,всегда сварливая, |
Пастух, деревню любящий, и ненасытный брадобрей[15]. (65)

Поэтому надо поискать какого-нибудь другого царя птиц». И вот, увидев сову, внешность которой сулила счастье, они все сказали: «Пусть эта сова будет нашим царем. Пускай же принесут главные принадлежности из всего, что необходимо для помазания на царство». И вот они принесли воду из священного источника, приготовили смесь из ста восьми корешков чакранкиты, сахадеви[16] и других растений, установили трон, сделали изображение земного круга с нарисованными на нем семью островами[17], морями и горами, разостлали тигровую шкуру, наполнили золотые кружки пятью ветками, цветами и неочищенным зерном, приготовили почетные дары. Запели лучшие из певцов; жрецы, сведущие в изречениях четырех вед, читали священные тексты; толпа молодых девушек пела сладкие песни, предвещавшие благополучие. Приготовленный перед тем сосуд с неочищенным зерном украсили белой горчицей, поджаренными зернами, неочищенными зернами, рочаной[18], гирляндами цветов, раковинами и другими принадлежностями, приготовили все необходимое для очищения и других церемоний и забили в праздничные барабаны. И вот, когда сова приготовилась принять помазание на троне, стоявшем в середине алтаря[19], украшенного ячменем и спицами, в их

собрание явился откуда-то ворон, оповещая о своем приходе страшным карканьем. И он подумал: «Да! Что это за собрание всех птиц и что за большой праздник?» Тогда те птицы, увидя его, сказали друг другу: «Он слывет очень мудрым среди птиц. Так надо послушать и его речь. Сказано ведь:

Хитрее всех зверей — шакал, средь птиц — ворона всех хитрей, |
Среди людей — цирюльники, среди аскетов — «белые»[20]. (66)

И кроме того:

Не приведет к несчастью план, который взвешен тщательно |
И многократно обсужден советниками мудрыми». (67)

Подумав так, птицы сказали ворону: «Эй! Нет у птиц никакого царя. Поэтому все птицы решили помазать в цари над всеми пернатыми эту сову. Дай же и ты свое согласие. Ведь ты пришел вовремя». Тогда он со смехом сказал: «О! Не годится, что помазывают эту уродину, ничего не видящую днем, когда есть гуси, павлины, кокилы, чакоры, чакраваки, хариты, журавли[21] и другие превосходные птицы. Не согласен я с вами. Ведь:

Даже без гнева у совы глаза косые, нос кривой |
И неприятен вид ее, а в гневе — что и говорить! (68)

Также:

Как можно вам успеха ждать, коль станет царствовать сова, |
Жестокая, ужасная и с неприятным голосом? (69)

И кроме того, зачем нужна она, если господин — Вайнатейя? Пусть она наделена достоинствами, все равно, когда есть один владыка, не следует брать другого. Сказано ведь:

От одного царя — добро, от многих — только бедствия. |
Так на исходе юги к нам приходит гибель от светил[22]. (70)

Даже благодаря его имени вы недосягаемы для врагов. Сказано ведь:

Благодаря лишь имени властителя достойного |
Спокойно подданный живет и не боится злых врагов. (71)

Сказано ведь:

Кто назовет великого, того в делах удача ждет. |
Так зайцам счастье принесло упоминанье о луне». (72)

Птицы спросили: «Как это?» Ворон рассказал:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

«Жил в одной части леса царь слонов по имени Чатурданта[23], окруженный многими слонами. Так проводил он время, охраняя стадо слонов. И вот наступила как-то двенадцатилетняя засуха, от которой высохли водоемы, пруды, лужи и озера. Тогда все слоны обратились к начальнику стада: «Божественный! Одни наши слонята погибли, измученные жаждой, другие — близки к смерти. Найди же какое-нибудь средство утолить жажду». Тогда он послал в восемь сторон света очень быстрых слуг, чтобы они разыскали воду. И те из них, которые отправились на восток, заметили по дороге, недалеко от обители отшельников, озеро под названием «Лунное». Гуси, журавли, морские орлы, утки, чакраваки, балаки[24] и другие обитатели воды населяли его; множество разнообразных деревьев, ветви и побеги которых сгибались под тяжестью цветов, росло поблизости, и оба берега его были украшены зеленью. Обильная пена, возникшая из массы светлых волн, гонимых ветром и стекающих по берегам, покрывала его края, и вода в нем благоухала от сочащейся по слоновьим вискам мускусной влаги, от которой отлетают пчелы, когда могучие слоны погружаются в воду. Деревья, растущие на берегах, образовали своей густой листвой сотни зонтов, постоянно защищавших от солнечного зноя. Глухой шум издавали многочисленные волны, которые ударялись о тела купающихся пулиндских девушек и огибали округлости их пышных бедер, ягодиц и грудей. Озеро это было наполнено чистой водой, и густые заросли распустившегося лотоса украшали его. К чему много слов? Части неба было подобно оно. И видя его, слуги как можно быстрей вернулись и сообщили о нем царю слонов.

И услышав это, Чатурданта поспешно пришел с ними к Лунному озеру. И спускаясь со всех сторон к легко доступному озеру, они раздробили на тысячи кусков головы, шеи, передние и задние лапы зайцев, которые еще раньше построили себе жилища на том берегу. Напившись и искупавшись в воде, начальник стада повернул назад и пошел вместе со спутниками к себе

в лесную чащу. Тогда оставшиеся в живых зайцы стали размышлять: «Что нам теперь делать? Узнав дорогу, они будут приходить каждый день. Надо найти средство удержать их, прежде чем они вернутся сюда». Тогда зайчик по имени Виджайя [25], видя, что зайцы испуганы, что их дети, жены и родные растоптаны и что ими овладела печаль, сказал с состраданием: «Вам не следует бояться. Я уверен, что они больше не придут сюда. Ведь Кармасакшин[26] оказал мне милость». И слыша это, царь зайцев по имени Шилимукха[27] сказал Виджайе: «Дорогой! В этом нет сомнения, потому что:

Куда Виджайю ни пошлют, везде удача ждет его. |
Ведь мудрости исполнен он и знает, как вести дела. (73)

И еще:

Чья речь полезна, взвешена,
Чья речь украшена, и нет в ней лишних слов, |
Чья речь благоразумна,
Тот речью достигает всех целей. (74)
ār

И пусть я буду далеко, слоны узнают о моей тройной силе, видя мощь твоего разума. Ведь:

Пускай не виден царь,
Но по его письму или посланцу |
Легко нам убедиться,
Умен владыка или глуп. (75)
ār

Сказано ведь:

Посол соединит врагов, посол друзей разъединит, |
Посол сумеет сделать так, чтоб подчинить противника. (76)

И если пойдешь ты, то это все равно, что я сам бы пошел. Потому что:

Когда посол наш говорит согласное с грамматикой |
И с наставленьями благих, то это — словно наша речь. (77)

И еще:

Немного дела у посла: о происшедшем рассказать |
И цель свою осуществить, насколько это может речь. (78)

Так иди, дорогой! Пусть это дело будет у тебя вторым Кармасакшином».

И, пойдя, он увидел того владыку слонов, направлявшегося к озеру. Тело его было окрашено в красновато-желтый цвет обильной цветочной пыльцой от подстилки, сделанной из бутонов с кончиков ветвей цветущего дерева карникары[28]. Он был подобен полной воды туче, отягщенной всем блеском молний, и его страшный, словно идущий из глубины рев звучал, как столкновение множества могучих и стремительных молний, сверкающих во время дождя. Прекрасный, как обилие лепестков безупречного голубого лотоса, он, равный величием Айравате[29], обладал хоботом, извивавшимся словно могущественный Бхуджагендра [30], и парой превосходных, гладких и больших клыков медвяного цветка. Лик его вызывал восхищение благодаря стаям жужжащих пчел, слетевшихся на благоухающий аромат мускусной влаги, стекающей по его вискам, и тысячи начальников стад, усиленно обмахивающиеся своими ушами, подобными ветвям, окружали его. И тогда Вижайя подумал: «Не могут подобные мне общаться с ним. Ведь, как сказано:

Даже коснувшись, слон убьет. . . [31].

Как бы то ни было, я покажусь ему с того места, где он не сможет мне повредить». Подумав так, он залез на груду высоких неровных камней и сказал: «Повелитель слонов! Хорошо ли тебе?» Слыша это и внимательно глядя, владыка слонов сказал: «Кто ты?» Зайчик ответил: «Я — посланец». Тот спросил: «Кем ты послан?» Посланец сказал: «Блаженною луной». Царь слонов сказал: «Расскажи о своей цели». Зайчик ответил: «Ведь известно тебе, что посланцу, передающему поручение, нельзя причинять вреда. Ибо все цари говорят устами своих посланцев. Сказано ведь:

Пускай мечи обнажены, пусть родичи лежат в крови, |
Пусть речи бранные звучат, — нельзя посланца убивать. (79)

Так и я обращаюсь к тебе по повелению луны: «Разве можно, смертное существо, причинять другому зло, не рассчитав своих и чужих сил? Сказано ведь:

Кто, не измерив сил врага и сил своих не рассчитав, |
Осуществляет цель свою, того одни несчастья ждут. (80)

Так и ты нечестиво оскорбил известное под нашим именем Лунное озеро, убив там зайцев, которых мы должны охранять и которые принадлежат к роду царя зайцев, служащего нашей приметой и любимого нами. Не годится это. К тому же, разве не знаешь ты, что в мире я известна под именем Шашанка? [32] К чему долго говорить? Если ты не прекратишь это дело, мы покараем тебя, причинив большое несчастье. Если же с сегодняшнего дня ты прекратишь это, то удостоишься великого отличия, потому что тело твое вдоволь насладится лунным светом, находящимся в нашей власти, и ты, радуясь вместе со спутниками, будешь вдоволь бродить по этому лесу. А иначе мы удержим свои лучи, тело твое спалит зной и ты вместе со спутниками погибнешь».

Услышав это и сильно обеспокоившись в сердце, царь слонов сказал после длительного размышления: «Дорогой! Правда это. Я нанес вред блаженной луне. Но больше я не буду враждовать с ней. Поэтому скорей покажи мне дорогу, чтобы я пошел туда и умилостивил блаженную луну». Заяц ответил: «Иди один, тогда я покажу тебе». Сказав так, он пошел к Лунному озеру и показал ему ночную луну, отражавшуюся в воде. Ее великолепная блистающая окружность лила приятный свет; планеты, созвездие Саптарши [33] и множество других звезд, сиявших на широком небосводе, окружали ее, и она представляла собой полный диск, благодаря собранию всех шестнадцати частей [34]. И сказав при виде ее: «Я очищусь и совершу поклонение божеству», тот опустил в воду хобот, который едва смогли бы обхватить два человека. Тогда диск луны, словно находящийся на колесе, задвигался взад и вперед в потревоженной воде, и появилась тысяча лун. А Виджайя поспешно отступил назад и с обеспокоенным сердцем сказал царю слонов: «Божественный! Горе, горе! Ты вдвойне разгневал луну». Тот ответил: «Отчего же прогневалась на меня блаженная луна?» Виджайя сказал: «От прикосновения к этой воде». И слыша это, царь слонов, с поникшими ушами и склоненной к земле головой, умилостивил поклонами блаженную луну. И снова сказал Виджайе: «Дорогой! Согласно моим речам, во всех делах склоняй блаженную луну на милость ко мне, а я больше не приду сюда». Сказав это, он отправился туда, откуда пришел.

[*Продолжение рассказа первого*]

Поэтому я и говорю: «Кто назовет великого. . .». И кроме того, эта негодная злодейка низка и не способна охранять подданных. Так далеко она от того, чтобы защищать нас, что от нее можно даже ждать опасности. Сказано ведь:

Когда злодей свершает суд, то ждет несчастье спорящих. |
Так зайца с куропаткою постигла смерть из-за кота». (81)

Птицы спросили: «Как это?» Ворон рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Жил я раньше на одном дереве. И под этим деревом жила одна птица, куропатка. Так, живя рядом друг с другом, мы заключили нерушимую дружбу. Каждый день после еды и развлечений мы проводили вечернее время, рассказывая много хороших изречений из Пуран [35] и других книг, задавая вопросы и загадки и предаваясь другим занятиям. И однажды куропатка отправилась с другими птицами за пищей в одно место, богатое свежим рисом, и не вернулась вовремя. Тогда, опечаленный разлукой с ней, я подумал: «Увы! Почему мой друг куропатка не вернулась сегодня? Неужели она попалась в какую-нибудь западню или убита?» Так с обеспокоенным сердцем я провел много дней. И однажды заяц по имени Шигхрага [36] залез на заходе солнца в то дупло, а я, отчаявшись в возвращении куропатки, не удержал его. Между тем та куропатка, сильно разжирев от питания рисом и вспомнив о своем убежище, вернулась туда на следующий день. Ведь хорошо сказано по этому поводу:

Даже на небе смертному не может быть так хорошо, |
Как дома в стороне родной, пусть в бедности он там живет. (82)

И увидя, что в дупло забрался заяц, она с упреком сказала: «Эй, эй, заяц! Нехорошо ты сделал, что проник в мое жилище. Поэтому уходи поскорей». Тот ответил: «Глупая! Разве не знаешь ты, что жилищем можно пользоваться, лишь пока занимаешь его?» Куропатка сказала: «Если так, давай тогда спросим соседей. Сказано в книгах закона:

О водоемах, о прудах, домах, колодцах и садах |
Пускай сосед решает спор, — так Ману [37] поучает нас. (83)

А также:

Коль споры начинаются: чей дом, колодец или луг, |
Чья роща иль надел земли, — пусть судит спорящих сосед». (84)

Тогда заяц ответил: «Глупая! Разве не слыхала ты слов предания[38], гласящих:

Коль десять лет имуществом[39] владеют на твоих глазах, |
То ни свидетель, ни закон не смогут уж помочь тебе. (85)

К тому же, глупая, ты не знаешь мнения Нарады:

Решает споры у людей владенье сроком в десять лет, |
А споры у зверей и птиц решает обладание. (86)

Поэтому, если это — твое жилье, все равно я занял его, когда оно пустовало. Итак, оно — мое». Куропатка сказала: «О, если ты упоминаешь предание, то пойдем со мной. Мы спросим знатоков предания. Пусть они отдадут жилище тебе или мне». Решив так, они отправились разрешать свой спор. А я подумал: «Посмотрю, что тут будет» и с любопытством последовал за ними. И пройдя немного, заяц спросил куропатку: «Дорогая! Кто же разрешит наш спор?» Та ответила: «Кто же, если не кот по имени Дадхикарна[40], полный сострадания к живым существам, ревностно исполняющий обет поста и воздержания. Он живет на берегу блаженного Ганга, громко шумящего от ударов быстрых разбивающихся волн, поднимаемых сильным ветром». И вот, видя его, заяц возразил ей, трепеща внутри от страха: «Оставь этого низкого. Сказано ведь:

Не надо низким доверять, надевшим святости покров. |
Кто у источников святых монахов жадных не видал?» (87)

А Дадхикарна, скрывавший свои прирожденные свойства, чтобы легким способом добывать средства к жизни, услышал эти слова. И чтобы вызвать в них доверие, он поспешно обратил морду к солнцу, уселся на задние лапы, поднял вверх передние, зажмурил глаза и, желая обмануть их благочестивыми мыслями, произнес такое добродетельное наставление: «Увы! Бесплодна эта сансара. Мгновенна бренная жизнь. Сновидению подобно общение с любимыми. Сетям Индры[41] подобна жизнь с семьей. Нет поэтому другого пути, кроме добродетели. Сказано ведь:

Лишенный добродетели влачит бесплодно дни свои, |
Словно кузнечные мехи, хоть дышит он, да не живет. (88)

А также:

Не прикрывает наготы, не отгоняет комаров, |
Никчемна, как собачий хвост, ученость без любви к добру. (89)

И затем:

Лишенный добродетели — как мошка средь живых существ, |
Зерно пустое среди ржи, термит между крылатыми. (90)

Что лучше масла в твороге, цветка с плодом — на дереве, |
Масла сезама — в пирожке и в людях — добродетели? (91)

Быть стойкими во всех делах рекомендуют мудрецы. |
Пусть много на пути преград, скор шаг у добродетели. (92)

К чему здесь лишние слова? Кратка суть добродетели: |
Кто помогает ближним — чист, кто им вредит — свершает грех». (93)

И услышав его добродетельное наставление, заяц сказал: «О куропатка! На этом берегу реки стоит отшельник, произносящий благочестивые речи. Так спросим его». Куропатка ответила: «Ведь по своей природе он — наш враг. Поэтому спросим его, став подальше». И оба они начали его спрашивать: «Эй, отшельник, наставник в законе! У нас возник спор. Дай же нам совет, согласный с учением закона. Кто говорит неправду, пусть будет съеден тобой». Тот ответил: «Дорогие! Не говорите так. Я отвернулся от жестоких дел, указывающих дорогу в ад. Сказано ведь:

Не убивать — вот высший долг, несущий благо общее. |
Даже клопам, москитам, вшам не надо причинять вреда. (94)

Кто даже вредным существам начнет страданья причинять, |
Тот за жестокость в ад сойдет. Что ж о достойных говорить? (95)

И даже те, которые при жертвоприношении убивают скот, не знают в своей глупости высшего смысла священных книг. А если кем-то сказано:

«Следует приносить в жертву коз», то «козы» означает там семилетние зерна риса, которые, как это само собой понятно, не дают всходов [42]. Сказано же:

Ведь если тот, кто рубит лес, кто режет скот и весь в крови, |
Достоин быть на небесах, то кто же должен в ад идти? (96)

Поэтому я никого не съем. Однако я стар и плохо слышу издали ваш разговор друг с другом. Как же определю я победу и поражение? Зная это, подойдите ближе и расскажите мне о вашей тяжбе. Тогда я скажу свое слово, зная, в чем суть спора, и не наложу на себя оков в том мире. Сказано ведь:

Из гнева иль из жадности, из страха иль из гордости |
Кто даст решенье ложное, тот в преисподнюю сойдет. (97)

А также:

Ложь о скоте погубит пять, о телке — десять родичей, |
Ложь о девице — сто родных, о человеке — тысячу. (98)

Поэтому доверьтесь мне и отчетливо говорите прямо в мое ухо». К чему много слов? Этот низкий вызвал в них такое доверие, что они приблизились к нему. И тогда он одновременно схватил одного из них лапой, а другого зубами, схожими с пилой. Так оба они лишились жизни и были съедены.

[*Окончание рассказа первого*]

Поэтому я и говорю: «Когда злодей свершает суд. . .». Так и вы, взяв в судьи эту злодейку, слепую днем, и сами слепые ночью, пойдете путем зайца и куропатки. Поэтому подумайте и делайте, что надлежит». И выслушав его речь, все птицы сказали: «Хорошо он говорил». И со словами: «Мы еще раз сойдемся для избрания царя и посоветуемся друг с другом», они отправились туда, откуда прилетели. Одна сова, сидевшая на почетном сидении и ожидавшая помазания, осталась там вместе с крикаликой [43] и сказала: «Кто, кто здесь? Эй! Неужели и теперь не будет совершено помазание?» Услышав это, крикалика ответила: «Дорогая! Ведь ворон нашел средство помешать твоему помазанию, и те птицы разлетелись в разные стороны. Один только этот ворон почему-то остался здесь. Поднимись же скорей,

чтобы я отвела тебя в твое жилище». Услышав это, опечаленная сова сказала: «Ах, ты злодей! Чем я обидела тебя, что ты помешал помазать меня на царство? Поэтому с сегодняшнего дня между нами вражда. Сказано ведь:

Проходят раны от стрелы, лес вырастает срубленный, |
Но раны от дурных речей не заживают никогда». (99)

И когда она с крикаликой ушла в свое жилище, ворон подумал: «Увы! Своими речами я вызвал напрасную вражду. Сказано ведь:

Коль речь звучит грубая, беспричинная,
Не подходя к месту или ко времени, |
И лишь позор для говорящего несет,
То эта речь схожа с отравой гибельной. (100)

vaṁça

А также:

Пусть наделен силою ты великою,
И все равно бойся нажить себе врага. |
Ведь кто умен, разве захочет яд принять,
Решив, что врач сможет от яда вылечить? (101)

vaṁça

Не должен просвещенный человек
Дурные речи говорить в собраньи. |
Даже о правде умолчи,
Коль может принести она несчастье. (102)

ār

И также:

Кто, вняв друзьям, тщательно все обдумавшим,
И обсудив каждое слово, действует, |
Сомнений нет — тот обладает разумом.
Таким путем к счастью и славе он придет»[44]. (103)

vaṁça

И поразмыслив так, ворон покинул то место.

И вот, таким образом, дитя, у нас наследственная вражда с совами». Мегхаварна спросил: «Отец! Что нам делать в таком положении?» Тот отве-

тил: «Даже в таком положении есть другое надежное средство, кроме шести способов. Применив его, я сам пойду, чтобы одержать победу, и, обманув этих врагов, сделаю так, что они погибнут. Сказано ведь:

Кто полон знаний и ума — обманет даже сильного. |
Так у брахмана жулики обманом отняли козла». (104)

Мегхаварна спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Жил в одном городе брахман по имени Митрашарман[45], заботившийся о поддержании жертвенного огня. Как-то раз в месяце магха[46], когда веял приятный ветерок, небо было покрыто облаками и Парджанья[47] посылал тихий-тихий дождик, он отправился в одну деревню, чтобы попросить жертвенное животное, и попросил какого-то жертвователя: «Эй, жертвователь! В наступающую ночь новолуния я буду приносить жертву. Дай же мне одно животное». И тот, согласно закону, дал ему откормленное животное. А брахман, видя, что оно пригодно и бегает взад и вперед, взвалил его на плечи и отправился в свой город. И когда он шел по дороге, его встретили три жулика с исхудавшими от голода шеями. Тогда, видя взваленное на его плечи откормленное животное, они сказали друг другу: «Эй! Если мы съедим это животное, то не повредит нам сегодняшний снегопад. Так возьмем у него обманом жертвенное животное и защитимся от холода». И вот один из них, переменив одежду и встретив его на боковой дороге, сказал блюстителю священного огня: «Эй, эй, хранитель огня! Зачем совершаешь ты смешное, запретное у людей дело, неся поднятую на плечи нечистую собаку? Сказано ведь:

Собака, чáндала, петух — все одинаково грязны, |
Верблюд с ослом — еще грязней. Да не коснется их никто!» (105)

Тогда, полный гнева, тот ответил: «Разве ты ослеп, что принимаешь жертвенное животное за собаку?» Тот ответил: «Брахман! Не следует тебе гневаться. Иди как хочешь». И когда он прошел немного дальше по дороге, то встретил его второй жулик и сказал: «Увы! Горе, горе! Если и любишь ты,

блаженный, этого мертвого теленка, все равно не следует поднимать его на плечи. Сказано ведь:

Глупец, коснувшись мертвеца иль падали, очистится |
Пятью продуктами коров[48], а также чандраяною»[49]. (106)

Тогда он с гневом ответил: «Эй! Разве ты ослеп, что называешь жертвенное животное теленком?» Тот сказал: «Не гневайся, блаженный. Я сказал это по неведению. Иди поэтому как тебе нравится». Еще немного углубился он в лес, и тут третий жулик, переменивший одежду, встретился с ним и сказал: «Эй! Не годится, что ты взвалил на плечи осла и несешь его. Сказано ведь:

Коль тронет человек осла нарочно иль нечаянно, |
Для искупления греха одетый пусть омоется. (107)

Оставь же его, пока никто другой не увидел». Тогда решив, что это — ракшаса в образе жертвенного животного, он от страха бросил его на землю и побежал к своему дому. А те трое сошлись вместе и, взяв это животное, исполнили свое намерение.

Поэтому я и говорю: «Кто полон знаний и ума. . .». Хорошо ведь говорится:

Услужливостью нового слуги,
Речами гостя, слезами распутницы |
И хитрыми словами жулика
Кого угодно можно обмануть. (108)

ār

К тому же даже со слабыми не следует затевать вражду, если их много. Сказано ведь:

Коль многочисленны враги, то нелегко их победить. |
Ведь как ни извивался змей, его загрызли муравьи». (109)

Мегхаварна спросил: «Как это?» Стхирадживин рассказал:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

«Жил в одном муравейнике большой черный змей по имени Атидарпа [50]. Как-то он оставил дорогу, ведущую из норы, и стал выползать через другое маленькое отверстие. И вот по воле судьбы, выползая, он из-за своей величины и узости отверстия поранил тело. И вот муравьи, следуя по запаху крови, текущей из ран, окружили его со всех сторон и начали беспокоить. Одних он убил, другим нанес увечья, но так как их было необычайно много, они искусали все его тело, и от многочисленных раскрывшихся ран Атидарпа отошел в небытие.

Поэтому я и говорю: «Коль многочисленны враги. . .». И кроме того, божественный, мне надо кое-что сказать и это следует обсудить, обдумать и исполнить». Мегхаварна сказал: «Отец! Поведай, что лежит у тебя на сердце». Стхираджвин ответил: «Дитя! Если так, слушай. Кроме тех способов, первый из которых — дружба, я придумал следующий пятый способ: поступи со мной, как с недругом, выругай самыми бранными словами, обмажь меня принесенной для этого кровью, чтобы вызвать доверие соглядатаев, посланных врагом, и, бросив под этот баньян, отправляйся на гору Ришьямука [51]. Там ты должен оставаться вместе со спутниками, пока я с помощью хорошо задуманного плана не вызову доверия у врагов, исследую внутренность их крепости и погублю их, ничего не видящих днем. Поразмыслив, я убедился, что в их крепости не окажется даже выхода. Сказано ведь:

Ту крепость крепостью зовут, в которой выход есть всегда, |
А если нет в ней выхода — не крепость это, а тюрьма. (110)

А ты не должен проявлять ко мне сострадания. Сказано ведь:

Пусть дорог и любим слуга, пускай дороже жизни нам, |
Но если битвы час настал, он — лишь сухое топливо. (111)

Поэтому ты не должен удерживать меня в этом деле. Ведь:

Как жизнь свою, храни слугу, корми, как самого себя, |
Для тех его готовя дней, когда начнется бой с врагом». (112)

И сказав это, он стал делать вид, что ссорится с царем. Тогда другие слуги, видя, что Стхираджвин безудержно дерзит царю, бросились, чтобы

убить его, но Мегхаварна сказал им: «Эй, отойдите! Я сам накажу этого злодея, перешедшего на сторону врагов». Сказав так, он взобрался на него, нанес ему легкие удары клювом, обмазал приготовленной для этого кровью и, как тот ему советовал, отправился со спутниками на гору Ришьямука.

Между тем крикалика, бывшая вражеским соглядатаем, отправилась к царю сов и рассказала ему о несчастье, постигшем советника Мегхаварны. И услышав это, повелитель сов вместе со спутниками приготовился на заходе солнца в поход, чтобы убить ворон, и сказал: «Эй, торопитесь, торопитесь! Испуганный враг обратился в бегство, и его легко захватить. Сказано ведь:

Коль слабость проявляет враг, бежит он, чтоб приют найти, |
Затем — смятенья полон он, и побеждает царь его». (113)

С этими словами они направились со всех сторон к баньяновому дереву. Когда же там не было найдено ни одной вороны, обрадованный Аримардана поднялся на ветку дерева и, прославляемый певцами, сказал: «Эй! Известен ли путь их похода? Какой дорогой они бежали? Пока они не достигли крепости, я перебью их, следуя за ними по пятам».

И в это время Стхирадживин подумал: «Если эти враги, узнав, что с нами произошло, уйдут туда, откуда пришли, то я ничего не сделаю. Сказано ведь:

Дел никаких не начинать — вот первый признак мудрости. |
Начавши же, доканчивать — вот признак мудрости второй. (114)

Так лучше не начинать дела, чем оставлять начатое. Поэтому я подам голос и покажусь им». Поразмыслив так, он издал слабый-слабый звук. И слыша это, те совы устремились, чтобы убить его. Тогда Стхирадживин сказал: «Эй! Я — советник Мегхаварны, по имени Стхирадживин. В такое состояние привел меня Мегхаварна. Сообщите об этом вашему господину. Мне надо многое сказать ему». И когда царю сов передали это, он с удивлением подошел к нему, покрытому рубцами от ран, и сказал: «Эй! Как пришел ты в такое состояние? Расскажи об этом». Стхирадживин ответил: «Послушай, божественный. Вчера, увидя, что вы убили много ворон, этот злодей Мегхаварна с мыслями, полными гнева и печали, направился к вашей крепости. Тогда я сказал: «Не следует тебе идти туда. Ведь они сильны, а мы лишены сил. Сказано ведь:

Когда желаешь ты благополучья,
То даже в мыслях не враждуй с сильнейшим. |
Убить врага ты все равно не сможешь,
А сам, подобно мотыльку, погибнешь. (115)

upa

Поэтому следует заключить мир, поднеся ему дары». Услышав это и подозревая, что я перешел на твою сторону, он, подстрекаемый дурными подданными, привел меня в такое состояние. Поэтому теперь мое прибежище у твоих ног. К чему много слов? Пока есть у меня силы двигаться, я поведу тебя в его жилище и погублю всех ворон».

Услышав это, Аримардана стал советоваться с министрами, перешедшими к нему по наследству от отца и деда. А было у него пять министров: Рактакша, Круракша, Диптакша, Вакранаса и Пракаракарна [52]. И вот он спросил первым Рактакшу: «Дорогой! Как следует поступить при таких обстоятельствах?» Тот ответил: «Божественный! Что тут думать? Убей его, не размышляя. Ведь:

Убейте слабого врага, пока лишен он сил своих. |
Когда могучим станет он, им трудно будет овладеть. (116)

И к тому же есть в мире поговорка: «Счастье, само пришедшее к тебе, уходя, приносит проклятие». Сказано ведь:

Однажды лишь приходит к нам мгновенье подходящее, |
И долго снова ждут его желающие действовать. (117)

И говорят ведь:

Гляди: пылает здесь костер и капюшон разорван мой. |
Когда поссорились друзья, то трудно снова им сойтись». (118)

Аримардана спросил: «Как это?» Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

«Жил в одном городе некий брахман, проводивший время в бесплодных занятиях земледелием. Однажды в конце жаркого времени года измученный зноем он лег спать в тени дерева посреди своего поля. И видя, как недалеко от него над муравейником страшный змей протягивает свой большой

вздутый капюшон, он подумал: «Наверное, я ни разу не почтил это божество поля. Вот и не приносит мне плодов занятие земледелием. Поэтому я окажу ему почет». Подумав так, он попросил в одном месте молока, налил его в тарелку, подошел к муравейнику и сказал: «О хранитель поля! Все это время я не знал, что ты здесь живешь, и поэтому не оказывал тебе почета. Будь же теперь милостив». Сказав это и предложив ему молока, он пошел домой. И когда, придя утром, он поглядел на то место, то увидел на тарелке один динар. Так он приходил туда каждый день, давал ему молоко и получал по одному динару.

И однажды брахман поручил сыну нести к муравейнику молоко, а сам отправился в деревню. А мальчик принес туда молоко, поставил его и вернулся домой. Когда же на следующий день он пришел туда и увидел один динар, то подумал: «Несомненно, этот муравейник наполнен динарами. Поэтому я убью змея и все возьму себе». Решив так и принеся на следующий день молоко, сын брахмана ударил змея дубинкой по голове. А тот, еле оставшись в живых по воле судьбы и разгневавшись, так укусил его своими остроконечными зубами, что он сразу отошел в небытие. Тогда родственники его сложили груду поленьев недалеко от поля. И на второй день вернулся его отец. Узнав от родственников о причине смерти сына и поразмыслив об этом, он сказал:

«Кто с ищущим убежища жестоко обращается, |
Теряет тот свое добро, как гуси в Лотосном пруду». (119)

Люди спросили: «Как это?» Брахман рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

«Жил в одном городе царь по имени Читраратха [53]. Был у него пруд под названием «Лотосный», зорко охраняемый воинами. Там жило много гусей из золота, которые каждые шесть месяцев теряли по одному перу из хвоста. И как-то пришла к тому пруду большая золотая птица. Тогда они сказали: «Ты не должна жить среди нас, потому что мы получили этот пруд, давая за него плату по одному перу из хвоста каждые шесть месяцев». К чему здесь много слов? Началась обоюдная вражда. Тогда та прибегла к защите царя и сказала: «Божественный! Вот как говорят эти птицы: «Что сможет сделать нам царь? Никому не отдадим мы жилища». Я же сказала: «Нехорошо вы говорите. Я пойду и передам это царю». Пусть же божественный решит при

таких обстоятельствах». Тогда царь сказал слугам: «Эй! Идите туда, убейте всех птиц и скорей принесите их». И вслед за приказом царя они отправились. Тогда, видя царских слуг с дубинками в руках, одна старая птица сказала: «О родные! Случилось несчастье. Будем же все единодушны и быстро поднимемся вверх». И они так и сделали.

[*Окончание рассказа шестого*]

Поэтому я и говорю: «Кто с ищущим убежища. . .». И сказав это, брахман снова взял на рассвете молоко, пошел туда и, чтобы вызвать доверие змея, сказал: «По собственной вине отошел мой сын в небытие». Тогда змей ответил: «Гляди: пылает вот костер. . .».

Поэтому, убив его, ты без усилий освободишь свое царство от врагов».

И выслушав его речь, он спросил Круракшу: «Дорогой! Что же думаешь ты?» Тот ответил: «Божественный! Безжалостно то, что он сказал, потому что нельзя убивать ищущего убежища. И право же, хорош этот рассказ:

Преданье есть о голубе, который, увидав врага, |
Почтил его, бездомного, и мясом угостил своим». (120)

Аримардана спросил: «Как это?» Круракша рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ[54]

«Однажды страшный птицелов, неумолимый, как судьба, |
Бродил по лесу темному, исполненный жестокости. (121)

Не знал давно он ни друзей, ни спутников, ни родичей, |
Всех оттолкнули от него дела бесчеловечные. (122)

Ведь несомненно:

Кто страх внушает существам, жестокосерден кто и зол, |
Кто беспощадно сеет смерть, тот — словно страшная змея. (123)

Дубинку, клетку и силки с собой в дорогу захватив, |
Он на охоту уходил, убийца низкий всех живых. (124)

И вот когда он был в лесу, кругом стемнело вдруг от туч, |
И буря началась с грозой, как будто рушился весь мир. (125)

Смятенье в сердце чувствуя и трепетом охваченный, |
Он спрятался под деревом, ища себе убежища. (126)

Когда же на мгновение вдруг прояснились небеса, |
Сказал с надеждой в сердце он: «Пусть даст приют мне божество!» (127)

Меж тем на ветке дерева в одном отверстье голубь жил, |
И долго не видав жены, он горько начал сетовать: (128)

«Бушует буря, дождь идет, и до сих пор любимой нет. |
Что стану делать без нее в осиротелом я гнезде? (129)

Тогда лишь домом будет дом, когда хозяйка в нем живет, |
А дом, лишенный госпожи, подобен лесу для меня. (130)

Тот, кто любим своей женой, кому всегда она верна, |
С кем делит радости его, — воистину счастливец тот». (131)

Голубка ж, в клетке находясь, услышала его слова |
И, радости исполнившись, ответила ему тогда: (132)

«Лишь ту, что мужа радует, женою можно называть. |
Ведь если муж доволен ей, довольны также божества. (133)

Словно лиана юная, дотла спаленная огнем, |
Пусть в пепел обратится та, которой недоволен муж». (134)

И снова она сказала:

«Послушай же, любимый мой, совет полезный дам тебе: |
Любой ценою охраняй просящего о помощи. (135)

Гляди: вот этот птицелов пришел к жилищу твоему. |
Замерз он, мучим голодом, — прими его почтительно. (136)

И говорят ведь:

Коль гость, придя к хозяину, не будет принят вечером, |
Он даст ему свои грехи, его заслуги взяв себе. (137)

И злобы не питай к нему при мысли: «Он поймал ее». |
Ведь это — неизбежный плод всего, что совершила я. (138)

Потому что:

Недуг, страданья, нищета, оковы и несчастия — |
Все это горькие плоды от древа наших прежних дел. (139)

Отбрось же ненависть к нему за то, что он поймал меня, |
К добру свой разум устреми и окажи ему почет». (140)

И вот, услышав эту речь, исполненную мудрости, |
Оставил смело он гнездо и так сказал охотнику: (141)

«Привет тебе, мой дорогой! Скажи, что сделать для тебя. |
Не надо беспокоиться: ведь здесь — твое убежище». (142)

И выслушав его слова, сказал ему убийца птиц: |
«Прими меня и обогрей. Дрожу я весь от холода». (143)

Тогда, пойдя на поиски, принес он уголь тлеющий |
И поскорей разжег костер, сухие листья подложив. (144)

«Присядь доверчиво к огню и члены обогрей свои! |
Но пусто у меня в гнезде и нечем накормить тебя. (145)

Кто может тысячу кормить, кто — сотню, кто — десятерых, |
А я, лишенный добрых дел, даже себя с трудом кормлю. (146)

Что пользы в доме жить своем? Ведь много тягот он несет |
Тому, кто гостя одного не в состояньи накормить. (147)

И так поэтому теперь я с телом поступлю своим, |
Что не услышит слова «нет» проситель бедный от меня». (148)

Так, самого себя браня, а не того охотника, |
Сказал затем он: «Подожди. Насыщу скоро я тебя!» (149)

И радости исполненный, сияя добродетелью, |
Он обошел кругом огонь и, как в свой дом, вступил туда. (150)

Когда ж охотник увидал, как голубь бросился в огонь, |
То произнес печально он, от состраданья мучаясь: (151)

«Кто совершает тяжкий грех, тот самому себе же враг: |
Ведь неизбежно он вкусит плоды злодейства своего. (152)

И так же я, безжалостный, стремящийся к дурным делам, |
Сойду за это в страшный ад. Какое здесь сомнение? (153)

Но мне, жестокосердному, хороший показал пример |
Вот этот голубь праведный, что гостю мясо дал свое. (154)

Поэтому отныне я лишу себя всех радостей |
И тело иссушу свое, как сушит влагу летний зной. (155)

И в холод, и в жару, и в дождь, покрытый пылью и худой, |
Поститься буду всячески, стремясь к великой святости». (156)

И вот сломал он западню, дубинку, клетку, колышки |
И из неволи выпустил голубку эту бедную. (157)

А та, увидев, что супруг вошел в костер пылающий, |
Не в силах горе вынести, с тоскою стала сетовать: (158)

«Что стану делать без тебя, мой повелитель дорогой? |
Бесплодна жизнь у женщины, лишенной мужа своего. (159)

Ведь гордость и достоинство, почтенье и любовь родных, |
И уваженье среди слуг теряет бедная вдова». (160)

Так, сетуя на все лады, отчаяньем охвачена, |
Голубка преданная та вошла в пылающий огонь. (161)

И вот супруга своего тогда она увидела, |
На колесницу ставшего в небесных одеяниях. | (162)

Бессмертным телом наделен, он так жене своей сказал: |
«Как хорошо, прекрасная, что ты за мною следуешь! (163)

Ведь тридцать пять миллёнов лет — сколько на теле волосков — |
Живет на небе та жена, что за супругом следует». (164)

Так, исполненный радости, он поднял ее на небесную колесницу, заключил в объятья и счастливо стал жить с ней. А охотник, ощутив высшее отвращение к миру и стремясь к смерти, углубился в дремучий лес.

И увидав лесной пожар, вступил туда в отчаяньи;
В огне он сжег свои грехи и неба удостоился. (165)

Поэтому я и говорю: «Преданье есть о голубе. . .». Услышав это, Аримардана спросил Диптакшу: «Что думаешь ты при таких обстоятельствах?» Тот сказал:

«Будь счастлив, благодетель мой! Бери что хочешь у меня. |
Всегда жене внушал я страх, а нынче ласкова она!» (166)

А вор ответил:

«Не вижу, что мне взять сейчас, а если будет что-нибудь, |
Опять приду, когда жена не будет обнимать тебя». (167)

Аримардана сказал: «Кто это та, которая не обнимает, и кто этот вор? Я хочу подробно услышать». Диптакша рассказал:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

«Жил в одном городе старый купец по имени Каматура [55]. После смерти своей жены он потерял рассудок от любви и женился на дочери бедного купца, дав большой выкуп. А она, охваченная печалью, даже видеть не могла этого старого купца. Ведь сказано по этому поводу:

Коль у мужчины голова сединой покрыта,
Одно презренье из-за этого он встречает; |
Обходят девушки его, точно он нечистый
Колодец ча́ндалы[56], усыпанный весь костями. (168)

vasa

А также:

Согнулася спина, зубов уж нет во рту, ||
и еле ходят ноги,
Ослеп, и красота осталась позади, ||
и рот слюну пускает. |

Уж не хотят родные слушаться его, ||
жена не уважает,
И даже сын родной не хочет почитать. ||
О горе, горе старцу! (169)

çārdū

И как-то раз, когда она, отвернувшись, лежала с ним на одной постели, в их дом забрался вор. И увидев этого вора, она, охваченная страхом, обняла даже своего старого супруга. А он с поднявшимися по всему телу волосками подумал в изумлении: «Да! Что это она теперь обнимает меня?» И когда он внимательно посмотрел, то увидел в одном углу дома вора и подумал: «Несомненно она обнимает меня, напуганная им». И обнаружив это, он сказал тому вору: «Будь счастлив, благодетель мой! Бери что хочешь у меня. . .». А вор ответил: «Не вижу, что мне взять сейчас. . .».

Поэтому даже о приносящем пользу воре хорошо думают. Что же говорить о прибегшем к защите? И кроме того, он обижен ими и поэтому сможет принести нам пользу и показать их слабые места. По этой причине его не следует убивать».

Услышав это, Аримардана спросил другого советника, Вакранасу: «Дорогой! Что следует делать теперь при таких обстоятельствах?» Тот сказал: «Божественный! Не следует его убивать. Ведь:

Даже враги полезны нам, коль ссорятся между собой. |
Брахмана вор от смерти спас, а ра́кшаса сберег коров». (170)

Аримардана спросил: «Как это?» Вакранаса рассказал:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

«Жил в одном селении бедный брахман, все имущество которого состояло в одном подаяньи. Всегда лишенный изысканных одежд, мазей, благовоний, венков, украшений, бетеля и других предметов роскоши, покрытый длинными волосами на голове и теле, отрастивший бороду и ногти, он изнурял плоть холодом, зноем, дождем и другими лишениями. И вот кто-то дал ему из сострадания пару телок, а брахман вырастил их, еще маленьких, и откормил, давая им сливочное и сезамовое масло, ячмень и другую пищу. И видя это, один вор сейчас же подумал: «Утащу-ка я у этого брахмана пару коров».

Решив так, он взял ночью петлю для связывания, но, когда отправился, встретил на полпути существо с редкими острыми зубами, носом, вытянутым словно тростник, неровно посаженными глазами, с множеством жил, выступающих на теле, с высохшими щеками и с телом и бородой красновато-коричневого цвета, словно огонь хорошей жертвы. И видя его, вор спросил, дрожа от сильного страха: «Кто ты?» Тот ответил: «Я — брахмаракшаса [57] Сатьявачана [58]. Назови и ты себя». Тот сказал: «Я — вор Круракарман [59], отправился, чтобы увести пару коров у бедного брахмана». Тогда, почувствовав доверие, ракшаса сказал: «Дорогой! Я принимаю пищу раз в три дня вечером [60]. Поэтому сегодня я съем этого брахмана. Как хорошо! Ведь у нас — одна цель». Тогда оба пошли туда и остановились в уединенном месте, поджидая удобного времени. И когда брахман лег спать, ракшаса отправился съесть его. Видя это, вор сказал: «Дорогой! Неправильно это. Съешь брахмана после того, как я уведу пару коров». Тот сказал: «А что, если этот брахман проснется от эха? Бесполезным окажется тогда мое предприятие». Вор сказал: «Да ведь и ты, принявшись за еду, можешь встретить какое-нибудь препятствие, и я не смогу тогда увести пару коров. Поэтому сначала я уведу пару коров, а потом ты съешь брахмана». Так, споря кому из них быть первым, они поругались и своими криками разбудили брахмана. Тогда вор сказал ему: «Брахман! Этот ракшаса хочет съесть тебя». А ракшаса сказал: «Брахман! Этот вор хочет увести у тебя пару коров». Услышав это, брахман поднялся и, внимательно посмотрев, спас себя от ракшасы размышлением о боге-хранителе, а пару коров от вора—поднятой дубинкой.

Поэтому я и говорю «Даже враги полезны нам. . .». И еще:

Ведь Ши́би [61] добродетельный и к чистоте стремящийся |
Дал мясо соколу свое и голубя от смерти спас. (171)

Несправедливо поэтому убивать прибегающего к защите».

И обдумав его речь, он спросил Пракаракарну: «Скажи, что ты сейчас думаешь?» Тот ответил: «Божественный! Не следует убивать его, потому что, сохранив ему жизнь, можно будет впоследствии счастливо проводить с ним время во взаимной любви. Сказано ведь:

Кто слабости взаимные не держит втайне, гибнет тот, |
Как змей, живущий в животе, и змей из муравейника». (172)

Аримардана спросил: «Как это?» Пракаракарна рассказал:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

«Жил в одном городе царь по имени Девашакти [62]. У сына его в животе, словно в муравейнике, жил змей, и у того с каждым днем истощалось от этого все тело. И вот из-за отвращения к жизни этот царевич ушел в другую страну. Он собирал подаяние в одном городе, а оставшееся время проводил в большом храме. А в том городе жил царь по имени Бали. Были у него две молодые дочери. И одна из них, подходя каждый день к стопам отца, говорила: «Побеждай, великий царь!», а другая — «Вкушай то, что суждено, великий царь!» И вот, услышав это однажды, разгневанный царь сказал: «Эй, советники! Отдайте эту дочь, ведущую дурные речи, какому-нибудь чужестранцу, чтобы она вкусила то, что суждено». И министры согласились, сказав: «Да будет так!», дали ей небольшую свиту и выдали за того царевича, жившего в храме.

А она, радуясь сердцем, приняла этого супруга, словно бога, и пошла с ним в другую страну. И затем в окрестностях одного отдаленного города на берегу пруда она поручила царевичу охранять жилище, а сама вместе со спутниками пошла купить сливочного и сезамового масла, соли, риса и другую еду. Когда же она вернулась, совершив покупки, царевич этот спал, положив голову на муравейник, и изо рта его высовывался змеиный капюшон, вбиравший воздух. И там же из муравейника выполз другой змей и делал то же самое. Когда они увидели друг друга, глаза у них покраснели от гнева, и змей в муравейнике сказал: «Эй, злодей! Зачем ты так мучаешь царевича, прекрасного с ног до головы?» Находящийся во рту ответил: «А почему, злодей, ты осквернил пару кружек, полных золота?» Так открыли они слабые стороны друг друга. И снова находящийся в муравейнике сказал: «Эй, злодей! Неужели никто не знает, что если выпить горчицы, то ты погибнешь от этого средства?» Тогда находящийся в животе сказал: «А разве никто не знает, что ты погибнешь от горячей воды?» А царевна эта, стоя за кустом и слыша их разговор друг с другом, так и поступила. Излечив супруга и добыв большое богатство, она отправилась в свою страну и, с почетом принятая отцом, матерью и родственниками, счастливо зажила, достигнув предназначенных ей благ.

Поэтому я и говорю: «Кто слабости взаимные. . .».

И услышав это, Аримардана на том и порешил. И видя, что произошло, Рактакша снова сказал, скрывая насмешку: «Горе, горе! Погубили вы господина своим неразумием. Сказано ведь:

Где недостойных чествуют и презирают праведных, |
Там трое: голод, смерть и страх найдут себе прибежище. (173)

А также:

Пусть ясно видит зло глупец — смягчится он от нежных слов. |
Тележник так на голове понес жену с любовником». (174)

Советники спросили: «Как это?» Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

«Жил в одной местности тележник. Его распутная жена пользовалась у людей дурной славой. И подумал он о том, что ее надо испытать: «Как бы мне ее испытать? Сказано ведь:

Коль станет холоден огонь или горячею луна, |
Коль станет праведным злодей, то будет верной женщина. (175)

А я знаю по людской молве, что она неверна. Сказано ведь:

Даже и то, что в книгах Вед и в Ша́страх [63] отыскать нельзя, |
Все, что в яйце у Брахмы [64] есть, известно то людской молве». (176)

Подумав так, он сказал жене: «Милая! Утром я пойду в другую деревню и проведу там несколько дней. Поэтому приготовь мне какую-нибудь подходящую пищу на дорогу». А она, слыша его слова, возбужденная и с радостью в сердце, оставила все дела и приготовила превосходную еду, изобилующую маслом и сахаром. И хорошо ведь говорится:

Ненастье, темнота густая,
Глухие городские закоулки |
И муж, отправившийся вдаль,
Всегда лишь радуют развратную жену [65] (177)

ār

И вот, поднявшись на заре, он вышел из дому. А та, видя, что он ушел, кое-как провела этот день, с улыбкой украшая свое тело. И затем, придя в дом еще до этого знакомого ей любовника, она сказала ему: «Мой негодный муж отправился в другую деревню. Приходи поэтому ко мне домой, когда люди уснут». А пока это происходило, тележник, проведя день в лесу, проник вечером в свой дом через боковую дверь и спрятался там под кроватью. Между тем тот Девадатта [66] пришел туда и забрался на постель. Увидя его, тележник подумал с сердцем, полным гнева: «Не подняться ли мне сейчас и убить его или одним ударом уничтожить их обоих, когда они заснут? Или погляжу я пока на ее поведение и послушаю разговор с ним». Между тем она осторожно закрыла дверь дома и поднялась на постель.

И поднимаясь, она задела ногой голову тележника. Тогда она подумала: «Несомненно, негодный тележник сделал так, чтобы испытать меня. Что ж, я покажу, что знакома с женскими повадками». Пока она думала так, Девадаттой овладело желание коснуться ее. Тогда, сложив ладони, она сказала: «О великодушный, ты не должен касаться моего тела». Тот ответил: «В таком случае, зачем же ты позвала меня?» Она сказала: «О! Сегодня на заре я пошла в храм Чандики [67], чтобы увидеть божество. И там неожиданно раздался голос в воздухе: «Что мне делать, дочь? Хоть ты и преданна мне, все равно через шесть месяцев станешь вдовой по воле судьбы». Тогда я сказала: «Блаженная! Если ты знаешь о несчастьи, то знаешь и как предотвратить его. Есть ли поэтому какое- нибудь средство, чтобы супруг мой прожил сотню лет?» Тогда она ответила: «Есть и такое средство, и оно зависит от тебя». Услышав это, я сказала: «Богиня! Укажи, и я сделаю так, пусть это будет стоить мне жизни». Тогда богиня сказала: «Если, взойдя с чужим мужчиной на одно ложе, ты отдашься ему, то смертельная опасность, грозящая твоему супругу, перейдет на него, а супруг проживет еще сто лет». Поэтому я и попросила тебя. Так делай же то, что хочешь делать. Ведь нет сомнения, что неизменны слова божества». И тогда с лицом, сияющим от сдерживаемого смеха, он поступил соответствующим образом.

А этот глупый тележник, слышавший ее речь, вылез из-под кровати и с поднявшимися на теле волосками сказал: «Хорошо, преданная! Хорошо, радующая свой род! Мое сердце обеспокоили речи дурных людей, и, чтобы испытать тебя, я притворился, будто иду в деревню, а сам спрятался здесь под кроватью. Подойди же, обними меня!» Сказав это, он обнял ее, посадил себе на плечо и обратился к тому Девадатте: «О великодушный! Благодаря моим заслугам ты пришел сюда. По твоей милости я достиг столетней жизни.

Поднимись же и ты на мое плечо!» И хотя тот упирался, он силой посадил его на плечо и, танцуя, начал подходить к дверям домов всех родственников.

Поэтому я и говорю: «Пусть ясно видит зло глупец. . .». И как бы то ни было, мы вырваны с корнем и уничтожены. Право же хорошо говорится:

Врагом, принявшим друга вид, считают мудрецы того, |
Кто ложным следует путем, не слушая полезных слов. (178)

А также:

Коль в руки попадет добро к советникам несведущим, |
Оно погибнет, словно тьма от солнца восходящего». (179)

И вот все они, не обратив внимания на эти слова, подхватили Стхирадживина и повели его к своей крепости. Тогда Стхирадживин, которого они вели, сказал: «Божественный! Зачем теперь забирать меня с собой, когда я ничего не способен сделать и нахожусь в таком состоянии? Поэтому я хочу войти в пылающий огонь. Ты должен почтить меня даром огня». Тогда Рактакша, разгадав его тайные замыслы, сказал: «Почему ты хочешь броситься в огонь?» Тот сказал: «Ради вас претерпел я от Мегхаварны это несчастье. Поэтому я хочу стать совой, чтобы отомстить им за вражду». Слыша это, сведущий в царской мудрости Рактакша сказал: «Дорогой! Ты коварен и искусен в лживых речах. Даже вступив в племя сов, ты все равно высоко будешь чтить свое вороньe племя. Известен ведь этот рассказ:

Отвергнув солнце, облако, отвергнув ветер и утес, |
Сородича избрала мышь. Оставить род свой нелегко». (179)

Тот спросил: «Как это?» Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

«На берегу Ганга, чьи волны пестрят белой пеной, возникшей от плеска рыб, которые пугаются, заслышав шум воды, бьющейся о неровные, каменистые берега, стояла обитель. Наполнявшие ее отшельники усердно испол-

няли предписания йоги, произносили молитвы, предавались умерщвлению плоти, самоистязанию, изучению Вед и посту. Они стремились брать отмеренные порции чистой воды, истощали свое тело, питаясь луковицами, корнями, плодами и шайвалой [68], и покрывались одной мочальной повязкой вокруг бедер. Жил там старейшина рода по имени Яджнявалкья. Однажды, когда он омылся в Джахнави и начал полоскать рот, в его ладонь упала мышка, выпавшая из клюва сокола. Увидев ее и положив на баньяновый лист, он снова омылся, ополоскал рот, совершил искупление и другие действия и силой своей святости обратил эту мышку в девочку. Затем он взял ее с собой, вступил в обитель и сказал бездетной жене: «Возьми ее, дорогая. Она досталась тебе как дочь, и ее надо заботливо растить». И та стала растить и лелеять ее. Когда же ей исполнилось двенадцать лет, то, видя, что она пригодна для брака, мать сказала: «О супруг! Неужели не видишь ты, что у нашей дочери проходит время, пригодное для брака?» Тот ответил: «Ты хорошо сказала, милая. Сказано ведь:

Владеют боги раньше ей, гандхарвы, Агни с Сомою [69], |
А вслед за ними — уж супруг. Поэтому греха в ней нет. (181)

Дает ей Сома чистоту, гандхарвы — красноречие, |
Снимает Агни скверну всю — поэтому чиста она. (182)

До очищений — «белою», когда наступят — «красною», |
Нет волосков — то «девочкой», коль нет грудей — «нагой» зовут. (183)

Как волоски начнут расти, — ей Сома наслаждается, |
Гандхарвы — если груди есть, при очищеньях — Агни с ней. (184)

Так лучше выдай девушку до наступленья месячных. |
Советуют нам выдать дочь, как восемь лет исполнится. (185)

Ведь губят предка волоски, потомка — груди девушки, |
Людей желанных — страсть ее, а очищения — отца [70]. (186)

Та, что достигла месячных, сама уж может в брак вступить. |
«Нагою» выдавайте дочь», — так Ману нам советует. (187)

Коль несосватанной она встречает очищения, |
Распутницей считается, и лучше в брак с ней не вступать. (188)

За лучшего, за равного, даже за худшего отдать |
Немедля надо дочь свою, коль очищенья настают. (189)

Поэтому я выдам ее за равного. Сказано ведь:

Лишь те, кто меж собой равны богатствами и знатностью, |
Пусть дружат и вступают в брак. Бедняк — не пара богачу [71]. (190)

Также:

Род жениха, опекунов, характер,
Богатство, знанья, красоту и возраст — |
Семь этих качеств у него узнай ты
И выдай дочь, о прочем не заботясь. (191)

upa

Поэтому, если ей нравится, я призову блаженное солнце и выдам за него». Она сказала: «Где же здесь грех? Сделай это». Тогда отшельник призвал Савитара [72]. И немедленно явившись, тот сказал: «Блаженный! Зачем ты позвал меня?» Он ответил: «Вот стоит моя дочь. Возьми ее в жены». И сказав это, он обратился к своей дочери: «Дитя! Нравится ли тебе этот блаженный, озаряющий три мира?» Дочка сказала: «Отец! Он слишком жгуч по природе. Не хочу я его. Так позови кого-нибудь другого, лучше его». И услышав ее слова, отшельник сказал светилу: «Блаженный! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?» Светило сказало: «Сильнее меня — облако. Когда оно покрывает меня, я скрываюсь из вида». Тогда отшельник призвал облако и сказал девушке: «Дочка! Я выдам тебя за него». Та ответила: «Оно черное и холодное по природе. Так вместо него выдай меня за другого, получше». Тогда отшельник спросил облако: «О облако! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?» Оно ответило: «Сильнее меня — ветер». Тогда, призвав ветер, он сказал: «Дочка! Я выдам тебя за него». Та ответила: «Отец! Он слишком непостоянен. Так приведи кого-нибудь сильнее его». Отшельник сказал: «О ветер! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?» Вихрь ответил: «Сильнее меня — утес». Тогда отшельник призвал утес и сказал девушке: «Дочка! Я выдам тебя за него». Та сказала: «Отец! Он тверд по природе и неподвижен. Так выдай меня за другого». Отшельник спросил утес: «О царь гор! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?» Утес сказал: «Сильнее меня — мыши». Отшельник призвал мышонка, показал ей и сказал: «Дочка! Нравится ли тебе этот мышонок?» А та, увидя его и подумав: «Он — мой сородич!», сказала с поднявшимися на теле волосками: «Отец! Преврати меня в мышку и выдай за него, чтобы я исполняла обязанности хозяйки, установленные для моего рода». И силой своей святости он превратил ее в мышку и выдал за него.

Поэтому я и говорю: «Отвергнув солнце, облако. . .».
И затем, не обратив внимания на слова Ракта́кши, они ввели Стхирадживина в свою крепость на погибель собственного рода. И когда его ввели, Стхирадживин подумал, смеясь про себя:

«Из всех их он один — знаток науки поведения, |
Подавший правильный совет: «Убить его вам следует». (192)

Поэтому, если бы они послушались его, даже маленькое несчастье не постигло бы их». И вот, достигнув входа в крепость, Аримардана сказал: «Эй, эй! Предоставьте этому доброжелателю Стхирадживину то место, какое он захочет». Услышав это, Стхирадживин подумал: «Я ведь должен найти средство погубить их и не смогу достичь этого, находясь внутри, потому что они изучат все мои повадки и будут внимательны. Поселившись же у входа в крепость, я исполню задуманное». Решив так, он сказал царю сов: «Божественный! Хорошо то, что сказал господин. Однако и я знаком с разумным поведением и желаю тебе добра. Даже тот, кто предан и чист, все равно не должен жить в крепости. Поэтому, оставшись здесь, у ворот крепости, я каждый день буду нести службу, очищая тело прахом от твоих ног, подобных лотосам». И когда с этим согласились, слуги повелителя сов каждый день, вдоволь насытившись, по приказанию царя сов приносили Стхирадживину превосходную мясную пищу. Так через несколько дней он стал сильным, как павлин. И видя откормленного Стхирадживина, Ракта́кша с изумлением сказал собранию министров и царю: «Увы! Глупцы все эти министры и ты сам. Таково мое мнение. Сказано ведь:

Сначала я была глупа, затем — поймавший в сеть меня, |
А после — царь с советником. Все глупо поступили мы». (193)

Те спросили: «Как это?» Ракта́кша рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

«В окрестностях одной горы росло большое дерево. Жила там одна птица, помет которой превращался в золото. Как-то раз пришел в ту местность некий охотник. И птица эта выпустила перед ним помет, который в момент падения превратился в золото. Видя это, удивленный охотник подумал:

«Да! С самого детства занимаюсь я ловлей птиц и за восемьдесят лет ни разу не видел золота в птичьем помете». И он привязал сеть к этому дереву. А та глупая птица, полная доверия, села туда, как всегда, и в то же мгновение попалась в сеть. Тогда охотник освободил ее из сети, посадил в клетку и, принеся к себе домой, подумал: «Что мне делать с ней, несущей опасность? Ведь если кто-нибудь когда-нибудь узнает, какая она, и скажет царю, то, несомненно, жизнь моя подвергнется опасности. Поэтому я сам расскажу царю о птице». Решив это, он так и сделал. А царь, чьи глаза при виде этой птицы уподобились распустившимся лотосам, достиг высшей радости и сказал: «Эй, стражники! Хорошенько охраняйте эту птицу. Давайте ей еду, питье и все, что она захочет». Тогда советник сказал: «К чему эта птица, которую мы взяли, вняв одним лишь словам охотника, недостойного доверия? Разве бывает когда-нибудь золото в птичьем помете? Так освободите эту птицу из плена клетки». Когда же вслед за словами министра царь освободил ее, она уселась на высокую створку двери и выпустила золотой помет. И затем, прочтя стих: «Сначала я была глупа. . .», улетела по воздушному пути куда ей хотелось.

Поэтому я и говорю: «Сначала я. . .». Но даже и тогда, гонимые враждебной судьбой, они опять не обратили внимания на полезную речь Рактакши и продолжали давать тому много мяса и другой разнообразной пищи.

Тогда Рактакша тайно собрал своих приверженцев и сказал: «Увы! Конец приходит благополучию нашего владыки и его крепости. Я наставлял его так, как подобает наследственному советнику. Давайте же отправимся теперь в другую горную крепость. Сказано ведь:

Спокоен тот, кто о грядущем думает,
Печален тот, кто беззаботно действует. |
Живя в лесу, к старости я приблизился,
Но не слыхал, чтоб говорить нора могла». (194)

vaṁça

Те спросили: «Как это?» Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

«Жил в окрестностях одного леса лев по имени Кхаранакхара [73]. Как-то, бродя взад и вперед с исхудавшей от голода шеей, он не нашел никакой добычи. И достигнув к вечеру большой горной пещеры, он вошел в нее и по-

думал: «Несомненно, ночью в эту пещеру должно прийти какое-нибудь существо. Поэтому я останусь здесь, спрятавшись». И вот хозяин пещеры, шакал по имени Дадхимукха [74], начал кричать у входа: «Эй, нора! Эй, нора!» Сказав это, он замолчал и снова произнес: Эй, разве ты забыла, что мы с тобой заключили договор? Когда я возвращаюсь, то должен снаружи окликнуть тебя, а тебе следует меня позвать. Раз ты не зовешь меня сегодня, я пойду в другую нору, которая будет потом звать меня». И услышав это, лев подумал: «Несомненно, нора эта всегда приветствует его, когда он возвращается. Сегодня же из страха передо мной она молчит. Ведь сказано по этому поводу:

Кто в сердце страх почувствовал, тот всеми членами дрожит, |
Не может с места двинуться и голоса лишается. (195)

Поэтому я буду приветствовать его, чтобы он последовал на зов, вошел сюда и послужил мне пищей». Решив так, лев приветствовал его. И пещера эта наполнила эхом от львиного рева все окрестности, напугав даже далеко живущих других обитателей леса. А убегающий шакал прочел этот стих: «Спокоен тот, кто о грядущем думает. . .».

И вот, подумав об этом, вы должны идти вместе со мной». Решив так, Ракта-кша, сопровождаемый свитой своих приверженцев, отправился в другую отдаленную местность.

Когда же Ракта-кша ушел, Стхирадживин подумал, сильно обрадованный: «Да! Счастье для меня, что ушел Ракта-кша. Ведь он дальновиден, а они безрассудны. Поэтому мне легко их уничтожить. Сказано ведь:

Когда у повелителей советников разумных нет, |
В наследство им доставшихся, то гибель ждет их близкая. (196)

И хорошо ведь говорится:

Врагом считают мудрецы, принявшим вид советника, |
Того, кто ложный путь избрал, оставив нужные дела». (197)

Подумав так, он каждый день стал приносить к своему гнезду по одному куску дерева из леса, чтобы сжечь их пещеру. А те глупые совы не знали, что он увеличивает свое гнездо, чтобы сжечь их. И хорошо ведь говорится:

Кто с недругом начнет дружить, а друга сделает врагом, — |
Лишится друга старого, а новый друг—уже пропал. (198)

И вот, когда под видом гнезда у входа в крепость была собрана куча дерева, Стхирадживин на восходе солнца, когда совы перестали видеть, быстро достиг Мегхаварны и сказал: «Господин! Я приготовил к сожжению пещеру врагов. Поэтому иди вместе со спутниками, каждый из которых пусть возьмет из леса по одному пылающему куску дерева и бросит их в мое гнездо у входа в пещеру, чтобы все враги погибли от этого бедствия, словно в аду Кумбхипака» [75]. Услышав это, обрадованный Мегхаварна сказал: «Отец! Расскажи, что с тобой произошло. Давно я не видел тебя». Тот ответил: «Дитя! Сейчас не время для разговоров. Еще какой-нибудь вражеский лазутчик расскажет, что я пришел сюда. Тогда, узнав это, слепой удалится в другое место. Поэтому спеши, спеши! Сказано ведь:

Коль медлить станем мы в делах, нуждающихся в спешности, |
То божества, разгневавшись, разрушат наши замыслы. (199)

А также:

Когда обильные плоды сулит нам дело важное, |
То время выпьет сок его, коль медленно мы действуем. (200)

Ведь когда ты убьешь врагов, я вернусь домой и все спокойно расскажу».

И выслушав его слова, он и его спутники захватили концом клюва, каждый по одному, пылающие куски дерева и, достигнув входа в пещеру, бросили их в гнездо Стхирадживина. И тогда все совы, вспоминая слова Ракта-кши, получили удел, подобный аду Кумбхипака. А Мегхаварна, искоренив врагов, снова вернулся в свою крепость на баньяновом дереве.

И сидя на троне среди собрания, он с радостью в сердце спросил Стхирадживина: «Отец! Как проводил ты время, находясь среди врагов? Ведь:

Приятнее попасть в огонь тому, кто добродетелен, |
Чем с нечестивым жить врагом хотя б одно мгновение». (201)

Услышав это, Стхирадживин ответил: «Дорогой!

Коль умный человек || попал в беду, ||
то пусть своим разумом
Хороший иль дурной || отыщет путь, ||
ведущий к спасению. |
Как хобот у слона, || была рука ||
героя Кирйтина[76],
И все ж он на нее || надел браслет, ||
жене уподобившись. (202)

hari

Ведь даже те, кто просвещенны и сильны, ||
мгновения ожидая,
Должны подчас общаться с низкими людьми, ||
чья речь невыносима. |
Так Бхйме [77] самому у матсьев [78] в поварах ||
служить пришлось однажды,
И с ложкою в руке усилья тратил он, ||
от копоти весь черный, (203)

çārdū

Когда в беду || разумный попадет, ||
решить он должен в сердце,
Что в нужный миг || полезней предпринять: ||
хорошее иль злое. |
Арджу́на так, || ладони чьи грубы ||
от тетивы Гандйвы [79],
Пустился в пляс || и поясом блистал, ||
Савья́сачин [80] искусный. (204)

mandā

Стремится кто успех иметь во всех делах, ||
пусть сдерживает пыл свой
И смотрит, как идут событья чередой, ||
могучий и разумный. |
Ведь так Дхарматмаджé [81], что с Индрою был схож, ||
с Кубéрой и Антакой
И братьями любим, пришлось нести с тоской ||
три палки — символ нищих. (205)

çārdū

Величьем наделенные и красотой блиставшие, |
Два сына Ма́дри [82] мощные коров Вира́ты стерегли. (206)

Блиставшая красою юности своей, ||
из знатного семейства,
Прелестная, как Шри — богиня красоты, ||
несчастная Драупа́ди [83], |
Должна была сандал у матсьев растирать, ||
гонимая судьбою,
И грубо все кругом приказывали ей, ||
рабыней называя». (207)

çārdū

Мегхаварна сказал: «Отец! Я думаю, что совместная жизнь с врагом подобна обету «лезвие меча» [84]. Тот ответил: «Это верно. Однако нигде я не встречал такого сборища дураков. Не было там мудрых, кроме очень умного Рактакши, никем не превзойденного во многих науках. Ибо он узнал, какие у меня были замыслы. Что же до остальных министров, то это — великие глупцы, являющиеся министрами лишь на словах и лишенные истинного знания. Им даже не известно, что:

Коль вражеский пришел слуга, не надо доверять ему: |
Ведь с господином связан он и полон злобных замыслов. (208)

В то время, как он ест и пьет, сидит, иль ходит, иль лежит, ||
Грозят беспечному враги, открытые и тайные. (209)

Поэтому разумные должны усердно охранять |
Себя — пристанище трех благ. Беспечность гибель нам несет. (210)

И хорошо ведь говорится:

Кому ошибок не приносит дурной советник?
Кому страдания излишества не приносят? |
Кого удача не возносит, а смерть не губит?
Кого всем чувствам подчинение не сжигает? (211)

vasa

Бездельник славу свою губит, неверный — дружбу,
Кто жаждет денег — добродетель, калека — род свой, |
Благополучие — корыстный, распутный — знанья,
И мощь владыки неразумный советник губит. (212)

vasa

Поэтому, царь, общаясь с врагом, я словно исполнил обет «лезвие меча». То, что ты сказал, я испытал на себе. Сказано ведь:

Коль нужно это мудрому, врага несет он на плечах. |
Так смог огромный черный змей лягушек многих истребить». (213)

Мегхаварна спросил: «Как это?» Стхирадживин рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

«Жил в одной местности старый черный змей по имени Мандавиша [85]. Мысли его были таковы: «Как бы мне легким способом добывать средства к жизни?» И вот он подполз к пруду, где жило много лягушек, и притворился, что полон нерешительности. И когда он там находился, одна лягушка приблизилась к краю воды и спросила его: «Дядя! Почему ты сегодня не бродишь в поисках пищи, как прежде?» Тот сказал: «Дорогая! Откуда может быть стремление к пище у меня, гонимого судьбой? Ведь сегодня ночью, бродя в поисках вечерней пищи, я увидел одну лягушку и поспешил за ней, чтобы поймать ее. Тогда, видя меня и страшась смерти, она скрылась среди брахманов, погруженных в чтение Вед, а я не заметил, куда она ушла. И вот рассудок мой был обманут сходством, и я укусил сына одного брахмана за большой палец, находившийся у края воды на берегу пруда. Тогда он тотчас отошел в небытие. А его опечаленный отец проклял меня: «Злодей! За то, что ты укусил моего невинного сына, ты будешь возить на себе лягушек и жить тем, что они дадут тебе по своей милости». Вот я и приполз сюда, чтобы возить вас».

Тогда та рассказала об этом всем лягушкам, а они с радостью в сердце пошли все к царю лягушек по имени Джалапада [86] и сообщили ему это. Тогда, подумав: «Как необычайно!», он, окруженный министрами, поспешно вылез из пруда и забрался на капюшон Мандавиши. Все же остальные, стар и млад, влезли ему на спину. К чему много слов? Те, которым не нашлось

места, бежали вслед за ним. А Мандавиша, стремясь насытиться, показывал им всевозможные особые приемы ползанья. Тогда Джалапада, испытывая удовольствие от прикосновения к его телу, сказал ему:

«На колеснице, на слоне, носилках или лошади |
Не так приятно ехать мне, как на Манда́више верхом». (214)

И на следующий день, чтобы обмануть его, Мандавиша стал ползти медленно-медленно. Видя это, Джалапада сказал: «Дорогой Мандавиша! Почему сегодня ты везешь не так хорошо, как прежде?» Мандавиша сказал: «Божественный! От недостатка в пище нет у меня сегодня сил возить». Тогда тот сказал: «Дорогой! Поедай маленьких лягушек». Услышав это и всем телом дрожа от радости, Мандавиша поспешно ответил: «Ведь этому проклятию и подверг меня брахман. Оттого я радуюсь твоему повелению». Так он беспрепятственно стал поедать лягушат и через несколько дней стал сильным. Тогда, радуясь и смеясь про себя, он сказал:

«Лягушки эти разные попали все во власть ко мне |
На сколько времени теперь я пищей этою снабжен?» (215)

А Джалапада, чей рассудок был обманут лживой речью Мандавиши, ничего не замечал. Между тем в то место пришел другой большой черный змей. И видя, как тот возит лягушек, он удивился и сказал: «Приятель! Те, которые служат нам пищей, катаются на тебе. Необычайно это!» Мандавиша сказал:

«Известно, что не должен я лягушек на себе возить, |
Но жду я часа своего, как притворившийся брахман». (216)

Тот спросил: «Как это?» Мандавиша рассказал:

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

«Жил в одном селении брахман по имени Яджнядатта [87]. Его распутная жена, привязанная всем сердцем к другому, постоянно готовила для своего любовника пирожки с сахаром и маслом и за спиной супруга относила их ему. И как-то муж заметил это и спросил: «Дорогая! Что ты готовишь и кому

ты постоянно относишь это? Скажи правду». А она, сохранив присутствие духа, ответила супругу лживыми словами: «Есть здесь неподалеку храм блаженной Деви [88]. Совершая пост, я отношу туда жертвенные подношения, состоящие из изысканных и превосходных кушаний». И взяв это, она на его глазах отправилась к храму Деви, потому что подумала: «Благодаря этому рассказу о Деви мой муж решит: «Моя брахманка постоянно относит блаженной отборную пищу». И затем, придя к храму Деви, она спустилась к реке для омовения. Когда же она совершала омовение, муж ее, придя туда другой дорогой, стал, незамеченный, за статуей Деви. А брахманка, искупавшись, подошла к храму Деви, совершила омовение, умащивание, воскурения, жертвоприношенья и другие обряды и, поклонившись Деви, сказала: «Блаженная! Как сделать, чтобы муж мой ослеп?» Услышав это, брахман, стоявший за спиной Деви, сказал, изменив голос: «Если ты постоянно будешь кормить его маслянистыми пирожками и другими кушаньями, он скоро ослепнет». Тогда развратница с сердцем, обманутым его лживой речью, стала постоянно угощать брахмана. И вот однажды брахман сказал: «Дорогая! Я плохо вижу». Услышав это, она подумала: «Вот — награда Деви!» И тогда милый ее сердцу любовник, думая: «Что сделает мне этот слепой брахман?», стал безбоязненно приходить к ней каждый день. И вот однажды, видя, что тот вошел и приблизился к ней, брахман схватил его за волосы и до тех пор избивал дубинкой и ногами, пока тот не отошел в небытие. А ту порочную жену он прогнал, отрезав у нее нос.

[*Окончание рассказа шестнадцатого*]

Поэтому я и говорю: «Известно, что не должен я. . .». И затем, смеясь про себя, Мандавиша снова сказал: «Эти разнообразные лягушки служат мне для насыщения». Тогда, услышавши это, Джалапада подумал, сильно обеспокоенный в сердце: «Что это он сказал?» И спросил его: «Дорогой! Что за враждебные слова ты сказал?» А тот, чтобы скрыть свои замыслы, ответил: «Ничего». И так Джалапада, чей рассудок был обманут этой лживой речью, не заметил его злого замысла. К чему много слов? До того он истребил всех лягушек, что некому было даже продолжать их род.

Поэтому я и говорю: «Коль нужно это мудрому. . .». Так вот, царь! Как Мандавиша силой разума погубил лягушек, так и я погубил всех врагов. И хорошо ведь говорится:

Огонь, пылающий в лесу, не может корни повредить, |
А полноводная река с корнями губит дерево». (217)

Мегхаварна сказал: «Это так. И еще:

Ведь в том величье состоит достойных славы мудрецов, |
Что не бросают дел они даже в тяжелых бедствиях». (218)

Тот сказал: «Это так. Сказано ведь:

Остаток долга своего, огня, болезни и врага |
Уничтожайте до конца, чтобы несчастья избежать. (219)

Божественный! Счастлив ты, которому удается все начатое. Ведь не только отвагой достигают цели, но и то, что делается со знанием, также приносит победу. Сказано же:

Не до конца ведь поражает врага оружье:
Лишь знанье полную одерживает победу. |
Оружьем мы уничтожаем одно лишь тело,
А знанье род уничтожает, и мощь, и славу. (220)

vasa

Поэтому те, кто наделен знанием и отвагой, без труда достигают своей цели. Ведь:

Коль мужа впереди || удача ждет || и труд начинает он,
То мысли у него || всегда ясны || и память надежная. |
Внимателен к речам, || когда дают || советы полезные,
И радуют его || свои дела, || награды достойные. (221)

hari

Поэтому у того — власть, кто разумен в поступках, наделен щедростью и отвагой. Сказано ведь:

Достоинства в нас порождает
Общение с героем, щедрым, мудрецом. |
К достойному ж идет богатство,
А вслед за ним — почет и власть». (222)

ār

Мегхаварна сказал: «Несомненно, наука разумного поведения быстро приносит плоды. Ведь действуя согласно с ней, ты проник к Аримардане и истребил его вместе с подданными». Стхирадживин сказал:

«Пусть в делах нам || твердость необходима,
Но сначала || лучше всего быть мягким. |
Царь деревьев, || самый высокий в чаще,
Срублен нами || после молитв усердных. (223)
çāli

И кроме того, к чему, господин, те речи, которые не претворяются тут же в дело и не приносят счастья? Хорошо ведь говорится:

Коль речь робка и лишена решимости,
Коль сотни бед в каждом шагу ей чудятся, |
Коль никому пользы не видно от нее,
То эта речь будет у всех посмешищем. (224)
vaṁça

И даже в незначительных делах разумные не должны проявлять беспечность. Ведь:

«К чему усилия? — Нетрудно мне это сделать.
Зачем внимательным здесь быть?» — так, утратив разум, |
Нередко полные беспечности рассуждают.
Увы! Об этом пожалеют они в несчастьях. (225)
vasa

Поэтому, победив врагов, мой повелитель сможет уснуть сегодня, как прежде. И говорят ведь:

Спокойно можно в доме спать, когда свободен он от змей. |
Но коль змею в нем увидал, навряд ли сможешь ты уснуть. (226)

А также:

Покуда человек, исполненный надежд, ||
решительный и стойкий,
Не воплотит отважных замыслов своих ||
с умом и быстротою |

И не достигнет в мире всех желанных благ, ||
могущества, почета, —
Как может он покой почувствовать в душе ||
и отдыху предаться? (227)

çārdū

Итак, окончив начатое дело, я радуюсь в сердце. Поэтому, охраняя своих подданных, в величии зонта и трона [89], незыблемо переходящих из поколения в поколение к сыновьям и внукам, долго наслаждайся теперь царством, свободным от врагов. И ведь:

Коль царь не охраняет слуг, то бесполезна власть его, |
Подобно бесполезному соску на шее у козы. (228)

А также:

Коль царь к добру склóнен, а не к порочности,
Коль он всегда счастлив общаться с мудрыми, |
То много лет зонт с опахалом царственным
Приносят блеск счастью его великому. (229)

vaṁça

И не допускай, чтобы опьянение славой овладевало твоей душой при мысли: «Я получил царство!» Ведь непостоянно царское могущество. Словно тростник, с трудом поднимается счастье царя, а падает в мгновение, и трудно удержать его тогда даже сотней усилий. Как хорошо ни охраняй его, оно обманчиво под конец. Переменчиво оно, как мысли обезьяньего племени, держится непрочно, как вода на лепестке лотоса, меняется, как направление ветра, кратковременно, как союз с неблагородным; с ним трудно обращаться, как с ядовитой змеей; оно красиво лишь на миг, как очертания вечерних облаков, недолговечно по природе, как вереница пузырей на воде, неблагодарно, как все, наделенное плотью, и мгновенно исчезает, как груда богатств, явившихся во сне. И ведь:

Когда цари венчаются на царство,
Пусть поразмыслят о грозящих бедах. |
Ведь льются при помазаньи из кружек
С водою вместе тяжкие несчастья. (230)

upe

И никто не защищен от прихода несчастий. Сказано ведь:

Припомни, как пандавы скрылися в лесу, ||
как Рама [90] жил в изгнаньи,
Как Ври́шни [91] все погибли, Ба́ли[92] побежден, ||
как На́ла [93] власть утратил, |
Как повелитель Ла́нки [94] был сражен врагом, ||
как танцевал Арджу́на [95].
Нести должны мы всё, что нам пошлет судьба. ||
Кто сможет защитить нас? (231)

çārdū

Где Дашара́тха [96] тот, || который сам ||
товарищем Индры был?
Где Са́гара [97] теперь, || поток морской ||
сковавший границами?
Где Ва́йнья [98], что рожден || был из руки? ||
Где Ману — светила сын?
Могучий Ка́ла [99] их || связал навек ||
и всем им глаза закрыл. (232)

hari

И еще:

Куда исчез Мандха́тар [100] — слава трех миров? ||
Где царь богов Нагху́ша? [101]
Сатья́врата [102] где царь? Кеша́ва [103] где сейчас, ||
в науках просвещенный? |
Их всех,что наслаждались славою своей, ||
на троне Шакры сидя,
Всесильный Кала бог высоко так вознес, ||
чтобы затем низвергнуть. (233)

çārdū

И еще:

И царь, и все его министры,
И женщины его, и все его леса — |
Уходят все они из жизни,
Когда ужалит их Кританта. (234)

ār

Итак, достигнув царского счастья, подвижного, как уши опьяненного слона, наслаждайся им, преданный одной только мудрости».

И здесь окончена третья книга под названием «О воронах и совах», повествующая о мире, сражении и других способах ведения государственных дел. Первый стих ее гласит:

Тому, кто прежде враждовал с тобою,
А ныне другом стал, — не доверяйся. |
Гляди, как принесли огонь вороны
И сов сожгли в их собственной пещере. (*1*)
upa

IV

УТРАТА ПРИОБРЕТЕННОГО

Достойно!

Здесь начинается четвертая книга под названием «Утрата приобретенного». Вот ее первый стих:

Кто выпустит из рук добро, поддавшись ласковым речам, |
Обманут будет тот глупец, как обезьяною — дельфин [1]. *(1)*

Царевичи спросили: «Как это?» Вишнушарман рассказал:

«Росло около моря большое дерево джамбу [2], всегда покрытое плодами. Жила на нем обезьяна по имени Рактамукха [3]. И однажды дельфин по имени Викараламукха [4] вышел из морской воды и улегся под этим деревом на краю берега, покрытого очень мелким песком. Тогда Рактамукха сказала: «Ты — гость. Отведай поэтому плодов джамбу, подобных нектару, которые я даю тебе. Сказано ведь:

Когда дурной иль добрый гость в час жертвы всем богам [5] придет, |
Невежда он иль просвещен, — дорогой служит к небесам. (2)

Во время жертвы всем богам и шра́ддхи [6] не расспрашивай, |
Кто гость твой и откуда он. Так Ману нам советует.(3)

А также:

Кто гостю утомленному и издали пришедшему |
Окажет ласковый прием, тот счастье высшее вкусит. (4)

И кроме того:

Коль гость, сурово встреченный, с печалью дом покинет твой, |
То предки из дому уйдут и боги будут гневаться». (5)

Сказав это, она дала ему плоды джамбу. А тот, поев их и насладившись продолжительной радостью общения с ней, снова отправился к себе домой. И так обезьяна с дельфином счастливо зажили, проводя время в тени джамбу и постоянно ведя разнообразные достойные беседы. А оставшиеся от еды плоды джамбу дельфин, приходя домой, отдавал своей жене. И вот как-то раз она спросила его: «Где ты достаешь такие плоды, подобные нектару?» Он ответил: «Дорогая! У меня есть лучший друг — обезьяна по имени Рактамукха. Из дружбы она дает мне эти плоды». Тогда та сказала: «Кто постоянно питается такими нектарными плодами, у того сердце должно состоять из нектара. Поэтому, если ты ценишь меня, свою супругу, то принеси мне ее сердце, чтобы, съев его и освободившись от старости и других бед, я наслаждалась с тобой». Он сказал: «Дорогая! Ведь, во-первых, эта обезьяна стала нашим братом. Затем она дает нам плоды. Поэтому нельзя ее убивать. Оставь же свое бесполезное желание. Сказано ведь:

Бывает брат по матери, бывает по беседам брат, |
И тот из них дороже нам, кто порожден беседами». (6)

Та сказала: «Ведь ты никогда не поступал вопреки моим словам. Так, наверное, эта обезьяна — женщина. Из любви к ней ты даже проводишь там весь день. Поэтому ты не хочешь выполнить мое желание. По этой причине, соединяясь со мной ночью, ты обычно испускаешь вздохи, горячие, как пылающий огонь, и вял, когда сжимаешь меня в объятиях и целуешь. Так, несомненно, в твоем сердце находится другая женщина». Тогда, сильно обеспокоенный, он сказал своей жене:

«К ногам твоим склонился я, рабом послушным сделался, |
Как жизнь свою, люблю тебя. За что же гневаешься ты?» (7)

А она, услышав его речь, ответила ему, заливаясь слезами:

«Другая женщина прельстила тебя искусно,
И в твоем сердце лишь она да ее желанья. |
А я в нем места уж давно своего лишилась.
Зачем же падаешь, обманщик, теперь мне в ноги? (8)

vasa

Кроме того, если ты ее не любишь, то почему не хочешь убить ее, хотя я прошу тебя об этом? Если же это — мужчина, то что у тебя с ним за дружба? К чему много слов? Если я не съем того сердца, то перестану принимать пищу и погибну из-за тебя».

Тогда, узнав ее решение, он, охваченный беспокойными мыслями, сказал: «Увы! Хорошо ведь говорится:

Цемент, глупец, жена и рак, индиго, рыба, пьяница |
Пристанут если к нам хоть раз, то не отстанут никогда. (9)

Что же мне делать? Как совершить это убийство?» И думая так, он пришел к обезьяне. А обезьяна, видя, что он поздно пришел и обеспокоен, сказала с беспокойством: «О друг! Почему ты пришел сегодня в позднее время? Почему не говоришь радостно и не произносишь разных хороших изречений?» Тот ответил: «Друг, сегодня жена твоего брата сказала мне суровым голосом: «О неблагодарный! Не показывай мне своего лица. Ведь каждый день ты проводишь со своим другом и в ответ не даешь ему даже взглянуть на двери твоего дома. Поэтому нет тебе искупления. Сказано ведь:

Клятвопреступник, пьяница, убийца брахмана и вор |
Сумеют грех свой искупить. Неблагодарный — никогда [7]. (10)

Поэтому в знак благодарности приведи в дом моего деверя. Иначе мы свидимся с тобой на том свете». И вслед за ее словами я пришел к тебе. Вот у меня и ушло столько времени, пока я ссорился с нею из-за тебя. Приходи же в мой дом. Жена твоего брата приготовила почетное место для гостя, одела надлежащие одежды, драгоценности, рубины и другие украшения, увешала двери почетными венками и с нетерпением ждет тебя». Обезьяна сказала: «О друг! Хорошо сказала супруга моего брата. Ведь:

Шесть признаков у дружбы есть: давать свое, у друга брать, |
Делиться тайной, спрашивать, вкушать еду и угощать [8]. (11)

Однако я — лесной житель, а твой дом — в воде. Как же я могу идти туда? Поэтому приведи сюда супругу моего брата, чтобы мне поклониться ей и выслушать ее желанную речь». Тот ответил: «Друг! Дом наш — на краю моря у прекрасного берега. Поэтому ты можешь легко взобраться мне на спину и без страха пуститься в путь». А та, слыша это, с радостью сказала: «Дорогой! Если так, то поспеши. К чему медлить? Вот я уже на твоей спине».

И когда это произошло, обезьяна, видя, как тот плывет по бездонному морю, сказала с дрожащим от страха сердцем: «Брат! Плыви медленней. Морские волны омывают мое тело». Услышав это, дельфин подумал: «Ведь перестав держаться за мою спину, она не проплывет и пяди из-за глубины моря. Раз она в моей власти, я расскажу ей о своем намерении, чтобы она вспомнила бога-хранителя». И сказал: «Друг! По приказанию жены я принес сюда для убийства тебя, поверившую мне. Вспомни же бога-хранителя». Та сказала: «Брат! В чем моя вина перед нею или тобой, что меня задумали погубить?» Дельфин ответил: «О! Она жаждет съесть твое сердце, столь сладостное от питания плодами, полными нектарного сока. Поэтому я и сделал так». Тогда, сохранив присутствие духа, обезьяна сказала: «Дорогой! Если так, почему ты еще там не попросил меня взять с собой мое столь сладкое сердце, лежащее в дупле джамбу? А так ты напрасно принес меня сюда без сладкого сердца, с пустотой вместо сердца». Услышав это, дельфин с радостью сказал: «Друг! Если так, дай мне это сердце, чтобы моя дурная жена съела его и перестала поститься. А я доставлю тебя к тому дереву джамбу».

Сказав так, он повернул назад и поплыл к тому дереву. А обезьяна, шепча сотни молитв разным божествам, кое-как достигла морского берега, большими-большими прыжками взобралась на дерево джамбу и подумала: «Да! Спасена моя жизнь! И хорошо ведь говорится:

Не верьте вы неверящим, не верьте даже верящим. |
Опасности смертельные всегда доверчивым грозят. (12)

Поэтому сегодня у меня словно день второго рождения». Дельфин сказал: «О друг! Дай мне сердце, чтоб жена твоего брата съела его и перестала поститься». Тогда, смеясь и браня его, обезьяна сказала: «Тьфу, дурак! Предатель! Разве есть у кого-нибудь второе сердце? Уходи же в свое жилище и не приходи больше под это дерево джамбу. Сказано ведь:

Коль оказался низким друг, погибнешь ты, дружа с ним вновь, |
Как самка мула от плода погибнет, забеременев» [9]. (13)

Слыша это, дельфин со стыдом подумал: «Увы, почему я, дурак, открыл ей свой замысел? Но если она как-нибудь снова прислушается к моим словам, то я еще раз овладею ее доверием». Подумав так, он сказал: «Друг! Ей не надо никакого сердца. Я сказал так в шутку, чтобы узнать, какие у тебя в сердце замыслы. Приходи же как гость в наше жилище. Супруга твоего брата ждет тебя, полная нетерпения». Обезьяна сказала: «О злодей! Уходи сейчас же отсюда. Я не пойду. Ведь:

Каких грехов не совершит голодный?
Безжалостными все в нужде бывают. |
Скажи-ка Приядáршане [10], что больше
В колодец Гангадáтта [11] не вернется». (14)

upa

Дельфин спросил: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

«Жил в одном колодце царь лягушек по имени Гангадатта. Однажды, когда родичи стали притеснять его, он постепенно выбрался из колодца, поднявшись в ковше водочерпального колеса. Тогда он подумал: «Как бы мне отомстить этим родичам? Сказано ведь:

Тому, кто помогал в беде,
Тому, кто над твоим несчáстьем насмехался, — |
Воздав обоим по заслугам,
Вторичного рожденья ты достиг» [12]. (15)

ār

Думая так, он увидел ползущего в нору черного змея по имени Приядаршана. И увидя его, он снова подумал: «Приведя этого черного змея туда в колодец, я погублю всех родичей. Сказано ведь:

При помощи одних врагов других врагов уничтожай. |
Так шип, что причиняет боль, шипом же извлекается». (16)

Поразмыслив так, он подошел к входу в нору и позвал его: «Иди сюда, Приядаршана, иди!» Услышав это, змей подумал: «Тот, кто зовет меня, — не из моего рода. И это не змеиный голос. Ни с кем же другим в мире смерт-

ных я не общаюсь. Поэтому я останусь здесь и узнаю, кто он такой. Сказано ведь:

Не следует общаться с тем, чей образ мыслей, сила, род |
Совсем для нас неведомы. Так говорит Бриха́спати. (17)

Что, если это какой-нибудь заклинатель или знаток волшебных кореньев, который призовет меня и заключит в оковы? Или это какой-то человек, живущий во вражде, зовет кого-нибудь в союзники?» И он спросил: «Кто ты?» Тот ответил: «Я — повелитель лягушек по имени Гангадатта и пришел к тебе, чтобы заключить дружбу». Услышав это, змей сказал: «О! Невероятно это, чтобы трава заключила дружбу с огнем. Сказано ведь:

Кому с рожденья суждено убитым быть своим врагом, |
Тот и во сне пред ним дрожит. К чему же болтовня твоя?» (18)

Гангадатта сказал: «О! Это правда. По своей природе ты — наш враг. Однако я пришел к тебе из-за оскорблений. Сказано ведь:

Когда все гибнет у тебя и жизнь твоя в опасности, |
То даже от противника ты можешь ждать спасения». (19)

Змей спросил: «Кто же оскорбил тебя?» Тот сказал: «Родичи». Змей спросил: «Где же твое жилище: в озере, колодце, пруде иль водоеме?» Тот ответил: «Мое жилище — в колодце». Змей сказал: «Тогда я не могу влезть туда. Если же я влезу, то не останется места, где я мог бы убивать твоих родичей. Поэтому уходи. Сказано ведь:

Лишь тем питаться следует, что мы способны проглотить, |
Что переварится легко и пользу принесет с собой». (20)

Гангадатта сказал: «О! Пойдем со мной. Я сделаю так, что ты легко влезешь туда. У края воды в нем имеется превосходное углубление. Находясь там, ты шутя сможешь настичь этих родичей». Услышав это, змей подумал: «Я ведь стар и с трудом ловлю одну мышь, да и то не всегда. И хорошо ведь говорится:

Коль жизнь твоя идет к концу и все тебя покинули, |
Подумай, если ты умен, как легче пищу добывать». (21)

Поразмыслив так, он сказал ему: «О Гангадатта! Если так, то веди меня, чтобы мы достигли того места». Гангадатта сказал: «О Приядаршана! Я легко приведу тебя туда и покажу место. Но ты должен щадить моих слуг. Следует поедать только тех, на кого я укажу». Змей сказал: «Дорогой! Теперь ты стал моим другом. Поэтому не бойся. Что ты хочешь, то я и сделаю». Сказав так, он выполз из норы, обнял Гангадатту и отправился вместе с ним. И вот, дойдя до колодца, змей с помощью ковша водочерпального колеса достиг вместе с ним его жилища. Тогда Гангадатта поместил черного змея в углубление и показал ему тех родичей. И мало-помалу он всех их съел. Когда же их не осталось, он потихоньку уничтожил даже некоторых доверившихся ему приверженцев Гангадатты. Тогда змей сказал: «Дорогой! Твои враги уничтожены. Доставь же мне какую-нибудь пищу. Ведь ты привел меня сюда». Гангадатта ответил: «Дорогой! Ты исполнил долг дружбы. Так возвращайся теперь тою же дорогой с помощью ковша». Змей сказал: «О Гангадатта! Нехорошо ты сказал. Как я вернусь туда? Нора, которая была моею крепостью, окажется занятой другими. Давай мне, живущему здесь, по одной лягушке, хотя бы из твоих слуг, а не то я съем всех». Слыша это, Гангадатта подумал с обеспокоенным сердцем: «Увы! Что я наделал, приведя его! Ведь если я откажу ему, он всех съест. И хорошо ведь говорится:

Когда слабее ты врага, не надо с ним в союз вступать. |
Ведь так для самого себя готовишь ты смертельный яд. (22)

Поэтому я буду давать ему каждый день по одной, пусть даже она будет моим другом. Сказано ведь:

Коль все забрать грозят враги, то подношеньем небольшим |
Разумный успокоит их, как море — пламя адское [13]. (23)

А также:

Когда все гибнет, то мудрец теряет половину лишь, |
А половину сохранит и цели с ней достигнет он. (24)

А также:

Как можно ради малого добро большое погубить? |
Ведь мудрость в том и состоит, чтоб малым многое сберечь». (25)

И решив так, он ежедневно указывал ему на одну из лягушек, а тот, съев ее, съедал за его спиной еще одну. И хорошо ведь говорится:

Кто носит платье грязное, садится где попало тот, |
А кто нуждается в еде, съедает до остатка все. (26)

И вот однажды, поедая лягушек, он съел сына Гангадатты, лягушонка по имени Сунадатта [14]. Увидев это, Гангадатта стал громко сетовать. Тогда его жена сказала:

«Что плачешь бесполезно ты, когда во всем виновен сам? |
Где ты убежище найдешь, когда погибнут все твои? (27)

Поэтому теперь же подумай, как уйти отсюда или как убить его». И вот с течением времени все лягушки были уничтожены. Остался один Гангадатта. Тогда Приядаршана сказал: «Дорогой Гангадатта! Я голоден, а лягушки все уничтожены. Дай же мне какую-нибудь пищу. Ведь ты привел меня сюда». Тот ответил: «О друг! Не беспокойся об этом, пока я жив. Если ты пошлешь меня, я приведу сюда из других колодцев всех лягушек, которые мне доверятся». Он сказал: «Ведь я не могу тебя съесть, потому что ты мне словно брат. Если же сделаешь это, то будешь тогда словно отец». И так, придумав способ, тот выбрался из колодца, а Приядаршана, оставшись там, с нетерпением ожидал его прихода.

И спустя много времени Приядаршана сказал ящерице, жившей в другом углублении того колодца: «Дорогая! Окажи мне небольшую услугу. Ведь давно ты знаешь Гангадатту. Так пойди к нему в один из водоемов и передай по моему поручению: «Приходи скорее хоть один, если другие лягушки не хотят идти. Не могу я жить здесь без тебя. Если же я причинил тебе зло, то добрые дела моей жизни — твои»». И послушавшись его, ящерица очень быстро нашла Гангадатту и сказала ему: «Дорогой! Твой друг Приядаршана с нетерпением ждет тебя. Скорей же возвращайся. Кроме того, за причиненное тебе зло он дает в залог добрые дела своей жизни. Так возвращайся со спокойным сердцем». Услышав это, Гангадатта сказал:

«Каких грехов не совершит голодный?
Безжалостными все в нужде бывают. |
Скажи-ка Приядаршане, что больше
В колодец Гангадатта не вернется». (28)

upa

И сказав так, он отослал ее обратно.

Поэтому, о злой обитатель воды, и я, как Гангадатта, ни за что не пойду туда». Услышав это, дельфин сказал: «О друг! Не следует так поступать. Так или иначе освободи меня от греха неблагодарности, придя в мой дом. Иначе я перестану из-за тебя принимать пищу». Обезьяна сказала: «Глупец! Неужели, даже видя опасность, я сама пойду туда, чтобы погубить себя, подобно Ламбакарне?» [15] Дельфин сказал: «Кто это Ламбакарна? Как погиб он, видя опасность? Расскажи мне об этом». Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

«Жил в окрестностях одного леса лев по имени Каралакесара [16]. Был у него всегда следовавший за ним слуга — шакал по имени Дхусарака [17]. И однажды, сражаясь со слоном, лев получил очень тяжелые ранения. Из-за них он не мог даже шевельнуть лапой. А из-за его неподвижности ослабел и Дхусарака и однажды, с исхудавшей от голода шеей, сказал ему: «Господин! Мучимый голодом, я не в состоянии даже отодвинуть одну лапу от другой. Как же смогу я служить тебе?» Лев сказал: «О Дхусарака! Разыщи какое-нибудь существо, чтобы я убил его, несмотря на такое состояние».

Услышав это, шакал отправился на розыски и, подойдя к одной близлежащей деревне, увидел осла по имени Ламбакарна, насилу поедавшего у края озера редкие ростки дурвы. Тогда, подойдя близко, он сказал: «Дядя! Прими мое почтение. Давно я не видел тебя. Почему ты стал таким слабым?» Ламбакарна ответил: «О племянник! Что делать? Безжалостный красильщик изнуряет меня непомерным грузом и не дает ни горсточки пищи. И вот, поедая здесь одни ростки дурвы, смешанные с пылью, я не могу насытиться». Шакал сказал: «Дядя! Если так, то имеется прекрасное место, где протекает река и в изобилии растут побеги травы, подобные смарагдам. Иди и оставайся там, наслаждаясь счастьем общения со мной и хорошими изречениями». Ламбакарна ответил: «О племянник! Хорошо ты сказал. Однако лесные жители убивают деревенский скот. Какая же польза в этом прекрасном месте?» Шакал сказал: «Не говори так. Это место охраняется оградой моих лап, и никто другой не может туда проникнуть. Кроме того, там живут три ослицы, как и ты измученные красильщиком и лишенные супруга. Став там упитанными и находясь в расцвете юности, они сказали мне: «О дядюшка! Пойди в какую-нибудь деревню и приведи нам подходящего супруга». Поэтому я и пришел увести тебя». Тогда, слыша речь шакала, Ламбакарна,

чье тело мучила любовь, сказал ему: «Дорогой! Если так, веди меня. Скорей пойдем туда. Хорошо ведь сказано по этому поводу:

Нет нектара и яда нет, прекраснобедрой равного. |
Соединяясь с ней — живем, а разлучаясь — гибнем мы». (29)

И вот вместе с шакалом он подошел ко льву. А лев, увидев, что осел в своей чрезмерной глупости приблизился к нему на расстояние прыжка, от сильной радости перепрыгнул через него и упал далеко за ним. Осел же счел это за удар грома и, думая: «Что? Что это?», еле ускользнул от него, оставшись невредимым по воле судьбы. Когда же он посмотрел назад, то увидел неизвестное ему существо с налитыми кровью глазами, свирепое и внушающее великий страх, и быстро убежал в город, охваченный ужасом.

Тут шакал сказал льву: «Эй, в чем дело? Я видел твою силу». Тогда удивленный лев ответил: «О! Я не приготовился к прыжку. Что же мне делать? Даже слон, на которого я прыгну, не сможет уйти». Шакал сказал: «Оставайся теперь здесь и готовься к прыжку, а я снова приведу его к тебе». Лев сказал: «Дорогой! Как сможет снова прийти сюда тот, кто ушел, увидя меня в лицо? Приведи же какое-нибудь другое существо». Шакал ответил: «К чему тебе заботиться об этом, когда я проявляю здесь усердие?» И сказав так, шакал пошел следом за ослом и увидел его, бродящим на том же месте. А осел, видя шакала, сказал: «Эй, племянник! В том прекрасном месте, куда ты привел меня, я по воле судьбы едва не погиб. Так скажи, что это за ужасное существо, удара которого, подобного грому, я избежал?» Услышав это, шакал со смехом сказал: «Дядя! Это ослица, охваченная великой любовью, поднялась, увидя тебя, чтобы со страстью обнять. А ты струсил и убежал. Тогда, чтоб удержать тебя от бегства, она протянула копыто. Нет здесь иной причины. Иди же. Она решила из-за тебя воздерживаться от пищи и сказала: «Если Ламбакарна не станет моим супругом, я брошусь в огонь, или утоплюсь, или приму яд. Ведь не могу я вынести разлуки с ним». Поэтому будь милостив и иди туда, а не то ты будешь повинен в смерти женщины и прогневаешь Манматху [18]. Сказано ведь:

Глупцы, что из стремленья на небо попасть ||
посмеют отвернуться
От стяга с ма́карой [19], несущего нам всем ||
победы и богатства, |

Поплатятся за это и пойдут бродить — ||
кто голый, кто обритый,
Кто с черепом в руках, кто в красное одет [20], ||
кто заплетя косички».(30)

çārdū

И тогда, поверив его речам, он снова пошел вместе с ним. Хорошо ведь говорится:

Кто на земле одобрил бы поступки безрассудные? |
И все же безрассудны мы, когда враждебна нам судьба. (31)

И вот осел, обманутый сотней лживых речей, снова близко подошел ко льву, заранее приготовившемуся к прыжку, и в то же мгновение был убит. И убив его, лев оставил шакала для охраны, а сам пошел к реке совершить омовение. Тогда из-за чрезмерной жадности шакал съел уши и сердце осла. Когда же лев, омывшись и совершив положенные обряды, вернулся, то увидел, что у осла нет сердца и ушей, и с душой, полной гнева, сказал шакалу: «Эй, негодный! Зачем совершил ты неподобающее дело, съев у осла уши и сердце и превратив его в объедки?» Шакал смиренно ответил: «Господин! Не надо так говорить. Ведь у него и не было ни ушей, ни сердца. Как же иначе он снова бы пришел сюда после того, как уже был здесь, сам видел тебя и в страхе убежал? Потому и говорят:

Кто, увидав тебя, бежал — не может снова тот прийти, |
Иначе просто он — глупец, лишенный сердца и ушей». (32)

И почувствовав доверие к словам шакала, лев поделился с ним и со спокойным сердцем съел осла.

Поэтому я и говорю: «Я не осел Ламбакарна. . .». Итак, глупец, ты задумал обман, но он расстроился, как у Юдхиштхиры, благодаря правдивой речи. Хорошо ведь говорится:

Когда обманщик вдруг начнет другому правду говорить, |
То губит благо он свое, как тот глупец Юдхи́штхира». (33)

Дельфин спросил: «Как это?» Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Жил в одном селении некий гончар. Как-то раз пьяный он побежал с большой скоростью и упал на острый край черепка от разбитого горшка. Острие черепка поранило ему лоб, и он с трудом поднялся, весь залитый кровью. И затем от неумелого лечения рана от черепка приняла безобразный вид. И однажды, когда страну мучил голод, он, исхудавший от недоедания, пошел с несколькими царскими слугами в другую страну и сделался слугою царя. А царь тот, видя на его лбу безобразный рубец от черепка, подумал: «Должно быть, это какой-нибудь храбрый человек. Ведь рана у него спереди, на лбу». Подумав так, он стал выделять его среди всех особой милостью, награждая его дарами и другими почестями. А те раджапутры [21], видя эту чрезмерную милость, хотя и терпели крайнюю зависть, но из страха перед царем ничего не говорили. И вот однажды, когда были собраны герои, снаряжены слоны, запряжены лошади и проводились испытания воинов, владыка спросил при случае того гончара: «Эй, раджапутра! Как тебя зовут? Кто ты родом? В какой битве получил ты эту рану на лбу?» Тот ответил: «Божественный! Родом я — горшечник [22] и зовут меня Юдхиштхира. А рана эта не от меча. В моем дворе лежало в одном месте много черепков, и однажды, ослабев от хмельного питья, я побежал и упал на черепок. И затем рана от черепка приняла безобразный вид». Тогда царь сказал: «Увы! Обманул меня гончар, принявший вид раджапутры. Пусть же его прогонят в шею». И в это время горшечник сказал: «Божественный! Не делай так. Посмотри, как ловка моя рука в сражении». Царь ответил: «О! Ты — кладезь всех достоинств, но все равно уходи. Сказано ведь:

Учен, сынок, ты и умен, и наделен отвагою, |
Да только родичи твои не могут биться со слоном». (34)

Гончар спросил: «Как это?» Царь рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Жила в одной местности пара львов. И как-то львица родила двух детенышей. А лев постоянно убивал газелей и других животных и приносил их львице. И однажды, бродя в лесу, он ничего не поймал. Между тем блажен-

ное солнце опустилось за вершину Асты [23]. Тогда он отправился домой и встретил на дороге детеныша шакала. И подумав: «Это — малыш», он из жалости осторожно взял его клыками и, принеся живым, дал львице. Тогда львица сказала: «О любимый! Принес ли ты что-нибудь поесть?» Лев сказал: «Дорогая! Сегодня я никого не поймал, кроме этого детеныша шакала. Я подумал: «Ведь и он нашего рода и к тому же малыш» — и не убил его. Сказано ведь:

Не причиняйте зла жрецам, аскетам, детям, женщинам,
Тем более, когда они полны к тебе доверия. (35)

Теперь же сделай себе приятное, съев его. Завтра я принесу что-нибудь другое». Она сказала: «Любимый! Ведь при мысли: «Это — малыш», ты не убил его. Как же я погублю его ради своего живота? Сказано ведь:

Пускай уходит жизнь твоя, не делай нечестивого |
И долг свой строго выполняй. — Вот заповедь извечная. (36)

Поэтому он будет у меня третьим сыном». И сказав так, она заботливо вскормила его молоком своей груди. Так эти три детеныша, не зная о разнице в своем происхождении, проводили свое детство в одинаковых занятиях и забавах. И как-то в тот лес пришел бродячий дикий слон. Увидя его, оба львенка, разъяренные и жаждущие убийства, двинулись на него. Тогда сын шакала сказал: «Эй! Этот слон — враг нашего рода. Так не следует идти на него». И сказав это, он побежал к себе домой. А те, видя трусость старшего брата, также лишились отваги. Хорошо ведь говорится:

Один храбрец всем воинам внушает мужество в бою, |
Тогда как трус единственный других лишает смелости. (37)

А также:

Поэтому хотят цари иметь отважных воинов, |
Могучих и решительных. Кому нужны трусливые? (38)

И затем оба брата пришли домой и со смехом рассказали родителям о поведении старшего брата: «Даже издали увидя слона, он скрылся». Когда же

тот услышал это, сердце его наполнилось гневом, нижняя губа, подобная молодому ростку, задрожала, глаза стали темно-красными, брови наморщились, образовав три складки и, угрожая, он дерзко заговорил с ними. Тогда львица отвела его в уединенное место и стала уговаривать: «Дитя! Никогда не говори так. Ведь они — твои братья». А он, еще больше разгневавшись из-за ее успокаивающих слов, сказал: «Разве я уступаю им в отваге, красоте, познаниях, в науках или в ловкости, что они смеются надо мной? Поэтому мне непременно надо убить их». Тогда, слыша это и желая сохранить его жизнь, львица, смеясь про себя, сказала:

«Учен, сынок, ты и умен, и наделен отвагою, |
Да только родичи твои не могут биться со слоном. (39)

Слушай же меня внимательно, дитя: полная жалости, я вскормила тебя, сына шакалки, молоком своей груди. Поэтому уходи поскорей и живи среди своих соплеменников, пока сыновья мои еще не знают из-за своей молодости, что ты — шакал. А иначе, убитый ими, ты пойдешь дорогой смерти». Тогда, услышав это, он с сердцем, полным страха, потихоньку ушел оттуда и присоединился к своим соплеменникам.

[*Окончание рассказа третьего*]

Поэтому и ты поскорей уходи, пока эти храбрые воины не узнали, что ты горшечник. А иначе ты подвергнешься оскорблениям и умрешь». И услышав это, горшечник быстро убежал.

Поэтому я и говорю: «Когда обманщик вдруг начнет. . .». Тьфу! Дурак ты, что из-за женщины взялся за это дело. Ведь ни в коем случае нельзя доверять женщинам. Право же, хороший рассказывают рассказ:

Покинул я своих родных, полжизни отдал за нее, |
Она ж оставила меня. Не верьте женщинам, мужья!» (40)

Дельфин спросил: «Как это?» Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

«Жил в одном селении некий брахман. Была у него жена, любимая им больше жизни. Каждый день не уставала она ссориться с его родными, и брахман этот, не в силах выносить ссор, покинул из любви к жене свою родню и пошел с брахманкой в другую, отдаленную страну. И когда они находились в большом лесу, брахманка сказала: «Сын благородного! Меня мучает жажда. Принеси же откуда-нибудь воды». И когда, слушаясь ее, он достал воду и вернулся, то увидел ее мертвой. От безмерной любви к ней он предался печали и, когда сетовал, услышал в воздухе голос, говорящий: «Брахман! Если ты отдашь половину своей жизни, то твоя брахманка будет жить». Услышав это, брахман совершил очищение и произнеся три слова, отдал половину своей жизни. И как было сказано, брахманка его ожила. Тогда, выпив воды и поев лесных плодов, они отправились в путь. Так постепенно вошли они в цветочный сад в окрестностях одного города, и тут брахман сказал жене: «Дорогая! Оставайся здесь, пока я не вернусь, добыв пищу». Сказав так, он ушел. Между тем один хромой, вертевший в этом цветочном саду водоподъемное колесо, запел песню божественным голосом. И услышав его, она, пораженная Кусумешу [24], подошла к нему и сказала: «Дорогой! Если ты не полюбишь меня, то будешь виновен предо мной в убийстве брахмана». Хромой сказал: «Что ты сделаешь со мной, изнуренным болезнью?» Она ответила: «Зачем так говорить? Во что бы то ни стало ты должен соединиться со мной». Услышав это, он так и сделал. И после любовного наслаждения она сказала: «Отныне я отдалась тебе на всю жизнь. Зная это, иди и ты вместе с нами». Тот сказал: «Пусть будет так».

Между тем брахман достал пищу, вернулся и принялся с ней за еду. Тогда она сказала: «Этот хромой голоден. Дай же и ему немного пищи». И когда так было сделано, брахманка сказала: «Брахман! Когда, лишенный спутника, ты уходишь в другую деревню, мне даже не с кем поговорить. Возьмем же этого хромого и пойдем». Тот ответил: «Я и сам-то не могу тащиться. К чему еще этот хромой?» Она сказала: «Я посажу его в корзину и понесу». И тогда сердце его поддалось ее лживой речи, и он согласился. Когда же это произошло и брахман отдыхал однажды на краю колодца, она, привязанная к хромому человеку, толкнула брахмана, и он упал в колодец. А она взяла хромого и пошла в один город. И там царские слуги, бродившие повсюду для сбора пошлины и охраны от воров, увидели у нее на голове корзину и, силой отняв ее, принесли к царю. Когда же царь приказал открыть ее, то увидел хромого. А брахманка эта с плачем пришла туда следом

за царскими слугами. Тогда царь спросил ее: «Что случилось?» Она ответила: «Это — мой супруг. Его изнурила болезнь, измучили многочисленные родственники, и с сердцем, полным любви, я подняла его на голову и принесла к тебе». Слыша это, царь сказал: «Ты — моя сестра! Возьми две деревни и живи счастливо с супругом, вкушая наслаждения».

Между тем по воле судьбы один добрый человек вытащил того брахмана из колодца, и, блуждая, он пришел в тот город. Тогда, увидев его, та злая жена сказала царю: «Царь! Это пришел враг моего супруга». И вот, приговоренный царем к смерти, тот сказал: «Божественный! Она взяла нечто, принадлежащее мне. Если ты любишь справедливость, то заставь ее отдать». Царь сказал: «Дорогая! Если ты взяла что-нибудь, принадлежащее ему, то отдай». Та ответила: «Божественный! Я ничего не брала». Брахман сказал: «Отдай мне половину моей жизни, которую я тремя словами отдал тебе». Тогда из страха перед царем она пролепетала три слова: «Жизнь мной отдана» и лишилась жизни. Тогда удивленный царь спросил: «Что это?» А брахман рассказал ему все, что перед тем произошло.

Поэтому я и говорю: «Покинул я своих родных. . . .». И снова обезьяна сказала: «И еще рассказывают хороший маленький рассказ:

Чего не сделают мужья, когда их просят женщины? |
Где люди ржут, как лошади, там бреют голову не в срок» [25]. (41)

Дельфин спросил: «Как это?» Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

«Жил-был прославленный за силу и мужество царь по имени Нанда [26], владевший землей, окруженной морем. Диадемы многочисленных владык покрывали сетью блеска его скамью для ног, и слава его была незапятнана, как лучи осенней луны. Был у него советник по имени Вараручи [27], до самого конца постигший все науки. Жена советника была разгневана из-за любовной ссоры, и хотя он с необычайной любовью всеми способами услаждал ее, она не успокаивалась. И вот супруг обратился к ней: «Дорогая! Скажи, как умилостивить тебя. Я непременно сделаю это». Тогда, наконец, снизойдя к нему, она сказала: «Если ты обреешь голову и падешь к моим ногам, я склонюсь на милость». И когда это было исполнено, она удовлетворилась.

Между тем и супруга Нанды тоже разгневалась, хотя ее склоняли на

милость. Тот сказал: «Дорогая! И мгновенья не могу я прожить без тебя. Вот я ищу милости, лежа у твоих ног». Она сказала: «Если я вложу тебе в рот уздечку, взберусь на твою спину и стану погонять тебя, а ты побежишь и заржешь, как лошадь, то я удовлетворюсь». И это было исполнено.

И вот утром Вараручи вошел к царю, сидевшему в собрании. Увидев его, царь спросил: «О Вараручи! Почему ты обрил голову не в лунный день?» Тот ответил: «Чего не сделают мужья. . .».

Так же и ты, дурак, словно Нанда и Вараручи, попал во власть женщины. Ведь из-за ее слов ты стал усердно искать средство погубить меня. Однако это обнаружилось благодаря твоей речи. И хорошо ведь говорится:

И попугай, и са́рика [28] живут в плену за болтовню, |
А цапле неизвестен плен. Молчанье — благо высшее. (42)

А также:

Хоть в шкуре тигра был осел и зорко стерегли его, |
Но криком выдал он себя и из-за этого погиб». (43)

Дельфин спросил: «Как это?» Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

«Жил в одном селении красильщик по имени Шуддхапата [29]. Был у него один осел, который совсем ослабел от недостатка пищи. И вот, бродя по лесу, тот красильщик увидел мертвого тигра и подумал: «Вот счастье привалило! Надену я ночью на осла эту тигровую шкуру и выпущу его в ячменное поле. А сторожа поля, подумав, что это — тигр, не станут гнать его». И когда так было сделано, осел стал вволю наедаться ячменя, а на заре красильщик снова отводил его домой. Так с течением времени он откормился, и трудно даже стало вести его к стойлу.

И однажды осел услышал издали крик ослицы. Едва услыхав его, он сам начал кричать. Тогда те сторожа поля, узнав, что это — переодетый осел, убили его ударами дубинок, камнями и стрелами.

Поэтому я и говорю: «Хоть в шкуре тигра был осел. . .». И когда обезьяна говорила с ним так, пришел туда один водяной житель и сказал: «О дельфин! Твоя супруга умерла, воздерживаясь от пищи». А тот, слыша это, стал горевать со скорбью в сердце: «Увы! Что случилось со мной, несчастным! Сказано ведь:

В чьем доме нету матери с женой сладкоречивою, |
Тот лучше пусть в лесу живет. Ведь словно лес — жилье его. (44)

Поэтому, друг, прости, если я в чем-то провинился перед тобой. Разлученный с нею, я войду в огонь». Слыша это, обезьяна ответила со смехом: «О! Я еще раньше знала тебя: ты подчиняешься женщине и находишься в ее власти. Теперь же есть и доказательство. Глупец ты, что впадаешь в печаль, даже когда приходит радость. Ведь когда умирает подобная жена, следует устроить праздник. Сказано ведь:

Коль непрестанно ссорится с тобой негодная жена, |
Она, как старость тяжкая, принявшая вид женщины. (45)

Поэтому с усердием остерегайся женщин всех |
И даже имя их забудь, коль хочешь без печали жить. (46)

Несходны с мыслями слова, лицо несходно с речью их, |
А поведение — с лицом. Как жены удивительны! (47)

Нет пользы нам перечислять на что способны женщины, |
Когда дитя они свое в утробе могут погубить. (48)

Один лишь мальчик ту, что зла, считает полною любви, |
Считает мягкой грубую и доброй бессердечную». (49)

Дельфин сказал: «О! Это так. Но что мне делать? Два несчастья постигли меня: одно — гибель дома, другое — ссора с другом. Впрочем, так и бывает с теми, кто гоним судьбой. Сказано ведь:

Какая я ни умная, но вдвое ты умней меня! |
Пропали муж с любовником. Чего ж ты, голая, глядишь?» (50)

Обезьяна спросила: «Как это?» Дельфин рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

«Жил в одном селении землепашец с женой. И та жена землепашца из-за старости супруга постоянно думала о других и никак не могла спокойно сидеть дома, стремясь лишь к чужим мужчинам. И вот заметил ее один вор, похищавший чужое добро, и заговорил с ней: «Прекрасная! Жена моя умерла, и, видя тебя, я мучаюсь от любви. Надели же меня всеми дарами любовного наслаждения». Тогда она ответила: «О прекрасный! Если так, то у моего супруга много денег. Он же от старости неспособен даже двигаться. Поэтому я возьму их и приду к тебе, чтобы, уйдя в другое место, мы вкусили радость любовного наслаждения». Тот сказал: «Мне тоже это нравится. Быстрее приходи на это место на заре, чтобы мы пошли в какой-нибудь хороший город и сделали с тобой плодоносным этот мир живых существ». Она согласилась, сказав: «Да будет так!» и с улыбающимся лицом пошла к себе домой. Ночью же, когда уснул супруг, она взяла все деньги и пришла на рассвете к условленному месту. Тогда вор велел ей идти впереди себя, и они отправились к югу. Так, вкушая с ней радость приятных бесед, жулик прошел две йоджаны и, увидя впереди реку, подумал: «Что мне делать с нею, наполовину состарившейся? К тому же может еще кто-нибудь следует за ней, и тогда со мной случится большая беда. Возьму-ка я только ее деньги и уйду».

И подумав так, он сказал ей: «Милая! Трудно переправиться через эту большую реку. Поэтому я перенесу на тот берег только деньги и вернусь, чтобы поднять тебя одну на спину и легко переправить через реку». Она сказала: «Прекрасный! Делай так». Вслед за этими словами он взял все деньги без остатка и снова сказал: «Дорогая! Дай мне свое покрывало и нижнюю одежду, чтобы тебе легко было войти в воду». И когда это было сделано, нор ушел туда, куда задумал, взяв с собой деньги и одежду.

А та, обхватив руками шею, с тревогой села на берег реки. В это время туда подошла какая-то шакалка, неся кусок мяса. И когда она осмотрелась, придя туда, то увидела на берегу реки большую рыбу, которая выскочила из воды и лежала там. И видя ее, она выпустила кусок мяса и побежала к той рыбе. Между тем какой-то коршун схватил с воздуха кусок мяса и снова взлетел. А рыба, увидев шакалку, забралась в воду. И тогда голая со смехом сказала той шакалке, глядящей на коршуна после напрасных трудов:

«Все мясо коршун утащил, а рыба в воду забралась. |
Пропало мясо с рыбою. Чего, шакалка, ты глядишь?» (51)

Услышав это и видя, что она лишилась супруга, денег и любовника, шакалка с насмешкой сказала:

«Какая я ни умная, но вдвое ты умней меня! |
Пропали муж с любовником. Чего ж ты, голая, глядишь?» (52)

И когда он рассказывал это, снова пришел другой морской житель и сказал: «Эй! Твой дом захватил другой большой дельфин». Услышав это, он с великой печалью в сердце стал думать, каким способом выгнать того из своего дома: «Увы! Поглядите, как враждебна ко мне судьба! Ведь:

Сначала друг мой стал врагом, затем супруга умерла |
И дом отняли у меня. Что мне еще теперь грозит? (53)

И хорошо ведь говорится по этому поводу:

. . . Коль уязвим ты, нет предела бедам![30].

Может быть, мне вступить с ним в сражение или же удалить из дому, убедив мягкой речью? Посеять ли раздор или подкупить его подарком? Но лучше я спрошу своего друга обезьяну. Сказано ведь:

Кто, начиная действовать, советуется с мудрыми, |
Всегда во всех своих делах препятствий сможет избежать». (54)

Подумав так, он снова спросил ту обезьяну, влезшую на дерево джамбу: «О друг! Погляди, как я несчастлив. Ведь даже дом мой захватил теперь сильный дельфин. Вот я и спрашиваю тебя. Скажи, что мне делать? Какому из способов, начиная с дружбы [31], здесь место?» Та ответила: «О неблагодарный! Зачем ты снова следуешь за мной, хотя был прогнан? Тебе, дураку я даже не стану давать совета. Сказано ведь:

Опасно каждому глупцу совет разумный подавать. |
Так, обезьяна глупая разрушила жилье у птиц». (55)

Дельфин спросил: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

«Жила в одном лесу пара птиц, свивших гнездо на ветке дерева. И однажды в месяце магха какая-то обезьяна, избитая в ненастье дождем и градом, дрожа всем телом от холодного ветра, подошла к этому дереву. Чрезвычайно подавленная, она стучала зубами и вся съежилась. И тогда воробьиха с жалостью сказала ей:

«Есть руки, ноги у тебя, и с человеком схожа ты. |
Что ж дом себе не выстроишь, коль холод мучает тебя?» (56)

А та, услышав это, подумала: «Да! Самодоволен мир живых существ, если даже эта ничтожная воробьиха так много о себе думает! И сказано по этому поводу:

Да! У какого существа не знает сердце гордости? |
Титтибха лапки протянул, чтоб небо не обрушилось» [32]. (57)

И подумав так, сказала ей:

«Злодейка остроклювая, распутная и глупая, |
Сию минуту замолчи, не то я дом разрушу твой!» (58)

И когда, несмотря на это запрещение, воробьиха снова и снова продолжала беспокоить обезьяну, советуя построить дом, та взобралась на это дерево и на куски разнесла ее гнездо.

Поэтому я и говорю: «Опасно каждому глупцу. . .». Услышав это, дельфин ответил: «О друг! Если я и причинил тебе зло, вспомни прежнюю любовь и дай мне полезный совет». Обезьяна сказала: «Я не буду говорить с тобой, потому что по просьбе жены ты унес меня, чтобы бросить в море. Как бы сильно ни любили жену, разве станут по ее просьбе бросать в море друзей, родных и других близких?» Слыша это, дельфин сказал: «Если и так, друг, то все же «дружба — на семи шагах» [33]. Подумай об этом и укажи мне что-нибудь полезное. Сказано ведь:

Кто, чтобы ближнему помочь, дает советы добрые, |
Тот в этом мире и в другом несчастий сможет избежать. (59)

Поэтому как бы то ни было, несмотря на мою вину, окажи мне милость, подав совет. Сказано ведь:

Помочь тому, кто сам помог, — заслуги нет здесь никакой. |
Помочь тому, кто повредил, — заслуга настоящая». (60)

Слыша это, обезьяна сказала: «Дорогой! Если так, то пойди туда и вступи с ним в битву. Сказано ведь:

Коль враг сильнее — подчинись, коль он герой — поссорь с другим, |
Коль ниже — подкупи его, коль равен — действуй силою». (61)

Дельфин спросил: «Как это?» Она рассказала:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

«Жил в окрестностях одного леса шакал по имени Махачатурака [34]. Однажды он набрел в лесу на слона, умершего своей смертью. Однако, обходя его со всех сторон, он не мог разорвать грубой кожи. Между тем в этот момент один лев, бродя повсюду, пришел в то место. И видя, как тот подходит, шакал коснулся поверхности земли пучком волос на голове, образующим круг, соединил лотосы рук и смиренно сказал: «Господин! Я — носитель твоего жезла. Для тебя я охраняю этого слона. Пусть же господин съест его». Тогда лев ответил: «О! Я никогда не ем того, кто убит другим. Поэтому я жалую тебе этого слона». Услышав это, шакал радостно сказал: «Так и подобает относиться господину к своим слугам».

И когда лев удалился, пришел один тигр. Видя его, тот подумал: «Одного злодея я отогнал, припав к его ногам. Как же теперь отгоню я другого? Несомненно, этого героя никак нельзя победить, не поссорив его с другим. Сказано ведь:

Где не помогут нам дары и обращенье мягкое, |
Там можно подчинить врага посредством разногласия. (62)

К тому же, всяким можно овладеть при помощи разъединения. Сказано ведь:

Искусно скрытые внутри, округлые, прекрасные, |
Мы достаем жемчужины, раздвинув створки раковин». (63)

Подумав так, он подошел к тигру и, слегка вытянув шею, поспешно сказал: «Дядя! Как забрался ты сюда — в пасть смерти? Ведь слона этого убил лев и, поручив мне охранять его, пошел совершить омовение. Уходя, он сказал мне: «Если какой-нибудь тигр придет сюда, ты должен будешь потихоньку сказать мне об этом, чтобы я освободил этот лес от тигров. Ведь однажды какой-то тигр превратил в объедки убитого мною слона, оставленного без присмотра. С того дня я разгневан на тигров». И услыша это, тигр с дрожью сказал ему: «О племянничек! Подари мне жизнь и, даже если он не скоро вернется сюда, ничего не рассказывай ему обо мне». Сказав так, он поспешно скрылся.

И когда тигр убежал, пришел туда один леопард. Увидя его, тот подумал: «У этого леопарда крепкие зубы. Поэтому с его помощью я разорву кожу слона». Решив так, он сказал ему: «О племянник! Почему тебя давно не видно? Почему ты выглядишь голодным? Ты — мой гость. Сказано ведь:

. . .Пришедший вовремя к нам гость.

Вот лежит слон, убитый львом, который поручил мне охранять его. Но все равно отведай мяса этого слона и, насытившись, быстрее уходи, пока тот не вернулся». Тот сказал: «Дядя! Если так, то не подходит мне его мясо. Ведь:

. . . Живущий видит всюду сотни радостей.

И как бы то ни было, следует наслаждаться тем, что нам подходит. Поэтому я уйду отсюда». Шакал сказал: «О малодушный! Доверься мне и ешь. Я предупрежу тебя о его возвращении, когда он еще будет далеко». И вслед за этим, когда шакал увидел, что леопард разорвал кожу, шакал сказал: «О племянник! Уходи, уходи! Возвращается лев». Слыша это, и леопард убежал подальше.

И вот, когда тот ел мясо через проделанное в коже отверстие, подошел другой шакал, сильно разгневанный. Видя, что тот одинаковой силы с ним, он прочел стих: «Коль враг сильнее — подчинись. . .», напал на него, искусал своими зубами и прогнав на край света, сам долгое время с радостью вкушал мясо слона.

Так же и ты должен победить в битве своего врага-сородича и прогнать его на край света. А иначе он прочно укрепится и погубит впоследствии тебя самого. Сказано ведь:

Жди от коровы молока, а от брахмана — святости, |
От женщины измены жди, от родича — опасностей. (64)

И говорят ведь:

Немало вкусной там еды и женщин, полных нежности, |
Но есть порок в чужой стране — враждебные сородичи». (65)

Дельфин спросил: «Как это?» Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

«Жила в одном селении собака по имени Читранга [35]. И вот настал там продолжительный голод, во время которого собаки и другие существа стали вымирать от отсутствия пищи. Тогда испуганная этим Читранга с исхудавшей от голода шеей ушла в другую страну. И там в одном городе из-за небрежности жены некоего домохозяина она каждый день проникала в дом и, поедая всевозможные блюда, достигала полного насыщения. Однако, когда она выходила из того дома, ее со всех сторон окружали другие опьяненные высокомерием собаки и рвали ей все тело своими зубами. И вот она подумала: «Уж лучше своя страна, где даже во время голода живется легко и где никто не затевает драки! Поэтому я лучше пойду в свое селение». И подумав так, она пошла в свои места.

И когда она вернулась из чужой страны, родственники спросили ее: «Эй! Расскажи, что это за страна? Какие обычаи у людей? Какая пища? Как там проводят время?» Она ответила: «Что рассказывать о стране? Немало вкусной там еды. . . ».

И выслушав этот совет, он решил умереть, если придется, и попрощавшись с обезьяной, достиг своего жилища и вступил в бой с тем, кто проник в его дом и угрожал его жизни. Опираясь на свою непоколебимую отвагу, он убил его и, заняв свое жилище, счастливо жил там долгое время. Хорошо ведь говорится:

К чему нам счастье малое, когда отваги нет у нас? |
Так и газель живет травой, что посылает ей судьба». (66)

И здесь окончена четвертая книга под названием «Утрата приобретенного», первый стих которой гласит:

Кто выпустит из рук добро, поддавшись ласковым речам, |
Обманут будет тот глупец, как обезьяною — дельфин. (1)

V

БЕЗРАССУДНЫЕ ПОСТУПКИ

Достойно!

Здесь начинается пятая книга под названием «Безрассудные поступки». Вот ее первый стих:

Что плохо видел ты, не знал, не делал и не испытал, |
Остерегайся совершать. — не подражай цирюльнику. (1)

Царевичи спросили: «Как это?» Вишнушарман рассказал:

———

«Есть в южной стране город под названием Паталипутра [1]. Жил там начальник купцов по имени Манибхадра [2]. И предаваясь делам, ведущим к добродетели, богатству, любви и освобождению [3], он по воле судьбы лишился своего состояния. Тогда, терпя непрерывные унижения из-за потери имущества, он ощутил крайнюю печаль и как-то ночью подумал: «Увы! Будь проклята эта бедность! Сказано ведь:

Безгрешность, чистота,
Спокойствие, любезность, справедливость, |
И благородная семья
Не придают сиянья бедняку. (2)

Рассудок, гордость, честь,
Все свойства добрые и знание — |
Вмиг пропадает это все,
Когда лишится человек богатства. (3)

ār

Ведь как весенний ветер с каждым днем
Все больше поражает зимнюю красу, |
Так и заботы о еде
У мудрецов в нужде снедают разум. (4)

ār

Коль нет конца заботам, как достать
Сезам, рис, масло, соль, одежду, топливо, — |
То даже самый умный человек
Рассудок свой теряет в бедности. (5)

ār

Ничтожнейшего бедняка
Не замечаем мы, пусть рядом он стоит. |
Ведь словно водяной пузырь,
Родится он на свет и тут же гибнет. (6)

ār

Владыка вод бушует своевольно,
Но кто его за это станет порицать? |
Чего б ни совершил богатый —
Всегда свободен от упрека». (7)

ār

И поразмыслив так, он снова подумал: «Поэтому я голодом лишу себя существования. К чему мучения бесполезной жизни?» Решив так, он уснул.

И вот во сне перед его взором предстал клад лотоса [4] в образе нищенствующего джайны [5] и сказал: «О начальник купцов! Не приходи в отчаяние. Я — клад лотоса, заслуженный твоими предками. Поэтому утром я в этом же виде приду в твой дом. А ты должен будешь убить меня, ударив дубинкой по голове. Тогда я превращусь в неистощимое золото».

И вот, проснувшись утром, он стал думать об этом сне: «Да! Неизвестно, исполнится этот сон или не исполнится. Должно быть, он ложен, потому что день и ночь я только и думаю о богатстве. Сказано ведь:

Бесплодные приходят сны к охваченным заботами, |
К больному, удрученному, влюбленному и пьяному». (8)

Между тем к жене его для чистки ногтей пришел некий цирюльник. И когда он чистил ей ногти, внезапно появился нищенствующий джайна. Тогда, увидев его, Манибхадра с радостью в сердце ударил его по голове лежавшей рядом деревянной палкой. И в это же мгновение тот упал на землю, став золотым.

Тогда, поставив его посреди дома и порадовав цирюльника, тот купец сказал: «Дорогой! Никому не следует говорить, что произошло в нашем доме». А цирюльник, согласившись с его словами, подумал, придя домой: «Несомненно, все эти монахи превращаются в золото, когда их ударяют по голове деревянной палкой. Поэтому утром я приглашу их побольше и убью дубинками, чтобы получить много золота». Так размышляя, он с трудом провел этот день и ночь.

Когда же настало утро, он встал, пошел в монастырь нищенствующих джайнов, покрылся верхней одеждой, трижды обошел слева направо [6] изображение Джины [7], прополз на коленях по земле, вложил в отверстие рта краешек верхней накидки и, сложив ладони, громким голосом прочел следующий стих:

«Пусть вечно джины здравствуют — владельцы знаний истинных, |
Чье сердце разум отвратил от семени рождения! (9)

И кроме того:

Лишь та рука, что Джину чтит, язык, что молится ему, |
И сердце, Джине верное, достойны восхищения!» (10)

Так и на много других ладов прославляя его, он подошел к главному джайне, коснулся земли коленями и ступнями и произнес: «Да будет слава! Приветствую!» Затем, приняв благословение для умножения добродетели и получив совет наложить на себя в молодости обет целомудрия [8], он с уважением сказал: «Блаженный! Соверши сегодня вместе со всеми отшельниками прогулку в мой дом». Тот ответил: «О ученик! Зачем ты говоришь так, зная закон? Разве мы, брахманы, что ты приглашаешь нас? Ведь мы постоянно странствуем, чтобы поддержать существование в этом мире, и видя ученика, исполненного благочестия, заходим в его дом. Поэтому уходи и больше так не говори». Услышав это, цирюльник сказал: «Блаженный! Я знаю это и сделаю так. Однако многие ученики воздают вам почет. Вот и я приготовил лоскуты материи, подходящие для завертывания книг, и отложил деньги пис-

цам для переписывания книг. Поэтому во что бы то ни стало вы должны сделать это в надлежащее время». Сказав так, он отправился в свой дом.

И придя домой, он приготовил дубинку из кхадиры и поставил ее в углу за дверью. Когда же прошла половина стражи [9], он снова пошел к воротам монастыря и остановился там. И затем всех, постепенно выходивших оттуда, он по просьбе настоятеля повел в свой дом. А те из жадности к лоскутам и деньгам оставили даже преданных и испытанных учеников и с радостью пошли все за ним. И хорошо ведь говорится:

Даже в бездомных странников, чье одеянье — небосвод [10], |
А чаша для питья — ладонь, и в тех вселяется корысть. (11)

И затем, введя в дом, цирюльник стал избивать их дубинками. И подвергаясь избиению, одни из них отошли в небытие, другие, с разбитыми головами, подняли крик. Между тем слуги начальника городской охраны, услышав шум от их воплей, сказали: «Эй! Что это за громкие крики посреди города? Идемте же, идемте!» С этими словами они все поспешили к тому месту и увидели, как из дома цирюльника выбегают залитые кровью нищенствующие джайны. Тогда они спросили; «О! Что это?» И те рассказали о случившихся у цирюльника событиях. Тогда они связали цирюльника крепкой веревкой и вместе с уцелевшими от избиения джайнами привели его в суд. Там судьи спросили: «Эй! Почему совершил ты это злодеяние?» Он ответил: «О! Что мне делать?» И сказав так, передал им, что случилось у Манибхадры.

Тогда они послали одного человека за Манибхадрой. И когда тот пошел и привел его, они спросили: «О начальник купцов! Почему ты убил какого-то нищенствующего джайну?» Тут он рассказал им всю историю с джайной. И тогда они сказали: «Эй! Пусть посадят на кол этого злого и безрассудного в действиях цирюльника».

И когда это было исполнено, они сказали:

«Что плохо видел ты, не знал, не делал и не испытал, |
Остерегайся совершать, — не подражай цирюльнику. (12)

И хорошо ведь говорится:

Не действуй необдуманно. Подумав надо действовать, |
Не то, как ихневмона мать, об этом пожалеешь ты». (13)

Манибхадра спросил: «Как это?» Они рассказали:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

«Жил в одном селении брахман по имени Девашарман, жена которого родила сына и ихневмона. И любя детей, она наравне с сыном ухаживала и за ихневмоном: кормила его грудью, умащивала, купала и всячески заботилась о нем. Но, несмотря на это, она думала: «Из-за своей злой природы он может причинить зло моему сыну» и не доверяла ихневмону. Хорошо ведь говорится:

Какой бы ни был сын плохой, распутный, невоспитанный, |
Злой, глупый и уродливый — он все же сердце радует. (14)

И однажды она заботливо уложила сына в постель, взяла кувшин для воды и сказала супругу: «О учитель! Я пойду за водой. Охраняй сына от ихневмона». А когда она ушла, брахман оставил дом пустым и сам пошел куда-то за милостыней.

Между тем черный змей вылез из норы и по воле судьбы подполз к ложу мальчика. Тогда ихневмон, почуяв в нем своего природного врага и беспокоясь за жизнь своего брата, бросился между ними, вступил со злым змеем в сражение и, разорвав его на куски, далеко разбросал их. И затем, радуясь своей отваге, с залитым кровью ртом он вышел навстречу матери, чтобы та узнала о его поступке. А мать его, видя, что он подходит сильно возбужденный и что рот его увлажнен кровью, подумала с обеспокоенным сердцем: «Должно быть, этот злодей съел моего младенца» и, не размышляя, в гневе бросила в него кувшин с водой. Когда же, не обращая внимания на ихневмона, сразу лишившегося жизни от удара кувшином, она пришла к себе домой, то ребенок лежал на своем месте, а около ложа она увидела большого черного змея, разорванного на куски. Тогда, скорбя сердцем из-за безрассудного убийства сына-благодетеля, она стала бить себя в голову, грудь и другие места. Между тем, когда брахман, побродив и получив в одном месте пену от вареного риса, вернулся, то увидел, как сетует брахманка, пораженная скорбью по сыну: «Увы, увы! Полный жадности ты не послушался моих слов. Вкушай же теперь горький плод от древа твоих злых поступков — смерть сына. Впрочем, так ведь и бывает с теми, кто ослеплен чрезмерной жадностью. Сказано ведь:

Желаний всех не подавляй, не будь и жадным чересчур. |
На голове у жадного бывает сверху колесо». (15)

Брахман спросил: «Как это?» Брахманка рассказала:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

«Жили здесь в одном городе четверо брахманов, крепко дружившихъ друг с другом. Однажды, пораженные чрезмерной бедностью, они стали держать совет: «Увы! Будь проклята эта бедность! Сказано ведь:

Владыка ненавидит, родственники все ||
внезапно покидают,
Несчастьям нет конца, уходят сыновья, ||
достоинства все меркнут, |
Любимые друзья уходят от него, ||
жена не любит больше —
Все это переносит нищий человек, ||
пусть он силен и честен. (16)

çārdū

А также:

Пусть смелый он, изящный и красивый,
Красноречивый пусть и просвещенный, |
Но если обеднел он в мире смертных,
То не сумеет преуспеть в искусствах. (17)

indra

Поэтому лучше смерть, чем бедность. Сказано ведь:

Измученный бедняк на кладбище пришел ||
и к трупу обратился:
«Хоть на мгновенье встань и бремя нищеты ||
сними с меня, товарищ, |
Чтобы покой могилы я на миг вкусил». ||
Но тут мертвец ответил:
«В сравненьи с нищетой смерть — высшее из благ» ||
и недвижим остался. (18)

çārdū

Поэтому во что бы то ни стало надо стремиться приобрести богатство. Сказано же:

Ведь нету на земле того, чего бы не достиг богач. |
Поэтому с усердием богатство надо добывать. (19)

А богатство люди добывают шестью способами. Это: нищенствование, царская служба, земледелие, приобретение знаний, ростовщичество и купеческое дело. Но из всех них лишь купеческое дело беспрепятственно доставляет богатство. Сказано ведь:

Непостоянен царь, || вороны поедают подаянья,
Труд пахаря тяжел, || учитель к послушанью призывает. |
Сколь тягостна нужда, || когда в чужих руках твое богатство.
Занятия купца || одни лишь восхваления достойны. (20)

çikha

И это купеческое дело приносит доход семью путями. Это: взвешивание неправильными весами, назначение неверной цены, прием на хранение под заклад, привлечение знакомых покупателей, деятельность товарищества купцов, торговля благовониями и вывоз товара в другую страну. Сказано ведь:

Обмеривать людей,
И покупателей обманывать знакомых, |
И продавать не по цене —
Все это свойственно кирáтам [11]. (21)

ār

И кроме того:

Когда залог приходит в дом,
Купец усердно молит божество: |
«Пускай умрет владелец,
И я исполню все обеты». (22)

ār

Также:

Когда начальнику купцов
Товарищество дело поручило, |
То думает с блаженством он:
«Теперь я всей землей владею!» (23)

ār

И еще:

Торговцу благовоньями не надо даже золота: |
Что по одной цене берешь, в сто раз дороже ты продашь. (24)

А вывоз товара в другую страну подходит богатым. Сказано ведь:

Кто наделен богатствами и славится по всей земле, |
Деньгами ловит деньги тот, как слон слонами ловится.[12] (25)

Когда в торговле сведущий уйдет в чужую сторону, |
Удвоить и утроить там свое богатство сможет он. (26)

И также:

Газели, трусы, вóроны, боящиеся мест чужих, |
Беспечные и вялые, встречают смерть в своей стране». (27)

Поразмыслив так, те четверо решили отправиться в другую страну и, покинув дом и друзей, пустились в путь. Хорошо ведь говорится:

Когда рассудок человека к деньгам стремится,
Он забывает обещанья, друзей бросает, |
Родную мать он оставляет, страну родную
И на чужбину отправляется к нелюбимым. (28)

vasa

И так постепенно достигли они страны Аванти[13]. Там они искупались в водах Сипры, поклонились великому богу Махакале[14] и, когда пошли дальше, повстречали владыку йогинов по имени Бхайравананда[15]. И приветствовав его, как полагается брахманам, все они пошли с ним в его монастырь. Тогда йогин спросил их: «Откуда вы? Куда идете? С какой целью?» И они ответили: «Мы — искатели волшебной силы. А идем туда, где нас встретит наслаждение богатством или смерть. Таково наше решение. Сказано ведь:

Вода, что к нам с небес приходит,
Выходит из земли через колодец, |
Безмерно велика судьба,
Но велики ведь и дела людские. (29)

ār

А также:

Всего, что человек задумал,
Усильями отважными добиться сможет он. |
Ведь то, что называем мы судьбою,
Есть свойство лишь незримое людей. (30)

āг

Нельзя достигнуть счастья
Легко и без забот, не приложив труда. |
Ведь так, от пахтанья устав,
Мадхýбхид [16] насладился Лакшми. (31)

āг

Поэтому укажи нам какой-нибудь способ добыть богатство: проникание в пещеру, овладение шакини [17], пребывание на кладбище, продажу человеческого мяса [18] или что-нибудь еще. Ведь ты слывешь великим волшебником, а мы полны решимости. Сказано ведь:

Свершить великие дела под силу лишь великому. |
Один лишь только океан выносит пламя адское» [19]. (32)

Тогда тот, видя, что они достойны быть его учениками, сделал четыре волшебных светильника, дал каждому по одному и сказал: «Ступайте в страну, лежащую к северу от Гималаев. Где у кого упадет светильник, тот непременно найдет там клад».

И вслед за тем в дороге у того из них, кто шел впереди, светильник упал на землю. И когда он стал копать на этом месте, то земля оказалась полной меди. Тут он сказал: «Эй! Возьмем вволю этой меди». Тогда те ответили: «Эх, глупец! Какая в ней польза? Ведь даже обилие меди не уничтожает бедности. Поэтому встань и пойдем дальше». Он ответил: «Вы идите, а я дальше не пойду». И сказав так, он взял медь и первый пошел назад.

А остальные трое отправились дальше. И вот они еще немного прошли, как у того, кто шел впереди, упал светильник. И когда он начал копать, то земля оказалась полной серебра. Тогда он сказал, обрадовавшись: «Эй, возьмем вволю серебра. Не надо идти дальше». Те ответили: «Эх, дурак! Позади земля полна меди, перед нами земля полна серебра, а дальше, наверное, будет полна золота. Ведь даже обилие серебра не уничтожает бедности». Тогда тот ответил: «Вы идите, а я не пойду». Сказав так, он взял серебро и пошел назад.

И когда те пошли дальше, у одного из них упал светильник. Когда же он начал копать, то земля оказалась полной золота. Увидев его, он с радостью сказал второму: «О! Возьмем вволю золота. Нет ведь ничего лучше его!» Тот ответил: «Глупец! Разве ты не видишь? Сначала — медь, потом — серебро, потом — золото. Несомненно, еще дальше будут алмазы. Поэтому встань и пойдем вперед. Какая польза даже в нем? Тяжело ведь на вес золото, когда его много». Нашедший золото сказал: «Ты иди, а я останусь здесь и подожду тебя».

И вот тот пошел один и с телом, опаленным лучами летнего солнца, и помутившимся от жары рассудком начал блуждать взад и вперед по дорогам волшебной земли. И блуждая, он увидел на возвышении человека с обагренным кровью телом и вертящимся колесом на голове. Тогда он поспешно подошел к нему и сказал: «Эй! Почему ты стоишь так с вертящимся колесом на голове? Скажи мне, есть ли здесь где-нибудь вода. Меня измучила жажда». И когда он сказал это, колесо мгновенно перескочило с головы того человека на голову брахмана. Он спросил: «Дорогой! Что это?» Тот сказал: «Таким же образом вскочило оно и на мою голову». Брахман сказал: «Так скажи, когда оно сойдет? Мне очень больно». Тот ответил: «Когда кто-нибудь, как и ты, подойдет сюда с волшебным светильником в руке и заговорит с тобой, то оно перескочит на его голову». Он спросил: «Сколько времени ты стоишь здесь?» Тот сказал: «Кто теперь царь на земле?» Несущий колесо ответил: «Царь Винаватса» [20]. Человек сказал: «Когда царем был Рама, я, мучимый бедностью, как ты, пришел сюда с волшебным светильником в руке. И увидев другого человека, несущего на голове колесо, я обратился к нему с вопросом. И когда я спрашивал, как ты, колесо с его темени перескочило на мою голову. Другого счета времени я не знаю». Несущий колесо спросил: «Дорогой! Как же ты тогда, стоя так, добывал пищу?» Человек ответил: «Дорогой! Боясь, что у него похитят клад, Дханада [21] создал для волшебников эту опасность, чтобы никто не приходил сюда. Если же все равно кто-нибудь придет, то, свободный от голода и жажды, не зная старости и смерти, он будет лишь испытывать подобную боль. Отпусти же теперь меня. Ты освободил меня от большой беды, и теперь я пойду в свои места». Сказав так, он ушел.

Между тем овладевший золотом подумал, когда тот ушел: «Как медлит мой спутник» и, желая отыскать его, отправился по его следам. И когда он немного прошел по дороге, то увидел своего спутника, с залитым кровью телом и мучимого болью от острого колеса, вертящегося на его голове. Тогда, подойдя близко, он со слезами спросил: «Дорогой! Что это?» Тот ответил: «Игра судьбы». Он сказал: «Так расскажи, что произошло». И спро-

шенный им, тот рассказал ему все, что случилось с колесом. Услышав это, он с упреком сказал ему: «Увы! Неоднократно я удерживал тебя, но, лишившись рассудка, ты не внял моим словам. И хорошо ведь говорится:

Рассудок лучше знания, рассудок выше знания. |
Ведь гибнут безрассудные, как те, что воскресили льва». (33)

Несущий колесо спросил: «Как это?» Овладевший золотом рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Жили в одном городе четверо брахманов, друживших между собой. Трое из них достигли пределов всех наук, но были лишены рассудка, а один отвернулся от наук, но был рассудителен. И вот однажды собрались они и стали советоваться: «Какая польза в знании, если мы не идем в другую страну, чтобы склонить к милости властителей и добыть богатство? Поэтому во что бы то ни стало пойдем все в другую страну». И когда они немного прошли по дороге, старший из них сказал: «Один из нас четырех — невежда и наделен лишь рассудком. А одним рассудком без знания нельзя добиться милости у царей. Поэтому не будем давать ему доли в том, что мы приобретем. Пусть же он повернется и пойдет в свой дом». Тогда второй сказал: «Эй, рассудительный! Ты лишен знаний. Иди же домой». Тогда третий сказал: «Эй! Не следует так поступать. Ведь с самого детства мы играли вместе [22]. Поэтому пусть он, великодушный, пойдет с нами и получит долю в богатстве, которое мы приобретем».

И когда это произошло, они, проходя по дороге, увидели в лесу кости мертвого льва. И тогда один сказал: «Эй! Испытаем полученные нами прежде знания. Вот лежит какое-то мертвое животное. Так давайте оживим его силой приобретенной мудрости». И тогда один сказал: «Я знаю, как соединить кости». Второй сказал: «Я дам ему шкуру, мясо и кровь». Третий сказал: «Я его оживлю». И вот один соединил кости, а другой наделил его шкурой, мясом и кровью. Когда же третий хотел оживить его, то рассудительный удержал его и сказал: «Это — лев. Если его оживить, он всех нас убьет». Тогда он ответил: «Эх, дурак! Я не стану носить в себе бесплодные знания». Тот сказал: «Тогда подожди минуту, пока я не взберусь на ближнее дерево». И когда это произошло, то воскресший лев вскочил и убил всех трех. Когда же лев ушел с этого места, тот рассудительный слез с дерева и пошел домой.

Поэтому я и говорю: «Рассудок лучше знания. . . ». Услышав это, несущий колесо сказал: «Увы! Не в этом причина. Ведь даже великие мудрецы гибнут, пораженные судьбой, и даже лишенные разума радуются, когда судьба охраняет их. Сказано ведь:

Одну на голове несут, другая в воздухе висит, |
А я, хоть неразумней их, в прозрачной веселюсь воде». (34)

Овладевший золотом спросил: «Как это?» Несущий колесо рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Жили в одном водоеме две рыбы по имени Шатабуддхи и Сахасрабуддхи. И с ними подружилась лягушка по имени Экабуддхи [23]. Так они втроем проводили некоторое время у берега реки и, насладившись общением друг с другом и хорошими изречениями, снова забирались в воду. И вот однажды, когда они так собрались, пришли на заходе солнца рыбаки с сетями в руках и, видя этот водоем, сказали друг другу: «Да! Видно, много рыбы в этом пруду и мало воды. Поэтому придем сюда утром». И сказав так, они пошли к себе домой. А те, услышав эти слова, подобные удару грома, стали советоваться друг с другом. Тогда лягушка сказала: «О дорогие Шатабуддхи и Сахасрабуддхи! Что тут следует делать: бежать или оставаться на месте?» Слыша это, Сахасрабуддхи со смехом сказала: «О друг! Не бойся, услышав всего одни лишь слова. Нечего даже ожидать их прихода. Если же они придут, то я оберегу тебя и себя силой своего разума. Ведь я знаю много способов плавания в воде». Слыша это, Шатабуддхи сказала: «О! Хорошо говорила Сахасрабуддхи. Ведь:

Туда, где ветер не пройдет и не пробьется солнца луч, |
Всегда проникнет быстрый ум того, кто полон мудрости. (35)

Поэтому не следует, услышав одни лишь слова, покидать доставшееся нам в наследство от отцов место, в котором мы родились. Не надо никуда идти. Я оберегу тебя силой своего разума». Лягушка сказала: «У меня всего лишь один свой разум, который советует мне бежать. Поэтому я сегодня же уйду с женой в какой-нибудь другой водоем».

И сказав это, лягушка дождалась ночи и ушла в другой водоем. А утром на следующий день пришли рыболовы, подобные слугам Ямы, и протянули через весь водоем сети. Тут все рыбы, черепахи, лягушки, раки и другие водяные жители попались в сети. И как Шатабуддхи и Сахасрабуддхи ни оберегали себя, плавая особыми способами, они запутались в сетях и были убиты. Затем после полудня обрадованные рыбаки отправились домой. Один из них взвалил на голову Шатабуддхи из-за ее тяжести, другой понес Сахасрабуддхи, привязав ее за веревку. И тогда сидящая у края пруда лягушка сказала, обращаясь к своей супруге: «Погляди, погляди, дорогая:

Одну на голове несут, другая в воздухе висит, |
А я, хоть неразумней их, в прозрачной веселюсь воде». (36)

[*Продолжение рассказа второго*]

Поэтому я и говорю: «Решает не только разум». Овладевший золотом сказал: «Если даже и так, все равно не следует пренебрегать словами друга. Но что же произошло? Хоть я и удерживал тебя, ты не остался из-за чрезвычайной жадности и гордости своими знаниями. И хорошо ведь говорится:

«Довольно! Спето хорошо». Но не послушал ты меня ||
И драгоценность чудную за пенье получил свое». (37)

Несущий колесо спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

«Жил в одном селении осел по имени Уддхата [24]. Днем он перевозил тяжести у красильщика, а ночью бродил, сколько ему хотелось. И как-то раз, бродя ночью по полям, он заключил дружбу с шакалом. Сломав забор на поле с огурцами, они пробирались туда, досыта наедались овощами и утром расходились по домам. И однажды, стоя посреди поля, опьяненный гордостью осел сказал шакалу: «О племянник! Погляди, какая ясная ночь. Поэтому я спою песнь. Какую же рагу [25] мне выбрать?» Тот сказал: «Дядя! К чему напрасно вызывать несчастье? Ведь мы заняты воровством. А воры и любовники должны вести себя тихо. Сказано ведь:

Раз кашляешь, то не воруй; сонлив, то шкур не похищай [26], |
А болен, то поменьше ешь, коль хочешь жизнь свою сберечь. (38)

Кроме того, неприятно твое пение, схожее с ревом раковины [27]. Даже издали услышат его сторожа поля и, поднявшись, поймают и убьют тебя. Поэтому ешь себе и не шуми». Слыша это, осел ответил: «О! Ты говоришь так, потому что живешь в лесу и не знаешь красоты пения. Сказано ведь:

Когда осенняя луна рассеивает ночи мглу, |
Как с другом хорошо вкушать напиток звуков сладостных!» (39)

Шакал сказал: «Дядя! Это так. Но ты ведь издаешь грубый рев. Зачем же противоречить собственной цели?» Осел сказал: «Тьфу, тьфу, дурак! Неужели я не знаю пения? Послушай же о его разделах:

Семь свар известно, грáмы—три, а мýрчхана — двадцать одна, |
Тан—сорок девять, мáтры—три, три лáйи установлено. (40)

Затем—три я́ти, сорок бхаш и тридцать шесть различных варн [28]. |
Органов речи — шесть у нас [29] и девять настроений есть.[30] (41)

Немало песен знаем мы — числом сто восемьдесят пять, |
Покрытых блеском золотым, из всех частей составленных. (42)

Ведь сами боги ничего не знают слаще пения. |
Звучащей жилой Рáвана [31] когда-то Ишу [32] веселил. (43)

Как же ты говоришь, что я не знаю этого и удерживаешь меня?» Шакал ответил: «Дядя! Если так, то я стану у ворот изгороди, чтобы следить за сторожами поля, а ты пой, сколько захочешь».

И когда это произошло, осел вытянул шею и начал кричать. Тогда сторожа поля, слыша крик осла, стиснули от гнева зубы, схватили дубинки и побежали туда. И сбежавшись, они до тех пор били его, пока он не упал спиной на землю. Тогда, привязав ему на шею ступку с отверстием, сторожа поля заснули. А у осла прошла боль, и, как это свойственно его породе, он в то же мгновение поднялся. Сказано ведь:

Собаки, мулы, лошади и больше всех других — ослы |
На миг лишь ощущают боль, ударом причиненную. (44)

И растоптав изгородь, он пустился бежать вместе с той ступкой. Между тем шакал увидел его издали и со смехом сказал:

«Довольно! Спето хорошо». Но не послушал ты меня |
И драгоценность чудную за пенье получил свое». (45)

[*Продолжение рассказа второго*]

Так же и ты не остался, хоть я и удерживал тебя». Слыша это, несущий колесо сказал: «О друг! Это правда. И хорошо ведь говорится:

Кто разума совсем лишен и кто друзей не слушает, |
Тот быстро к гибели идет, подобно Ма́нтхаре [33] ткачу». (46)

Овладевший золотом спросил: «Как это?» Несущий колесо рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

«Жил в одном селении ткач по имени Мантхара. Как-то сломались у него все прядильные колышки. Тогда, взяв топор, он стал бродить в поисках дерева и достиг морского берега. И увидев там большое дерево шиншапа [34], он подумал: «Это, видно, большое дерево. Поэтому, если срубить его, то будет много орудий для пряжи». Подумав так, он замахнулся на него топором. А на том дереве жил один дух [35], который сказал: «О! Это дерево — мой приют. Во всяком случае, пощади его. Ведь я живу здесь в высшем блаженстве, ибо тело мое овевает ветерок, берущий прохладу от морских волн». Ткач сказал: «О! Что же мне делать? Без дерева, приносящего мне необходимое, семья моя страдает от голода. Поэтому скорей уходи в другое место, а я срублю его». Дух сказал: «О! Я доволен тобой. Попроси, чего желаешь, и пощади это дерево». Ткач сказал: «Если так, то я схожу домой, спрошу своего друга и жену и вернусь». Тогда дух согласился на это, и ткач повернул назад к своему дому. Когда он входил в селение, то увидел своего друга цирюльника и сказал ему: «Эй, друг! Я овладел одним духом. Так скажи, чего мне попросить». Цирюльник ответил: «Дорогой! Если так, то попроси царство, чтобы ты стал царем, а я министром, и оба мы, вкусив счастье в этом мире, были счастливы и в другом мире». Ткач сказал: «О друг! Да

будет так. Однако я спрошу и супругу». Цирюльник сказал: «Не следует советоваться с женщинами. Сказано ведь:

Корми и одевай жену, особенно когда она |
Пригодна для зачатия, но не советуйся ты с ней. (47)

А также:

«Тот дом, где женщина царит, игрок иль малое дитя, |
Идет дорогой гибели». — Так мудрый Бхáргава [36] сказал. (48)

И также:

До тех пор лишь в почете муж и любит он родителей, |
Пока не станет поступать по наущению жены. (49)

Своекорыстны женщины и о себе лишь думают. |
Ведь, коль несчастливы они, им даже сын родной не мил». (50)

Ткач ответил: «Если даже так, все равно она преданна супругу, и следует ее спросить».

И сказав ему так, он поспешно пришел к жене и обратился к ней: «Дорогая! Сегодня мы подчинили одного духа, и он исполнит желание. Вот я и пришел посоветоваться с тобой. Скажи поэтому, чего мне просить. Мой друг цирюльник говорит: «Попроси царство». Она ответила: «Сын благородного! Что понимают цирюльники? Не следует слушаться его. Сказано ведь:

Не следует держать совет с певцом, актером, нищими, |
С неблагородным, мальчиком, аскетом и цирюльником.(51)

К тому же эта царская должность, представляющая цепь великих страданий, полна забот о мире, сражении, походе, остановке, союзе, двуличии и других делах и никогда не приносит человеку счастья. К тому же:

Дерутся братья меж собой, а сын готов отца убить, |
Чтоб царским троном овладеть. Так лучше власти избегать». (52)

Ткач сказал: «Ты сказала правду. Так посоветуй, что мне попросить». Она ответила: «Ты ведь всегда производишь по одному куску ткани, которого хватает на оплату всех расходов. Теперь же попроси себе еще пару рук

и голову, чтобы и спереди и сзади производить по одному куску ткани. Тогда благодаря цене одного куска оплатятся домашние расходы, а благодаря цене второго ты станешь проводить время, совершая необычайные дела и прославляемый родными». И выслушав ее, он с радостью сказал: «Хорошо, преданная супруга! Хорошо ты сказала! Так я и сделаю — вот мое решение». И вот ткач пошел и попросил духа: «О! Если ты исполняешь желание, то дай мне вторую пару рук и голову». Едва он сказал это, как в то же мгновение у него стало две головы и четыре руки. И когда, обрадованный, он пошел домой, то люди подумали: «Это — ракшаса» и до смерти избили его дубинками и камнями.

[*Продолжение рассказа второго*]

Поэтому я и говорю: «Кто разума совсем лишен. . .». И несущий колесо снова сказал: «Ведь всякий человек, опутанный дьяволицей несбыточных и дурных надежд, становится посмешищем. И хорошо ведь говорится:

Кто, думая о будущем, захочет невозможного, |
Тот будет белый весь лежать, как Сомашáрмана [37] отец». (53)

Овладевший золотом спросил: «Как это?» Он рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

«Жил в одном городе брахман по имени Свабхавакрипана [38]. Был у него горшок, наполненный крупой, остававшейся от еды, которую он получал в милостыню. Повесив этот горшок на гвоздь в стене и поставив под ним кровать, он не сводил с него глаз. И однажды ночью он подумал: «Горшок этот доверху наполнен крупой. Если случится голод, я выручу за него сотню рупий. И затем на эти деньги я куплю пару коз. Каждые шесть месяцев они будут давать приплод, и так у меня будет стадо коз. Затем за коз я получу коров. Когда коровы дадут приплод, я продам их потомство и получу затем за коров буйволиц, за буйволиц — кобылиц. От приплода кобылиц я получу множество коней. Продав их, я добуду много золота. На золото я выстрою дом с четырьмя покоями [39]. И затем придет кто-нибудь в мой дом и выдаст за меня прекрасную дочь с приданым. От нее родится сын. Я дам ему имя Сомашарман. Затем, когда его уже можно будет качать на коленях, я возьму книгу и, сев за конюшней, стану ее изучать. Между тем Сомашарман увидит

меня с колен матери и, желая качаться на коленях, подойдет близко к лошадям. Тогда я в гневе скажу брахманке: «Возьми, возьми дитя!» А она, занятая домашними делами, не услышит моих слов. Тогда я вскочу и ударю ее ногой. . .». И тут, увлекшись этими мыслями, он так ударил ногой, что разбил горшок и стал белый от бывшей в горшке крупы.

[*Продолжение рассказа второго*]

Поэтому я и говорю: «Кто, думая о будущем. . .». Овладевший золотом сказал: «Это так. Ведь:

Тот, кто охвачен жадностью и не боится дел дурных,
Заслужит порицание, как Чандра [40], безрассудный царь». (54)

Несущий колесо спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

«Жил в одном городе царь по имени Чандра. Чтобы забавлять своего сына, он держал стаю обезьян. Постоянно питаясь разнообразными кушаньями, они стали упитанными. И еще было у его мальчика для забавы стадо баранов. Один из них из-за своей прожорливости днем и ночью проникал в кухню и поедал все, что видел. Тогда повара стали бить его палками и всем, что попадалось им на глаза. И вот, видя это, вожак стаи обезьян подумал: «Увы! Этот раздор между бараном и поварами принесет гибель обезьянам. Ведь баран этот падок на сладкое, а повара сильно гневаются и бьют его всем, что попадется под руку. И если как-нибудь, не найдя ничего другого, они ударят его головней, то покрытый шерстью баран загорится даже от небольшого огня. Загоревшийся, он проникнет в находящуюся поблизости конюшню и подожжет ее — ведь она полна соломы. Тогда лошади получат ожоги от огня. А в Шалихотре [41] говорится, что, когда лошади пострадают от ожогов, их лечат обезьяньим жиром. Поэтому, несомненно, нас ожидает смерть». Решив так, он созвал всех обезьян и сказал:

«Сейчас у царских поваров с бараном ссора началась, |
И обезьянам смерть она должна, наверно, принести. (55)

Коль дом все время ссорами охвачен беспричинными, |
То надо избегать его, чтобы в спокойствии прожить. (56)

А также:

Раздоры — гибель для дворца, дурные речи — для друзей, |
Для царства гибель — царь дурной, для славы — прегрешения. (57)

Поэтому оставим этот дом и уйдем в лес, пока всех нас не постигла гибель».

И услышав его речь, те со смехом ответили ему, опьяненные гордостью: «Эй! От старости у тебя ослабел рассудок, что ты так говоришь. Не станем мы бросать превосходные кушанья, подобные нектару, которыми кормят нас из рук царевичи, чтобы питаться там, в лесу, вяжущими, острыми, горькими и солеными плодами с деревьев». Слыша это, вожак стаи сказал с печалью во взоре: «Ах, вы дураки! Не видите вы исхода этого благополучия. Ведь лишь на первый взгляд сладко это благополучие, а на исходе оно будет, словно яд. Поэтому не стану я смотреть, как погибнут мои родичи, и теперь же уйду в лес. Сказано ведь:

Тот счастлив лишь, кто не видел захват земли, угасший род, |
Жену свою в чужих руках и друга в тяжком бедствии» [42]. (58)

И сказав так, вожак стаи оставил их всех и ушел в лес.

И когда он ушел, то баран проник однажды в кухню. Тогда повар, ничего не найдя, схватил полусожженную палку и стал бить его. Тут половина его тела воспламенилась от ударов, и с блеянием он проник в находившуюся поблизости конюшню и стал по ней метаться. Тогда из-за обилия соломы там повсюду поднялись языки пламени. У одних из привязанных в конюшне лошадей лопнули глаза, и они отошли в небытие; другие разгрызли привязь и, наполовину сожженные, перепугали весь народ своим ржанием. Между тем обеспокоенный царь призвал врачей, сведущих в Шалихотре, и сказал: «Назовите какое-нибудь средство вылечить этих лошадей от ожогов». А те, вспомнив науки, сказали: «Божественный! По этому поводу блаженный Шалихотра говорит:

«Как тьма не сможет устоять перед восходом солнечным, | |
Так у коня пройдет ожог от жира обезьянего». (59)

Пусть же применят это целебное средство, чтобы они не погибли от болезни». И услышав это, он приказал убить обезьян. К чему много слов?

Все были убиты. А вожак стаи не видел своими глазами, как погиб его род, но слух об этом дошел до него, и он не мог спокойно этого перенести. Сказано ведь:

Поистине ничтожен тот, кто в страхе иль из жадности |
Спокойно может выносить, как гибнут родичи его. (60)

И вот этот старый вожак [43], мучимый жаждой, в своих скитаниях достиг где-то озера, украшенного густыми зарослями лотоса. И когда он посмотрел внимательно, то увидел там след, ведущий в озеро, но не нашел обратного следа. Тогда он подумал: «Несомненно, здесь в воде должен жить злой хищник. Поэтому я возьму стебель лотоса и стану пить воду издали». И когда это произошло, оттуда вылез ракшаса с шеей, украшенной жемчужным ожерельем, и сказал ему: «Эй! Я съедаю тех, кто проникает в эту воду. Нет никого хитрее тебя, раз ты пьешь воду таким способом. Поэтому я удовлетворен. Проси, чего желает твое сердце». Вожак сказал: «Эй! Сколько ты можешь съесть?» Он ответил: «Тех, кто проникает в воду, я съедаю сотнями, тысячами, десятками и даже сотнями тысяч. А на суше меня одолеет и шакал». Вожак сказал: «Между мной и владыкой — непримиримая вражда. Если ты дашь мне это жемчужное ожерелье, то я искусной речью пробужу в нем жадность и даже вместе со свитой заставлю его войти в озеро». И тогда ракшаса передал ему жемчужное ожерелье.

И вот вожак, украсив шею жемчужным ожерельем, стал прыгать по верхушкам деревьев. Тогда люди увидели его и спросили: «Эй, вожак стаи! Где ты был столько времени после того, как ушел? Где достал ты такое жемчужное ожерелье, затмевающее своим блеском даже солнце?» Тот ответил: «Есть в одном месте в лесу тщательно укрытое озеро, созданное Дханадой. Если кто-нибудь погрузится в него в воскресенье, когда наполовину взойдет солнце, то по милости Дханады он выйдет из него с подобным жемчужным ожерельем, украшающим шею». И услышав об этом от людей, повелитель призвал обезьяну и сказал: «Эй, вожак стаи! Правда ли это?» Тот ответил: «Господин! Свидетельство этому — жемчужное ожерелье, которое ты видишь на моей шее. Если и тебе нужно такое, пошли со мной кого-нибудь, чтобы я ему показал». Слыша это, царь сказал: «Если так, то я сам пойду со свитой, чтобы получить много жемчужных ожерелий». Вожак сказал: «Господин! Хорошо это».

И вот, полный жадности к жемчужным ожерельям, царь со свитой отправился в путь. Что же до обезьяны, то сидевший на носилках царь держал ее на коленях в знак уважения. И хорошо ведь говорится:

Пускай богат он и учен, но если жаден человек, |
То по дурным путям идет, творя постыдные дела. (61)

А также:

За сотней хочет тысячу и сотню тысяч получить, |
За сотней тысяч — царства ждет, за царством — неба хочет он. (62)

Стареют зубы старика, стареют волосы его, |
Стареют уши и глаза — лишь жадность не стареет в нем. (63)

И достигнув на заре того озера, вожак сказал царю: «Божественный! Тем, кто входит сюда, когда наполовину взойдет солнце, сопутствует успех. Поэтому скажи всей свите, чтобы она одновременно вошла сюда. А затем войдем и мы с тобой, чтобы, достигнув замеченного прежде места, я показал тебе многочисленные жемчужные ожерелья». И вот все те люди вошли в озеро и были съедены ракшасой.

Между тем, видя, что они медлят, царь сказал обезьяне: «О повелитель стаи! Почему медлит моя свита?» Услышав это, вожак поспешно взобрался на дерево и сказал: «Эй, злой царь! Твою свиту съел ракшаса, живущий в воде. Ты погубил мой род, и я отомстил тебе за обиду. Уходи же. Помня, что ты — господин, я не дал тебе войти туда. Сказано ведь:

За дружбу дружбою плати, а за вражду плати враждой. |
Не вижу в том проступка я, чтобы ответить злом на зло. (64)

И вот ты погубил мой род, а я — твой».

Слыша это, полный печали царь поспешно вернулся туда, откуда пришел. Когда же тот царь ушел, удовлетворенный ракшаса вышел из воды и с радостью сказал:

Напился через стебель ты, убит твой враг, получен друг, |
И жемчуг сохранен тобой, владыка мудрый обезьян!» (65)

[*Продолжение рассказа второго*]

Поэтому я и говорю: «Тот, кто охвачен жадностью. . .». И овладевший золотом снова сказал: «О! Отпусти меня. Я пойду к себе домой». Несущий колесо ответил: «Как ты уйдешь, оставив меня в таком положении? Сказано ведь:

Покинет друга кто в беде, не зная сострадания, |
Тот в ад идет за этот грех, — какое в том сомнение?» (66)

Овладевший золотом сказал: «О! Это верно, если наделенный силами покидает, когда можно помочь. А здесь люди не могут помочь, и никогда не найдется силы, которая бы освободила тебя. К тому же, чем дольше я гляжу на твое лицо, искаженное болью от вертящегося колеса, тем больше вижу, что должен быстрее уйти отсюда, с этого места, чтобы еще и со мной как-нибудь не случилось этого несчастья. И хорошо ведь говорится:

Что ж, обезьяна, у тебя такое мрачное лицо? |
Вика́лой [44], знать, ты схвачена. Лишь бегством можно тут спастись». (67)

Несущий колесо спросил: «Как это?» Тот рассказал:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

«Жил в одном городе царь по имени Бхадрасена [45]. Была у него дочь по имени Ратнавати [46], наделенная всеми счастливыми признаками. И вот один ракшаса захотел похитить ее. Приходя ночью, он постоянно наслаждался ею, но не мог ее похитить из-за окружавших стражников. А она во время наслаждения с ним испытывала дрожь, лихорадку и все, что возникает от близости с ракшасой. И как-то раз, стоя в углу дома, ракшаса показал себя царевне. Тогда она сказала подруге: «Посмотри, подруга! В часы вечера постоянно приходит этот ракшаса и мучает меня. Есть ли какое-нибудь средство отогнать этого злодея?» Слыша это, ракшаса подумал: «Должно быть, кто-то другой, по имени Викала [47], так же, как и я, все время приходит сюда, чтобы похитить ее, но и он не может ее унести. Поэтому я приму пока вид лошади и, стоя среди лошадей, посмотрю, как он выглядит и какова его сила».

И когда это произошло, ночью в дом царя проник один конокрад. Осмотрев всех лошадей и видя, что лошадь-ракшаса лучше других, он вложил ему в рот удила и сел на него. В это время ракшаса подумал: «Наверно, это тот, по имени Викала, который считает меня злодеем и, разгневавшись, пришел убить меня. Что же делать?» Пока он думал так, конокрад ударил его кнутом. Тогда, дрожа от страха, тот пустился бежать. И вот, ускакав далеко оттуда, вор начал останавливать его, натягивая поводья, потому что конь слушается поводьев. А тот лишь скакал все быстрей и быстрей. Тогда, видя, что натягивание поводьев не сдерживает его, вор подумал: «Да! Не

такими бывают кони. Несомненно, это — ракшаса в образе коня. Поэтому, если я увижу песчаную почву, то упаду там, а иначе мне не жить». И пока конокрад думал так, вспоминая своего бога-хранителя, тот ракшаса в образе лошади прискакал под смоковницу. А вор ухватился за воздушный корень смоковницы и повис на нем. И тут, разъединившись, оба они обрели надежду сохранить жизнь и исполнились высшей радости.

Между тем на той смоковнице жила одна обезьяна, друг ракшасы. И видя убегающего ракшасу, она сказала: «Эй! Зачем ты бежишь в напрасном страхе? Это — человек, твоя пища. Так съешь его». Услышав ее слова и приняв свое обличье, он с обеспокоенным сердцем и помутившимся рассудком повернул назад. Между тем, слыша, что обезьяна призвала того, вор в гневе схватил ртом свешивающийся хвост сидевшей над ним обезьяны и изо всех сил стал кусать его. А обезьяна, решив, что он сильней ракшасы, ничего не сказала от страха, но, сильно мучимая болью, лишь зажмурилась и стиснула зубы. А ракшаса, видя ее в таком состоянии, прочел стихи:

«Что ж, обезьяна, у тебя такое мрачное лицо? |
Викалой, знать, ты схвачена. Лишь бегством можно тут спастись». (68)

[*Продолжение рассказа второго*]

И овладевший золотом снова сказал: «Отпусти меня. Я пойду к себе домой. А ты оставайся здесь и вкушай плод от древа своего дурного поведения». Несущий колесо сказал: «О! Не в том дело, разумен человек или неразумен, потому что радость и горе приходят к людям по воле судьбы. Сказано ведь:

Слепому, и горбатому, и женщине с тремя грудьми |
На пользу глупость их пошла по благосклонности судьбы». (69)

Овладевший золотом спросил: «Как это?» Несущий колесо рассказал:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

«Есть в северной стране город под названием Мадхупурам [48]. Жил там царь по имени Мадхусена [49]. Как-то родилась у него трехгрудая дочь. И услышав, что она родилась трехгрудой, царь позвал смотрителя женских покоев и сказал: «Эй! Оставь ее в лесу, чтобы никто не узнал». Услышав это, смотритель сказал: «Великий царь! Известно, что трехгрудая дочь при-

носит несчастье. И все же следует призвать брахманов и спросить их, чтобы не совершить проступка в обоих мирах. Сказано ведь:

Когда разумен человек, всегда он должен спрашивать. |
Так, от владыки-ракшасы вопросом спас себя брахман». (70)

Царь спросил: «Как это?» Смотритель женских покоев рассказал:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

«Жил в одном лесу ракшаса по имени Чандакарман [50]. Как-то, бродя, он встретил одного брахмана. Тогда он влез ему на плечи и сказал: «Эй, иди вперед». И брахман с дрожащим от страха сердцем пошел, неся его. И видя, что ноги его нежны, как внутренность лотоса, он спросил его: «Эй! Почему у тебя такие нежные ноги?» Ракшаса сказал: «Ведь я никогда не касаюсь земли, не омыв ног [51]. Таков мой обет». И думая, как бы ему спастись, брахман достиг озера. Тогда ракшаса сказал: «Эй! Никуда не уходи с этого места, пока я не выйду из озера, совершив омовение и поклонившись богу». И когда это произошло, брахман подумал: «Несомненно, после поклонения богу он съест меня. Поэтому уйду-ка я подальше. Ведь не омыв ног, он не последует за мной». И когда он сделал так, ракшаса, боясь нарушить обет, не стал следовать за ним.

[*Окончание рассказа десятого*]

Поэтому я и говорю: «Когда разумен человек. . .». Тогда, выслушав его речь, царь созвал брахманов и сказал: «О брахманы! Родилась у меня трехгрудая дочь. Так есть ли какое-нибудь средство против нее или нет?» Они ответили: «Божественный! Послушай:

Коль дева члена лишена иль лишний член есть у нее, |
Супругу смерть она несет, губя свои достоинства. (71)

Когда же дочь трехгрудую увидит пред собой отец. |
То нет сомнения тогда, что гибель близится его. (72)

Поэтому пусть божественный избегает видеть ее. Если же кто-нибудь возьмет ее в жены, то, выдав ее, прикажи им покинуть страну. Сделав так,

ты не совершишь проступка в обоих мирах». И выслушав их речь, царь объявил под барабанный бой: «Эй! Кто возьмет в жены трехгрудую царевну, тому царь даст сто тысяч золотых и прикажет покинуть страну». И пока так объявляли под барабанный бой, прошло много времени, но никто не брал ее в жены. Так, находясь в тайном месте, она встретила юность.

А в этом городе жил один слепой. Был у него поводырь, горбун по имени Мантхарака [52], водивший его за палку. И услышав барабан, они стали советоваться друг с другом: «Если мы коснемся этого барабана [53], то получим девушку и золото. А получив золото, мы станем счастливо проводить время. Если же по вине девушки нас постигнет смерть, то настанет конец этому страданию, рожденному бедностью. Сказано ведь:

Любовь, и стыд, || и сладкой речи дар, ||
и красота младая,
Жизнь без забот, || с любимою союз, ||
и в жертвах совершенство,
Веселый нрав, || разумность, чистота, ||
ученость, добродетель —
Все это есть, || коль живота горшок ||
у человека полон». (73)
mandā

И посоветовавшись так, слепой подошел к барабану и, коснувшись его, сказал: «Я возьму в жены эту девушку». Тогда царские слуги пошли и сказали царю: «Божественный! Какой-то слепой коснулся барабана. Пусть же решит божественный, что делать по этому поводу». Царь сказал: «О!

Пусть слеп, пусть глух, пусть ниже всех, пусть прокаженный даже он, —
С деньгами дайте дочь ему и на чужбину вышлите». (74)

И вслед за приказом царя те царские слуги отвели трехгрудую на берег реки и, дав сто тысяч золотых, выдали ее за того слепого. Затем, посадив их на судно, они сказали рыбакам: «Эй! Увезите этого слепого с горбуном и женой в другую страну и доставьте их в какой-нибудь город». И когда это было исполнено, те трое достигли другой страны и, купив дом в одном городе, стали счастливо проводить время. Слепой все время только лежал на кровати и спал, а горбун исполнял домашние дела.

И вот с течением времени трехгрудая нарушила свою добродетель с горбуном и сказала: «О прекрасный! Если как-нибудь погубить этого слепого,

то мы счастливо будем проводить время. Найди же где-нибудь яд, чтобы, дав ему и погубив его, я была счастлива». И на следующий день горбун нашел где-то мертвого черного змея. Взяв его, он с радостью в сердце пришел домой и сказал ей: «Прекрасная! Я нашел этого черного змея. Так разрежь его на куски, снабди вкусными приправами и, сказав, что это — рыба, дай его лишенному глаз, чтобы он скорей погиб». И сказав это, Мантхарака снова отправился по дороге к рынку. А она разрезала на куски черного змея, положила в горшок с пахтаньем и водой, поставила сосуд на кухонную печь и, занимаясь сама домашними делами, ласково сказала слепому: «Сын благородного! Сегодня я принесла рыб, которых ты так любишь, и готовлю их. Поэтому возьми ложку и помешай их, пока я занята другими домашними делами». А он, с радостью в сердце слыша это и облизывая уголки рта, поспешно встал, взял ложку и начал помешивать. И когда он помешивал, то от прикосновения насыщенного ядом пара с глаз его мало-по-малу начала сходить пленка. А он, видя в этом целебное средство, с усердием подставил глаза под пар. И вот когда, уже ясно видя, он посмотрел, то увидел в горшке лишь куски черного змея. Тогда он подумал: «Ох! Что это? Ведь мне было сказано, что тут рыба, а это — куски черного змея. Поэтому я пока разузнаю получше, сделала ли это трехгрудая, замыслил ли это Мантхарака, чтобы погубить меня, или кто-нибудь другой». Подумав так, он скрыл свое состояние и продолжал делать работу, как слепой. Между тем пришел Мантхарака и без боязни начал наслаждаться с трехгрудой объятиями, поцелуями и другими ласками. А слепой, видя все это и не найдя никакого оружия, как прежде, словно ослепший от гнева, подошел близко, схватил Мантхараку за ноги и, повертев его над головой, благодаря своей силе, ударил им трехгрудую в сердце. Тогда от удара телом горбуна ее третья грудь вошла внутрь, а горбун, ударясь спиной о ее грудь, стал прямым.

[*Окончание рассказа второго*]

Поэтому я и говорю: «Слепому, и горбатому. . .». Овладевший золотом сказал: «О! Это ты сказал правду. Счастье всегда приходит по благосклонности судьбы. И все же, признавая судьбу, человеку не следует оставлять рассудительность, как ты оставил ее, не послушавшись моих слов».

Сказав так, овладевший золотом простился с ним и вернулся к себе домой».

И здесь окончена пятая книга под названием «Безрассудные поступки», первый стих которой гласит:

Что плохо видел ты, не знал, не делал и не испытал, ||
Остерегайся совершать, — не подражай цирюльнику! (*1*)

С ЕЕ ОКОНЧАНИЕМ ОКОНЧЕНА НАУКА РАЗУМНОГО ПОВЕДЕНИЯ «ПАНЧАКХЬЯНАКА»[53], НАЗЫВАЮЩАЯСЯ ТАКЖЕ «ПАНЧАТАНТРА».

ПРИЛОЖЕНИЯ

«ПАНЧАТАНТРА»

Немногие книги оказали такое глубокое воздействие на литературу всего мира, как сборник рассказов и басен «Панчатантра», созданный в Индии в первой половине I тысячелетия н. э.

Художественное значение «Панчатантры» несоизмеримо с теми практическими задачами, которые ставил перед собой ее автор. Книга была задумана как наглядное руководство для правителей, излагающее основы жизненной мудрости в притчах, стихотворных изречениях и прозаических повествованиях.

Поучения для правителей неоднократно составлялись в древней Индии. Наиболее раннее из них принадлежит легендарному Каутилье (Вишнугупте), советнику царя Чандрагупты. Сочинение Каутильи «Каутильяшастра» (Kautiliyaçāstra) послужило одним из источников для автора «Панчатантры». Само имя создателя «Панчатантры» Вишнушарман, по мнению большинства ученых, указывает на связь этой книги с сочинением Вишнугупты.

В трактате Вишнугупты, как и в других древнеиндийских рассуждениях об искусстве правителей, подробно перечисляются различные науки, знание которых необходимо для властелина. Наибольшее значение придавалось изучению нравственного закона (dharma), житейской пользы (artha) и любви (kāma).

О божественном происхождении системы обучения, состоящей из этих трех частей, повествуется уже в древнеиндийской эпической поэме «Махабхарата» (XII, 59).

В стихотворных афоризмах «Панчатантры» главные правила науки житейской мудрости выражаются в четких формулах, иногда точно совпадаю-

щих с изречениями законов Ману и других древних сводов правил[1]. Эти мысли иллюстрируются иносказаниями и прозаическими рассказами, объединенными в пяти частях сборника. Каждая часть излагает и иллюстрирует одно из основных положений науки о правильном поведении (житейской и государственной мудрости — nīti). Это, по-видимому, отражено и в самом заглавии, так как санскритское tantra в названии «Панчатантра» (как и в сочинении Каутильи) может иметь значение — «основное положение» (откуда позднейшее значение — «раздел, излагающий одно из основных положений»)[2], соответственно Pañcatantra — «пять назидательных книг» (излагающих пять основных положений nīti).

Назидательный характер книги отнюдь не означает, что она состоит из морализаторских рассуждений. Автор стремился преподать правителям уроки политической мудрости, часто резко расходящейся с требованиями нравственности. Во многих рассказах он показывает, что только хитрость и обман могут привести к удаче. Одним из наглядных примеров может служить сюжет третьей книги, где повествуется о гибели сов, вызванной хитростью их врага. Стихотворные рассуждения о значении соглядатаев в этой части «Панчатантры» служат как бы реальным комментарием к аллегорическому рассказу о борьбе ворон и сов.

В своем стремлении изобразить подлинную сущность государственной деятельности автор «Панчатантры» не скован никакими обязательными канонами морали. Его внимание сосредоточено не столько на нравственном законе (dharma), сколько на непосредственной выгоде, приобретении, пользе (artha). Поэтому и последствия хороших поступков, и плоды недобрых дел расцениваются им прежде всего с практической точки зрения. Достоинства настоящей дружбы проявляются прежде всего тогда, когда друзья выручают друг друга из беды.

В первой книге «Панчатантры» доверчивость льва и быка, поверивших клевете шакала, приводит их к несчастью.

Изображение реальных жизненных отношений сочетается в «Панчатантре» с язвительным разоблачением показной нравственности, прикрывающей

---

[1] См. L. Sternbach. The Pañcatantra and the Smṛtis. Bhāratīya Vidyā, XI, 1951, № 3—4.

[2] См. о значении tantra в названии «Панчатантра» последнюю работу G. T. Artola. The Title: «Pañcatantra» «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. 52, 3 und 4 Heft. Wien, 1955, особенно стр. 384—385. Ср. N. S. Dasgupta. A history of sanskrit literature. University of Calcutta, vol. I, 1947, стр. 702.

громкими словами преступления и пороки. В третьей книге мы видим хищника, который возвышенными речами, начиненными нравственными заповедями, обманывает свои жертвы и затем убивает их. Как показная нравственность противопоставляется действительным правилам житейской мудрости, так и ложная ученость развенчивается благодаря столкновению ее со здравым смыслом. В пятой книге «Панчатантры» познания осла в области теории музыки не спасают его от наказания. Всего ярче противоречие между бессмысленными научными знаниями и практическим пониманием жизни обнаруживается в басне о воскрешении льва — в пятой книге. Научные познания, благодаря которым можно оживить мертвого льва, оказываются бессильными, когда хищник воскресает. Здравый смысл того, кто предвидел последствия злоупотребления наукой, торжествует над ученостью, применение которой было ненужным и опасным.

Вместо проповедей и научных сведений, непригодных в житейской практике, автор «Панчатантры» развертывает перед читателем картины повседневной жизни во всей ее сложности и противоречивости. Рядом с иносказаниями и баснями мы встречаем в «Панчатантре» искусные реалистические новеллы, изображающие действительность с непревзойденным мастерством Индолог XX в. Ф. Эджертон был прав, когда указывал на то, что не все рассказы «Панчатантры» (даже в ее первоначальной редакции) преследовали непосредственную политическую цель[1]. Но каждый из этих рассказов был необходимой составной частью того изображения человеческого общества, которое вся книга в целом должна была дать читателю.

Перед нами проходят люди различных каст и профессий, сцены семейной жизни и картины политической деятельности. Мы посещаем то келью отшельника, то царский дворец, то дом ремесленника, то хижину земледельца Острый взгляд автора «Панчатантры» обнаруживает жадность монахов, глупость и коварство правителей, суеверие брахманов. Беспощадность реалистического разоблачения действительности, ее лаконическое и язвительное изображение сразу же напоминает читателю итальянские новеллы Возрождения. Эта аналогия является не случайной, потому что «Панчатантра» была родоначальником ряда произведений восточной литературы, послуживших прообразом для «Декамерона».

С присущим ему реализмом автор «Панчатантры» передает причины, которыми вызываются поступки действующих лиц книги. Во многих расска-

---

[1] F. Edgerton. The Pañcatantra reconstructed, vol. 2. New Haven, 1924, стр. 5, примеч. 6; стр. 77, примеч. 2 и стр. 185.

зах главной темой является погоня за деньгами, собственностью, от которой зависит жизненный успех. Почти целиком этой теме посвящены стихи и рассказы пятой книги «Панчатантры». С обычной сдержанной иронией автор рассказывает о монахах, чья алчность позволила цирюльнику обманом завести их к себе, о цирюльнике, убивающем монахов в надежде превратить их в золото, о кладоискателях, один из которых из-за своей жадности оказывается обреченным на долгие мучения. Еще отчетливее тщетность погони за деньгами обрисовывается в рассказе о ткаче во второй книге «Панчатантры». Осуждая жажду наживы, автор «Панчатантры» показывает, что житейская польза, приобретение (artha) достигается не стяжательством и корыстолюбием, а разумным поведением, избавляющим человека от всех невзгод.

Действующие лица «Панчатантры» наделены характерными чертами, связывающими их с определенной страной и временем. Наличие в книге элементов фантастики не противоречит этому общему впечатлению, а лишь усиливает его. Поверия о волшебствах и демонах были настолько распространены в Индии, что книга, передающая все стороны индийской жизни, не могла не включать в себя и отражения этих поверий.

В «Панчатантре» предания и мифы входят в реалистическое повествование как его необходимое звено. Столкновение действительности и суеверия в некоторых рассказах служит основой для построения сюжета. Одна новелла пятой книги начинается с рассказа о волшебстве (превращение монаха в золото), после чего следует реалистическое повествование. Цирюльник узнает о том, что монах, если его ударить по голове, может превратиться в золото, и приглашает к себе множество монахов. Но настоящие монахи не превращаются в золото, а умирают. Обратный случай построения сюжета находим в третьей книге. Трем мошенникам удается убедить брахмана в том, что он несет на спине демона, и тем самым заставить его расстаться со своей ношей.

Черты реальности присущи и басням «Панчатантры», где действующими лицами являются животные. В изображении отношений между персонажами, выступающими в качестве животных, отражены тонкие наблюдения над жизнью человеческого общества. Рассказы первой книги о дворе льва служат едва скрытым иносказательным описанием двора индийского правителя первого тысячелетия н. э. В других баснях описание человеческой жизни переплетается с рассказами о животных, которые благодаря этому приобретают особенно реальный характер. Такова басня о вши или повествование о мыши, досаждавшей отшельнику. Иногда с этой целью сообщается лишь какая-нибудь одна подробность, прикрепляющая басню к индийской почве и прида-

ющая ей черты того наивного реализма, которым наполнена вся «Панчатантра». Так, только в индийской басне змея может бояться выползти из норы, чтобы не попасть в руки к заклинателю змей.

Смешение людей и животных, преданий и бытовых рассказов, повествований о волшебниках и политических наставлений создает неподражаемую прелесть «Панчатантры». Этой пестроте содержания книги как нельзя лучше отвечает ее сложная и свободная композиция с чередованием основного повествования и вставных эпизодов, диалогов и монологов действующих лиц и авторского текста, стихотворных рассуждений и прозаических периодов. Как показывает самое название «Панчатантра», сборник состоит из пяти (санскритское pañca «пять», родственное русскому «пять») назидательных книг (tantra, см. выше о значении этого слова). Между собой эти пять книг связаны только единым замыслом политического наставления правителям, которое состоит из нескольких главных разделов.

Каждая книга «Панчатантры» состоит из большого числа эпизодов, нанизанных на нить основного повествования. Стержневой рассказ в первых трех книгах выступает вполне отчетливо: в первой книге — история льва и быка, во второй — судьба четырех друзей, в третьей — борьба ворон и сов. В четвертой книге действие основного рассказа быстро иссякает после того, как обезьяне удается обмануть дельфина и вернуться к себе на дерево. Фоном для нанизывания дальнейших эпизодов в четвертой книге является беседа обезьяны и дельфина. Так же построена и пятая книга «Панчатантры», отличающаяся этим от первых трех и сближающаяся с четвертой. В начале пятой книги отдельные рассказы связываются друг с другом без единой обрамляющей истории. Вторая половина этой книги обрамляется разговором кладоискателей, рассказывающих друг другу целую серию эпизодов.

Во всех пяти книгах «Панчатантры» строго проводится один и тот же композиционный прием включения отдельных рассказов в общее повествование. Каждому рассказу предшествует небольшое стихотворение, в котором обычно содержится краткое назидание и намек на последующий рассказ. Этот намек вызывает вопрос у одного из действующих лиц, а другой персонаж, отвечая на вопрос, рассказывает очередной эпизод. После рассказа снова повторяется стихотворение, содержащее намек на этот рассказ. Поскольку одно и то же стихотворение предшествует рассказу и завершает его, оно носит в древнеиндийской поэтике название «охватывающего» (kathāsaṃgrāha). Чередование стихов и прозы в «Панчатантре» связано и со сложным композиционным построением всего произведения, и с сочетанием прямых назиданий и иносказаний. Стихотворения, в которых формулируются правила

житейской мудрости, служат вместе с тем поводом для введения в ткань повествования новых и новых вставных эпизодов, иллюстрирующих эти правила. Стихотворные фрагменты как бы прикрепляют вставные новеллы к основной нити повествования.

Введение в прозаический текст небольших стихотворений, содержащих не вполне ясный (а иногда и вовсе загадочный) намек на какую-либо басню или рассказ, наблюдается уже в древнейших индийских прозаических сочинениях[1]. Чередование более пространных рассказов в прозе и кратких стихотворений на ту же тему характерно и для буддистских сборников притч (джатак), имеющих много общего с «Панчатантрой». Прием повторения до и после прозаического рассказа одного и того же назидательного стихотворного намека на содержание этого рассказа мы находим в сочинении о государстве, написанном Каутильей (Kauṭilya). Это представляет особый интерес потому, что труд Каутильи мог быть одним из источников для автора «Панчатантры»[2].

Чередование прозаических рассказов и стихов было, следовательно, отличительной чертой древнеиндийской литературной традиции. Но в «Панчатантре» этот прием приобретает особое значение, потому что стихотворение, обычно не вполне ясное, служит мотивировкой для введения нового рассказа, который призван раскрыть стихотворный намек. Смена стихотворений, басен и новелл оказывается необходимой для развертывания повествования. Поскольку каждый новый рассказ вдвигается в сборник, как вставной ящик, границы «Панчатантры» могут расширяться и включать (в различных редакциях) новые и новые эпизоды.

Построение новелл «Панчатантры» отличается большим разнообразием, не сводимым к единой формуле[3]. Во многих рассказах простая сюжетная схема усложняется благодаря неожиданной концовке, свидетельствующей о большом искусстве повествователя. Рассказ об обманутом муже, тайком вернувшемся для того, чтобы убедиться в неверности супруги, получает неожиданное завершение, когда жена находит нравственное объяснение своей измены и благодаря этому вдвойне обманывает своего мужа. Такое усложненное построение характерно не только для новелл «Панчатантры», но и

---

[1] См. L. Renou. Les vers insérés dans la prose védique. «Asiatica. Festschrift Friedrich Weller», Leipzig, 1954, стр. 528—534.

[2] См. об этом: W. Ruben. Über die Literatur der vorarischen Stämme Indiens. Berlin, 1952, стр. 110.

[3] Ср. анализ построения сюжета рассказов «Панчатантры» в предисловии Р. О. Шор к книге «Панчатантра. Избранные рассказы», М., 1930, стр. 21—23.

для многих басен и сказок, входящих в сборник. Так, басня о птице, поссорившейся с морем, явственно делится на две части, что отмечал еще А. А. Потебня в своем исследовании по теории басни[1]. Первая часть, где море уносит волною яйца высокомерной птицы, представляет собой обычную басню с простым сюжетом. Вторая же часть, где рассказывается о вмешательстве богов Вишну и Гаруда, превращается в сложное мифологическое повествование, выходящее за рамки простой басни.

Усложнение обычных басенных или сказочных мотивов и введение реалистических подробностей стирает грань между басней, сказкой и новеллой. О многих рассказах «Панчатантры» трудно сказать, к какому жанру их следует отнести. Возникает особый тип повествования, где на равных правах выступают очеловеченные животные, мифологические существа и обычные люди. Басни отчасти утрачивают условный и отвлеченный характер, но вместе с тем и реалистическим новеллам «Панчатантры» сообщаются черты назидательности, присущей басням.

Назидательный характер сборника особенно отчетливо проявляется в том, что отдельные действующие лица часто оказываются воплощением одного лишь качества, обычно обозначаемого уже самим именем персонажа, так как большинство имен действующих лиц в «Панчатантре» имеет ясное значение, отражающее главные черты героя и его назначение в рассказе. Но несмотря на скупость красок, которыми рисуется психология персонажей, характер большинства из них изображен очень живо. Наглядность зарисовок бытовых сцен и поэтических описаний индийской природы делает осязаемым и тот фон, на котором развертывается действие новелл и басен.

Стиль «Панчатантры» не является единообразным. В одних рассказах преобладает сжатость в изложении событий и разговор действующих лиц немногословен. В других же рассказах мы встречаемся с риторическими украшениями, игрой слов, звукописью и вычурной образностью. Как и другие памятники санскритской литературы, «Панчатантра» отличается удивительным разнообразием синонимов.

Как установлено исследователями XX в., оригинал «Панчатантры» написан на санскрите. Выбор этого языка не случаен. Многообразие литературных языков Индии первого тысячелетия н. э. было связано с различиями в религиозных воззрениях. В первом тысячелетии н. э. разговорные среднеиндийские языки использовались в произведениях, проповедовавших буд-

[1] А. А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1914, стр. 18—20. Ср. А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 312.

дизм и джайнизм, тогда как древнеиндийский язык — санскрит — оставался литературным языком брахманов. Автор «Панчатантры» был брахманом (вопреки мнению многих ученых XIX в., связывавших «Панчатантру» с буддизмом). Поэтому книга была написана на классическом санскрите. Этот язык, сохранявший основные свойства древнеиндийского, в то же время обладал некоторыми особенностями, отчасти объясняющимися воздействием на него грамматического строя разговорных среднеиндийских языков.

Отличительными чертами классического санскрита, отраженными в «Панчатантре», было обилие сложных слов (иногда состоящих из очень большого числа основ) и многочисленность именных предложений. Обе эти черты характеризуют не столько стиль произведения, сколько грамматику позднего санскрита, на которую повлияли некоторые особенности среднеиндийских языков. В поздних вариантах «Панчатантры» можно обнаружить и следы лексического влияния разговорных языков Индии. В частности, в той редакции «Панчатантры», с которой сделан настоящий перевод, имеется целый ряд заимствований из пракритов и старого гуджарати. Эти заимствования относятся уже ко времени составления данной редакции памятника, т. е. к началу второго тысячелетия н. э.

Хотя «Панчатантра» как самостоятельный сборник появляется только в первом тысячелетии н. э., зарождение отдельных рассказов, вошедших в этот сборник, следует отнести к гораздо более раннему времени. Некоторые басни о животных, по-видимому, могут восходить к культурному наследию древнейшего доарийского населения Индии. Письменность населения индийских городов долины Инда III тысячелетия до н. э. еще не расшифрована, но изучение изображений на печатях, найденных в этих городах, показывает, что уже в то время существовали некоторые рассказы о животных и божествах, находящие аналогии в позднейшей индийской литературе, в том числе в буддийских джатаках (нравоучительных рассказах), имеющих много общего с «Панчатантрой»[1]. Позднее на эти древнейшие доарийские предания наслоились легенды, принесенные арийскими завоевателями. Уже в VII и VIII мандалах (песнях) «Ригведы» и в других памятниках ведической литературы обнаруживаются следы рассказов о животных, которые предвосхищают басни «Панчатантры». Война ворон и сов, составляющая содержание третьей книги «Панчатантры», упоминается еще в «Махабхарате». Но наибольшее сходство с «Панчатантрой» можно обнаружить в буддийских

---

[1] См. W. Ruben. Über die Literatur der vorarischen Stämme Indiens, стр. 128—129.

джатаках, где широко отражен общеиндийский (добуддийский) цикл сказок и басен о животных[1]. Сюжет первой книги «Панчатантры» находит точное соответствие в джатаке (№ 349), где рассказывается о льве, быке и шакале. В двух джатаках (№ 57 и № 208) повествуется о дельфине и обезьяне, история которых служит фоном для всей четвертой книги «Панчатантры». Рассказ об осле, надевшем львиную шкуру, сохранившийся в джатаке (№ 189), также имеет аналогию в «Панчатантре».

Широкие аналогии в различных памятниках индийской литературы (начиная с ведических сочинений и вплоть до «Махабхараты», законов Ману, буддийских и джайнистских текстов) находят и изречения, содержащиеся в «Панчатантре».

Как мы уже видели, истоки в древнейших произведениях индийской литературы имеют не только отдельные басни и изречения «Панчатантры», но и составляющий основу композиции «Панчатантры» прием чередования стихотворных изречений, содержащих намеки на басни, с самими баснями.

Появление «Панчатантры» было итогом длительного развития разных жанров литературы древней Индии, объединенных в этом исключительно своеобразном произведении. Его создание относится ко времени расцвета древнеиндийской литературы и искусства в первой половине первого тысячелетия до н. э., — к так называемой эпохе Гупта (около 350—450 гг. н. э.), которую часто называют «золотым веком» древней Индии. Это было время бурного развития ремесел и торговли, когда изделия индийских мастеров высоко ценились в Передней и Центральной Азии, Китае, Индонезии. Ремесленники напряженно трудились, купцы составляли себе состояние, отправляясь в далекие путешествия, правителей обогащали пошлины и налоги. Рука об руку с расширением производства и торговли шло расслоение общества, увеличение имущественного неравенства и социальных противоречий. Китайский буддист Фа Сян, посетивший в это время Индию для изучения буддийских рукописей в индийских монастырях, описывает резкое разделение каст и полное отчуждение париев.

В «Панчатантре» мы находим изображение общественных противоречий этого времени, отчасти восполняющее отрывочность исторических сведений об эпохе Гупта. В книге постоянно повторяются мечты бедного человека о богатстве, рассказывается о путешествиях, которые предпринимаются ради обогащения. Дух времени сказывается в той погоне за состоянием, которая

---

[1] Ср. M. Winternitz. Geschichte der indischen Literatur, Bd. II. Leipzig, 1920, стр. 101.

ведет к жажде приключений, определяющей не только содержание многих новелл «Панчатантры», но и построение их сюжета. Подобно этому, тысячелетие спустя эпоха великих открытий наложила свою печать на литературу Европы.

Дата и место создания «Панчатантры», как и личность ее автора, не поддаются точному определению. Имя Вишнушарман было, по-видимому, псевдонимом того брахмана, который составил этот сборник. И. Хертель полагал, что автор «Панчатантры» был брахманом вишнуистского толка, так как в древних версиях книги содержатся язвительные замечания не только относительно буддистов и джайнистов, но и по поводу брахманов-шиваитов. Однако вишнуистский характер взглядов автора трудно доказуем, как показал Ф. Эджертон, не согласный с Хертелем в этом вопросе.

В «Панчатантре» брахманы являются советниками царей, тщательно исполняются старинные брахманистские обряды, брахманизм во многих рассказах описывается как господствующая религия. Поэтому создание книги можно приурочить к эпохе Гупта, когда брахманизм, как показывают памятники изобразительного искусства, вновь укрепляется и распространяется в ряде областей Индии. Эта датировка соответствует и другим данным. В древнейших вариантах «Панчатантры» встречается название монеты dīnāra «денарий». Эта форма (с ī в первом слоге) была заимствована из греческого санскритом после изменения ē (η в δηνάρια) в i (δινάρια в надписи, датируемой второй половиной II в. н. э.). Поскольку это изменение можно отнести ко II в. н. э., заимствованное слово dīnāra могло появиться в санскрите около III в. н. э. Другим фактом, позволяющим определить приблизительно время создания «Панчатантры», является то, что в VI в. н. э. существовал вариант книги, отличный от первоначального. В свете всех этих данных появление «Панчатантры» можно отнести примерно к IV в. н. э. (по мнению многих ученых, «Панчатантра» создана около 300 г. н. э.).

Еще более сложным является вопрос о том, в какой части Индии была написана «Панчатантра». Гипотеза Хертеля, согласно которой автор «Панчатантры» жил в Кашмире, основана главным образом на изучении географического распространения животных (в частности, верблюда), упоминаемых в «Панчатантре». Однако анализ географических названий, встречающихся в книге, скорее позволяет думать, что автор ее жил в Декане [1]. Действие пятой книги связано с Бенгалией, но этот вывод нельзя распространить на все произведение.

[1] См. A. B. Keith. A history of sanscrit literature. Oxford University Press 1941, стр. 248.

Решение вопроса о времени и месте создания «Панчатантры» и о личности ее автора осложняется тем, что первоначальный текст книги до нас не дошел. О нем можно судить только на основании сличения позднейших вариантов, каждый из которых значительно отдалился от первоисточника.

Хертель, считавший Кашмир родиной «Панчатантры», подчеркивал, что древний текст лучше всего сохранился в той версии, которая создана около V в. н. э. в Кашмире и дошла до нас в написанной кашмирским письмом śāradā рукописи под названием Tantrākhyāyika (сложное слово, состоящее из tantra и ākhyāyika — рассказ, содержащий главы со стихотворными резюме в начале каждой главы). Позднейшие исследования показали, что Хертель в своих работах о кашмирском варианте «Панчатантры» [1] несколько преувеличил его близость к первоначальному тексту [2]. По-видимому, кашмирская версия была лишь одной из древних редакций «Панчатантры», уже заметно отличавшейся от первоначального текста сборника. Еще больше отклоняется от древнего первоисточника второй кашмирский вариант «Панчатантры», относящийся к более поздней эпохе и содержащий некоторые нововведения по сравнению с первым кашмирским вариантом. Во второй кашмирский вариант были вставлены некоторые места из других версий, отсутствовавшие в первом кашмирском тексте [3].

Наряду с кашмирским Tantrākhyāyika к числу древних редакций «Панчатантры» относится версия, послужившая основой для южноиндийского текста памятника. Этот текст сохранен в многочисленных рукописях, встречающихся в разных местах Южной Индии [4]. Близкий к нему вариант, возможно, восходящий к несохранившемуся северо-западному индийскому тексту, лег в основу самостоятельного сборника «Хитопадеша», получившего широчайшее распространение в Индии и за ее пределами.

Свободной переделкой одной из старых версий «Панчатантры» явилась редакция, принадлежащая неизвестному джайнистскому монаху, жившему приблизительно в XI в. н. э. Этот автор внес в «Панчатантру» некоторые

---

[1] См. J. Hertel. Über das Tantrākhyāyika, die kaśmīrische Rezension des Pañcatantra. Leipzig—Berlin, 1904; J. Hertel. Tantrākhyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra, 1. Teil, Einleitung. Leipzig—Berlin, 1909.

[2] См. критические замечания Ф. Эджертона: F. Edgerton. The Pañcatantra reconstructed, vol. 2, 1924.

[3] Ср. о втором кашмирском варианте: J. Hertel. Eine zweite Rezension des Tantrākhyāyika. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. LIX.

[4] См. издание Хертеля: «Das Südliche Pañcatantra». Leipzig, 1906 («Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. XXIV, N 5).

черты, связанные с джайнистской религией. Так, в рассказ о монахах и цирюльнике в пятой книге сборника было введено указание на то, что речь идет о монахах-джайнистах, и в связи с этим были добавлены строки, прославляющие Джину — пророка джайнизма. Однако подобные изменения коснулись лишь отдельных мест «Панчатантры», в целом сохранившей свой прежний характер назидания правителям. Джайнисты для поддержания своего влияния при дворах индийских правителей использовали выработанные брахманами правила «разумного поведения», хотя и пытались истолковать их в духе джайнизма.

Автор первой джайнистской переделки «Панчатантры», по-видимому, был сведущ в государственных делах, так как он вставил в текст много новых строф, касающихся науки о государстве (nitiçāstra). Прозаическая часть «Панчатантры» была дополнена рядом новых эпизодов, тогда как часть прежних рассказов была устранена. Весь прозаический текст был написан заново; эта редакция сборника отличалась простым и ясным стилем. Вариант книги, носящий заглавие Pañcākhyānaka («состоящая из пяти рассказов»), в европейской науке получил название textus simplicior. Нашему читателю он известен по переводу избранных рассказов, выполненному Р. О. Шор [1].

Первая джайнистская версия «Панчатантры», получившая в Индии широкое распространение, послужила вместе с кашмирской Tantrākhyāyika основой для второй джайнистской обработки «Панчатантры», с которой и сделан настоящий русский перевод.

В отличие от многих других вариантов «Панчатантры», эта редакция, известная в европейской науке под названием textus ornatior (или textus amplior), не является анонимной. В послесловии (praçasti) к труду автор сообщает не только свое имя и имя своего могущественного покровителя, заказавшего ему эту работу, но и точную дату окончания версии. Эта версия «Панчатантры» была написана джайнистским монахом по имени Пурнабхадра (Pūrnabhadra) по повелению министра Шри-Сома (Çrī-Soma), чьим потомственным занятием (kulavidyā) была наука о государстве (nītiçāstra). Пурнабхадра закончил свой труд 17 января 1199 г. Область Индии, где жил Пурнабхадра, не указана в его сочинении, но наличие в сборнике заимствований из гуджарати свидетельствует о гуджаратском происхождении Пурнабхадры. Возможно, что Пурнабхадра был также автором двух других сочинений, написанных через 30 лет после окончания его работы над «Панчатантрой». О принадлежности Пурнабхадры к джайнистской секте шветамбаров (çvetāmbara) свидетельствует тот факт, что в его версии «Пан-

[1] «Панчатантра. Избранные рассказы», М., 1930.

чатантры» имеется ряд мест, направленных против другой джайнистской секты — дигамбаров (digambara).

В послесловии к своему труду Пурнабхадра сообщает, что «Панчатантра» утратила свой первоначальный вид. Этот вывод свидетельствует о наблюдательности Пурнабхадры, который проделал кропотливую работу, сличая разные варианты «Панчатантры». Помимо первого джайнистского варианта (textus simplicior) и кашмирской версии «Панчатантры» Пурнабхадра использовал и некоторые другие редакции сборника, которые до нас не дошли [1]. Особая ценность текста, составленного Пурнабхадрой, заключается именно в том, что его труд является итогом исследования многочисленных вариантов, к которым Пурнабхадра относился критически. О правильности некоторых заключений, к которым пришел Пурнабхадра, говорит то, что он восстановил прежнюю последовательность эпизодов в третьей книге сборника. Эта последовательность сохранялась в одном из двух основных источников Пурнабхадры — в кашмирском Tantrākhyāyika, но была нарушена автором первой джайнистской обработки (textus simplicior), который переместил часть рассказов третьей книги в четвертую, для того чтобы уравновесить эти части «Панчатантры». То, что Пурнабхадра вернулся к старой композиции, показывает, что он иногда предвосхищал достижения современных текстологов, восстанавливающих первоначальную структуру сборника. Но вместе с тем Пурнабхадра почти целиком взял из первого джайнистского варианта «Панчатантры» пятую книгу, которая была частично написана заново безымянным автором этой редакции. В других же случаях сам Пурнабхадра изменял старый текст, вставлял новые рассказы и стихотворные строфы. Иногда Пурнабхадра вводит вставные эпизоды в рассказы, которые в свою очередь обрамлены другими рассказами. Благодаря этому композиция «Панчатантры» еще более усложняется.

Две джайнистские обработки «Панчатантры» вскоре вытеснили все другие ранее существовавшие версии сборника. В дальнейших санскритских вариантах «Панчатантры», появляющихся во II тысячелетии н. э., чаще всего объединяются разные части двух джайнистских редакций. Эти же две редакции послужили основой для большинства переводов «Панчатантры» на разговорные языки Индии.

Главным средоточием джайнистских общин был Гуджарат, где расцветала повествовательная литература, не находившая равной соперницы

---

[1] См. J. Hertel. The Panchatantra — Text of Purnabhadra. Critical Introduction. Cambridge, 1912.

в других частях Индии. Эта джайнистская литература широко использует разговорный язык гуджарати. Не случайно санскрит джайнистских обработок «Панчатантры» носит явные следы влияния гуджарати. Естественно, что на гуджарати появляются переводы и переделки «Панчатантры» [1]. Они весьма разнообразны. Один перевод сделан малообразованным человеком, плохо понимавшим санскритский текст и во многих случаях опиравшимся на устные пересказы. Другой перевод, напротив, был сделан ученым, превосходно владевшим санскритом и стремившимся точно передать особенности оригинала в переводе на гуджарати. Появляются и стихотворные переложения «Панчатантры» на гуджарати, сделанные монахами-джайнистами. Можно думать, что в XVI в. в Гуджарате существовала целая школа джайнистских поэтов, писавших на разговорном языке. К этой школе принадлежали переводчики «Панчатантры» Ратнасундра из города Сананд (близ Ахмедабада) и Вачхараджа, переложивший книгу размером caupaī.

Возникают варианты «Панчатантры» и на языке маратхи. «Панчатантра» переводится и на дравидийские языки Южной Индии. Благодаря переложениям на разговорный язык, «Панчатантра» становилась все более известной широким кругам народа. Образы «Панчатантры» становятся достоянием индийского фольклора [2]. Истоки «Панчатантры» лежат в индийских народных преданиях многотысячелетней давности, и в конце своего долгого и сложного пути из сборника наставлений для царей, написанного искусственным литературным языком брахманов, «Панчатантра» снова превращается в стихи, которые поют для народа, в рассказы, которые люди из народа повествуют друг другу.

Необычайный успех «Панчатантры» на родине сопровождался ее триумфальным шествием по другим странам. Она была переведена более чем на 60 языков и известна более чем в 200 вариантах; ее влияние можно обнаружить в литературах всех частей света [3].

---

[1] О вариантах «Панчатантры» на гуджарати см.: J. Hertel. Das Pañcatantra, seine Geschichte und seine Verbreitung. Leipzig—Berlin, 1914, стр. 121—224; C. Krause. Eine neue Pañcatantra-Mischrezension in Alt-Gujarāti. «Streitberg Festgabe», Leipzig, 1924, стр. 202—217.

[2] См. W. Norman Brown. The Pañcatantra in modern Indian Folklore «Journal of the American Oriental Society», vol. 39.

[3] См. J. Hertel. Das Pañcatantra, seine Geschichte und seine Verbreitung. Ср. также общий очерк F. Geißler. Das Pañcatantra, ein altindisches «Fabelbuch». «Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse», 3 Jahrgang, Heft 11, November 1954.

Одна из поздних южноиндийских версий «Панчатантры» послужила основой для переложений, сделанных в Юго-Восточной Азии. Этот вариант сборника известен в Сиаме, Индо-Китае и Индонезии в пересказах на яванском языке, языках лаосском и таи. В литературе таи имеется также и другой сборник рассказов, сохраняющий явные следы подражания «Панчатантре».

Движение «Панчатантры» совершалось не только в направлении на юго-восток от Индии, но и на север и северо-восток. Через посредство центрально-азиатских вариантов сборника он вошел в монгольскую литературу, как установил академик Б. Я. Владимирцов [1].

Но наибольший успех выпал на долю того варианта «Панчатантры», который отправился в путешествие из Индии на запад. Начало этому путешествию, по преданию, положил легендарный персидский правитель Хосрой Ануширван (531—579 гг. н. э.), прослышавший о том, что в Индии существует книга, полезная для царей, и поручивший придворному врачу Барзуи перевести ее. Согласно легенде, Барзуи, ездивший в Индию, привез оттуда «Панчатантру» и перевел ее на среднеперсидский (так называемый пехлевийский) язык. Перевод этот не сохранился, но о нем можно судить по переводам на другие языки, сделанным в свою очередь с перевода Барзуи. Вскоре после того, как книга (получившая в новом варианте название «Калила и Димна») была переведена на пехлевийский язык, появляется перевод с пехлевийского на сирийский. Этот перевод был сделан около 570 г. сирийцем Будом, принадлежавшим к числу несториан, изгнанных из Византии и поселившихся в Персии. Сирийский перевод Буда, по-видимому, точно передавал пехлевийский текст «Калилы и Димны», но он не имел существенного культурно-исторического значения, в отличие от позднейшего арабского перевода, сделанного в VIII в. н. э. на основе того же пехлевийского источника.

Автором арабского пересказа «Калилы и Димны» был Абдаллах Ибн аль-Мукаффа родом из Персии, первоначально зороастриец, позднее принявший ислам. Жизнь его оборвалась трагически: он был казнен по повелению калифа. Возможно, что именно боязнь того мусульманского общества, среди которого он жил, вынудила его внести в текст «Калилы и Димны» некоторые изменения, в частности, присоединить к первой книге «Панчатантры» нравоучительную концовку, в которой клеветник-шакал подвергается наказанию [2]. Аль-Мукаффа был искусным писателем. Его книга вызвала жи-

[1] Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Пг., 1921.

[2] См. об арабском варианте книги предисловие академика И. Ю. Крачковского к русскому переводу «Калилы и Димны» (М.—Л., 1934).

вой отклик в арабской литературе. Появляется ряд новых арабских вариантов «Калилы и Димны», среди них несколько стихотворных.

Европа познакомилась с «Панчатантрой» через арабский вариант книги, который был переведен на несколько европейских языков. В конце XI в. в Византии Симеон Сиф переводит «Калилу и Димну» на греческий язык, причем из-за ошибочного толкования собственных имен сборник получает новое название «Стефанит и Ихнилат» (Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης). Эта греческая книга переводится на славянские языки и проникает на Русь. В Западной Европе к числу первых переводов «Калилы и Димны» принадлежали староиспанский перевод, сделанный в середине XIII в., и относящийся примерно к тому же времени первый перевод на древнееврейский язык. Еврейская литература средневековья имеет первостепенное значение в истории европейской культуры уже потому, что она была звеном, связывавшим европейские литературы с литературой Востока (прежде всего с арабской). Древнееврейская версия «Калилы и Димны» сыграла очень существенную роль в распространении этого сочинения в Европе, так как с древнееврейского текста был сделан перевод на латинский язык. Латинский же перевод стал широко известен по всей Европе и послужил основой для немецкого, второго испанского, итальянского и чешского вариантов «Калилы и Димны». В середине второго тысячелетия до н. э. — через тысячу лет после создания «Панчатантры» — эта книга начинает жить новой жизнью в Европе, где многое в это время оказывается созвучным той картине общества, которая изображена в «Панчатантре». В лучших произведениях европейской литературы этой эпохи можно найти отдаленные следы влияния восточного сборника басен и новелл.

С индийским оригиналом «Панчатантры» Европа познакомилась много позднее. Если в арабской передаче «Панчатантра» оказала воздействие на художественную жизнь Европы, то в XIX в. изучение подлинника «Панчатантры» обогатило европейскую науку. В развитии истории литературы эпоху составило исследование Бенфея о «Панчатантре», где на материале этого сборника был убедительно показан факт миграции сюжетов, передающихся от народа к народу. Несмотря на то, что многие частные положения Бенфея устарели, положительное значение открытия Бенфея не может вызывать сомнений у ученых, опирающихся на реальные факты.

Для дальнейшего исследования истории «Панчатантры» необходимо было внимательно изучить различные индийские версии памятника. Этому посвящены труды И. Хертеля, который в многочисленных образцовых изданиях рукописей, монографиях и статьях дал тонкий текстологический анализ

разных вариантов «Панчатантры». В предисловии к своей обобщающей работе об истории «Панчатантры» Хертель писал, что он считает важнейшей задачей индологии создание таких филологических трудов, которые дадут возможность впоследствии построить подлинную историю индийской литературы [1]. Несомненно, что цикл его исследований о «Панчатантре» имеет значение не только для истории текста этой книги, но и в целом для индийской филологии, так как впервые было проведено столь широко задуманное текстологическое исследование. Несмотря на то, что другой крупный индолог XX в. — Ф. Эджертон выступил с критикой многих выводов Хертеля, его работа о древнейшем тексте «Панчатантры» по своему характеру продолжает разыскания Хертеля.

В русской филологической науке «Панчатантре» уделялось значительное внимание. Основатель русской санскритологии Петров внимательно изучал текст первой джайнистской версии сборника (textus simplicior). Академик Весселовский отводил «Панчатантре» видное место в своих блестящих построениях в области сравнительной истории литератур. Истории «Панчатантры» неоднократно касался в своих статьях академик С. Ф. Ольденбург, справедливо называвший ее сборником, «которому было суждено после Библии стать одной из самых распространенных в мире книг» [2].

Проф. Р. О. Шор со свойственным ей сочетанием филологического таланта и художественного вкуса перевела некоторые рассказы «Панчатантры», сопроводив их сжатым и оригинальным предисловием [3]. Судьбой «Панчатантры» в монгольской и арабской литературах занимались академики Б. Я. Владимирцов и И. Ю. Крачковский.

Перевод арабской версии книги на русский язык издавался неоднократно. Индийский же первоисточник полностью не был известен нашему читателю. Настоящее издание ставит целью восполнить этот пробел и познакомить читателей с одним из наиболее распространенных произведений индийской и мировой литературы.

В. В. Иванов

---

[1] См. J. Hertel. Das Pañcatantra, seine Geschichte und seine Verbreitung, стр. XIII.

[2] С. Ф. Ольденбург. Индийская литература. «Литература Востока. Сборник статей», вып. 1. Пг., «Всемирная литература», 1919, стр. 21.

[3] «Панчатантра. Избранные рассказы». М., 1930. Некоторые идеи о природе индийских сборников рассказов высказаны также в предисловии Р. О. Шор к книге «Двадцать пять рассказов Веталы». Л., 1939.

ОБЪЯСНЕНИЕ СТИХОТВОРНЫХ РАЗМЕРОВ

«Панчатантра» содержит большое количество стихотворных вставок, многие из которых взяты из памятников эпической поэзии и дидактической литературы («Махабхарата», «Артхашастра» и т. д.). Вставки эти написаны различными стихотворными размерами (в «Панчатантре» их двадцать четыре), которыми столь богато санскритское стихосложение.

Санскритский стих — метрико-силлабический и почти все его размеры основаны на чередовании определенного количества долгих и кратких слогов. Таким образом, перевод санскритских стихов на русский язык размером подлинника осуществить нельзя. Задачей перевода было стремление к достижению хотя бы частичного сходства в звучании: сохранение количества слогов, цезуры [1], передача, насколько это осуществимо, долгого слога подлинника посредством ударения. Последнее, как будет показано ниже, оказалось возможным лишь в некоторых случаях. Чтобы сохранить при этом удобочитаемость, пришлось отказаться от дословного перевода стихов и передачи ряда характерных для санскритской поэтики художественных приемов (игра слов, ассонансы и т. д.), оговариваемых, как правило, в примечаниях. В этом отношении переводчик стремился лишь к точной передаче смысла и посильной передаче образов.

В тексте стихов перевода приняты следующие обозначения: вертикальной черточкой (|) обозначается конец полустишия, в скобках приводится нумерация стихотворений по книгам. Следующие за №№ стихов обозначения: ār, upa, viyo, vasa и т. д. — сокращенные названия стихотворных раз-

[1] Цезура в переводе стихов не соблюдена лишь при передаче размера vasantatilakā, а также тех размеров, где она употребляется факультативно (upajati, indravajra, upendravajra, vaṁçastha, drutavilambita, toṭaka).

меров: āryā, upajati, vaitalīya, vasantatilakā и т. д., приведенные по изданию И. Хертеля. Без таких обозначений оставлены только стихи çloka. Цезура в стихах передается двумя черточками (||). Там, где разделенные цезурой части полустишия даются отдельными строками (в размерах āryā, vaitalīya, aupacchandasika, puṣpitagra, aparavaktra), а также в размере çloka цезура не обозначается.

Ниже следует объяснение встречающихся в тексте стихотворных размеров и условной их передачи.

1. ÇLOKA

Наиболее распространенный в эпической поэзии размер. В «Панчатантре» также встречается чаще остальных. Представляет собой два шестнадцатисложных полустишия, каждое из которых делится цезурой на две части (pāda):

⏑̲ ⏑̲ ⏑̲ ⏑̲ ⏑ — — ⏑̲ || ⏑̲ ⏑̲ ⏑̲ ⏑̲ ⏑ — ⏑ ⏑̲

Переведено восьмистопным ямбом с соблюдением цезуры.

vardhamāno mahān snehaḥ || siṁhagovṛṣayor vane |
jambukenātilubdhena || piçunena vināçitaḥ

Перевод:

Сошелся лев с быком в лесу, || и их привязанность росла, |
Но жадный клеветник-шакал || навек ту дружбу погубил. (I, 1)

Встречается: Вступление—2, 3, 5; I—1—3, 6—8, 10, 14, 17, 19, 21—23, 29—46, 49—53, 56—58, 60, 61, 64—68, 71, 72, 76—78, 81—83, 85—93, 95—100, 103—108, 111—128, 130—132, 136, 137, 142, 143, 150, 152—162, 164, 165, 167, 169, 170, 172, 174—183, 185—194, 196, 197, 199, 200, 204, 207, 208, 218—220, 222, 224, 226—229, 231—233, 235, 237, 238, 240, 247, 248, 252, 256, 257, 259—271, 279, 281—284, 288, 297, 300—309, 312, 314, 315, 323—332, 334—338, 340—349, 351—355, 358—361, 363, 364, 367, 370—372, 374, 375, 377—381, 383—394, 397—399, 404—409, 411—414, 416, 418—423, 426, 428, 431, 436—439; II—1, 4—7, 9—11, 14, 17—27, 29, 32—47, 49—56, 58, 59, 61—64, 68—77, 82—84, 88, 89, 92, 94, 95, 97—101, 104, 107—109, 112, 117—119, 123, 125, 126, 128, 130, 132, 133, 135—151, 156—158, 161, 162, 165, 168—172, 174, 175, 177, 178, 183, 184, 187—191,

194, 195, 197, 199; **III** — 2—34, 36—73, 76—99, 104—107, 109—114, 116—167, 170—176, 178—190, 192, 193, 195—201, 206, 208—210, 213—219, 226, 228; **IV** — 1—7, 9—13, 16—27, 29, 31—66; **V** — 1,8—15, 19, 24—27, 32—72, 74.

2. ĀRYĀ

Этот размер состоит из 7 $^1/_2$ стоп, содержащих по 4 единицы длительности каждая. Распадается на два полустишия, каждое из которых делится цезурой на две части. Первая и третья части содержат по 3 стопы, вторая и четвертая — по $4^1/_2$. 1-я — 5-я и 7-я стопы могут иметь следующий вид:

— —; ◡ ◡ ◡ ◡; — ◡ ◡; ◡ ◡ —

Кроме того, 2-я и 4-я стопы могут иметь вид ◡ — ◡. 6-я стопа в 1-м полустишии может иметь вид только ◡ — ◡ или ◡ ◡ ◡ ◡, а во втором полустишии содержит лишь один краткий слог. 8-я стопа содержит один долгий или краткий слог.

1	2	3	4	5	6	7	8
◡◡◡◡	◡◡◡◡	◡◡◡◡	◡◡◡◡	◡◡◡◡	◡◡◡◡	◡◡◡◡	◡
—◡◡	—◡◡	—◡◡	—◡◡	—◡◡	◡—◡	—◡◡	—
◡◡—	◡◡—	◡◡—	◡◡—	◡◡—	◡ (во 2-м полустишии)	◡◡—	
— —	— —	— —	— —	— —		— —	
	◡—◡		◡—◡				

Условно переведено разностопным ямбическим четверостишием с соблюдением в каждом отдельном случае количества слогов и цезуры.

kva gato mṛgo na jīvati || pāthaçculukena ghāsamuṣṭyā vā |
muñcati ciroṣitatvāj || janmavanam nāpamāne 'pi

Перевод:

Повсюду сможет антилопа
Найти глоток воды и горстку пищи, |
Но любит лес она родной.
И не уйдет в края чужие. (**I**, 163)

Встречается: Вступление — 1; **I** — 4, 5, 24, 25, 27, 48, 54, 62, 69, 75, 79, 80, 84, 102, 133—135, 138—140, 151, 163, 166, 173, 184, 201, 210, 214, 215, 234, 241—244, 254, 255, 258, 272, 277, 316—322, 333, 339, 350, 362, 366, 368, 382, 396, 401—403, 415, 424; **II** — 8, 30, 31, 57, 65, 80, 91, 96, 103, 105, 114, 115, 124, 127, 134, 153—155, 173, 179—181; **III** — 74, 75, 102, 108, 177, 222, 234; **IV** — 15; **V** — 2—7, 21—23, 29—31;

3. VAITALĪYA

Состоит из двух полустиший, каждое из которых делится цезурой на две части. Первая часть совпадает с третьей, вторая — с четвертой:

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡̲ || ◡ ◡ — — ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡̲

Размер перевода:

(')

◡ ◡ ⌐ ◡ ◡ ⌐ ◡ ⌐ ◡ ◡ || ◡ ◡ ⌐ ⌐ ◡ ◡ ⌐ ◡ ⌐ ◡ ◡

Paradoṣakathāvicakṣaṇaḥ ||
svaguṇakhyāpananityatatparaḥ |
svayam eva hi daivadaṇḍitaḥ ||
piçuno viçvavinaçapaṇḍitaḥ

Перевод:

Осуждать хотят всех других они
И свои качества восхваляют лишь. |
Ведь судьба сама предназначила,
Чтоб служил разум их на погибель всем. (**I**, 400)

Встречается: **I** — 9, 145, 400, 425, 433.

4. AUPACCHANDASIKA

В отличие от предыдущего размера окончание каждой части имеет следующий вид:

— ◡ — ◡ — ◡̲

В переводе соответственно: ⌐ ◡ ⌐ ◡ ⌐ ◡

hitakṛdbhir akāryam īhamānāḥ ||
suhṛdaḥ kleçaparigrahān nivāryāḥ |
paripūrṇam idaṁ hi sādhuvṛttaṁ ||
kathitaṁ sadbhir asādhuvṛttam anyat

Перевод:

Пусть друзей своих человек достойный
От страстей гибельных вдалеке удержит. |
Ведь друзей спасать — праведных обычай,
Лишь злодей в бедствиях покидает друга. (I, 250)

Встречается: I — 249, 250, 310, 435.

5. PUṢPITAGRA

В отличие от aupacchandasika 3-й долгий слог каждой из четырех частей переходит здесь в два кратких:

◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡ — ◡̲ || ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡ — ◡̲

Каждая из частей переведена шестистопным хореем. В 3-й стопе второй и четвертой частей — дактиль.

ahitahitavicāraçūnyabuddheḥ ||
çrutisamayair bahubhir bahiṣkṛtasya |
udarabharanamātran eva lipsoḥ ||
puruṣapaçoç ca paçoç ca ko viçeṣah

Перевод:

Кто не может отличить вреда от пользы,
Кто законы древние исполнять не хочет, |
Кто стремится лишь наесться до отвала,
Чем тот отличается от тупой скотины? (I, 15)

Встречается: I — 15, 16, 313.

6. APARAVAKTRA

Так же как и два предыдущих размера, близок по типу к vaitalīya. Вид каждого полустишия:

◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡ — || ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡ —

Каждая из частей переведена шестистопным усеченным хореем. В 3-й стопе второй и четвертой частей — дактиль.

paṭur iha puruṣaḥ parākrame ||
bhavati sadā prabhur arthasādhane |
na hi sadṛçamatir bṛhaspateḥ ||
çithilaparākrama eṣa niçcayaḥ

Перевод:

Если потрудился умный человек,
Ждет всегда успех его и богатство ждет. |
Не пройдут усилья даром у того,
Кто умом Брихаспати равен самому. (II, 120)

Встречается: II — 120.

7—9. UPAJĀTI. INDRAVAJRA. UPENDRAVAJRA

Разновидности размера triṣṭubh, состоящего из четырех одиннадцатисложных частей:

После 5-го слога возможна цезура.

Каждая часть upajāti: ⏑̲ — ⏑ — — ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑̲
» » indravajra: — — ⏑ — — ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑̲
» » upendravajra: ⏑ — ⏑ — — ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑̲

Все эти размеры переведены пятистопным ямбом без соблюдения цезуры.

na kasyacit kaçcid iha prabhāvād
bhavaty udāro 'bhimataḥ khalo vā |
loke gurutvaṁ viparītatāṁ vā
svaceṣṭitāny eva naraṁ nayanti (upajāti)

Перевод:

Никто еще одной могучей силой
Не стал велик и не бывал унижен. |
Ведь в этом мире лишь дела людские
Несут почет или ведут к презренью. (I, 18)

Встречаются: upajāti — Вступление — 4; **I** — 18, 47, 55, 59, 141, 144, 171, 198, 221, 273, 280, 298, 299, 311, 369, 373, 417, 429, 434; **II** — 60, 93, 106, 113, 116, 131, 163, 164, 182, 186, 193, 196; **III** — 1, 115, 191; **IV** — 14, 28; indravajra — **I** — 74, 212, 216, 395, 427; **II** — 110, 166, 167, 185; **V** — 17; upendravajra — **III** — 230.

10. ÇĀLINĪ

Также разновидность triṣṭubh. После 4-го слога — цезура:

— — — — || — ◡ — — ◡ — ◡̲

Переведено пятистопным хореем с соблюдением цезуры; в 3-й стопе — дактиль.

naitan mitraṁ || yasya kopād bibheti
yad vā mitraṁ || çaṅkitenopacaryam |
yasmin mitre || viçvasen mātarīva
tad vai mitraṁ || saṁgatānītarāṇi

Перевод:

Разве можно || гнева друзей бояться?
Помогать им, || чувствуя недоверье? |
Тот, кому ты, || матери словно, веришь,
Вот кто — друг твой. || Всякий другой —
лишь встречный (**I**, 209)

Встречается: **I** — 110, 209; **III** — 223.

11. RATHODDHATĀ

Разновидность triṣṭubh. После 4-го (иногда 3-го) слога — цезура:

— ◡ — ◡ || ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡̲

Переведено шестистопным усеченным хореем с соблюдением цезуры.

gaccha dūram || api yatra nandasi
pṛccha bālam || api paṇḍitaṁ janam |
dehi deham || api yācito 'rthine
chinddhi bāhum || api duṣṭam ātmanaḥ

Перевод:

Вдаль идите, || если счастье там вас ждет.
Детям верьте, || если сведущи они. |
Жизнь отдайте, || если просят помощи,
Руку режьте, || если зло она творит. (I, 430)

Встречается: I — 430.

12. VAṀÇASTHA

Разновидность размера jagatī, состоящего из четырех двенадцатисложных частей. После 5-го слога возможна цезура:

— — ◡ — — ◡ ◡ — ◡ — ◡ —

Переведено шестистопным ямбом. 3-я и 4-я стопы в каждой части — хориямб. Цезура не соблюдена.

udīrito 'rthah paçunāpi gṛhyate
hayāç ca nāgāç ca vahanti noditāh |
anuktam apy ūhati paṇḍito janaḥ
pareṅgitajñānaphalā hi buddhayaḥ

Перевод:

Услышав речь, даже скотина все поймет.
Лишь подан знак, — лошадь и слон везут свой груз. |
Но кто учен, тот и без слов узнает все:
В чужом лице много прочтут разумные. (I, 20)

Встречается: I — 20, 94, 168, 211, 217, 236, 239, 274, 275, 278, 376, 440; II — 13, 79; III — 100, 101, 103, 194, 224, 229.

13. DRUTAVILAMBITA

Разновидность jagatī. После 4-го или 4-го и 8-го слогов возможна цезура:

◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡

Переведено четырехстопным дактилем без соблюдения цезуры.

kanakabhūṣaṇasaṁgrahaṇocito
yadi maṇis trapuṇi pratibadhyate |
na sa virauti na cāpi na çobhate
bhavati yojayitur vacanīyatā

Перевод:

Если вставляют в оправу свинцовую
Жемчуг, достойный оправы из золота, |
Прежнего блеска лишится сокровище,
А ювелир порицанью подвергнется. (I, 63)

Встречается: I — 63; II — 15.

14. PRAMITĀKṢARĀ

Разновидность jagatī. После 5-го слога — цезура:

◡ ◡ — ◡ — || ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡̲

Переведено шестистопным хореем с соблюдением цезуры.

jananīmano || harati jātavatī
parivardhate || saha çucā suhrdām |
parasat kṛta || 'pi kurute malinaṁ
duratikramā || duhitaro vipadaḥ

Перевод:

Лишь родится дочь, — || лишает мать рассудка,
И пока растет || друзьям приносит горе, |
Замуж выдадут — || ведет себя беспутно.
Дочерей иметь — || большое наказанье. (I, 213)

Встречается: I — 213.

15. TOṬAKA

Разновидность jagatī. После 4-го и 8-го слогов возможна цезура:

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Переведено четырехстопным анапестом без соблюдения цезуры.

yadi janmajarāmaraṇaṁ na bhaved
yadi ceṣṭaviyogabhayaṁ na bhaved |
yadi sarvam anityam idaṁ na bhaved
iha janmani kasya ratir na bhavet

Перевод:

Если б старости, смерти, рожденью не быть,
Если б страху пред горькой разлукой не быть, |
Если б в мире всему преходящим не быть,
То кому бы из смертных блаженным не быть? (II, 198)

Встречается: **II** — 198.

16. PRAHARṢINĪ

Разновидность размера atijagatī, состоящего из четырех тринадцатисложных частей. После 3-го слога — цезура:

— ⏑ — || ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑̲

Переведено семистопным хореем с соблюдением цезуры. 1-я и 2-я стопы — кретик (⏑ ⏑ ⏑).

kartavyaḥ || pratidivasaṁ prasannacittaiḥ
svalpo 'pi || vrataniyamopavāsadharmaḥ |
prāṇeṣu || praharati nityam eva daivaṁ
bhūtānāṁ || mahati kṛte 'pi hi prayatne

Перевод:

Каждый день || с радостными мыслями должны мы
Плоть смирять, || пусть хоть небольшой обет давая. |
Ведь судьба || каждый миг уносит наши жизни,
Как бы мы || ни старались этого избегнуть. (II, 160)

Встречается: **II** — 129, 152, 160, 176.

17. VASANTATILAKĀ

Разновидность размера çakkarī, состоящего из четырех четырнадцатисложных частей. После 8-го слога — цезура:

— — ◡ — ◡ ◡ ◡ — || ◡ ◡ — ◡ — ◡̲

Размер перевода:

◡ ´ ◡ ´ ◡ ◡ ◡ ´ ◡ ◡ ´ ◡ ´ ◡

Цезура не соблюдена.

yo nātmane na guruve || na ca bandhuvarge
dīne dayāṁ ṇa kurute || na ca bhṛtyavarge |
kiṁ tasya jīvitaphalaṁ || hi manuṣyaloke
kako 'pi jīvati ciraṁ || ca baliṁ ca bhuñkte

Перевод:

Когда живешь без состраданья ты в этом мире
К друзьям своим, или к учителю, или к сыну, |
К тому, кто слаб, или к слуге, — твоя жизнь бесплодна.
Так ворон, жертвы поедая, весь век проводит. (**I**, 11)

Встречается: **I** — 11, 13, 26, 28, 148, 149, 195, 203, 432; **II** — 12, 66, 81, 122, 192; **III** — 168, 211, 212, 220, 225; **IV** — 8; **V** — 28.

18. MĀLINĪ

Разновидность размера atiçakkarī, состоящего из четырех пятнадцатисложных частей. После 8-го слога — цезура;

◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — — || — ◡ — — ◡ — ◡̲

Переведено семистопным ямбом с соблюдением цезуры.

adhigataparamārthān || paṇḍitān nāvamaṁsthās
tṛṇamiva laghu lakṣmīr || naiva tān sā ruṇaddhi |
abhinavamadaçobhāçyāmagaṇḍasthalānāṁ
na bhavati bisatantur || vāraṇaṁ vāraṇānām

Перевод:

Достигших знанья высшего || не надо ставить низко,
Нельзя связать богатством их— || оно для них — былинка. |
Слона, чьи щеки в мускусе, || блестящем, темном, свежем,
Не может удержать канат, || из лотосов сплетенный. (I, 73)

Встречается: **I** — 73, 101; **III** — 35.

19. ÇIKHARIṆĪ

Разновидность размера atyaṣṭi, состоящего из четырех семнадцатисложных частей. После 6-го слога — цезура:

◡ — — — — — || ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — — ◡ ◡ ◡ ◡̲

Переведено восьмистопным ямбом с соблюдением цезуры

nṛpaḥ kāmāsakto || gaṇayati na kāryaṁ na ca hitaṁ
yatheṣṭam svacchandaḥ || pracarati hi matto gaja iva |
tato mānādmātaḥ || patati sa yadā çokagahane
tadā bhṛtye doṣān || kṣipati na nijaṁ vetty avinayam

Перевод:

Ведь увлеченный царь || не думает о том, что надо делать.
Как опьяненный слон, || все прихотям своим он подчиняет. |
И если вслед за тем || срывается гордец в пучину бедствий,
Во всем винит слугу, || не зная, что он сам всему виною. || (I, 253)

Встречается: **I** — 246, 253, 289, 294, 296; **II** — 90, 121; **V** — 20.

20. PṚTHVĪ

Разновидность atyaṣṭi. Цезура после 8-го слога (иногда после 11-го):

◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ — || ◡ ◡ ◡ — ◡ — — ◡ ◡̲

Переведено восьмистопным ямбом с соблюдением цезуры.

araṇyaruditaṁ kṛtaṁ || çavaçarīram udvartitaṁ
sthale kamalaropaṇaṁ || suciram ūṣare varṣaṇam |
çvapuccham avanāmitaṁ || badhirakarṇajāpaḥ kṛtas
tad andhamukhamaṇḍanaṁ || yad abudhe jane bhāṣitam

Перевод:

Вести беседу с дураком — || что причитать в лесу пустынном,
Водою солончак полить, || сажать в сухую землю лотос, |
Хвост у собаки выпрямлять, || умащивать того, кто умер,
Глухому на ухо шептать || и украшать лицо слепого. (I, 245)

Встречается: I — 245.

21. HARIṆĪ

Разновидность atyaṣṭi. После 6-го и 10-го слогов — цезура:

◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — || — — — — || ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡̲

Размер перевода:

◡ ⸗ ◡ ⸗ ◡ ⸗ || ◡ ⸗ ◡ ⸗ || ◡ ⸗ ◡ ◡ ⸗ ◡ ◡

sarasi bahuças || tārācchāyāni daçan parivañcitaḥ
kumudaviṭapānveṣī haṁso || niçāsv avicakṣaṇaḥ |
na daçati punas || tārāçaṅkī || divāpi sitotpalaṁ
kuhakasakito || lokaḥ satye || 'py apāyam apekṣate

Перевод:

За лотосным цветком || стремится гусь, ||
во мраке не видящий,
И отраженья звезд || хватает он, ||
их сходством обманутый. |
А после даже днем || в цветах ему ||
всё звезды мерещатся.
Пусть человек и добр — || внушит он страх ||
обмана боящимся. (I, 276)

Встречается: I — 276, 287, 290, 292; II — 87; III — 202, 221, 232.

22. MANDĀKRĀNTĀ

Разновидность atyaṣṭi. После 4-го и 10-го слогов — цезура:

— — — — || ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — || — ◡ — — ◡ — ◡̲

Переведено ямбическим стихом с соблюдением цезуры.

bhāvasnigdhair || upakṛtam api ||
dveṣyatām eti kiṁcic
chaṭhyād anyair || apakṛtam api ||
prītim evopayāti |
durgāhyatvān || nṛpatimanasāṁ ||
naikabhāvāçrayāṇāṁ
sevādharmaḥ || paramagahano ||
yoginām apy agamyaḥ

Перевод:

Даже добро || от преданных сердец ||
подчас к вражде приводит.
И даже зло, || творимое другим, ||
способно вызвать радость. |
Немалый труд || постичь сердца царей, ||
подвластных многим чувствам,
И сам аскет || не сможет исполнять ||
обязанностей службы (I, 225)

Встречается: I — 225, 269, 291; III — 204; V — 73.

23. ÇĀRDŪLAVIKRĪḌITA

Разновидность размера atidhṛti, состоящего из четырех девятнадцатисложных частей. После 12-го слога — цезура:

— — — ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ — || — — ◡ — — ◡ ◡̲

Переведено девятистопным ямбом с соблюдением цезуры.

svalpasnāyuvasāvaçeṣamalinaṁ ||
nirmaṁsam apy asthikaṁ

çvā labdhvā paritoṣam eti na ca tat ||
tasya kṣudhāçāntaye |
siṁho jambukam aṅkam āgatam api ||
tyaktvā nihanti dvipaṁ
sarvaḥ kṛcchragato 'pi vāñchati janaḥ ||
tattvānurupaṁ phalam

Перевод:

Хоть радуется пес, когда разыщет кость, ||
лишь жилами и жиром
Покрытую слегка, где мяса даже нет, — ||
не утолит он голод. |
А лев, шакала невредимым отпустив, ||
слона убить стремится.
Все твари и в нужде желают получить ||
достойную награду. (**I**, 12)

Встречается: **I** — 12, 70, 109, 129, 147, 205, 206, 223, 230, 251, 285, 286, 293, 295, 356, 357, 365, 410; **II** — 2, 3, 16, 28, 48, 67, 78, 85, 86, 111, 159; **III** — 169, 203, 205, 207, 227, 231, 233; **IV** — 30; **V** — 16, 18.

24. SRAGDHARĀ

Разновидность размера prakṛti, состоящего из четырех 21-сложных частей. После 7-го и 14-го слогов — цезура:

— — — — ◡ — — || ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — || — ◡ — — ◡ — ◡̲

Размер перевода:

◡ ⫽ ◡ ⫽ ◡ ⫽ ◡ || ◡ ⫽ ◡ ⫽ ◡ ⫽ ◡ || ◡ ⫽ ◡ ⫽ ◡ ⫽ ◡

āvartaḥ saṁcayānām || avinayabhavanaṁ ||
pattanaṁ sāhasānāṁ
doṣāṇāṁ saṁnidhānaṁ || kapaṭaçatagṛhaṁ ||
kṣetram apratyayānām |
durgrāhyaṁ yan mahadbhir || naravaravṛṣabhaiḥ ||
sarvamāyākaraṇḍaṁ
strīyantraṁ kena loke || viṣam amṛtayutam ||
dharmanāçāya sṛṣṭaṁ

Перевод:

Пучину опасений, || нескромности обитель, ||
поспешностей собранье,
Вместилище пороков, || дом сотни злых обманов ||
и поле подозрений, |
Ту, что сильней героев, || корзину дел коварных, ||
смесь нектара и яда,
Жену, что с куклой схожа, || кто создал в этом мире ||
на гибель добрым нравам? (I, 146)

Встречается: **I** — 146, 202; **II** — 102.

А. Я. Сыркин

ПРИМЕЧАНИЯ*

ВСТУПЛЕНИЕ

[1] Традиционное для индийской литературы обращение к божеству в начале произведения. *Ом* (oṁ) — слово, употребляющееся в начале молитв, при религиозных церемониях и ставящееся обычно в начале книг. Индийские грамматики разделяют его на три звука: **a**, **u** и **m**, обозначающие соответственно Вишну, Шиву и Брахму — трех величайших божеств индийского пантеона.

Сарасвати (Sarasvatī) — богиня красноречия, наук и искусств. Почитается как дочь и супруга Брахмы.

[2] *Вишнушарман* (Viṣṇuçarman) — легендарный составитель «Панчатантры», букв. «хранимый Вишну»; çarman «хранимый, благословенный» вообще характерно, как часть имени брахмана. Встречающиеся в тексте собственные имена героев, как правило, связаны с характеристикой действующего лица. Во всех этих случаях в примечаниях дается их перевод.

[3] *Махиларопья* (Mahilāropya), совр. Мелиапур — город около Мадраса на Коромандельском берегу. По-видимому, тождествен с Мелиарфой, упоминаемой Птолемеем.

[4] *Амарашакти* (Amaraçakti) «обладающий бессмертной силой».

[5] *Артхашастра* (arthaçāstra). В более общем смысле — наука практического поведения, ведущая к достижению выгоды и пользы. Этот термин означает также науку политики и политической экономии.

[6] *Васушакти* (Vasuçakti) «обладающий богатой силой». *Уграшакти* (Ugraçakti) «обладающий огромной силой». *Ананташакти* (Anantaçakti) «обладающий безмерной силой».

[7] *Божественный*, букв. «боже» (deva) — обычное обращение к царю.

[8] *Дхармашастра* (dharmaçāstra) — наука о законе, религии и морали.

[9] *Сумати* (Sumati) «благоразумный».

[10] *Шабдашастра* (çabdaçāstra) «наука о звуках» — грамматика, риторика.

---

* Большую помощь при составлении примечаний оказали переводчику комментарии акад. А. П. Баранникова к его переводу «Рамаяны» Тулси Даса (М.—Л., 1948).

[11] По представлению древних индийцев, гусь (haṅsa — вид птицы из семейства гусиных) настолько мудрая птица, что способен извлекать молоко из смеси молока с водой.

[12] *Брахман* (brahmaṇa) — член высшего жреческого сословия. Памятники древнеиндийской литературы свидетельствуют о разделении рабовладельческого и раннефеодального общества древней Индии на ряд сословий. Главные из них: 1) брахманы; 2) кшатрии (kṣatriya) — воины; 3) вайшьи (vaiçya) — торговцы, землевладельцы, ремесленники и т. д., обязанные кормить представителей высших сословий (брахманов и кшатриев); 4) шудры (çūdra) — зависимые земледельцы, исполнители наиболее грязных работ и т. д. Эти четыре сословия назывались «варны» (varṇa) Обязанности и взаимные отношения всех сословий описаны в древнейшем индийском законодательстве — «Законах Ману».

[13] *Нитишастра* (nītiçāstra) — наука разумного поведения, наставление в этике в политике.

[14] *Дорога богов* (devamārga) — шутливое название anus'a.

[15] «*Панчатантра*» (Pañcatantra). Первоначальное значение tantra — «основа ткани» давшее ряд переносных значений: «основное положение», «наука», «книга», «житейская мудрость». Отсюда различные толкования названия памятника (см. стр. 308).

[16] *Шакра* (Çakra) «могучий» — одно из имен Индры, бога-воителя, почитаемого божеством в древнейшей религиозной и эпической литературе. Впоследствии Индра, продолжая по-прежнему считаться владыкой богов, теряет свое значение и почитается как один из восьми богов — хранителей мира (см. примеч. 75 к I книге).

КНИГА ПЕРВАЯ

[1] *Пурандара* (Purandara) «разрушитель городов» — одно из имен Индры, разрушавшего, по преданию, города своих врагов.

[2] *Кайласа* (Kailāsa) — одна из вершин Гималаев. Согласно легендам, служит местопребыванием богов Шивы и Куберы.

[3] *Индракила* (Indrakīla) «столб Индры» — название легендарной горы Мандары (Mandara), которой, по преданию, боги воспользовались, как мутовкой, когда они пахтали океан, чтобы получить нектар и сокровища. Отождествляется с горой Мандара гири, южнее города Бхагалпура.

[4] *Вардхамана* (Vardhamāna) «процветающий».

[5] *Матхура* (Mathurā) — один из семи священных городов Индии, расположенный на правом берегу реки Джамны. По преданию, в Матхуре родился Кришна; до сих пор город этот служит местом паломничества.

[6] *Раковина* (çaṅkha) — чрезвычайно употребительный в древней Индии музыкальный духовой инструмент. *Турья* (tūrya) — также духовой инструмент.

[7] *Нандака* (Nandaka) «радостный». *Сандживака* (Sanjīvaka) «живучий».

[8] *Дхава* (dhava), Tomentosa или Anogeissus Latifolia — дерево, дающее растительный клей. *Кхадира* (khadira), Acacia Catechu — вид акации, распространенный в Восточной Индии; из древесины кхадиры получают дубильный экстракт. *Палаша* (palāça), Butea Frondosa — дерево с круглыми зубчатами листьями и яркокрасными цветами *Шала* (çāla), Vatica Robusta — дерево, отличающееся большой высотой.

[9] *Гайял* (gavaya), Bos gavaeus — вид диких быков, встречающийся в гористых местностях Индии, к востоку от Брамапутры.

[10] *Ямуна* (Yamunā), совр. Джамна — одна из крупнейших рек Индии (длина около 1000 км), берущая начало в Гималаях и впадающая в Ганг около Аллахабада.

[11] *Хара* (Hara) «уносящий» — одно из имен Шивы (Çiva «счастливый», «процветающий»). Это один из величайших богов индийского пантеона, член триады — Брахма, Вишну, Шива, почитающийся как бог-разрушитель. Культ его особенно распространяется в послеведическую эпоху. Согласно легендам, Шива ездит на быке.

[12] *Пингалака* (Piṅgalaka) «красновато-коричневый».

[13] *Трусы и неосторожные* (kākaravarga, kiṁvṛtta); другое чтение — kākarava «обладающий вороньим голосом». Kiṁvṛtta, букв. «что произошло?» Кто здесь подразумевается, неизвестно. Принят перевод, предлагаемый О. Бётлингком.

[14] Зонт (chattra), опахало из волос хвоста яка (cāmara) — знаки царского достоинства наряду с луком, копьем, мечом и т. д.

[15] *Шесть способов* (ṣāḍguṇya). Шесть способов ведения государственных дел, внешней политики, войны (сражение, перемирие, поход, остановка, союз и двуличие). Подробному описанию этих способов посвящена третья книга «Панчатантры».

[16] Смысл отдельных мест в описании царствования Пингалаки неясен. Толкования переводчиков (Р. Шмидт, А. Райдер) здесь в ряде случаев расходятся.

[17] *Слонов, что истекают мускусом...* Перевод условный. Mada — особая пахучая жидкость, выделяемая железами на голове слона в период течки. Образ этот, встречающийся и ниже (кн. I, стихи 73, 149, 290, 291, 296; кн. II, стих 70; кн. III, рассказ 2-й), весьма употребителен в индийской поэзии.

[18] *Каратака* (Karaṭaka) «темнокрасный», *Даманака* (Damanaka) «усмиритель».

[19] *Анджана* (añjana) — может быть, дерево с горы Анджана. Возможно, тождественно с añjanaka (Xanthochymus pictorius) — тропическим деревом, встречающимся в Восточной Индии.

[20] *Жертвы богам...* собственно, «бали» (bali) — горсть вареной пищи, рассеиваемая по воздуху после жертвоприношения в качестве подношения всем живым существам.

[21] *Вьяса* (Vyāsa) «расчленитель», «составитель» — имя легендарного мудреца Кришны-Двайпаяны (Kṛṣṇa-Dvaipāyana), разделившего, по преданию, Веды на четыре части (см. примеч. 68 ко II книге). Вьяса почитается также творцом величайшего древнеиндийского эпоса «Махабхараты», древних эпических поэм Пуран и философской системы Веданты.

[22] Здесь имеется в виду эпизод из IV книги «Махабхараты», повествующей о службе находившихся в изгнании пяти пандавов (pāṇḍava «сыновья Панду») — Юдхиштхиры, Бхимы, Арджуны, Накулы и Сахадевы — у царя страны матсьев (совр. районы Динаджпура и Рангпура) Вираты (Virāṭa). На русском языке имеется полный перевод первой книги «Махабхараты» (см: Махабхарата. Адипарва. Кн. I. Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова. М.—Л., 1950. Там же на стр. 26—40, 595—601 изложено содержание всех восемнадцати книг «Махабхараты»), а также переводы отдельных эпизодов памятника.

[23] *Брихаспати* (Bṛhaspati) «великий отец» — одно из древнейших ведических божеств, славящееся мудростью и красноречием. Почитается как друг и советник Индры и наставник всех богов.

[24] *Пусть всякой власти...* букв. «лишен составных частей государства» (prakṛti). Сюда, помимо самого царя, входят министры, союзники, сокровища, войско, земли и крепости.

[25] *Кто видит яд...* (hālāhala) — смертельный яд, получившийся, по преданию, при пахтаньи богами океана.

[26] *Смерти знак...* букв. «вестника Ямы» (yamadūta). *Яма* (Yama) — владыка загробного мира, царь мертвых. В послеведическую эпоху почитается как один из восьми богов — хранителей мира, бог смерти и справедливости. Согласно верованиям индусов, к каждому умирающему приходят посланцы Ямы.

[27] 50-й стих построен на непереводимой игре слов: bhogin «предающийся наслаждению» («свернутый в кольцо»); kañcukāsakta «привязанный к панцирю» («одетый в змеиную кожу»); kuṭilagāmin «капризный» («двигающийся извилистым путем»); mantrasādhya «тот, кому можно помочь советом (заговорить заклинанием)». Здесь и в дальнейшем (кн. I, стихи 69, 73, 98, 137, 147, 234 и т. д.) мы встречаем характерные приемы индийского поэтического мастерства. Подробнее об этом см.: А. П. Баранников. Изобразительные средства индийской поэзии. Л., 1947.

[28] *Счастливый путь!* букв. «Да будут счастливы твои пути!» (çivās te panthānaḥ santu). Такое же напутствие встречается и ниже.

[29] Камышовая трость (vetralatā) служила в древней Индии стражникам, чтобы заграждать вход в царские покои.

[30] *Стопам божественного...* (devapāda) — чрезвычайно употребительное обращение к царю.

[31] Lohitākṣa — красный кубик, служивший для игры в кости.

[32] В 69-м стихе неподдающаяся передаче звукопись: çastraṁ «оружие» — çāstraṁ «наука»; vīṇā «лютня» — vāṇī «речь»; nara «мужчина» — nārī «женщина». (См. выше примеч. 27).

[33] *Дурва* (dūrva), Panycum или Cynodon dactylon — широко распространенное в Индии травянистое растение, служащее кормом для коров и буйволов. Эта трава считается священной, появившейся будто бы из шерсти коровы, которая почитается в Индии священным животным. Отсюда другое ее название — golomī «происходящая из коровьей шерсти».

[34] *Рочана* (rocanā, также gorocanā) — ароматное вещество желтого цвета. Употребляется как благовоние, лекарство, а также как краска, которой наносится кастовый знак. Индусы считают, что рочана возникает из коровьей желчи.

[35] Согласно индийским легендам, в головах змей родятся драгоценные камни.

[36] В 73-м стихе непереводимая игра слов: vāraṇaṁ vāraṇānām «преграда для слонов».

[37] *Панава* (paṇava) — маленький деревянный барабан конической формы, служащий аккомпанирующим инструментом при пении. *Мридангa* (mṛdaṅga) — барабан, обтянутый кожей, с расширяющимся к середине стволом из обожженной глины.

[38] *Синдху* (Sindhu) — древнее название Инда. В августе Инд достигает наивысшего уровня воды в реке.

[39] *Три мира* (bhuvanatraya, также lokatraya) — небо, населенное богами, воздушное пространство, населенное демонами и низшими духами, и земля — жилище людей. Согласно другому толкованию, три мира — это небо, земля и подземный мир.

[40] *С исхудавшей от голода шеей* (kṣutkṣāmakaṇṭha) — употребительный в санскритской литературе эпитет голодающего.

[41] Здесь игра слов: bhaira «страшный» — bhera «барабан»

[42] Повторение 69-го стиха I книги.

[43] *Махешвара* (Maheçvara) «великий владыка» —одно из имен Шивы.

[44] *Калинди* (Kālindī) — название реки Ямуны, берущей начало с горы Калинда (Kalinda). По имени этой горы Ямуна называется также «дочерью Калинды» (Kalindakanyā, Kalindasutā и т. п.).

[45] *Чандика* (Caṇḍikā) «грозная» — одно из имен богини-мстительницы Дурги (Durgā), супруги Шивы.

[46] В 96-м стихе игра слов: susnigdha «преданный» и «гладкий».

[47] *Как нектар...* В переводе передана анафора в каждой из четырех частей стихотворения.

[48] *Дантила* (Dantila) «зубастый».

[49] *Вардхамана* (Vardhamāna) — совр. Бардван в Бенгале.

[50] *Горабха* (Gorabha) «ревущий, как бык».

[51] *Выгнали в шею...* букв. «дав половину луны» (ardhacandraṁ dattvā) — т. е. взяв за шею рукой, сложенной наподобие полумесяца. Это идиоматическое выражение встречается и ниже.

[52] *Смерть...* собственно, Антака (Antaka) «приносящий конец» — одно из имен бога смерти Ямы.

[53] *Нарада* (Nārada) — легендарный божественный мудрец и заклинатель, один из десяти величайших святых отшельников (ṛṣi). Почитается как сын Брахмы и посредник между богами и людьми.

[54] *Парой одежд...* (vastrayugalena), т. е. верхним и нижним платьем.

[55] *Впереди домашнего жреца...* (purohita). Здесь непоследовательность: в начале басни это лицо названо царским советником (rājaguru).

[56] *Четыре способа.* Здесь имеются в виду четыре средства политики (upāya), различавшихся в древней Индии: дружеское обращение, подкуп, сеяние раздора и применение силы. Последовательное применение этих средств описывается в 10-й басне IV книги.

[57] Сын Амбики (Ambikāsuta) — Дхритараштра (Dhṛtarāṣṭra), дядя пандавов (см. выше примеч. 22). Видура (Vidura) — его младший брат и советник. Здесь имеется в виду эпизод из «Махабхараты».

[58] В 121-м стихе игра слов: mahāmātra «первый министр» и «водитель слона».

[59] *Девашарман* (Devaçarman) «хранимый богом».

[60] *Ашадхабхути* (Āṣāḍhabhūti) «обладающий неодолимой силой».

[61] *Восьмичленный поклон* — поклон, при котором кисти рук, локти, колени и ступни ног касаются земли.

[62] *Сансара* (saṅsāra) — по религиозным воззрениям, непрерывно повторяющееся возрождение в мире живых существ, считающееся источником страданий.

[63] *Чандала* (caṇḍāla) — член наиболее бесправной касты, одно приближение которого может «осквернить» представителей высших каст. Согласно «Законам Ману» (см. выше примеч. 12 к вступлению), чандалы произошли от запрещенной связи шудры с брахманкой.

[64] *Дваждырожденный* (dvija) — эпитет, прилагаемый обычно к брахманам, а иногда также к кшатриям и вайшьям. «Дваждырожденным» называют человека, приобщившегося к знаниям и этим как бы достигшего второго рождения, в отличие от невежды, который, согласно законам индуизма, подобен животному (ср. 15-й стих I книги). Изучению обычно предшествует выполнение различных обетов (см. ниже примеч. 67); при этом ученик посыпает тело золой, заплетает волосы на голове в косичку и т. п.

[65] *Молитву шестисложную...*, т. е. Om namaḥ Çivāya «Ом. Слава Шиве!»

[66] *Линга* (Liṅga), собственно, membrum virile, фаллос. Здесь — олицетворение Шивы. Культ Линги как символа творческой силы Шивы — очень древнего происхождения.

[67] *Наложи на меня обет...* Учитель должен был подвергнуть ученика, приступающего к изучению священных текстов, предварительным испытаниям, налагая на него обеты (vrata) воздержания, изнурения плоти, молчания и т. п.

[68] *Павитрарохана* (pavitrārohaṇa) «наложение очищающего средства» — название летнего праздника в честь богини Дурги, во время которого жрец обвязывает ее статую священным шнурком.

[69] *Одеяние наставника...* (kanthā yāgeçvaraç ca). Йогешвара (yogeçvara) «владыка святости» — наставник в священных науках, в йоге (см. примеч. 154 к I кн.). Место не совсем ясное. Толкование И. Хертеля, видящего в yogeçvara, как и в brahmahṛdaya (см. примеч. 200 к I книге), метафорическое обозначение денег, вряд ли удачно, так как мало вероятно, чтобы Девашарман сказал Ашадхабхути о том, что он только что спрятал от него. Более правильным представляется чтение: kanthā yogeçvarasya «одеяние йогешвары».

[70] *Шатакрату* (Çatakratu) «совершитель ста жертвоприношений» — одно из имен Индры.

[71] *Говинда* (Govinda) «находящий коров», «пастух» — прозвище Кришны (Kṛṣṇa «черный»), одного из воплощений (avatāra) бога Вишну (Viṣṇu). В ведическую эпоху Вишну играет второстепенную роль, выступая в качестве бога солнца. Позже значение его возрастает: он становится одним из трех величайших божеств Индии, почитаясь наряду с творцом Брахмой и разрушителем Шивой, как хранитель всего живого. Легенды приписывают Вишну ряд различных воплощений (Рама, Кришна, Будда, карлик, рыба и т. д.), послуживших богатым материалом для индийской поэзии. Воплотившись в виде Кришны, Вишну, согласно легендам, убил множество асуров (демонов-полубогов). Кришна является главным божеством вишнуитов (поклонников Вишну).

[72] *Праджапати* (Prajāpati) «владыка созданий» — одно из имен Брахмы (Brahmā), первого члена божественной триады, отца богов, творца и создателя мира.

[73] *Девадатта* (Devadatta) «данный богом». Это имя часто употребляется в мужском и женском роде для обозначения какого-либо определенного человека (ср. русское «имя рек»).

[74] 137-й стих построен на непереводимой игре слов: karasāda — «потускнение лучей» («ослабление рук»); ambaratyāga — «покидание небесного свода» («покидание одежды»); tejohāni — «утрата блеска» («утрата движения»); vāruṇīsaṅga — «пребывание на западе» («страсть к хмельному питью»).

[75] *Хранители мира* (lokapāla) — восемь богов, которым Брахма поручил сотворить мир и охранять все живые существа; каждый из них царит над одной из восьми частей

света: Индра — над востоком, бог огня Агни — над юго-востоком, Яма — над югом, бог солнца Сурья — над юго-западом, бог вод Варуна — над западом, бог ветра Ваю — над северо-западом, бог богатства Кубера — над севером и бог луны Сома — над северо-востоком. Культ этих богов уступил место в послеведическую эпоху культу Брахмы, Вишну и Шивы.

76 *Сердце, Яма...* (hṛdayaṁ yamaç ca). Другое чтение: hṛdayaṁ manaç ca «сердце и разум».

77 *Дхарма* (dharma) «добродетель» — олицетворение благочестия и нравственного закона, ставшее божеством справедливости и правосудия и отождествлявшееся с богом смерти Ямой.

78 *Ушанас* (Uçanas) — одно из имен Шукры (Çukra) — легендарного мудреца, наставника асуров (полубогов).

79 *Сильный яд...* (hālāhala) — см. выше примеч. 25.

80 В 147-м стихе, благодаря непереводимой игре слов перечисляются одновременно хорошие и дурные качества: kārkaçyaṁ — «упругость» («жестокость»); taralatā — «подвижность (глаз)» («легкомыслие»); alīkaṁ mukhe — «малая величина рта» («лживость»); kauṭilyaṁ — «волнистость (кудрей)» («коварство»); māndyaṁ — «медлительность (речи)» («глупость»); sthūlatā — «пышность (бедер)» («грубость»); bhīrutvaṁ — «робость (сердца)» («злость»); māyāprayoga — «очарование» («хитрость»).

81 *Гунджа* (guñja), Arbus precatorius — кустарник, на котором растут темнокрасные ядовитые ягоды.

82 *Асури* (asurī — форма женского рода) — женщина-асура (см. примеч. 176 к I кн.). По верованиям индусов, стихийные бедствия вызываются злыми духами.

83 *Баньяновое дерево* (nyagrodha), Ficus indica — индийское фиговое дерево.

84 *Черный змей* (kṛṣnasarpa), Coluber naga — вид ядовитых змей, часто встречающийся в Индии.

85 *Тетушка...* букв. «дядя» (māma). Цапля (baka) на санскрите — мужского рода. Здесь и в дальнейшем обращения к ней переводятся соответствующими словами женского рода (матушка, сестрица и т. п.). То же — в 27-й басне I книги.

86 *Мандамати* (Mandamati) «тугоумный».

87 Согласно религиозным представлениям индуизма, все добрые и дурные поступки, совершенные каждым живым существом в предшествующем рождении, определяют форму его существования в последующих рождениях.

88 *Бог-хранитель* (abhīṣṭadevata) «желанный, любимый бог». Бог, которого положено вспомнить перед смертью.

89 *Вишвакарман* (Viçvakarman) «все делающий» — имя зодчего и художника богов.

90 *Хираньякашипу* (Hiraṇyakaçipu) — «обладающий золотым ковром». Согласно легендам — царь демонов-дайтьев (потомков Дити, см. примеч. 22 ко II книге), находящихся в постоянной вражде с богами. Благодаря полученному от Брахмы могуществу, Хираньякашипу отнял власть у самого Индры. Впоследствии был умерщвлен Вишну.

91 *Бхаргава* (Bhārgava) «потомок Бхригу» — эпитет легендарного могучего брахмана Парашурамы, одного из воплощений Вишну. Воплотившись в образе Парашурамы, Вишну освободил брахманов от насилий кшатриев.

92 Т. е. «это почти невероятно». Имеется в виду сказка, в которой ворона была убита упавшим на нее плодом пальмы.

93 Диск — аттрибут Вишну, которым он поражает врагов.

94 *Гарутман*, также Гаруда (Garutman, Garuḍa) «крылатый»—мифический царь птиц, враждующий со змеями и пожирающий их. Согласно легендам, на Гаруде ездит Вишну.

95 *Гауды* — жители страны Гауда (Gauḍa), на территории совр. Восточного Бенгала.

96 *Бетель* (tāmbūla), Piper betel — род перца, употребляющийся в Индии для жевания и окрашивающий губы и десны в темнокрасный цвет.

97 *Манасиджа* (Manasija) «родившийся в душе» — одно из имен бога любви Камадевы (Kāmadeva, также Kāma). Согласно легендам, он вооружен луком из сахарного тростника с тетивой из пчел и пятью стрелами из цветов, каждая из которых имеет свое название.

98 *Бимба* (bimba), Momordica monadelpha приносит красные плоды, часто сравниваемые в индийской поэзии с губами.

99 Лобные пазухи слонов набухают в период течки (ср. выше примеч. 17).

100 *Нараяна* (Nārāyaṇa) — одно из имен Вишну.

101 *Будда* (Buddha) «пробудившийся», «просвещенный» — эпитет Сиддхартхи Гаутамы (VI—V вв. до н. э.) — основателя буддизма.

102 Повторение 75-го стиха I книги.

103 По закону, вайшья (см. примеч. 12 к вступлению) не может жениться на кшатрийке. Жену следует брать только из своей или из более «низкой» касты.

104 *Мадана* (Madana) «опьяняющий» — одно из имен бога любви Камадевы.

105 *Вайнатейя* (Vainateya) «сын Винаты» — одно из имен царя птиц Гаруды.

106 *Гандхарвы* (Gandharva) — название низших божеств, почитавшихся в ведическую эпоху духами лесов, а позже — небесными музыкантами, услаждающими богов пением и плясками. Так называемый брак по обряду гандхарвов (gāndharva) — одна из восьми форм брака, различавшихся в древней Индии. Такой брак заключался по взаимному согласию жениха и невесты без согласия родителей.

107 *Вайкунтха* (Vaikuṇṭha) «сын Викунтхи» — одно из имен Вишну; также название рая Вишну, где, согласно верованиям, пребывают в вечном блаженстве поклоняющие ему люди.

108 *Сударшана* (Sudarçanā) «прекрасная».

109 *Кританта* (Kṛtānta) «приносящий конец» — одно из имен бога смерти Ямы.

110 *С поднявшимися на всем теле волосками...* (pulakitasarvāṅgī) — чрезвычайно употребительное в индийской литературе выражение для описания различных аффектов (удивления, восторга, любви и т. п.).

111 Аттрибуты Вишну.

112 *Викрамасена* (Vikramasena) «обладающий могучим войском».

113 *Дорога богов...* — см. примеч. 14 к вступлению.

114 *Четыре части войска* (caturaṅga) — пехота, конница, колесницы и слоны.

115 *Меру* (Meru) — мифическая золотая гора, охраняемая Шакрой (Индрой), на которой находится небо Индры. Согласно легендам, Меру находится в Гималаях.

116 *Хираньякашипу* — см. выше примеч. 90. *Канса* (Kaṅsa) — легендарный царь Матхуры, в которого воплотился враг Вишну, демон Каланеми. Канса был убит Вишну, принявшим облик Кришны. *Мадху* (Madhu) — один из демонов-дайтьев (см. выше примеч. 90), убитый Вишну вместе со своим младшим братом Кайтабхой (Kaiṭabha). Отсюда ряд имен Вишну: «Убийца Мадху», «Победитель Кайтабхи» и т. п

117 *Васудева* (Vāsudeva) «благодетельный бог» — одно из имен Вишну.

118 *С тремя палками...* (tridaṇḍin). Здесь имеется в виду разряд нищенствующих брахманов под названием saṅnyāsin («отрекшийся от мира»). Санньясины носили в правой руке три связанных вместе палки.

119 *Горочана* — см. выше примеч. 34.

120 *Панчаджанья* (pāñcajanya) — раковина-труба Вишну, взятая у убитого им морского демона Панчаджаны.

121 *Деваараджа* (Devarāja) «царь богов» — одно из имен Индры.

122 *Нагари* (Nāgāri) «враг змей» — одно из имен царя птиц Гаруды, находящегося в вечной вражде со змеями, прародительница которых, согласно легенде, обманула мать Гаруды Винату.

123 *Хари* (Hari) — одно из имен Вишну.

124 *Супративарман* (Suprativarman) «хорошо защищенный».

125 *Богиня счастья...* Шри (Çrī) «счастье», «изобилие» — одно из имен Лакшми (Lakṣmī «удача», «красота»), богини счастья и красоты, супруги Вишну.

126 В 234-м стихе неподдающаяся передаче звукопись:

kāryākāryam anāryair unmārganirargalair galanmatibhiḥ|
nākarṇyate vikarṇair nayoktibhir yuktam uktam api

127 *Нимба* (nimba), Azadirachta indica — дерево, приносящее горькие плоды.

128 *Анджана* (Añjana) — название горы.

129 *Кошачий глаз* (vaiḍūrya) — ляпислазурь.

130 *Яджнядатта* (Yajñadatta) «данный жертвой».

131 *Бхригукаччха* (Bhṛgukaccha) — город на северном берегу реки Нармады (совр. Нарбада), впадающей в залив Камбей.

132 *Сведущие в тайном учении* (tāntrika) — сведущие в тантре (tantra), учении о магических действиях, имеющих целью приобрести благосклонность богов и достичь сверхъестественной силы.

133 *Три блага* (trivarga) — три основных занятия, которые, согласно древнеиндийской философии, должны лежать в основе всей человеческой деятельности: 1) добродетель (dharma) — исполнение религиозных обрядов, занятия науками и общественными делами, вознаграждаемые на том свете; 2) выгода (artha) — приобретение материальных ценностей и умножение приобретенного; 3) любовь (kāma) — стремление к чувственным наслаждениям, т. е. возбуждение и удовлетворение органов чувств (зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния). Эти три фактора человеческой жизни должны находиться в равновесии. Несколько позже к ним присоединяется четвертый фактор — спасение (mokṣa), т. е. стремление к освобождению от уз мира и познанию мировой души.

134 *Мандависарпини* (Mandavisarpiṇī) «медленно ползущая».

135 *Дундука* (Duṇḍuka) «крошечный».

136 *Джахнави* (Jāhnavī) «дочь Джахну» — одно из имен реки Ганга (Gaṅgā, в русском языке укоренилась форма — Ганг). Согласно легенде, река эта текла сначала на небесах, затем Шива пустил ее на землю, и в своем течении она приблизилась к месту, где совершал жертвоприношение великий риши (см. выше примеч. 53) Джахну. Разгневанный неожиданной помехой, Джахну выпил всю реку и затем снова выпустил ее. Отсюда имя Джахнави.

137 *Ветры, желчь и флегма...* (vāta, pitta, çleṣma) — согласно древнеиндийской медицине, три основных элемента человеческого организма; нарушение их функций причиняет заболевания.

138 *Три приправы* (trikaṭuka) — имбирь, черный перец и длинный перец.

139 *Карнисута* (Karṇisuta) — автор книги о воровстве.

140 *Муладева* (Mūladeva) — традиционный образ плута в индийских сказках.

141 См. выше примеч. 73. Здесь имеется в виду женщина (Devadattā).

142 *Шамбху* (Çambhu) «дающий счастье» — одно из имен Шивы.

143 *Чандарава* (Caṇḍarava) «гневно ревущий».

144 *Акхандала* (Ākhaṇḍala) — одно из имен Индры.

145 *Мадаракта* (Madarakta) «охваченный страстью».

146 *Аста* (Asta) «закат» — название легендарной горы на западе, за которой будто бы заходит солнце.

147 Пчелы, вьющиеся у слоновьих висков — один из излюбленных образов индийской поэзии.

148 См. выше примеч. 44.

149 См. выше примеч. 35.

150 *Сагарадатта* (Sāgaradatta) «данный морем».

151 *Виката* (Vikaṭa) «безобразный».

152 *Мадотката* (Madotkaṭa) «полный ярости».

153 *Оба мира* (lokadvaya), т. е. земля — мир людей и небо — мир богов.

154 *Йогин* (yogin) — отшельник, предающийся йоге (yoga «соединение»), т. е. самоуглублению и другим религиозным упражнениям, имеющим целью достижение блаженства и соединение с божеством.

155 *Девагупта* (Devagupta) «хранимый богом».

156 *Вимала* (Vimala) «безупречный».

157 *Ладдука* (laḍḍuka) — лакомство в виде шарика, приготовленного из сахара, пшеничной или рисовой муки, жидкого масла из молока буйволицы и пряностей. *Ашокаварти* (açokavarti) «рулет Ашока» — вид лакомства. *Кхадьяка* (khādyaka) — какое блюдо здесь имеется в виду, неизвестно.

158 *Четыре вещества* (caturjātaka) — определенная приправа, состоящая из смеси четырех продуктов.

159 *Лунный камень* (çaçikānta, также candrakānta). По преданию, этот камень образовался из лучей луны и светится только при ее блеске.

160 Т. е., прежде чем прибегать к насилию, пусть попробует действовать тремя остальными способами (дружба, подкуп и сеяние раздора). См. выше примеч. 56.

161 *Титтибха* (ṭiṭṭibha), Tringa goensis — маленькая птичка, встречающаяся в Индии и живущая вблизи водоемов. В индийской литературе, как это видно и из настоящей басни, она считается олицетворением кичливости и самоуверенности. В стихах встречается образ титтибхи, спящей лапками вверх, чтобы поддержать небо в случае, если оно обрушится (ср. 329 стих I книги).

162 *Джхаша* (jhaṣa) — неизвестная нам порода больших рыб.

163 *Макара* (makara) — фантастическое морское чудовище.

164 *Уттанапада* (Uttānapāda) «широконогий».

165 *Пативрата* (Pativratā) «преданная супругу»

166 *Антака* — см. выше примеч. 52.

167 *Камбугрива* (Kambugrīva) «имеющая шею, подобную раковине» (т. е. с тремя складками, как у раковины).

168 *Санката* (Saṅkaṭa) «маленький». *Виката* — см. выше примеч. 151.

169 Здесь, как и в некоторых других рассказах сборника (I кн. — 26, V кн. — 2), имена действующих лиц еще в большей степени, чем в остальных случаях, дают непосредственно связанную с нравоучением рассказа характеристику героев: *Анагатавидхатар* (Anāgatavidhātar) «заботящийся о будущем». *Пратьютпаннамати* (Pratyutpannamati), «сохраняющий присутствие духа». *Ядбхавишья* (Yadbhaviṣya) букв. «что должно быть», т. е. говорящий: «будь что будет»; фаталист.

170 330-й стих повторяет 193-й стих I книги.

171 Т. е. Ганг и Инд (см. выше примеч. 38 и 136).

172 *Тамала* (tamāla), Xanthochymus pictorius — большое вечнозеленое дерево с красивыми цветами. Встречается главным образом в горах.

173 *Винарава* (Vīṇāravā) «жужжащая, словно лютня».

174 *Мегхадута* (Meghadūta) «вестник облака».

175 *Лиана кошамби* (koçāmbī) — неизвестно, какое растение здесь имеется в виду.

176 *Асуры* (asura) — демоны-полубоги. Первоначально в ведическую эпоху почитались как добрые божества. Впоследствии в эпических поэмах выступают как враги богов, терпящие поражения от них (главным образом от Вишну).

177 *Амаравати* (Amarāvatī) «бессмертная» — мифический небесный город, служащий местопребыванием владыки богов Индры.

178 *Чатурака* (Caturaka) «ловкий».

179 *Ваджраданштра* (Vajradaṅṣṭra) «с зубами, твердыми, как алмаз». *Кравьямукха* (Kravyamukha) «любящий мясо». *Шанкукарна* (Caṅkukarṇa) «остроухий».

180 *Дхармараджа* (Dharmarāja) «царь справедливости» — одно из имен бога смерти Ямы.

181 *Палаша* (Butea Frondosa) — см. выше примеч. 8.

182 *Сваямбху* (Svayaṁbhu) «самосущий» — одно из имен Брахмы.

183 *Былинку...* букв. дарбха (darbha). Название различных трав, служащих в качестве подстилки при жертвоприношениях.

184 Три блага — добродетель, выгода и любовь (см. выше примеч. 133).

185 *Балабхадра* (Balabhadra) «сильный».

186 *Кошала* (Koçala, также Avadha) — название страны и народа, населявшего ее (совр. Аудх). Столицей Кошалы была Айодхья (Ayodhyā) «непобедимая».

187 *Суратха* (Suratha) «обладающий прекрасной колесницей».

188 *Обнаженный нищенствующий монах* (nagnaçravaṇaka) — монах, принадлежащий к джайнской секте дигамбаров (digambara букв. «одетый странами света», т. е. «нагой»). В отличие от другой джайнской секты шветамбаров (çvetāmbara — «одетый в белое»), отличавшейся большей терпимостью, дигамбары проповедовали строгое воздержание, отказ от всякого имущества, даже от одежды. Джайнизм, близкое к буддизму религиозно-философское течение, возник около VI в. до н. э. в среде кшатриев. В противовес брахманству его представители отрицали авторитет Вед. Подробнее о джайнизме см.: С. Радхакришнан. Индийская философия, т. I. М., 1956, гл. 6.

189 *Науке разрешения вопросов...* Возможно, здесь имеется в виду одна из священных книг джайнов «praçnavyākaraṇa» («разрешение вопросов»).

190 Перечисленные здесь способы гадания во многом неясны. Неизвестно, например, что подразумевается под «исчезновением теней» (chāyānaṣṭa); гаданье по кулакам (muṣṭi), возможно, означает хиромантию. Коренья (mūla) играли большую роль в магии у индусов.

191 *Раджагриха* (Rājagṛha) «царский дом» — древняя столица государства Магадхи (совр. Раджгир).

192 *Девашарман* (Devaçarman) — см. выше примеч. 59.

193 *Васуки* (Vāsuki) — легендарный царь змей, живущий в подземном царстве.

194 *Куткутанагара* (Kutkuṭanagara) «петушиный город».

195 *Пушпака* (Puṣpaka) «цветочный».

196 *Кетаки* (ketakī, также ketaka), Pandanus odoratissimus — распространенное в Индии растение с остроконечными цветами.

197 *Миробалан* (āmalaka), Emblic mirobalan — также часто встречающееся в Индии дерево с кислыми плодами, употребляющимися как лекарство.

198 *Сучимукха* (Sūcīmukha) «с клювом, острым, как игла».

199 *Дхармабуддхи* (Dharmabuddhi) «добромыслящий»; *Душтабуддхи* (Duṣṭabuddhi) «зломыслящий». Имена действующих лиц до такой степени связаны здесь с нравоучительной тенденцией рассказа (см. выше примеч. 169), что в известной мере уже перестают ощущаться как собственные имена. Так, вместо Душтабуддхи в рассказе неоднократно употребляется другое совершенно тождественное с ним по значению имя — Папабуддхи (Papabuddhi).

200 *Сердце Брахмы* (brahmahṛdaya) — метафорическое обозначение денег.

201 Божественное правосудие, согласно древнеиндийскому законодательству, известно в двух формах: 1) клятва, произносимая над комом земли, взятой из борозды, над золотом, серебром, сезамом, растением дурга (Clitoria ternatea, индиго), над головой сына, жены, брахмана и у подножия изображения бога; 2) испытание взвешиванием, огнем, водой, ядом, святой водой, жеванием зерен риса, раскаленной монетой, раскаленным плугом и вытягиванием жребия.

202 *Шами* (çami), Prosopis spicigera или Mimosa suma — дерево, которое, по верованиям индусов, содержит внутри огонь.

203 *Ихневмон* (nakula), Viverra ichneumon — маленький зверек, не подверженный действию змеиного яда. Прирученных ихневмонов в Индии держат в домах, где они истребляют крыс и мышей.

204 Повторение 141-го стиха I книги.

205 Другое чтение — Нандука (Nānduka) «радующийся».

206 *Пала* (pala) — мера веса (93,312 гр.).

207 *Лакшмана* (Lakṣmaṇa) «счастливый».

208 *Дханадева* (Dhanadeva) «бог богатства».

209 *Рохана* (Rohaṇa) — гора на Цейлоне (совр. название — Адамов пик).

210 *Бхилла* (Bhilla) — название лесных племен, издавна населявших территорию совр. Раджастхана и Мадхья-Прадеша. Трудно судить, насколько связано с ними название селения, находящегося, как видно из текста, на Цейлоне.

211 В 420-м стихе игра слов: amṛtaṁ («нектар») и mṛtaṁ («смерть»).

212 *Чакора* (cakora) Perdix rufa — большая черная куропатка, водящаяся в горных лесах Индии. Согласно легендам, чакора питается лучами луны, глаза ее становятся красными при виде отравленной пищи.

[213] *Мадана* — см. выше примеч. 104.

[214] *Дханада* (Dhanada) «дающий богатства» — одно из имен бога богатства Куберы (Kubera). Он почитается в качестве одного из восьми богов—хранителей мира (см. выше примеч. 75). Это — царь севера, живущий на горе Кайласе в Гималаях и охраняющий сокровища Индры.

[215] *Павана* (Pavana) «ветер» — одно из имен бога ветра Вайю (Vayu), бога — хранителя мира, царя северо-запада.

[216] *Ваджрин* (Vajrin) «обладатель громовой стрелы» — одно из имен Индры.

[217] *Джалешвара* (Jaleçvara) «повелитель вод» — одно из имен бога вод Варуны (Varuṇa). В ведическую эпоху Варуна — один из величайших богов, владыка небесного свода, владыка ночи. Впоследствии значение его падает. Он почитается как бог вод, один из хранителей мира (царь запада) и повелитель гандхарвов (см. выше примеч. 106).

КНИГА ВТОРАЯ

[1] *Прамадаропья* (Pramadāropya). В других версиях «Панчатантры» — Махиларопья (см. примеч. 3 к вступлению). Этимологическое значение обоих названий совпадает («рассадник женщин»).

[2] *Лагхупатанака* (Laghupatanaka) «быстро летающий».

[3] *Кала* (Kāla) «темный» — одно из имен бога смерти Ямы, изображаемого обычно с очень темным лицом.

[4] *Читрагрива* (Citragrīva) «с пестрой шеей».

[5] *Пауластья* (Paulastya) «потомок Пуластьи» (сына Брахмы, одного из семи великих мудрецов) — одно из имен Раваны (Rāvaṇa), могучего демона, царя Ланки (Цейлон). Здесь имеется в виду похищение Раваном супруги Рамы Ситы (Sītā). Вражда между Раваной и Рамой изображена в древней эпической поэме «Рамаяне», приписываемой легендарному мудрецу Вальмики. На русском языке имеется перевод более поздней обработки Рамаяны поэта Тулси Даса (1532—1624). (Тулси Дас. Рамаяна или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы, перевод с индийского (хинди) А. П. Баранникова. М.—Л., 1948).

[6] *Рама* (Rāma) — легендарный герой, почитавшийся одним из воплощений Вишну (см. примеч. 71 к I книге). Здесь имеется в виду тот же эпизод из «Рамаяны»: когда изгнанный отцом Рама отправился вместе со своей женой Ситой в лес, то по требованию Раваны, задумавшего похитить Ситу, перед ними предстал ракшаса (злой демон) Марича (Mārīca) в виде золотой лани. Рама погнался за этой ланью, и в его отсутствие Равана похитил Ситу.

[7] *Юдхиштхира* (Yudhiṣṭhira) «стойкий в сражении» — герой «Махабхараты», старший из пяти братьев-пандавов (см. примеч. 22 к I книге). Здесь имеется в виду эпизод из II книги «Махабхараты», где описывается игра в кости между Юдхиштхирой и его двоюродным братом, врагом пандавов Дурьйодханой. Проиграв Дурьйодхане, Юдхиштхира, по условиям игры, удалился вместе с братьями в двенадцатилетнее изгнание.

[8] *Бхарунда* (bhāruṇḍa, также bhāraṇḍa и bheruṇḍa) «страшный» — сказочная птица.

[9] *Шанкха* (çaṅkha) «раковина» — одно из сокровищ бога богатства Куберы, обладающее свойством лишать своего владельца остальных его богатств.

[10] *Хиранья* (Hiraṇya) «золотой».

[11] Т. е. за 125 йоджан. Йоджана (yojana) — мера длины, равная 15 или 17 км.

[12] Собственно, Граха (Graha) «хватающий» — одно из имен демона Раху (Rāhu), согласно легендам, время от времени проглатывающего солнце и луну, отчего происходят будто бы солнечные и лунные затмения.

[13] В 18-м стихе игра слов: mṛga означает «зверь» и «газель».

[14] *Свати* (svāti) — пятнадцатое зодиакальное созвездие индийской астрологии, считающееся особенно благоприятным. Здесь имеется в виду дождь, выпадающий во время нахождения луны в созвездии Свати. Согласно поверью, из капель такого дождя в раковинах зарождается жемчуг.

[15] *Дайтья* — см. примеч. 90 к I книге.

[16] *Как самка мула...* согласно верованиям индусов, самка мула погибает от беременности.

[17] *Панини* (Pāṇini) — знаменитый индийский грамматик (около IV в. до н. э.).

[18] *Джаймини* (Jaimini) — известный индийский философ (время жизни неизвестно), основатель философской школы «миманса» (mīmāṅsā), занимавшейся толкованием Вед и объяснением религиозных обязанностей (см.: С. Радхакришнан, ук. соч., т. II, гл. 6).

[19] *Чудовищем...* — макара (см. примеч. 163 к I книге и 1 к IV книге).

[20] *Пингала* (Piṅgala) — индийский ученый (около II в. до н. э.), автор трактата о ведийском стихосложении (chandaḥ çāstra).

[21] *Вритра* (Vṛtra) — один из демонов, убитый Шакрой (Индрой).

[22] *Дити* (Diti) — жена мудреца Кашьяпы и мать демонов-дайтьев. Здесь имеются в виду эпизоды борьбы Индры с демонами.

[23] Т. е. «дружба заключается благодаря пройденным вместе семи шагам». Поговорка эта связана, по-видимому, с одним из индийских свадебных обрядов, который заключается в том, что жених и невеста проходят вместе семь шагов. После этого брак становится нерасторжимым.

[24] Повторение 124-го стиха I книги (с перестановкой первой и третьей частей).

[25] *Киншука* (kiṁçuka) — красный цветок палаши (см. примеч. 8 к I книге).

[26] *Мантхарака* (Mantharaka) «медленный».

[27] *Частицы друга нашего...* букв. «$^1/_{16}$ часть (kalā) тела друга».

[28] *Махешвара* — см. примеч. 43 к I книге.

[29] *Бутакарна* (Būṭakarṇa) «с обрезанными ушами».

[30] *Брихатспхиг* (Bṛhatsphig) «толстозадый».

[31] Принято толкование И. Хертеля.

[32] *Летнее солнцестояние* — 22 июня. Этот день, как и некоторые другие дни, связанные с астрономическими изменениями (день зимнего солнцестояния, полнолуния, новолуния, наступления нового времени года), считался праздником и отмечался различными церемониями и жертвоприношениями.

[33] *За руку тебя взяла...* Имеется в виду одна из церемоний индийской свадьбы, во время которой жених берет своей правой рукой правую руку невесты.

[34] В 57-м стихе непереводимая игра слов: mitra «друг» («солнце») — prasāritakara «протягивающий руку» («посылающее лучи»).

[35] *Пулинда* (pulinda) — название дикого племени.

[36] *Маханджана* (Mahāñjana) «большая Анджана» (см. примеч. 128 к I книге).

[37] См. примечание 206 к I книге.

[38] *Слон без мускуса...* — см. примеч. 17 к I книге.

[39] «*Вороний ячмень*» (kākayava) — неплодородный злак, колосья которого не приносят зерен. «*Лесной сезам*» (araṇyabhavāstilā) — дикий сезам, растущий в лесу.

[40] *Сагарадатта* (Sāgaradatta) «данный морем».

[41] *Рупия* (rupaka) — название золотой монеты.

[42] «*Что суждено*»... букв. «Добро, которое суждено получить» (prāptavyamarthaṁ).

[43] *Чандрамати* (Candramatī) «чтущая луну».

[44] *Кусумабана* (Kusumabāṇa) «обладающий цветочной стрелой» — одно из имен бога любви Камадевы (см. примеч. 97 к I книге).

[45] *Манобхава* (Manobhava) «рождающийся в душе» — одно из имен Камадевы.

[46] *Винаявати* (Vinayavatī) «скромная».

[47] *Варакирти* (Varakīrti) «обладающий доброй славой».

[48] Т. е. сочетание созвездий, во время которого, согласно ритуалу, надлежало совершать бракосочетание. Здесь описывается начало свадебной церемонии, когда жених в окружении родных и друзей приходит к дому невесты, которую выводят в это время к алтарю, сооруженному перед домом.

[49] *Главная улица...* букв. «царская дорога» (rājamārga) — главная улица индийского города.

[50] В 99-ом стихе и дальше обращение к жажде (tṛṣṇā), персонифицированной здесь как богиня жажды.

[51] *Карлик* — одно из воплощений Вишну (см. примеч. 71 к I книге). Приняв вид карлика, Вишну попросил у царя дайтьев (см. примеч. 90 к I книге) Бали, владевшего тремя мирами (небом, землей и преисподней), столько земли, сколько он обойдет тремя шагами. Когда тот согласился, Вишну одним шагом перешагнул всю землю, а другим — небо и завладел таким образом двумя мирами, оставив Бали преисподнюю.

[52] *Пригоршню...* собственно, «сетика» (setikā) — определенная мера емкости.

[53] *Лакшми* — см. примеч. 125 к I книге.

[54] *Шри* — см. примеч. 125 к I книге.

[55] *В Гималаях...* собственно, «в Нагендре» (Nagendra «царь гор» — название Гималаев).

[56] *Меру* — см. примеч. 115 к I книге.

[57] *Семь островов* (Saptadvīpa). Согласно древним верованиям индусов, на земле имеется семь материков. Все они, разумеется, не имеют никакого отношения к реально существующим материкам.

[58] Здесь повторяется 8-й стих II книги.

[59] *Вардхамана* — см. примеч. 49 к I книге.

[60] Здесь и в дальнейшем в рассказе выступают два персонажа, олицетворяющие важнейшие понятия индийской этики: *Картар* (Kartar) «деятель» — олицетворяет совокупность поступков, совершенных в настоящей жизни; *Карман* (Karman) «деяние» — все добрые и злые дела, совершенные в предыдущих существованиях и определяющие судьбу в последующих рождениях.

[61] *Ракшаса* (rākṣasa) — злой дух. В послеведическую эпоху часто фигурирует в сказаниях как чудовище, преследующее по ночам людей и поедающее их.

[62] *Дарбха* — см. примеч. 183 к I книге.

63 *Ракушка* (varāṭikā) — с древнейших времен употреблялась в Индии в качестве самой мелкой монеты.

64 *Пралямбавришана* (Pralambavṛṣaṇā) «с висящими ядрами».

65 *Пралобхика* (Pralobhika) «жадный».

66 *Чатака* (cātaka), Cuculus melanoleucus — пестрая индийская кукушка. Согласно легендам, она утоляет жажду лишь каплями дождя, выпадающего, когда луна находится в созвездии Свати (см. примеч. 14 ко II книге). Образ чатаки очень часто встречается в индийской поэзии.

67 *Дханагупта* (Dhanagupta) «прячущий богатство»; *Бхуктадхана* (Bhuktadhana) «насладившийся богатством» (см. примеч. 169 к I книге).

68 *Веды* (veda) — древнейшие памятники индийской религиозной литературы. Ведическая литература состоит из гимнов, собранных в четырех сборниках: Ригведа (Ṛgveda), Самаведа (Sāmaveda), Яджураведа (Yajurveda) и Атхарваведа (Atharvaveda), и обширных комментариев к ним — Бра̀хман (Brāhmaṇa) и Упанишад (Upaniṣad).

69 *Видхатар* (Vidhātar) «творец» — одно из имен Брахмы.

70 *Прежние дела...* (karma) — см. примеч. 60 ко II книге.

71 *Читранга* (Citrāṅga) «пестрая».

72 *Сурендра* (Surendra) «владыка богов» — одно из имен Индры.

73 *Куша* (kuça), Poa cynosuroides — трава, почитаемая священной и употребляемая при религиозных церемониях.

74 181-й стих повторяет с некоторыми изменениями 75-й стих I книги.

75 *За счастьем горе следует...* В 194-ом стихе не поддающаяся передаче звукопись (saṁpadaḥ padam āpadām).

76 *Из двух слогов...* «Дружба» на санскрите — mitraṁ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1 *Притхвипратиштхана* (Pṛthvīpratiṣṭhāna) «основание земли».

2 *Мегхаварна* (Meghavarṇa) «цвета тучи».

3 *Аримардана* (Arimardana) «сокрушающий врагов».

4 *Удджживин* (Ujjīvin) «снова живущий». *Санджживин* (Sañjīvin) «вместе живущий». *Ануджживин* (Anujīvin) «живущий за счет другого», «подчиненный». *Праджживин* (Prajīvin) «поддерживающий жизнь». *Чираджживин* (Cirajīvin) «долго живущий».

5 Повторение с некоторыми изменениями 314-го стиха I книги.

6 Повторение 185-го стиха I книги.

7 *К насилию...* букв. «К четвертому способу» (см. примеч. 56 к I книге).

8 *Кто станет омывать больных...* букв. «при дизентерии» (āmajvara).

9 *Бхима* (Bhīma) — один из пандавов. Здесь имеется в виду эпизод из IV книги «Махабхараты», в котором Бхима, переодетый танцовщицей, проник в лагерь Кичаки (Kīcaka, полководец царя Вираты), домогавшегося супруги пандавов Драупади, и убил его (см. примеч. 22 к I книге).

10 *Чайтра* (caitra) — весенний месяц индийского календаря, приблизительно соответствует марту—апрелю. *Карттика* (kārttika) — осенний месяц (октябрь—ноябрь).

11 *Юдхиштхира* — см. примеч. 7 ко II книге.

12 *Стхираджживин* (Sthirajīvin) «стойко живущий».

[13] *Нарада*... — см. примеч. 53 к I книге.

[14] *Кокила* (kokila), Cuculus indicus — индийская кукушка. *Куропатки* — титтира (tittira), Francolinus pternistes — разновидность куропаток, так называемые франколины. *Голубые сойки* — чаша (cāṣa), Coracias indica. *Стервятники* (bhāsa) — хищная птица. *Карайика* (karāyikā) — небольшая птица из породы журавлей. *Шьяма* (çyāma) Turdus makrourus — маленькая черная птичка.

[15] Принято чтение И. Хертеля.

[16] *Чакранкита* (cakrāṅkitā) — неизвестное растение. *Сахадеви* (sahadevī), Sida cordifolia или rombifolia — растение с пахучими семенами; название это обозначает и некоторые другие растения.

[17] *Семь островов*... — см. примеч. 57 ко II книге.

[18] *Рочана*... — см. примеч. 34 к I книге. Здесь в описании торжественной церемонии помазания на царство перечисляются различные обряды и необходимые для этого принадлежности.

[19] Священный алтарь (vedikā), между «спицами» которого находился трон, имел у индусов следующую форму: ⊛

[20] Т. е. аскеты, одетые в белую одежду (çvetabhikṣu), — одна из сект нищенствующих монахов.

[21] *Чакора* — см. примеч. 212 к I книге. *Чакравака* (cakravāka), Anas casarca — птица из породы уток с красновато-коричневым опереньем. *Харита* (hārīta), Columba hariola — разновидность голубя с зеленым опереньем. *Журавли* — сараса (sārasa), Ardea sibirica или antigone — индийский журавль.

[22] *Юга* (yuga) — название мирового периода в индийской мифологии. Таких периодов четыре: Золотой век (satyayuga или kṛtayuga), Серебряный век (tretayuga), Медный век (dvāparayuga) и Железный век (kaliyuga). Четыре юги составляют одну махаюгу (mahāyuga) «великую югу», а 1000 махаюг — одну кальпу (kalpa). Длительность кальпы равняется одним суткам Брахмы, или 4 320 000 000 земных лет. В конце каждой кальпы семь солнц сжигают все миры, которые затем возрождаются в новой кальпе, и так до бесконечности. Здесь, по-видимому, yuga употреблено в более широком смысле.

[23] *Чатурданта* (Caturdanta) «с четырьмя клыками».

[24] *Морские орлы* — курара (kurara), Aquila ossifraga. *Утки* — карандава (kāraṇḍava) — разновидность утки. *Балака* (balāka) — птица из породы журавлей.

[25] *Виджайя* (Vijaya) «победитель».

[26] *Кармасакшин* (Karmasākṣin) «свидетель (всех) дел» — эпитет, прилагавшийся к Сурье (богу солнца), Соме (богу луны), Яме (богу смерти) и некоторым другим божествам.

[27] *Шилимукха* (Çilīmukha) «с головой твердой, как камень».

[28] *Карникара* (karṇikāra), Pterospermum acerifolium — тропическое дерево с крылатыми семенами и остроконечными листьями.

[29] *Айравата* (Airāvata) — слон Индры, появившийся, по преданию, от пахтанья океана.

[30] *Бхуджагендра* (bhujagendra) «повелитель змей» — одно из имен царя змей Васуки (см. примеч. 193 к I книге).

[31] Здесь повторяется первая часть 170-го стиха II книги.

[32] *Шашанка* (Çaçāṅka) «имеющая знак зайца» — одно из названий луны. Согласно индийским верованиям, пятна на луне изображают зайца. По одной из легенд Индра поместил на луне зайца, который сжег себя на костре, чтобы угостить жарким пришедшего к нему гостя и исполнить таким образом закон гостеприимства (срав. 8-й рассказ III книги).

[33] *Созвездие Саптарши* (saptarṣi «семь мудрецов») — созвездие Большой Медведицы, семь звезд которой индусы называли именами семи легендарных мудрецов.

[34] *Всех шестнадцати частей...* По представлениям индусов, луна состоит из шестнадцати частей (kalā), каждая из которых посвящена особому божеству.

[35] *Пураны* (purāṇa) «сказания о древности» — название ряда эпических поэм, созданных в IV—XIV вв. н. э. и близких по характеру к «Махабхарате». Пураны представляют собой основные священные книги индуизма. В отличие от Вед, чтение их разрешено и «низшим» кастам.

[36] *Шигхрага* (Çīghraga) «быстроходный».

[37] *Ману* (Manu) — легендарный мудрец, сын солнца, прародитель человеческого рода. Ему приписывается известный сборник древнейших законов (Mānavadharmaçāstra).

[38] *Предание...* смрити (smṛti) «передаваемое по памяти». Так, в отличие от шрути (çruti «услышанное»), т. е. Вед, которые будто бы существовали изначально и были лишь «услышаны» поэтами, называлась вся религиозная, законодательная и научная литература, не входящая в ведическую.

[39] *Имуществом...* букв. «полем и т. д.».

[40] *Дадхикарна* (Dadhikaṛṇa) «с ушами белыми, как творог».

[41] *Сетями Индры...* (indrajāla) — метафорическое обозначение всего обманчивого и нереального.

[42] Рассуждение Дадхикарны построено на игре слов: ajās («козы») означает также на санскрите «неродившиеся» («не дающие всходов»).

[43] *Крикалика* (kṛkālikā) — какая птица имеется здесь в виду, неизвестно.

[44] Повторение 440-го стиха I книги.

[45] *Митрашарман* (Mitraçarman) «хранимый Митрой». Митра (Mitra) — один из двенадцати адитьев (солнечных божеств), особенно почитавшийся в ведическую эпоху как повелитель дня (в отличие от Варуны — повелителя ночи). Впоследствии значение Митры среди других богов падает.

[46] *Магха* (māgha) — месяц, соответствующий январю—февралю.

[47] *Парджанья* (Parjanya) «дождевое облако» — одно из имен Индры, почитавшегося богом грозы и грома.

[48] *Пятью продуктами коров...* (pañcagavya) — употребляющаяся для очищения смесь молока, сыворотки, масла, помета и мочи коровы, почитающейся у индусов священным животным.

[49] *Чандраяна* (cāndrāyaṇa) «лунный пост». Во время чандраяны постящийся постепенно уменьшает, начиная с полнолуния, количество принимаемой пищи, постится в новолуние, а затем увеличивает порции пищи вплоть до следующего полнолуния.

[50] *Атидарпа* (Atidarpa) «чрезмерно гордый».

[51] *Ришьямука* (Ṛṣyamūka) — гора, находящаяся в Декане на юге Индии.

52 *Рактакша* (Raktākṣa) «с красными глазами». *Кракша* (Krūrakṣa) «с жестокими глазами». *Диптакша* (Dīptākṣa) «с пылающими глазами». *Вакранаса* (Vakranāsa) «с кривым носом». *Пракаракарна* (Prākārakarṇa) «с ушами, словно стена».

53 *Читраратха* (Citraratha) «обладающий разукрашенной колесницей».

54 В отличие от остальных рассказов сборника, 8-й рассказ III книги весь изложен шлоками.

55 *Каматура* (Kāmātura) «больной от любви».

56 *Колодец чандалы...* Так как прикосновение чандалы оскверняет (см. примеч. 63 к I книге), то возле колодцев, которыми он пользуется, кладутся для отметки кости «нечистых» животных (осла, верблюда).

57 *Брахмаракшаса* (brahmarākṣasa, также brahmagraha) — одно из ночных чудовищ, в которое будто бы воплощается душа брахмана, похищавшего в своей жизни жен и имущество брахманов.

58 *Сатьявачана* (Satyavacana) «говорящий правдивую речь».

59 *Кракарман* (Krūrakarman) «исполнитель жестоких дел».

60 *Я принимаю пищу раз в три дня вечером...* букв. «в каждое шестое время еды» (ṣaṣṭānnakālika). Имеется в виду обычай принимать пищу два раза в день — утром и вечером.

61 *Шиби* (Çibi) — легендарный царь, прославленный в эпосе за свою щедрость и бескорыстие. По преданию, пожертвовал собой, чтобы спасти голубя.

62 *Девашакти* (Devaçakti) «обладающий божественной силой».

63 *Шастры* (çāstra) — древние священные книги, излагавшие различные обязанности индусов. В более позднюю эпоху шастрами называются книги по самым различным дисциплинам (грамматике, астрономии, медицине, музыке, военным наукам, философии и т. д.), основанные на Ведах.

64 Согласно легенде, Брахма появился на свет из золотого яйца, разломав его скорлупу на две половины, которые образовали небо и землю. Отсюда название вселенной — «яйцо Брахмы» (brahmāṇḍa).

65 Повторение с некоторыми изменениями 133-го стиха I книги.

66 *Девадатта* — см. примеч. 73 к I книге.

67 *Чандика* — см. примеч. 45 к I книге.

68 *Шайвала* (çaivāla), Vallisneria octandra — водяное растение.

69 *Гандхарвы...* см. примеч. 106 к I книге. *Агни с Сомою...* — см. примеч. 75 к I книге.

70 Согласно древним индийским законам, девушку следует выдавать замуж, начиная с седьмого года и не позже двенадцатого, не дожидаясь наступления половой зрелости. В противном случае появление признаков зрелости у невыданной замуж ложится грехом на ее предков и потомков, а отец незамужней совершает, согласно воззрениям индусов, грех убиения плода при каждой ее менструации. Девушке, не просватанной в течение трех лет после наступления половой зрелости, закон предоставляет право самой выбрать себе мужа (так наз. svayaṃvara).

71 Повторение 288-го стиха I книги.

72 *Савитар* (Savitar) «производитель» — эпитет солнца. Почитался в послеведическую эпоху, как воплощение божественной и животворной силы солнца.

73 *Кхаранакхара* (Kharanakhara) «с острыми когтями».

[74] *Дадхимукха* (Dadhimukha) «с мордой белой, как творог».

[75] *Кумбхипака* (Kumbhīpāka) «раскаленный горшок» — название ада, в котором грешников обжигают наподобие глиняных горшков.

[76] *Киритин* (Kirīṭin) «украшенный диадемой» — прозвище героя «Махабхараты» Арджуны (Arjuna), одного из пандавов, которому пришлось служить под видом танцовщицы у царя Вираты (см. примеч. 22 к I книге). Здесь и в дальнейшем упоминаются невзгоды, перенесенные пандавами в изгнании.

[77] *Бхима* (см. примеч. 9 к III книге) служил у Вираты в качестве повара.

[78] *Матсьи* — см. примеч. 22 к I книге.

[79] *Гандива* (gāṇḍīva) — название волшебного лука Арджуны, полученного им от бога Агни.

[80] *Савьясачин* (Savyasācin) «ловкий на левую руку» — прозвище Арджуны.

[81] *Дхарматмаджа* (Dharmātmaja) «сын Дхармы» — прозвище пандава Юдхиштхиры, отцом которого, согласно некоторым легендам, был не Панду, а бог правосудия и смерти Дхарма (одно из имен Ямы). Находясь в изгнании, Юдхиштхира вел образ жизни нищенствующего брахмана. О трех палках см. примеч. 118 к I книге.

[82] *Мадри* (Mādrī) — вторая супруга царя Панду, мать двух младших пандавов — Сахадевы (Sahadeva) и Накулы (Nakula). Находясь на службе у Вираты, Сахадева смотрел за коровами, а Накула — за лошадьми. Некоторые рукописи вместо Мадри дают Кунти (Kuntī) — имя первой супруги Панду и матери трех старших пандавов (Юдхиштхиры, Бхимы и Арджуны), которая в отдельных местах «Махабхараты» называется матерью всех пяти пандавов.

[83] *Драупади* (Draupadī) «дочь Друпады», легендарного царя Панчалы (совр. Рохилкханд) — общая супруга пандавов, разделявшая с ними изгнание и жившая служанкой во дворце Вираты.

[84] *Обету «лезвие меча. . .»* (asidhārāvrataṁ). Под этим названием известно два обета: 1) стоять на лезвии меча; 2) жить с молодой женой, не вступая с ней в близость и кладя между нею и собой на ложе меч.

[85] *Мандавиша* (Mandaviṣa) «со слабым ядом».

[86] *Джалапада* (Jalapāda) «с ногами в воде». В других версиях «Панчатантры» — Jālapada «с перепончатыми лапками».

[87] *Яджнядатта* (Yajñadatta) — см. примеч. 130 к I книге.

[88] *Деви* (Devī) «богиня» — одно из имен богини Дурги (см. примеч. 45 к I книге).

[89] Символы царской власти.

[90] *Рама* — см. примеч. 6 ко II книге.

[91] *Вришни* (Vṛṣṇi) — название легендарного рода, происходившего от Вришни; к этому роду принадлежал и Кришна (см. примеч. 71 к I книге). По преданию, члены рода Вришни погибли от междоусобиц.

[92] *Бали* (Bali) — царь дайтьев, у которого Вишну хитростью захватил власть (см. примеч. 51 ко II книге).

[93] *Нала* (Nala) — легендарный герой индийского эпоса, проигравший в кости свое царство и удалившийся в изгнание. Поэма о Нале, широко известная у нас по переложению В. А. Жуковского («Наль и Дамаянти»), включена в III книгу «Махабхараты».

[94] *Ланка* (Laṅka) — древнее название Цейлона. Мифический царь Ланки — демон Равана (Rāvaṇa) был убит Рамой (см. примеч. 5—6 ко II книге).

95 *Арджуна* — см. примеч. 76 к III книге.

96 *Дашаратха* (Daçaratha) — отец Рамы, один из легендарных царей Айодхьи (см. примеч. 186 к I книге), династия которых вела свой род от Ману (см. примеч. 37 к III книге), почитавшегося сыном солнца, и называлась поэтому «солнечной».

97 *Сагара* (Sagara) — также царь Айодхьи. По преданию, 60 000 сыновей Сагары в поисках жертвенного коня, похищенного Индрой у их отца, вырыли огромную яму, чтобы добраться до преисподней. Впоследствии воды Ганга заполнили эту яму и образовали океан, названный по имени царя Сагара (Sāgara).

98 *Вайнья* (Vaiṇya) «сын Вены» — имя мифического царя Притху (Pṛthu). Согласно легенде, его отец Вена (Veṇa) запретил почитание богов и был за это умерщвлен брахманами. После этого, чтобы не остаться без царя, брахманы создали из его правой руки сына Притху, объединившего под своей властью всю землю. Отсюда одно из названий земли — Притхви (Pṛthvī «принадлежащая Притху»).

99 *Кала* — см. примеч. 3 ко II книге.

100 *Мандхатар* (Māndhātar) — царь из солнечной династии, правивший в Айодхье. По преданию, родился из бока своего отца.

101 *Нагхуша* (Naghuṣa, также Nahuṣa) — знаменитый царь, прославленный своей мудростью и силой. По преданию, наставник богов Брихаспати посадил его на незанятый престол царя богов Индры, когда тот, убив брахмана, должен был оставить небо. Однако Нагхуша возгордился и оскорбил великих отшельников (риши), заставив их везти свою колесницу. Тогда один из них обратил его проклятием в змею и изгнал на землю, где тот терпел многочисленные бедствия.

102 *Сатьяврата* (Satyavrata) «верный правде» — царевич из солнечной династии правителей Айодхьи. По преданию, могущественный отшельник Вишвамитра (Viçvāmitra) поднял его на небо против воли богов.

103 *Кешава* (Keçava) «прекрасноволосый» — одно из имен Кришны (см. примеч. 71 к I книге).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1 *Дельфин* — так условно переводится в IV книге слово «макара» (makara — см. примеч. 163 к I книге), обозначающее также некоторых морских животных, крокодила, акулу. В других версиях «Панчатантры» вместо makara употребляется название çiçumāra — разновидность дельфинов, водящаяся в Ганге.

2 *Джамбу* (jambū), Eugenia jambolana — род розовой яблони.

3 *Рактамукха* (Raktamukha) «с красным лицом».

4 *Викараламукха* (Vikarālamukha) «с безобразным лицом».

5 *Жертвы всем богам...* (vaiçvadeva) — обязательная ежедневная церемония подношения части своей пищи богам, душам усопших и демонам, а также приходящим гостям.

6 *Шраддха* (çrāddha) — поминальное жертвоприношение душам усопших предков, при котором угощают лепешками или вареным рисом.

7 Повторение с некоторыми изменениями 248-го стиха I книги.

8 Повторение 39-го стиха II книги.

9 Повторение 27-го стиха II книги.

10 *Приядаршана* (Priyadarçana) «приятный на вид».

[11] *Гангадатта* (Gaṅgadatta) «данный Гангом».

[12] Повторение 339-го стиха I книги.

[13] *Пламя адское...* Вадава (vāḍava) — адский огонь, находящийся, согласно верованиям индусов, под морем на Южном полюсе.

[14] *Сунадатта* (Sunadatta). Другое чтение: Yamunadatta «данный Ямуной».

[15] *Ламбакарна* (Lambakarṇa) «вислоухий».

[16] *Каралакесара* (Karālakesara) «со страшной гривой».

[17] *Дхусарака* (Dhūsaraka) «цвета пыли», «серый».

[18] *Манматха* (Manmatha) «смущающий душу» — одно из имен бога любви.

[19] *Стяга с макарой...* (makaradhvaja). На знамени бога любви Камадевы изображено морское чудовище макара, во чреве которого он, согласно легенде, жил некоторое время.

[20] *Кто голый, кто обритый...* Здесь перечисляются признаки, характерные для отдельных монашеских сект. *С черепом в руках...* (kāpālika) — член шиваистской секты, носящий с собой соединенные в виде гирлянды человеческие черепа, из которых он ест и пьет. *В красное одет...* (raktapaṭa) — член одной из сект нищенствующих монахов.

[21] *Раджапутра* (rājaputra) — наемник из кшатриев.

[22] Гончары принадлежали в Индии к самым «низшим» кастам.

[23] *Аста* — см. примеч. 146 к I книге.

[24] *Кусумешу* (Kusumeṣu) «обладающий цветочной стрелой» — одно из имен бога любви Камадевы.

[25] *Не в срок...* букв. aparvaṇi означает «не в день лунной фазы», т. е. в дни, кроме новолуния, полнолуния, а также восьмого и четырнадцатого дня каждой половины лунного месяца индийского календаря. В эти дни законы запрещали бритье.

[26] *Нанда* (Nanda) «радость».

[27] *Вараручи* (Vararuci) «склонный к исполнению желаний».

[28] *Сарика* (sārika), Turdus salica — птица из семейства скворцов.

[29] *Шуддхапата* (Çuddhapaṭa) «имеющий чистые одежды», «чистильщик одежды».

[30] Здесь приводится последняя часть 185 и 186-го стихов II книги.

[31] *Какому из способов...* — см. примеч. 56 к I книге.

[32] Повторение 329-го стиха I книги с перестановкой строк.

[33] *Дружба — на семи шагах...* — см. примеч. 23 ко II книге.

[34] *Махачатурака* (mahācaturaka) «очень ловкий».

[35] *Читранга* — см. примеч. 71 ко II книге.

КНИГА ПЯТАЯ

[1] *Паталипутра* (Pāṭalīputra) — совр. Патна в Бихаре.

[2] *Манибхадра* (Māṇibhadra) «прекрасная драгоценность».

[3] См. примеч. 133 к I книге.

[4] *Клад лотоса* (padmanidhi) — один из девяти кладов (navanidhi) бога богатства Куберы. Согласно легендам, человек, владеющий кладом лотоса, может получать в любом количестве золото, серебро, медь и т. д.

[5] *Нищенствующего джайны...* (kṣapaṇaka) — см. примеч. 188 к I книге.

[6] *Трижды обошел слева направо...* — почтительное приветствие (pradakṣiṇa), при котором обходят слева направо, так чтобы правый бок был все время обращен к почитаемому лицу или предмету.

[7] *Джина* (Jina) «победитель» — наименование, присваиваемое джайнами 24-м легендарным учителям (tīrthaṅkara), основавшим будто бы их религию. Историческим лицом является лишь последний «джина» — современник Будды — Вардхамана, живший около VI в. до н. э. Употребляемое в единственном числе имя Jina — обозначает божественное воплощение всех легендарных законоучителей, почитаемое джайнами как верховное божество.

[8] *И получив совет...* Место не совсем ясное. Принято предположительное толкование И. Хертеля.

[9] *Половина стражи...* Стража (prahara) составляла $^1/_8$ суток. Таким образом, половина стражи равна полутора часам.

[10] *Чье одеянье — небосвод...* о digambara — см. примеч. 188 к I книге.

[11] *Кираты* (kirāṭa) — название дикого лесного племени, жившего в восточной Индии. В эпосе кираты изображаются обычно хитрыми и злобными.

[12] Ср. с 3-м стихом I книги.

[13] *Аванти* (Avanti) — страна, расположенная на территории совр. Малвы (Раджастхан). Ее столица — Аванти (совр. Удджайн) на берегу реки Сипры (Siprā), один из семи священных городов Индии.

[14] *Махакала* (Mahākāla) «великий темный» — одно из имен Шивы, почитаемого как бог-разрушитель. В совр. Удджайне находится знаменитое святилище Шивы.

[15] *Бхайравананда* (Bhairavānanda) «радующийся грозному (Шиве)».

[16] *Мадхубхид* (Madhubhid) «убийца Мадху» (см. примеч. 116 к I книге) — одно из имен Вишну. Согласно легенде, супруга Вишну — богиня счастья Лакшми появилась на свет при пахтаньи океана богами и асурами.

[17] *Шакини* (çākinī) — разновидность демонов женского пола, прислуживающих богине Дурге.

[18] Здесь перечисляются наиболее известные виды колдовства, встречающиеся в древнеиндийской повествовательной литературе.

[19] *Пламя адское...* — см. примеч. 13 к IV книге.

[20] *Винаватса* (Vīṇāvatsa) «любитель лютни» — прозвище Удаяны (VI в. до н. э.), царя Каушамби (Kauçāmbī — недалеко от совр. Аллахабада). По преданию, Удаяна славился своим уменьем играть на индийской лютне (vīṇā).

[21] *Дханада* — см. примеч. 214 к I книге.

[22] Совместная игра в детстве, по представлению индусов, на всю жизнь связывает людей узами дружбы.

[23] *Шатабуддхи* (Çatabuddhi) «со стократным разумом». *Сахасрабуддхи* (Sahasrabuddhi) «с тысячекратным разумом». *Экабуддхи* (Ekabuddhi) «с одним разумом»; см. примеч. 169 к I книге.

[24] *Уддхата* (Uddhata) «тщеславный».

[25] О раге (rāga) см. ниже примеч. 28.

[26] Так как вор может заснуть на украденной им шкуре и быть пойманным.

[27] См. примеч. 6 к I книге.

[28] Музыкальные термины в стихах 40—41 оставлены без перевода. В санскритской

литературе, в частности в работах по теории музыки (saṅgītaçāstra), говорится о диапазоне в три октавы (grāma — грама), каждая из которых содержит 22 доли (çruti — шрути) и состоит из семи основных ступеней (svara — свара), интервал между которыми равен двум или более çruti. Эти семь ступеней (sa, ri, ga, ma, pa, dha, ni) соответствуют примерно нашему звукоряду *до — си*. Число svara во всех трех октавах равно 21, и от каждой из них может быть образован звукоряд, представляющий собой семиступенную диатоническую гамму (mūrchana — мурчхана). Звукоряды могут быть пентатоническими и гексатоническими (tāna — тана), в которых опускаются две или одна ступень (sa, ri, pa, ni). Гексатонических tāna насчитывается 49. Далее различаются три основные длительности (малая, большая и увеличенная), состоящие соответственно из одной, двух и трех единиц (mātra — матра); три темпа (laya — лайя): быстрый, средний и медленный и три характера движения (yati — яти): 1-й — когда темп не изменяется в течение всего исполнения; 2-й — ускорение (переход от медленного темпа через средний к быстрому, или от медленного к среднему, или от среднего к быстрому) и 3-й — замедление (переход от быстрого темпа через средний к медленному, или от быстрого к среднему, или от среднего к медленному). Бхаши, варны (bhasa, varṇa) — различные последовательности звуков; они образуют типичные мелодические построения (rāga — рага), служащие основой для музыкальной импровизации. Согласно традиции, каждое такое построение связано с определенным временем года, временем суток, настроением и т. д. Общее число всех rāga различно у разных авторов. Шарнгадева (XIII в.) насчитывает их 264. Подробнее об индийской музыке см. в кн.: H. A. Popley. The Music of India. Calcutta, 1950; см. также: БСЭ, 2-е изд., т. 18, стр. 92 *.

29 Под шестью органами речи (āsya) подразумеваются: горло, мозг, нёбо, зубы, губы и нос.

30 *Девять настроений...* Индийская поэтика различает 8 (иногда 9 или 10) настроений (rasa), которые должны вызывать художественное произведение. Сюда входят: любовь (çṛṅgara), смех (hāsya), сострадание (karuṇā), гнев (raudra), мужество (vīra), страх (bhayānaka), отвращение (vibhatsa), изумление (adbhuta) и спокойствие (çānta). Иногда к ним добавляют 10-е настроение — нежность (vātsalya).

31 *Равана* — см. примеч. 5 ко II книге.

32 *Иша* (Īça) «повелитель» — одно из имен Шивы.

33 *Мантхара* (Manthara) «простоватый».

34 *Шиншапа* (çiṁçapā), Dalbergia sisu — дерево, отличающееся большой высотой и густой кроной. Древесина его — красного цвета и чрезвычайно крепка.

35 *Один дух...* Вьянтара (vyantara) — сверхъестественное существо. По свидетельству И. Хертеля, vyantara — джайнский термин.

36 *Бхаргава* (Bhārgava) «сын Бхригу». Здесь — одно из имен Шукры (см. примеч. 78 к I книге).

37 *Сомашарман* (Somaçarman) «хранимый Сомой».

38 *Свабхавакрипана* (Svabhāvakṛpaṇa) «скупой по природе».

---

* Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить музыковеда И. З. Алендера за любезную помощь в составлении настоящего примечания.

[39] *Дом с четырьмя покоями...* (catuḥçālaṁ gṛha) — дом, состоящий из четырех помещений, расположенных четырехугольником вокруг внутреннего дворика.

[40] *Чандра* (Candra) «луна».

[41] *Шалихотра* (Çālihotra) — имя древнего святого, считавшегося авторитетом в коневодстве, и название приписываемой ему книги по ветеринарии.

[42] Повторение 43-го стиха II книги.

[43] *Этот старый вожак...* Здесь и дальше «вожак» поставлено в переводе вместо «обезьяна» для сохранения мужского рода.

[44] *Викала* (Vikāla) «вечер», «сумерки».

[45] *Бхадрасена* (Bhadrasena) «обладающий прекрасным войском».

[46] *Ратчавати* (Ratnavatī) «украшенная драгоценностями».

[47] Ракшаса принимает vikāla («вечер») за собственное имя и понимает, таким образом, слова царевны «в часы вечера» (vikālasamaye), как «в часы Викалы».

[48] *Мадхупурам* (Madhupuram) «превосходный город».

[49] *Мадхусена* (Madhusena) «обладающий превосходным войском».

[50] *Чандакарман* (Caṇḍakarman) «совершающий жестокие дела».

[51] *Не касаюсь земли, не омыв ног...* (anuddhānapāda). Место не совсем ясное. Принято толкование И. Хертеля. Конъектура Т. Бенфея: anuddhata — «не поднимающий ног», «стоящий» представляется менее удачной.

[52] *Мантхарака* — см. примеч. 26 ко II книге.

[53] При подобных объявлениях прикосновение к барабану являлось знаком согласия.

[54] *Панчакхьянака* (Pañcākhyānaka) «пять (книг) рассказов».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агни 230, **346***, 358, 359
Абдаллах Ибн аль-Мукаффа 321, 322
Айравата 206, **356**
Акхандала 83, **349**
Амарашакти 11, **340**
Амбика 41, **344**
Анагатавидхатар 100, 101, **350**
Ананташакти 11, **340**
Антака 98, 236, **344**, **350**
Ануджививн 194, 197, **355**
Арджуна 236, 244, **342**, **359**, **360**
Аримардана 193, 216, 217, 219, 223—226, 232, 242, **355**
Атидарпа 215, **357**
Ашадхабхути 42—44, **344**, **345**

Балабхадра 116, 117, 120, **350**
Бали 226
Бали (царь дайтьев) 244, **354**, **359**
Барзуи 321
Бенфей Т. 7, 322, **364**
Бётлингк О. 7, **342**
Богиня жажды 167, **354**
Брахма 61, 70, 81, 122, 227, **340**, **342**, **344—347**, **350—352**, **355**, **356**, **358**
Брихаспати 23, 48, 170, 195, 254, **342**, **360**
Брихатспхиг 153, 154, 157, 163, **353**
Буд 321
Будда 64, **345**, **347**, **362**
Бутакарна 152—154, 157—159, **353**
Бхадрасена 298, **364**
Бхайрананда 284, **362**
Бхаргава 60, 292, **346**, **363**
Бхима 196, 236, **342**, **355**, **359**
Бхуджагендра 206, **356**
Бхуктадхана 177, **355**

Ваджраданштра 109, **350**
Ваджрин 135, **352**
Вайнатейя 65, 69, 107, 108, 202, 203, **347**
Вайнья 244, **360**
Вакранаса 217, 224, **358**
Варакирти 165, 166, **354**
Вараручи 264, 265, **361**
Вардхамана 17, 18, 40, **341**
Васудева 69, **348**
Васуки 118, **351**, **356**
Васушакти 11, **340**
Вахчараджа 320
Веселовский А. Н. 323
Виджайя 205, 207, **356**
Видура 41, **344**
Видхатар 177, **355**
Викала 298, 299, **364**
Викараламукка 249, **360**
Виката 91, 92, 94, 95, 99, **349**, **350**
Викрамасена 67, 68, 70, **347**

* Полужирным шрифтом выделены страницы примечаний.

Вимала 95, 96, **349**
Винаватса 286, **362**
Винарава 104, **350**
Винаявати 165, **354**
Виндхьяка 116
Вирата 23, 237, **342**, **355**, **359**
Вишвакарман 60, **346**
Вишну 61, 67, 69, 70, 107, 167, 313, **340**, **342**, **345—348**, **350**, **352**, **354**, **359**, **362**
Вишнугупта см. Каутилья
Вишнушарман 11, 12, 13, 141, 193, 249, 277, 307, 316, **340**
Владимирцов Б. Я. 321, 323
Вритра 149, **353**
Вришни 244, **359**
Вьяса 23, 84, **342**

Гангадатта 253—257, **361**
Гаруда (Гарутман) 61, 65—67, 69, 106 107, 313, **347**, **348**
Говинда 45, **345**
Горабха 37, 39, **344**
Гупта 315, 316
Гуптадхана 177

Дадхикарна 209, **357**
Дадхимукха 234, **359**
Даманака 20, 21, 23, 27, 30, 31, 33—36, 40—42, 51, 57, 61, 71—74, 76, 78—80, 83, 85, 86, 91, 95, 97, 108, 109, 111, 112, 116, 120, 121, 126, 130, 134, 135, **342**
Дантила 36—40, **344**
Дашаратха 244, **360**
Девагупта 95, **349**
Девадатта 45—47, 81, 228, **345**, **358**
Девараджа 70, **348**
Девашакти 226, **358**
Девашарман 42—48, 50, 51, 117, 281, **344**, **345**, **351**
Деви 240, **359**
Джаймини 148, **353**
Джалапада 238—240, **359**
Джалешвара 135, **352**
Джина 279, 318, **362**
Диптакша 217, 223, **358**
Дити 149, **346**, **353**
Драупади 237, **355**, **359**
Дундука 80, 82, **348**
Душтабуддхи 122—124, **351**,
Дханагупта 177, **355**
Дханада 135, 286, 296, **352**, **362**
Дханадева 127, **351**
Дхарма 48, 124, **346**, **359**
Дхармабуддхи 122, 124, **351**
Дхармараджа 110, 111, **350**
Дхарматмаджа 236, **359**
Дхусарака 257, **361**

Индра 119, 149, 176, 181, 209, 236, 244, **341**, **342**, **345—350**, **352**, **353**, **355—357**, **360**
Иша 290, **363**

Кайтабха 68, **347**
Кала 142, 244, **352**, **360**
Камандаки 157
Каматура 223, **358**
Камбугрива 99, **350**
Канса 68, **347**
Каралакесара 257, **361**
Каратака 80, 22, 23, 26, 27, 41, 42, 51, 52, 57, 61, 70, 95, 108, 109, 112, 114, 116, 125, 128—130, 133, 135, **342**
Карман 174, 177, **354**
Кармасакшин 205, 206, **356**
Карнисута 81, **349**
Картар 174, 177, **354**
Каутилья (Вишнугупта) 307, 308, 312
Кешава 244, **360**
Киритин 236, **359**
Кичака 196, **355**
Кравьямукха 109—111, **350**
Крачковский И. Ю. 321, 323
Кританта 67, 160, 202, 244, **347**, **353**
Круракарман 225, **358**
Круракша 217, 219, **358**
Кубера 236, **341**, **346**, **352**, **361**
Кусумабана 164, **354**
Кусумешу 263, **361**
Кхаранакхара 233, **358**

Лагхупатанака 142, 143, 147, 149, 150, 152, 168, 179—181, 183, 184, 186, 187, 189, **352**
Лакшмана 127, **351**
Лакшми 73, 169, 171, 197, 285, **348**, **354**, **362**
Ламбакарна 257—259, **361**
Линга 43, **345**

Мадана 65, 133, **347**, **352**
Мадаракта 87, **349**
Мадотката 91, 93, **349**
Мадри 237, **359**
Мадху 68, **347**, **362**
Мадхубхид 285, **362**
Мадхусена 299, **364**
Манасиджа 62, **347**
Мандависарпини 80—82, **348**
Мандавиша 238—240, **359**
Мандамати 57—60, **346**
Мандхатар 244, **360**
Манибхадра 277, 279, 280, **361**
Манматха 258, **361**
Манобхава 164, **354**
Мантхара 291, **363**
Мантхарака 151, 152, 168, 172, 179—181, 183, 184, 186, 189, 301, 302, **353**, **364**
Ману 208, 230, 244, 249, 308, 315, **357**, **360**
Махакала 284, **362**
Махачатурака 270, **361**
Махешвара 35, 152, **344**, **353**
Мегхаварна 193, 194, 199—201, 212—216, 229, 235, 237, 238, 241, 242, **355**
Мегхадута 104, **350**
Митрашарман 213, **357**
Муладева 81, **349**

Нагари 70, **348**
Нагхуша 244, **360**
Надука 126—128, **351**
Нала 244, **359**
Нанда 264, 265, **361**
Нандака 18, **341**
арада 38, 201, 209, **344**, **356**
Нараяна 64, 65, 67—70, 106, 107, 202, **347**

Ольденбург С. Ф. 323

Павана 135, **352**
Пандавы 23, 244, **342**, **355**, **359**
Панини **148**, **353**
Папабуддхи 123, 124, **351**
Парджанья 213, **357**
Пативрата 97, **349**
Пауластья **142**, **352**
Петерсон М. Н. 8
Петров П. Я. 323
Пингала 148, **353**
Пингалака 7, 19, 20, 27, 30, 31—35, 40, 41, 51, 52, 71, 72, 80, 82, 83, 85, 86, 88, 96, 112, 128, 134, **342**
Потебня А. А. 313
Праджапати 45, 117, **345**
Прадживин 194, 198, **355**
Пракаракарна 217, 225, **358**
Праламбавришана 175, 176, **355**
Пралобхика 175, **355**
Пратьютпаннамати 100, 101, **350**
Приядаршана 253, 255, 256, **360**
Пурандара 17, **341**
Пурнабхадра 57, 318, 319
Пушпака 118, 119, **351**

Равана 290, **352**, **359**, **363**
Рактакша 217, 226, 227, 229, 232—235, 237, **358**
Рактамукха 249, 250, **360**
Рама 142, 244, 286, **345**, **352**, **359**, **360**
Ратнавати 298, **364**
Ратнасундра 320

Савитар 231, **358**
Савьясачин 236, **359**
Сагара 244, **360**
Сагарадатта 91, 163, **349**, **354**
Сандживака 18, 19, 33—36, 40, 41, 51, 52, 71, 72, 79, 83, 85, 86, 88, 95—97, 108, 109, 111, 112, 128, 134, **341**

Сандживин 194, 195, **355**
Санката 99, **350**
Сарасвати 11, 12, **340**
Сатьявачана 225, **358**
Сатьяврата 244, **360**
Сахасрабуддхи 288, 289, **362**
Свабхавакрипана 293, **363**
Свати 147, **353**, **354**
Сваямбху 112, **350**
Симеон Сиф 322
Сома 230, **346**, **356**, **358**, **363**
Сомашарман 293, **363**
Сомилака 172—175, 177
Стхираджживин 200, 214—216, 229, 232, 234, 235, 238, 242, **355**
Сударшана 66, 68, 69, **347**
Сумати 12, **340**
Сунадатта 256, **361**
Супративарман 70, **348**
Суратха 166, **350**
Сурендра 181, **355**
Сучимукха 120, 121, **351**

Уграшакти 11, **340**
Уддхата 289, **362**
Удджживин 194, **355**
Уттанапада 97, 98, **349**
Ушанас 48, **346**

Фа Сян 315

Хара 19, **342**
Хари 70, 81, 87, **348**
Хертель И. 7, 316, 317, 322, 323, 325, **345**, **353**, **356**, **362—364**
Хиранья 144, 146—152, 167, 172, 178—180, 183, 184, 186, 187, 189, **352**
Хираньякашипу 60, 68, **346**, **347**
Хосрой Ануширван 321

Чандакарман 300, **364**
Чандарава 82, 83, **349**
Чандика 35, 228, **344**, **358**
Чандра 294, **364**
Чандрамати 164, **354**
Чандрагупта 307
Чатурака 109—111, **350**
Чатурданта 204, **356**
Чираджживин 194, 199, **355**
Читрагрива 142—147, **352**
Читранга 180, 181, 183, 184, 186, 187, 189, 272, **355**, **361**
Читраратха 218, **358**
«Что суждено» 164—166, **354**

Шакра 13, 60, 67, 149, 244, **341** **347**, **353**
Шамбху 81, **349**
Шалихотра 295, **364**
Шандили 154, 157
Шанкукарна 109, 110, **350**
Шатабуддхи 288, 289, **362**
Шатакрату 45, **345**
Шашанка 207, **357**
Шиби 225, **358**
Шива 42, 43, **340—342**, **344—346**, **348**, **349**, **362**, **363**
Шигхрага 208, **357**
Шилимукха 205, **356**
Шор Р. О. 6, 312, 318, 323
Шри 71, 169, 237, **348**, **354**
Шри Сома 318
Шуддхапата 265, **361**

Эджертон Ф. 309, 316, 317, 323
Экабуддхи 288, **362**

Юдхиштхира (пандав) 142, 198, 201, **342**, **352**, **355**, **359**
Юдхиштхира 259, 260

Ядбхавишья 100—102, **350**
Яджнявалкья 230
Яджнядатта 76, 239, **348**, **359**
Яма 48, 98, 119, 124, 156, 289, **343**, **344**, **346**, **347**, **350**, **352**, **356**, **359**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аванти 284, 362
Айодхья 116, **350**, **360**
Амаравати 107, 108, **350**
Анджана 75, **342**, **348**, 353
Аста 89, 261, **349**, **361**
Ахмедабад 320

Бенгалия 316
Бхилла 131, **351**
Бхригукаччха 77, **348**

Вардхамана 36, 174, 177, 344, 354
Византия 321, 322

Ганг 87, 209, 229, **342**, **348**, **350**, **360**, **361**
Гауды 61, **347**
Гималаи 17, 171, 285, **341**, **342**, **347**, **352**, **354**
Гуджарат 319, 320

Декан 316, **357**
Джахнави 81, 102, 230, 348

Инд 314, **343**, **350**
Индия 5, 6, 307, 310, 313—321, 341—**347**, **349**, **351**, **354**, **357**, **362**
Индокитай 321
Индонезия 315, 321
Индракила 17, **341**

Кайласа 17, **341**, 352
Калинди 35, 90, **344**
Кашмир 316, 317
Кираты 283, **362**
Китай 315
Кошалы 116, **350**
Куткутанагара 118, **351**

Ланка 244, **352**, **359**

Мадхупурам 299, **364**
Матсьи 236, 237, 342, **359**
Матхура 18, 19, **341**
Маханджана 155, **353**
Махиларопья (Мелиапур) 11, 17, **340**, **352**
Меру 67, 171, **347**, **354**

Паталипутра 277, **361**
Персия 321
Прамадаропья 141, 144, 152, 352
Притхвипратиштхана 193, **355**
Пулинда 155, 156, **353**
Пундхравардхана 61, 68, 69

Раджагриха 117, **351**
Ришьямука 215, 216, **357**
Рохана 130, 131, **351**
Русь 5, 322

Сананд 320
Сиам 321
Синдху (Инд.) 31, 102, **343**, **350**
Сипра 284, **362**

Ямуна 19, 40, **342**, **344**, **361**

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Анджана 21, 95, **342**
«Артхашастра» 324, **340**
Асури 52, **346**
Асуры 106, **345**, **346**, **350**
Ашокаварти 95, **349**

Балака 204, **356**
Баньяновое дерево, баньян 52, 105, 141, 193, 194, 215, 216, 235, **346**
Бетель 61, 65, 83, 224, **347**
Библия 323
Бимба 63, **347**
Бог-хранитель 59, 252, 299, **346**
Брахман 12, 19, 50, 76—78, 81, 117—119, 154, 155, 157, 164, 200, 213, 217—219, 224, 225, 238—240, 263, 264, 272, 281, 282, 286, 287, 293, 300, 310, 314, 316, **340**, **341**, **345**, 346, 348, **351**, **358**—**360**
Брахмаракшаса 225, **358**
Бхарунда 143, **352**
Бхаша 290, **363**

Вайкунтха 66, 69, **347**
Вайшья 65, **341**, **345**, **347**
Варна 290, **363**
Веды 177, 200, 202, 227, 230, 238, **342**, **350**, **355**, **357**, **358**
Весы (созвездие) 102
Восьмичленный поклон 42, **344**

Гайял 18, 57, 80, **342**
Гандива 236, 359
Гандхарвы 66, 67, 165, 230, **347**, **352**, **358**
Горочана 69, **348**
Грама 290, **363**
Гуджарати 318, 320
Гунджа 49, **346**

Дайтья 148, **346**, **353**, **354**
Дарбха 175, **354**
Дваждырожденный 43, 78, 81, 155, **345**
Девять настроений 290, **363**
«Декамерон» 309
Джайна 278—280, **350**, **361**, **362**
Джамбу 249, 250, 252, 268, **360**
Джатака 314, 315
Джины 279, **362**
Джхаша 97, **349**
Дигамбары 319, **350**
Дорога богов 12, 67, **341**, **347**
Дурва 29, 257, **343**
Дхава 18, **341**

Ихневмон 123, 124, 148, 280, 281, **351**

Йога 230, **345**, **349**
Йогин 94, 284, **349**
Йоджана 145, 167, 181, 267, **353**

«Калила и Димна» 5, 321, 322

Карайика 201, **356**
Карникара 206, **356**
Карттика 197, **355**
«Каутильяшастра» 307
Кетаки 120, **351**
Киншука 150, **353**
Клад лотоса 278, **361**
Кокила 201, 203, **356**
Кошамби 105, **350**
Кошачий глаз 75, **348**
Крикалика 211, 212, 216, **357**
Кумбхипака 235, **359**
Куша 186, **355**
Кхадира 18, 21, 183, 280, **341**
Кхадьяка 95, **349**
Кшатрий 65, 81, **341**, **345—347**, **361**

Ладдука 95, **349**
Лайя 290, **363**
Лунный камень 97, **349**

Магха 213, **357**
Макара 97, 258, **349**, **360**, **361**
Маратхи 320
Матра 290, **363**
«Махабхарата» 307, 314, 315, 324, **342**, **344**, **352**, **355**, **356**, **359**
Миманса 148, **353**
Миробалан 120, **351**
Мриданга 31, **343**
Мурчхана 290, **363**

Нимба 74, **348**

Обет «лезвие меча» 237, 238, **359**
Ом 11, 42, **340**, **345**

Павитрарохана 44, **345**
Пала 126, 157, **351**
Палаша 18, 112, **341**, **350**
Панава 31, **343**
«Панчакхьянака» 303, **364**
«Панчатантра» 5—8, 13, 303, 307—325, **340—342**, **352**, **359**, **360**, **364**
Пехлеви 5
Пураны 208, **342**, **357**
Пять продуктов коров 214, **357**

Рага 289, **362**, **363**
Раджапутра 260, **361**
Раковина 18, 31, 87, 290, **341**
Раковина Панчаджанья 69, **348**
Ракушка 175, **355**
Ракшаса 174, 214, 224, 225, 293, 296—300, **354**, **364**
«Ригведа» 314, **355**
Рочана 29, 202, **343**, **356**
Рупия 163, **354**

Сансара 42, 43, 209, **344**
Саптарши 207, **357**
Сарика 265, **361**
Сахадеви 202, **356**
Свара 290, **363**
Свати 147, **353**, **355**
Семь островов 172, 202, **354**, **356**
Сердце Брахмы 122, **351**
Сеть Индры 209, **357**
«Стефанит и Ихнилат» 5, 322

Тамала 103, **350**
Тана 290, **363**
Титтибха 97, 99—102, 105, 107, 108, 269, **349**
Три блага 79, 116, 237, **348**, **350**
Три мира 31, 168, **343**
Три приправы 81, **349**
Турья 18, **341**

Харита 203, **356**
«Хитопадеша» 5, 317
Хранители мира 47, **345**, **352**

Чайтра 197, **355**
Чакора 132, 203, **351**, **356**
Чакравака 203, 204, **356**
Чакранкита 202, **356**
Чандала 43, 213, 223, **344**, **358**
Чандраяна 214, **357**
Чатака 176, 201, **355**
Четыре вещества 95, **349**

Четыре круга 19
Четыре способа 41, 195, **344**
Четыре части войска 67, **347**

Шайвала 230, **358**
Шакини 285, **362**
Шала 18, **341**
Шалихотра 294, 295, **364**
Шами 123, 124, **351**
Шанкха 144, **352**
Шастры 227, **358**
Шветамбары 318, **350**
Шестнадцать частей луны 207, **357**
Шесть органов речи 290, **363**
Шесть способов 20, 52, **342**
Шиншапа 291, **363**
Шраддха 249, **360**
Шудра 43, 81, **341**, **344**
Шьяма 201, **356**

Юга 203, **356**

Яти 290, **363**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
От переводчика 7

«ПАНЧАТАНТРА»

Вступление 11
Книга первая. Разъединение друзей 17
Книга вторая. Приобретение друзей 141
Книга третья. О воронах и совах 193
Книга четвертая. Утрата приобретенного 249
Книга пятая. Безрассудные поступки 277

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Панчатантра» (*В. В. Иванов*) 307
Объяснение стихотворных размеров (*А. Я. Сыркин*) 324
Примечания (*А. Я. Сыркин*) 340
Именной указатель 365
Географический указатель 369
Предметный указатель 370

Панчатантра

*

Утверждено к печати
редколлегией серии «Литературные памятники»

*

Редактор Издательства *Д. П. Лбова*
Технический редактор *Н. И. Москвичева*
Оформление художника *А. В. Коврижкина*

*

РИСО АН СССР № 4-100В. Сдано в набор 20/II 1958 г. Подп. к печати 9/VI 1958 г. Формат бум. 70×92 1/16. Печ. л. 23 1/2=27,49 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 12 000. Изд. № 2518. Тип. зак. № 595.
Цена 12 р. 80 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
51	15 св.	«привязанностью	«привязанностью»
74	15 св.	vaṁça	vaṁça Коль над слугой потомственным пришелец будет вознесен, | То это — худшее из зол, страну ведущих к гибели. (237)
103	2 сн.	того?»	того?
206	14 св.	цветка	цвета
237	10 сн.	||	|
289	13 сн.	||	|
303	3 св.	||	|
303	1 сн.	53	54
318	10 сн.	Pūrnabhadra	Pūrṇabhadra
333	12 св.	PRAHARṢINĪ	PRAHARṢIṆĪ
336	11 сн.	kuhakasakito	kuhakacakito
359	15 сн.	Jālapada	Jālapāda
363	17 св.	bhasa	bhāṣa